

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

ПЕЧАТНЫЙ ОРГАН ТУЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

ВЫХОДИТ

ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАЕТСЯ В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЖУРНАЛ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ

2026 — 2(81)

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

Когда поэзия не сдаётся (К 140-летию со дня рождения Николая Гумилева)..... 3

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПЬЕСА, ПОВЕСТЬ, ОЧЕРК

Рагим Мусаев. «Пряники» для Гитлера: драма в 2-х действиях на основе реальных событий..... 21

Евгений Асташкин. Отрывки из романа «Мертвый город-3»..... 42

Александр Палладин. По ухабам памяти..... 53

Игорь Родин. Жизнь..... 68

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Максим Ершов. Начальник Бутырки..... 83

Михаил Смирнов. Горький привкус..... 94

Геннадий Маркин. Николай и Мыкола..... 105

Владимир Лебедев. Фенька..... 114

Николай Макаров. Тульские танкисты в Афганистане: и танкист, и разведчик..... 123

Александр Александров. Пара капель..... 131

Валерий Маслов. Операция «Труба»..... 141

Сергей Малюков. Из книги «Реквием по Грозному»..... 147

Дмитрий Тарасов. Дорогой..... 153

Владимир Тарасов. Погорелец..... 165

Екатерина Лунева. Как мама..... 172

Анастасия Сизова. Проводник..... 177

Алексей Яшин. Триолеты в прозе из цикла «А роза упала на лапу Азора»..... 179

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Владимир Хохлев. «Детство...»..... 195

Юлия Зими́на-Кондакова. «Долетел до Берлина...»..... 198

Евгений Трещев. «Такова жизнь...»..... 201

Яков Шафран. Жизни марафон..... 203

Николай Тимохин. Поэтические переводы..... 207

Олег Пантюхин. Город счастья..... 210

Елена Колесникова. «Лилии...»..... 212

Кристина Колобаева. «Мелкими искрами светится двор...».....	214
Михаил Турбин. «Образ твой всплывает отовсюду...».....	216
Людмила Авдеева. Владимир Жириновский, с Юбилеем!.....	218
Рашид Закиров. «Вольный город...».....	220
Дмитрий Ермолаев. Новые стихотворения.....	222
Виктория Ткач. «Поминальный день...».....	226
Анна Клентак. «Средь тысяч стран и миллион людей...».....	229
Екатерина Лунева. «Луна неяркая была...».....	230
Владислав Звягин. «Снежное...».....	232
«Сражающееся Слово».....	235
ALTER EGO: РАССКАЗЫ ЛЮДЕЙ УВЛЕЧЕННЫХ	
Алексей Третьяков. Радиолубительская почта: двойной артефакт прошедшей эпохи.....	244
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Владислава Васильева. Где вы, мастера культуры? (Обзор тульской прозы 2024—2025 гг.)....	251
Николай Тимохин. «Звездное интервью» (Михаил Шабров. Не считаю себя поэтом).....	257
Иван Плешаков. 300 лет служения Отечеству (публикацию подготовила Елена Кусая).....	262
Ирина Лесная-Иванова. Философия в диалогах: отзыв на книгу Игоря Отчика	
«Беседы шалопаев, или Золотые семидесятые».....	266
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ	273

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Ответственность за опубликованные материалы несут авторы. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — astashkin_55@mail.ru; поэзия — timohin63@yandex.kz
E-mail и телефон редакции: prlok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Литературный шеф-редактор Алексей ЯШИН, член правления АРЛ
Ответственный редактор-секретарь Яков ШАФРАН
Ответственный оргредактор Николай ЖУКОВ, председатель ТРО СПР
Руководитель творческого совета журнала Геннадий МАРКИН

Редакция:

Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
 Евгений АСТАШКИН (Омск) — зав. отделом прозы
 Владислава ВАСИЛЬЕВА (Узловая)
 Людмила ВОРОБЬЕВА (Минск, Белоруссия)
 Андрей ГАЛКИН (Тула) — зав. отделом театральных текстов
 Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) — зав. отделом Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
 Игорь КАРЛОВ (Стамбул, Турция) — зав. отделом международных связей
 Егор КОЗЛОВ (Тула) — главный редактор альманаха «На крыльях Пегаса»
 Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
 Николай МАКАРОВ (Тула)
 Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
 Валерий САВОСТЬЯНОВ (Тула)
 Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
 Евгений СКОБЛОВ (Москва) — председатель Правления АРЛ
 Николай ТИМОХИН (Семипалатинск, Казахстан) — зав. отделом поэзии
 Евгений ТРЕЩЕВ (Щекино) — зав. отделом краеведения
 Владимир ТРУСОВ (Санкт-Петербург) — зав. отделом критики и литературоведения
 Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
 Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — Почетный президент АРЛ
 Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
 Художник Олеся ЯНГОЛ (Тула)
 Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
 WEB-мастер Оксана Митюшкина (Тула)
 Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:

— журнал «Северо-Муйские огни» (Бурятия)
 — журнал «Истоки» (Красноярский край)
 — журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
 — журнал «Новая Немига литературная» (Минск, Белоруссия)
 — журнал «Западная Двина» (Минск, Белоруссия)
 — альманах «Московский Парнас»
 — газета «День литературы» (Москва)
 — поэтическое издательство «Образ» (Москва)
 — журнал «АлександрЪ» (Москва)

Журнал издается Тульским региональным отделением Союза писателей России при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы (АРЛ) и Тульского госуниверситета.

Полные тексты журнала и его альманаха «Ковчег» публикуются на сайтах Интернета (в PDF-формате):
<http://www.pz.tula.ru>
<http://www.tro-spr.ru>
 Портал «Журнальный зал»:
<https://magazines.gorky.media/page/portal-zh>

Согласно постановлению Правления СПР, публикации в «Приокских зорях» засчитываются при приеме в СПР.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

КОГДА ПОЭЗИЯ НЕ СДАЕТСЯ

К 140-летию со дня рождения Николая Гумилева (1886 — 1921)

Приступая к написанию данной статьи, считаю необходимым уточнить, что она не является всесторонне подробным биографическим очерком, не содержит около творческих фактов, напрямую с оным не связанных, и посвящена прежде всего поэзии Николая Степановича Гумилева. Я хочу лишь напомнить о выдающемся поэте и его стихах, дать прежде всего картину развития поэзии Гумилева, и о прочем, с данным направлением связанном. И, безусловно, выразить свое мнение о Николае Степановиче, поэте и гражданине, отважном и мужественном. О прочем, ежели угодно, можно без труда узнать в других источниках. Поэтому подробное описание отношений Гумилева с Анной Ахматовой (Горенко), Максимилианом Волошиным, и тому подобное, в статье, если и упоминаются, то весьма пунктирно. Также статья не является, ни в коей мере, исходно дискуссионным материалом. Любые иные мнения по поводу оценки жизни и творчества Н. С. Гумилева, не вызовут у меня негативных реакций. Каждый вправе иметь свою точку зрения. И все-таки...

Странно и досадно было мне читать недавно реплику знакомой поэтессы (кстати, весьма одаренной и уже вполне состоявшейся), которая содержала такой вот взбрык: мол, мне до лампочки, что там ваш Гумилев наворотел, я с символистами и за символизм. Ничего не имея против символистов, в частности, я искренне не понял выпада в сторону Николая Степановича, возмущившего мою коллегу и даже ей мешающему тем, что он, видите ли, соизволил «навертеть». Думаю, что сие изречение из тех, где эмоции явно преобладают над смыслом, и понимать подобное буквально даже не пытаюсь. Однако же, на мой взгляд, совершенно не случайно упомянут был, хоть и с раздражением, именно Гумилев, ибо масштаб личности его как в творчестве, так и в жизни в целом, таков, что обойти или не заметить его попросту невозможно.

«Здесь нет поэта Гумилева, здесь есть офицер Гумилев!», — реплика сия, вне всякого сомнения, останется в веках, как свидетельство мужества и стойкости перед лицом неминуемой гибели, как пример сохранения чести и достоинства до последнего вздоха, как непререкаемый факт верности долгу, присяге, воинскому братству, и, несомненно, преданности избранному пути также и в творчестве.

Для меня творчество Николай Степановича по-настоящему начинается с «Волшебной скрипки», стихотворения раннего, явно не самого совершенного, но ставшего своеобразным манифестом поэта, стихотворения честного и очень безжалостного. С предельной ясностью это произведение трактует суть творчества, ибо художник всегда одинок, он всегда лицом к лицу со своими «демонами», его участь всегда требует жертв, порой даже неуловимых не только для посторонних, но и для родных и близких; «Волшебная скрипка», на мой взгляд, при всей своей, кажущейся нарочитой, ирреальности, по сути, абсолютно реальна и правдива. В этом произведении молодой Гумилев безошибочно угадал или предсказал очень характерный, для многих творческих личностей, финал, и диапазон толкования последних строк «Волшебной скрипки» практически беспределен, так или иначе, хотим мы этого или нет. Потому что, давайте не будем кривить душой, авторская правота в данном случае практиче-

ски абсолютна, и от этого ощущения меня, например, при очередном прочтении этого стихотворения, дрожь пробивает, против воли, пробивает и все.

*Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка,
Не проси об этом счастье, отравляющем миры,
Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка,
Что такое темный ужас начинателя игры!*

*Тот, кто взял ее однажды в повелительные руки,
У того исчез навеки безмятежный свет очей,
Духи ада любят слушать эти царственные звуки,
Бродят бешеные волки по дороге скрипачей.*

*Надо вечно петь и плакать этим струнам, звонким струнам,
Вечно должен биться, виться обезумевший смычок,
И под солнцем, и под вьюгой, под белеющим буруном,
И когда пылает запад и когда горит восток.*

*Ты устанешь и замедлишь, и на миг прервется пенье,
И уж ты не сможешь крикнуть, шевельнуться и вздохнуть,—
Тотчас бешеные волки в кровожадном иступлении
В горло вцепятся зубами, встанут лапами на грудь.*

*Ты поймешь тогда, как злобно насмеялось все, что пело,
В очи глянет запоздалый, но властительный испуг.
И тоскливый смертный холод обовьет, как тканью, тело,
И невеста зарыдает, и задумается друг.*

*Мальчик, дальше! Здесь не встретишь ни веселья, ни сокровищ!
Но я вижу — ты смеешься, эти взоры — два луча.
На, владей волшебной скрипкой, посмотри в глаза чудовищ
И погибни славной смертью, страшной смертью скрипача!
1908 г.*

Николаю Гумилеву было явно тесно в той же «Башне» Вячеслава Иванова, не вполне пришелся он там ко двору, даже добившись относительного признания у старших коллег, но, я думаю, что молодой человек и при полной доброжелательности, в силу своей сущности, в силу качеств характера, не задержался бы в кругу символистов. Его стезя лежала в иных сферах и пространствах, его волновали иные направления, и он стал ярким примером того, как человек не просто использовал свой Божий дар, а, обнаружив его, этим не удовлетворился, довольно критически оценивая себя изначально, сумел развить дарование, в буквальном смысле, во многом «сделав себя сам», наперекор всему, и создал не только поэтическую школу акмеизма, не только знаменитый «Цех поэтов», но свои миры, свой космос, сочетая талант поэтический с человеческим мужеством, отвагой и стойкостью. Можно долго и подробно рассуждать на тему различий поэтических течений Серебряного века, но, думаю мне, сие в рамках обозначенной темы, совершенно не имеет смысла. Гумилеву было тесно не только в «Башне», его творчество не уложишь и в рамки акмеизма. И между «Волшебной скрипкой» и еще одним его этапным стихотворением, я имею в виду «Заблудившийся трамвай», лежит целая жизнь, действительно насыщенная и богатая событиями, и свершениями, жизнь, уместившаяся в двенадцать лет, и в следующем, после написания этого стихотворения, году, внезапно и столь трагично

оборванная рукой палача. Я считаю необходимым и обязательным привести здесь текст «Заблудившегося трамвая» полностью.

*Шел я по улице незнакомой
И вдруг услышал вороний грай,
И звоны лютни, и дальние громы,
Передо мною летел трамвай.
Как я вскочил на его подножку,
Было загадкою для меня,
В воздухе огненную дорожку
Он оставлял и при свете дня.
Мчался он бурей темной, крылатой,
Он заблудился в бездне времен...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон!
Поздно. Уж мы обогнули стену,
Мы проскочили сквозь роццу пальм,
Через Неву, через Нил и Сену
Мы прогремели по трем мостам.
И, промелькнув у оконной рамы,
Бросил нам вслед пытливый взгляд
Нищий старик, — конечно, тот самый,
Что умер в Бейруте год назад.
Где я? Так томно и так тревожно
Сердце мое стучит в ответ:
«Видишь вокзал, на котором можно
В Индию Духа купить билет?»
Вывеска... кровью налитые буквы
Гласят — зеленная, — знаю, тут
Вместо капусты и вместо брюквы
Мертвые головы продают.
В красной рубашке с лицом, как вымя,
Голову срезал палач и мне,
Она лежала вместе с другими
Здесь в ящичке скользком, на самом дне.
А в переулке забор дощатый,
Дом в три окна и серый газон...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон!
Машенька, ты здесь жила и пела,
Мне, жениху, ковер ткала,
Где же теперь твой голос и тело,
Может ли быть, что ты умерла?
Как ты стонала в своей светлице,
Я же с напудренной косой
Шел представляться Императрице
И не увиделся вновь с тобой.
Понял теперь я: наша свобода
Только оттуда бьющий свет,
Люди и тени стоят у входа
В зоологический сад планет.
И сразу ветер знакомый и сладкий*

*И за мостом летит на меня,
Всадника длань в железной перчатке
И два копыта его коня.
Верной твердынею православья
Врезан Исакий в вышине,
Там отслужу молебен о здравьи
Машеньки и панихиду по мне.
И все ж навеки сердце угрюмо,
И трудно дышать, и больно жить...
Машенька, я никогда не думал,
Что можно так любить и грустить!
1920 г.*

Только вот ведь какая интересная особенность отмечается при прочтении этого произведения — кажущаяся эклектика и намеренный сумбур содержания удивительным образом способствуют вполне органичному восприятию смысла и созданию мозаичного, но вполне стройного впечатления времени, и ощущений человека, в это время погруженного. Отчего бы? А все оттого, что «трамвай» Николая Гумилева всегда шел своим, особым, маршрутом и в конце концов не заблудился.

Николай Гумилев родился 3 [15] апреля 1886, в Кронштадте в дворянской семье корабельного врача Степана Яковлевича Гумилева (1836—1910) и его супруги — Анны Ивановны, урожденной Львовой (1854—1941). В детстве Николай Гумилев был слабым и болезненным ребенком: его постоянно мучили головные боли, он плохо переносил шум. Со слов Анны Ахматовой («Труды и дни Н. Гумилева», т. II) свое первое четверостишие о прекрасной Ниагаре будущий поэт написал в шесть лет [13]. В Царскосельскую гимназию он поступил осенью 1894 года, однако, проучившись лишь несколько месяцев, из-за болезни перешел на домашнее обучение.

Осенью 1895 года Гумилевы переехали из Царского Села в Петербург, наняли квартиру в доме купца Н. В. Шалина на углу Дегтярной и 3-й Рождественской улиц, и в следующем году Николай Гумилев стал учиться в гимназии Гуревича. В 1900 году у старшего брата Дмитрия (1884—1922) обнаружился туберкулез, и Гумилевы уехали на Кавказ, в Тифлис. В связи с переездом Николай поступил второй раз в IV класс, во 2-ю Тифлисскую гимназию, но через полгода, 5 января 1901 года, был переведен в 1-ю Тифлисскую мужскую гимназию. Здесь в «Тифлисском листке» 1902 года впервые было опубликовано стихотворение Н. Гумилева «Я в лес бежал из городов...».

В 1903 году Гумилевы возвратились в Царское Село, и Николай Гумилев вновь поступил в Царскосельскую гимназию (в VII класс). Учился он плохо и однажды даже был на грани отчисления, но директор гимназии И. Ф. Анненский настоял на том, чтобы оставить ученика на второй год: «Все это правда, но ведь он пишет стихи». Весной 1906 года Николай Гумилев все-таки сдал выпускные экзамены и 30 мая получил аттестат зрелости № 544, в котором значилась единственная пятерка — по логике.

За год до окончания гимназии на средства родителей была издана первая книга его стихов «Путь конквистадоров». Этот сборник удостоил своей отдельной рецензией Брюсов, один из авторитетнейших поэтов того времени. Хотя рецензия не была хвалебной, мэтр завершил ее словами «Предположим, что она [книга] только „путь“ нового конквистадора и что его победы и завоевания — впереди», именно после этого между Брюсовым и Гумилевым завязывается переписка. Долгое время Гумилев считал Брюсова своим учителем, брюсовские мотивы прослеживаются во многих его стихах (самый известный из них — «Волшебная скрипка», впрочем, Брюсову и посвященный). Мэтр же долгое время покровительствовал молодому поэту и относился к нему, в отличие от большинства своих учеников, добро, почти по-отчески.

После окончания гимназии двадцатилетний Гумилев в 1906 году уехал учиться в Сорбонну.

*Я конквистадор в панцире железном,
Я весело преследую звезду,
Я прохожу по пропастям и безднам
И отдыхаю в радостном саду.
Как смутно в небе диком и беззвездном!
Растет туман... но я молчу и жду
И верю, я любовь свою найду...
Я конквистадор в панцире железном.
И если нет полдневных слов звездам,
Тогда я сам мечту свою создам
И песней битв любовно зачарую.
Я пропастям и бурям вечный брат,
Но я вплету в воинственный наряд
Звезду долин, лилею голубую.*

С 1906 года Николай Гумилев жил в Париже: слушал лекции по французской литературе в Сорбонне, изучал живопись и также много путешествовал. Побывал в Италии. Находясь в Париже, издавал литературный журнал «Сириус» (в котором дебютировала Анна Ахматова), но вышло только 3 номера журнала. Посещал выставки, знакомился с французскими и русскими писателями, состоял в интенсивной переписке с Брюсовым, которому посылал свои стихи, статьи, рассказы. В Сорбонне Гумилев познакомился с молодой поэтессой Елизаветой Дмитриевой. Эта мимолетная встреча через несколько лет сыграла драматическую роль в судьбе поэта.

В Париже Брюсов рекомендовал Гумилева таким знаменитым поэтам, как Мережковский, Гиппиус, Белый и другие, однако мэтры небрежно отнеслись к молодому таланту. В 1908 году поэт «отомстил» за обиду, анонимно послав им стихотворение «Андрогин». Оно получило крайне благосклонный отзыв. Мережковский и Гиппиус высказали желание познакомиться с автором.

*Тебе никогда не устанем молиться,
Немыслимо-дивное Бог-Существо.
Мы знаем, Ты здесь, Ты готов проявиться,
Мы верим, мы верим в Твое торжество.
Подруга, я вижу, ты жертвуешь много,
Ты в жертву приносишь себя самое,
Ты тело даешь для Великого Бога,
Изысканно-нежное тело свое.
Спеши же, подруга! Как духи, нагими,
Должны мы исполнить старинный обет,
Шепнуть, задыхаясь, забытое Имя
И, вздрогнув, услышать желанный ответ.
Я вижу, ты медлишь, смущаешься... Что же?!
Пусть двое погибнут, чтоб ожил один,
Чтоб странным и светлым с безумного ложа,
Как феникс из пламени, встал Андрогин.
И воздух — как роза, и мы — как виденья,
То близок к отчизне своей пилигрим...
И верь! Не коснется до нас наслажденье
Бичом оскорбительно-жгучим своим.*

Вполне возможно, что сегодня это стихотворение не производит должного впечатления на читателя, но ранний Гумилев — это, что называется, сложный старт, это неровный путь, это поиск, это сосредоточение и накопление энергетики, самовоспитание и совершенствование дарования, поэтому и относится к его произведениям начального периода творчества надо с пониманием, ибо главное еще впереди.

В 1907 году, в апреле, Гумилев вернулся в Россию, чтобы пройти призывную комиссию. Он был освобожден от воинской повинности по причине астигматизма глаз. На родине молодой поэт встретился с учителем, Брюсовым, и с Анной Горенко, к которой уже питал нежные чувства. В июле он из Севастополя отправился в свое первое путешествие по Леванту и в конце июля вернулся в Париж. О том, как прошло путешествие, нет никаких сведений, кроме писем Брюсову.

«...После нашей встречи я был в Рязанской губернии, в Петербурге, две недели прожил в Крыму, неделю в Константинополе, в Смирне, имел мимолетный роман с какой-то гречанкой, воевал с апашами в Марселе и только вчера, не знаю как, не знаю зачем, очутился в Париже...». Есть версия, что именно тогда Гумилев впервые побывал в Африке, об этом также свидетельствует стихотворение «Эзбекие», написанное в 1917 году (Как странно — ровно десять лет прошло // С тех пор, как я увидел Эзбекие). Однако хронологически это маловероятно.

В 1908 году в Париже Гумилев издал свою вторую книгу стихов, сборник «Романтические цветы», с посвящением Анне Андреевне Горенко. Сергей Маковский писал о нем: «Стихотворения показали мне довольно слабыми даже для ранней книжки. Однако за исключением одного — „Баллады“; оно поразило меня трагическим тоном». Не вызвал сборник восторгов или даже одобрения и у Анны Горенко. Однако же я не стал бы столь категорично судить о «Романтических цветах» и поэтому предлагаю вашему вниманию другое стихотворение.

*Одиноко-незрячее солнце смотрело на страны,
Где безумье и ужас от века застыли на всем,
Где гора в отдалении казалась взъерошенным псом,
Где клокочущей черною медью дышали вулканы.
Были сумерки мира.
Но на небе внезапно качнулась широкая тень,
И кометы, что мчались, как волки свирепы и грубы,
И шибились друг с другом, оскалив железные зубы,
Закружились, встревоженным воем приветствуя день.
Был испуг ожидания.
И в терновом венке, под которым сочилась кровь,
Вышла тонкая девушка, нежная в синем сиянии,
И серебряным плугом упорную взрезала новь,
Сочетанья планет ей назначили имя: Страданье.
Это было спасенье.*

На деньги, полученные за сборник, а также на скопленные средства родителей, он отправляется во второе путешествие. Прибыл в Синоп, где 4 дня пришлось стоять на карантине, оттуда в Стамбул. После Турции Гумилев посетил Грецию, затем отправился в Египет, где и посетил Эзбекие. В Каире у путешественника неожиданно кончились деньги, и он вынужден был поехать обратно.

Африка еще с детства привлекала Гумилева, его вдохновляли подвиги русских офицеров-добровольцев в Абиссинии (позднее он даже повторит маршрут Александра Булатовича и частично маршруты Николая Леонтьева). Несмотря на это, решение отправиться туда пришло внезапно, и осенью 1909 года он отправляется в Одессу, оттуда — в Джибути, затем в Абиссинию. Подробности этого путешествия неизвест-

ны. Известно лишь, что он побывал в Аддис-Абебе на парадном приеме у негуса. Можно считать доказанными дружеские отношения взаимной симпатии, возникшие между молодым Гумилевым и умудренным опытом Менеликом II. В статье «Умер ли Менелик?» поэт обрисовал происходившие при троне смуты и раскрыл личное отношение к происходящему.

А в Санкт-Петербурге Гумилев посещает знаменитую «Башню» Вячеслава Иванова и Общество ревнителей художественного слова, где заводит множество новых литературных знакомств. И в 1909 году вместе с Сергеем Маковским Гумилев организует иллюстрированный журнал по вопросам изобразительного искусства, музыки, театра и литературы «Аполлон», в котором начинает заведовать литературно-критическим отделом, печатает свои знаменитые «Письма о русской поэзии».

Весной того же года Гумилев вновь встречается Елизавету Дмитриеву, у них завязывается роман. Со слов Дмитриевой, Гумилев даже предлагал поэтессе выйти за него замуж. Но Дмитриева предпочитает Гумилеву другого поэта и его коллегу по редакции «Аполлона» — Максимилиана Волошина. Переводчик Иоганнес фон Гюнтер, поверивший в версию Дмитриевой, устроил «16 или 17 ноября» встречу между Гумилевым и Дмитриевой на квартире ее подруги, надеясь на примирение «возлюбленных». Гумилев пришел и сказал следующее: «Мадемуазель, <...> вы распространяете ложь, будто я собирался жениться на вас. Вы были моей метреской. На такового не женятся. Это я хотел вам сказать». Осенью, когда скандально разоблачается личность «Черубины де Габриак» — литературной мистификации Волошина и Дмитриевой, Гумилев якобы, по свидетельству Дмитриевой, позволил себе нелестно высказаться о поэтессе, Волошин наносит ему публичное оскорбление (дает пощечину) и получает вызов. Дуэль состоялась на Черной речке 22 ноября 1909 года, и новость о ней попала во многие столичные журналы и газеты. Стрелялись на кремневых гладкоствольных пистолетах пушкинского времени, оба поэта остались невредимы: Гумилев выстрелил вверх, Волошин стрелял — две осечки. Гумилев настаивал на третьей попытке, но секунданты объявили дуэль завершенной. Дуэлянты не подали друг другу руки — их следующая встреча и примирение состоится только в 1921 году в Феодосии. Воспоминания Волошина о последнем замечании Гумилева: «Но я <этого> не говорил. Вы поверили словам той сумасшедшей женщины... Впрочем... если Вы не удовлетворены, то я могу отвечать за свои слова, как тогда...» Это были последние слова, сказанные между ними.

Если честно, для меня вся описанная коллизия вообще не является особенно интересной, и приведена она здесь больше для общего сведения, мол, ничто человеческое никому не чуждо, дело молодое и прочая.

В 1910 году вышел сборник «Жемчуга», в который, как одна из частей, были включены «Романтические цветы». В состав «Жемчугов» входит поэма «Капитаны», одно из известнейших произведений Николая Гумилева. Сборник получил хвалебные отзывы В. Брюсова, В. Иванова, И. Анненского и других критиков, хотя его называли «еще ученической книгой». Однако же, нельзя не признать, что «ученичество» это шло успешно и довольно быстро.

В моих садах — цветы, в твоих — печаль.

Приди ко мне, прекрасною печалью

Заворожи, как дымчатой вуалью,

Моих садов мучительную даль.

Ты — лепесток иранских белых роз,

Войди сюда, в сады моих томлений,

Чтоб не было порывистых движений,

Чтоб музыка была пластичных поз,

Чтоб пронеслось с уступа на уступ

*Задумчивое имя Беатриче
И чтоб не хор мэнад, а хор девичий
Пел красоту твоих печальных губ.*

25 апреля 1910 года, после трех лет колебаний, назовем сие так, он наконец женился: в Николаевской церкви села Никольская слободка, в предместье города Киева, Гумилев обвенчался с Анной Андреевной Горенко (Ахматовой).

В 1911 году при активнейшем участии Гумилева был основан «Цех поэтов», в который, кроме Гумилева, входили Анна Ахматова, Осип Мандельштам, Владимир Нарбут, Сергей Городецкий, Елизавета Кузьмина-Караваева (будущая «Мать Мария»), Зенкевич и другие. В это время символизм переживал кризис, который молодые поэты стремились преодолеть. Поэзию они провозгласили ремеслом, а всех поэтов разделили на мастеров и подмастерьев. В «Цехе» мастерами, или «синдиками», считались Городецкий и Гумилев. Первоначально «Цех» не имел четкой литературной направленности. На первом заседании, которое состоялось на квартире у Городецкого, были Пяст, Блок с женой, Ахматова и другие. Блок писал об этом заседании: «Безалаберный и милый вечер... Молодежь. Анна Ахматова. Разговор с Н. С. Гумилевым и его хорошие стихи... Было весело и просто. С молодыми добреешь».

В 1912 году Гумилев заявил о появлении нового художественного течения — акмеизма, в которое оказались включены члены «Цеха поэтов». Акмеизм провозглашал материальность, предметность тематики и образов, точность слова. Появление нового течения вызвало бурную реакцию, по большей части негативную. В том же году акмеисты открывают собственное издательство «Гиперборей» и одноименный журнал. Гумилев поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где изучал старофранцузскую поэзию.

В этом же году был издан поэтический сборник «Чужое небо», в котором, в частности, были напечатаны первая, вторая и третья песни поэмы «Открытие Америки».

*Я, верно, болен: на сердце туман,
Мне скучно все, и люди, и рассказы,
Мне снятся королевские алмазы
И весь в крови широкий ятаган.
Мне чудится (и это не обман),
Мой предок был татарин косоглазый,
Свирепый гунн... я веяньем заразы,
Через века дошедшей, обуян.
Молчу, томлюсь, и отступают стены —
Вот океан весь в клочьях белой пены,
Закатным солнцем залитый гранит,
И город с голубыми куполами,
С цветущими жасминными садами,
Мы дрались там... Ах, да! я был убит.*

1 октября 1912 года у Анны и Николая Гумилевых родился сын Лев.

А в 1913 г. состоялась вторая экспедиция в Абиссинию. Она была организована лучше и согласована с Академией наук. Сначала Гумилев хотел пересечь Данакильскую пустыню, изучить малоизвестные племена и попытаться их цивилизовать, но Академия отклонила этот маршрут как дорогостоящий, и поэт вынужден был предложить новый маршрут:

«Я должен был отправиться в порт Джибутти <...> оттуда по железной дороге к Харрару, потом, составив караван, на юг, в область между Сомалийским полуостровом и озерами Рудольфа, Маргариты, Звай; захватить возможно большой район исследования».

Вместе с Гумилевым в качестве фотографа в Африку поехал его племянник Николай Сверчков.

Сначала Гумилев отправился в Одессу, затем в Стамбул. Там Гумилев познакомился с турецким консулом Мозар-беем, ехавшим в Харар; путь они продолжили вместе. Из Стамбула они направились в Египет, оттуда — в Джибути. Путники должны были отправиться вглубь страны по железной дороге, но через 260 км поезд остановился из-за того, что дожди размыли путь. Большая часть пассажиров вернулась, но Гумилев, Сверчков и Мозар-бей выпросили у рабочих дрезину и проехали 80 км поврежденного пути на ней. Приехав в Дире-Дауа, поэт нанял переводчика и отправился караваном в Харар. В Хараре Гумилев не без осложнений купил мулов, там же он познакомился с расом Тэфэри (тогда — губернатор Харара, впоследствии император Хайле Селассие I; приверженцы растафарианства считают его воплощением Господа — Джа). Поэт подарил будущему императору ящик вермута и сфотографировал его, его жену и сестру. В Хараре Гумилев начал собирать свою коллекцию. Из Харара путь лежал через малоизученные земли галла в селение Шейх-Гуссейн. По пути пришлось переправляться через быстроводную реку Уаби, где Николая Сверчкова чуть не утащил крокодил. Вскоре начались проблемы с провизией. Гумилев вынужден был охотиться для добычи пропитания. Когда цель была достигнута, вождь и духовный наставник Шейх-Гуссейна Аба-Муда прислал экспедиции провизию и тепло принял ее. Вот как описал его Гумилев:

*Жирный негр восседал на персидских коврах
В полутемной неубранной зале,
Точно идол, в браслетах, серьгах и перстнях,
Лишь глаза его дивно сверкали.*

Там Гумилеву показали гробницу святого Шейх-Гуссейна, в честь которого и был назван город. Там была пещера, из которой, по преданию, не мог выбраться грешник. Записав житие Шейх-Гуссейна, экспедиция двинулась в город Гинир. Пополнив коллекцию и набрав в Гинире воды, путешественники пошли на запад, в тяжелейший путь к деревне Матакуа. Дальнейшая судьба экспедиции неизвестна, африканский дневник Гумилева прерывается на слове «Дорога...» 26 июля. По некоторым данным, 11 августа измученная экспедиция дошла в долину Дера, где Гумилев остановился в доме родителей некоего Х. Мариам. Он лечил хозяйку от малярии, освободил наказанного раба, и родители назвали в честь него родившегося сына. Однако в рассказе абиссинца есть хронологические неточности. Как бы то ни было, Гумилев благополучно добрался до Харара и в середине августа уже был в Джибути, но из-за финансовых трудностей застрял там на три недели. В Россию он вернулся 1 сентября, передав в Музей антропологии и этнографии (Кунсткамеру) в Санкт-Петербурге богатую коллекцию.

*Как собака на цепи тяжелой,
Тявкает за лесом пулемет,
И жужжат шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко-красный мед.
А «ура» вдали — как будто пенье
Трудный день окончивших жнецов.
Скажешь: это — мирное селенье
В самый благодатный из вечеров.
И воистину светло и свято
Дело величавое войны.
Серафимы, ясны и крылаты,*

*За плечами воинов видны,
Тружеников, медленно идущих,
На полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, Господи, благослови.
Как у тех, что гнутся над сохой,
Как у тех, что молят и скорбят,
Их сердца горят перед Тобою,
Восковыми свечками горят.
Но тому, о, Господи, и силы
И победы царский час даруй,
Кто поверженному скажет: «Милый,
Вот, прими мой братский поцелуй!»
1914 г.*

Начало 1914 года было тяжелым для поэта: перестал существовать цех, возникли сложности в отношениях с Ахматовой, наскучила богемная жизнь, которую он вел, вернувшись из Африки.

После начала Первой мировой войны в начале августа 1914 года Гумилев записался добровольцем в армию. Вместе с Николаем на войну (по призыву) ушел и его брат Дмитрий Гумилев, который был контужен в бою и умер в 1922 году. Примечательно, что хотя почти все именитые поэты того времени слагали или патриотические, или военные стихи, в боевых действиях добровольцами участвовали лишь двое: Гумилев и Бенедикт Лившиц.

Гумилев был зачислен вольноопределяющимся и направлен для прохождения обучения в Гвардейский запасной кавалерийский полк, располагавшийся в Кречевицах под Новгородом. В конце сентября 1914 года он прибыл с маршевым эскадром в Лейб-Гвардии Уланский Ее Величества полк, который тогда располагался в Литве, у границы с Восточной Пруссией.

В октябре 1914 года он со своим полком участвовал во вторжении в Восточную Пруссию, затем, в ноябре 1914 года, полк был переброшен на территорию Царства Польского и участвовал в боях за Петроков. За ночную разведку Приказом по Гвардейскому кавалерийскому корпусу от 24 декабря 1914 года № 30 Гумилев был награжден Георгиевским крестом 4-й степени № 134060 и повышен в звании до ефрейтора. Крест был вручен ему 13 января 1915 года, а 15 января он был произведен в унтер-офицеры.

В конце февраля в результате непрерывных боевых действий и разъездов Гумилев простудился. Вот как Николай Степанович вспоминал об этом: «Мы наступали, выбивали немцев из деревень, ходили в разъезды, я тоже проделывал все это, но как во сне, то дрожа в ознобе, то сгорая в жару. Наконец, после одной ночи, в течение которой я, не выходя из халупы, совершил по крайней мере двадцать обходов и пятнадцать побегов из плена, я решил умереть температурой. Градусник показал 38,7».

*Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня.
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.
Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого, что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.
И залитые кровью недели*

*Ослепительны и легки.
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрее взлетают клинки.
Я кричу, и мой голос дикий.
Это медь ударяет в медь.
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.
Словно молоты громовые
Или волны гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.
И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.
1914 г.*

Месяц поэт лечился в Петрограде, потом вновь был возвращен на фронт, в свой полк, находившийся в Литве. В 1915 году, с апреля по июнь, хотя активных боевых действий не велось, Гумилев почти ежедневно участвовал в разведывательных разъездах. Затем Николай Гумилев воевал на Вольни. Здесь он прошел самые тяжкие военные испытания, получил 2-й Георгиевский крест, которым очень гордился. На это Анна Ахматова откликнулась несколько скептически:

*Долетают редко вести
К нашему крыльцу.
Подарили белый крестик
Твоему отцу.*

Так она писала маленькому сыну Льву. Не стану комментировать отношения Николая Гумилева и Анны Ахматовой, ни до брака, ни в браке. Это вне темы данной статьи, да и вообще, на мой взгляд, если и имеет некое отношение к творческому процессу, то весьма опосредованное.

6 июля 1915 года, года Великого, но героического и очень грамотно проводившего нашего отступления, началась масштабная атака противника. Была поставлена задача удерживать позиции до подхода пехоты, операция была проведена успешно, причем, было спасено несколько пулеметов, один из которых нес Гумилев. За это Приказом по Гвардейскому кавалерийскому корпусу от 5 декабря 1915 года № 1486 он награжден знаком отличия военного ордена Георгиевского креста 3-й степени № 108868. В сентябре 1915 года Гумилев был откомандирован в школу прапорщиков в Петрограде. Используя эту передышку, Гумилев вел активную литературную деятельность. 28 марта 1916 года приказом Главнокомандующего Западным фронтом № 3332 Гумилев был произведен в прапорщики с переводом в 5-й Гусарский Александрийский полк, куда и прибыл в апреле. В мае Гумилев вновь был эвакуирован в Петроград. Описанная в «Записках кавалериста» ночная скачка в жару стоила ему воспаления легких. Когда лечение почти закончилось, Гумилев без спроса вышел на мороз, в результате чего болезнь вновь обострилась. Врачи рекомендовали ему лечиться на юге. Гумилев уехал в Ялту. Однако на этом военная жизнь поэта не закончилась. 8 июля 1916 года он вновь уехал на фронт, вновь ненадолго. 17 августа приказом по полку № 240 Гумилев был командирован в Николаевское кавалерийское училище, в сентябре — октябре 1916 года сдавал экзамены на чин корнета, но не прошел его, не сдав экзамен по фортификации. Он снова отбыл на фронт и оставался

в окопах вплоть до января 1917 года. Также в 1916 году вышел сборник стихов «Колчан», в который вошли стихи на военную тему. Но, на мой взгляд, совершенно не случайно открывался сборник стихотворением памяти Иннокентия Анненского.

*К таким неожиданным и певучим бредням
Звя с собой умы людей,
Был Иннокентий Анненский последним
Из царскосельских лебедей.
Я помню дни: я, робкий, торопливый,
Входил в высокий кабинет,
Где ждал меня спокойный и учтивый,
Слегка седеющий поэт.
Десяток фраз, пленительных и странных,
Как бы случайно уроня,
Он вбрасывал в пространства безымянных
Мечтаний — слабого меня.
О, в сумрак отступающие вещи
И еле слышные духи,
И этот голос, нежный и злоеущий,
Уже читающий стихи!
В них плакала какая-то обида,
Звенела медь и шла гроза,
А там, над шкафом, профиль Эврипида
Слепил горящие глаза.
...Скамью я знаю в парке; мне сказали,
Что он любил сидеть на ней,
Задумчиво смотря, как сини дали
В червонном золоте аллея.
Там вечером и страшно, и красиво
В тумане светит мрамор плит,
И женщина, как серна боязлива,
Во тьме к прохожему спешит.
Она глядит, она поет и плачет,
И снова плачет и поет,
Не понимая, что все это значит,
Но только чувствуя — не тот.
Журчит вода, протачивая шлюзы,
Сырой травую пахнет мгла,
И жалок голос одинокой музы,
Последней — Царского Села.*

Николай Гумилев не мог не отдать должное, не быть благодарным своему старшему собрату по перу и во многом своему наставнику. И в этом стихотворении есть глубокий, истинный, лиризм, и даже какая-то дружеская нежность, смешанная с неизбыточной тоской по замечательному мастеру изящной словесности, во многом неповторимому.

В апреле 1917 года Гумилев был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, но поэт не успел его получить. В 1917 году Гумилев решил перевестись на Салоникский фронт и отправился в русский экспедиционный корпус в Париж. Во Францию он поехал северным маршрутом — через Швецию, Норвегию и Англию. В Лондоне Гумилев задержался на месяц, где познакомился с поэтом Уильямом Батлером Йейтсом и писателем Гилбертом Честертоном. Англию

Гумилев покинул в отличном настроении: бумага и типографские расходы оказались там гораздо дешевле, и «Гиперборей» он мог печатать там.

Прибыв в Париж, проходил службу в качестве адъютанта при комиссаре Временного правительства, и там же поэт влюбился в полурусскую-полуфранцуженку Елену Карловну дю Буше, дочь известного хирурга. Посвятил ей стихотворный сборник «К Синей звезде». Вскоре Гумилев перешел в 3-ю бригаду. Однако разложение армии чувствовалось и там. Вскоре 1-я и 2-я бригада подняли мятеж. Он был подавлен, причем Гумилев лично принимал участие в подавлении, многих солдат депортировали в Петроград, оставшихся объединили в одну особую бригаду. 22 января 1918 года Б. В. Анреп устроил его в шифровальный отдел Русского правительственного комитета. Там Гумилев проработал два месяца. Однако чиновничья работа не устраивала его, и 10 апреля 1918 года поэт отбывает в Россию. На пароходе из Гавра с ним плыл поэт Вадим Гарднер, они жили в одной каюте. 24—25 апреля прибыли в Мурманск, откуда они отправились в Петроград.

*Застонал я от сна дурного
И проснулся, тяжело скорбя,
Снилось мне: ты любишь другого,
И что он обидел тебя.
Я бежал от моей постели,
Как убийца от плахи своей,
И смотрел как тускло блестели
Фонари глазами зверей.
Ах, наверно таким бездомным
Не блуждал ни один человек
В эту ночь по улицам темным,
Как по руслам высохших рек.
Вот стою перед дверью твоею,
Не дано мне иного пути,
Хоть и знаю, что не посмею
Никогда в эту дверь войти.
Он обидел тебя, я знаю,
Хоть и было это лишь сном,
Но я все-таки умираю
Пред твоим закрытым окном.*

В 1918 году был издан сборник «Костер», а также африканская поэма «Мик». Прототипом Луи, обезьяньего царя, послужил Лев Гумилев. Время для выхода сказочной поэмы было неудачным, и она была встречена прохладно. К этому периоду относится его увлечение малайским пантуном, традиционной фольклорной формой малайской поэзии — часть пьесы «Дитя Аллаха» (1918) написана в форме «прошито-го пантун» (более сложной формы). 5 августа 1918 года состоялся развод с Анной Ахматовой. Отношения между поэтами разладились давно, но развестись с правом вновь вступить в брак до революции было невозможно. 8 августа 1918 года женился на Анне Николаевне Энгельгардт, дочери историка и литературоведа Н. А. Энгельгардта. В 1918—1920 годах Гумилев читал лекции о поэтическом творчестве в Институте живого слова.

В 1920 году был учрежден Петроградский отдел Всероссийского Союза поэтов, туда вошел и Гумилев. Формально главой Союза был избран Блок, поэтому фактически Союзом управляла «более чем пробольшевиcтски» настроенная группа во главе с поэтессой Надеждой Павлович. Под предлогом того, что в выборах председателя не было достигнуто кворума, были назначены перевыборы. Лагерь Павлович, считая,

что это простая формальность, согласился, однако на перевыборах была неожиданно выдвинута кандидатура Гумилева, который и победил с перевесом в один голос. Близкое участие в делах отдела принимал Горький. Когда возник горьковский план «История культуры в картинах» для издательства «Всемирная литература», Гумилев поддержал эти начинания. Его «Отравленная туника» пришлось как нельзя более кстати. Кроме того, Гумилев дал секции пьесы «Гондла», «Охота на носорога» и «Красота Морни». Судьба последней печальна: полный ее текст не сохранился.

В 1921 году Гумилев опубликовал два сборника стихов. Первый — «Шатер», написанный на основе впечатлений от путешествий по Африке. «Шатер» должен был стать первой частью грандиозного «учебника географии в стихах». В нем Гумилев планировал описать в рифму всю обитаемую сушу. Второй сборник — «Огненный столп», в который вошли такие значительные произведения, как «Слово», «Шестое чувство», «Мои читатели». Многие считают, что «Огненный столп» — вершинный сборник поэта. С весны 1921 года Гумилев руководил студией «Звучащая раковина», где делился опытом и знаниями с молодыми поэтами, читал лекции о поэтике. Живя в Советской России, Гумилев не скрывал своих религиозных и политических взглядов — он открыто крестился на храмы, заявлял о своих воззрениях. Так, на одном из поэтических вечеров он на вопрос из зала — «каковы ваши политические убеждения?» — ответил: «Я убежденный монархист».

*В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.
И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.
А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому, что все оттенки смысла
Умное число передает.
Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро, и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.
Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово это Бог.
Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.*

«Слово» — едва ли не самое значительное из стихотворений, составивших «Огненный столп». Это тоже своего рода манифест, провозглашающий единение веры и поэзии воедино, как основ существования автора. В нем предельная точность формулировок сочетается со строгой поэтичностью изложения, и в этом весь Николай Гумилев, умевший, не утяжеляя слога, наполнить произведение смыслами и чувствами, порой скрытыми под значимыми определениями, но оставляющие ощущение огня, полыхающего втуне, тем не менее живого, обжигающего, не дающего успокоиться

душе и сердцу и, вместе с тем, поддерживающего веру в светлое и чистое начало, веру в Создателя.

3 августа 1921 года Николай Гумилев был арестован по обвинению в участии в заговоре «Петроградской боевой организации В. Н. Таганцева». (Кровавая эта провокация, где желаемое для инициаторов так называемого дела было выдана за действительное, в результате чего погибли совершенно невинные люди, ни сном, ни духом не ведавшие, за что их истязают и убивают. Одним из главных зачинщиков «раскрытия заговора» был видный чекист Яков Саулович (Янкель Шевелевич (Шмаевич)) Агранов, впоследствии первый заместитель председателя ОГПУ-наркома НКВД СССР, расстрелянный в 1938 году). В данном случае я привожу свое личное мнение об этой трагической коллизии, которое в главном совпадает с официальным заключением, которое будет приведено ниже. Однако же, до нас дошли свидетельства самого Якова Агранова о том, как стоически умирал Николай Гумилев, о том, что еще на допросе сам чекист на полном серьезе предлагал поэту перейти на службу в ВЧК, поскольку «такие храбрые, мужественные и стойкие там очень нужны», о последней в жизни папиресе, которую «офицер Гумилев» внешне очень спокойно выкурил перед роковым залпом.

Вечер перед арестом Николай Степанович провел в беседах с поэтом Владиславом Ходасевичем, утверждал, что в прекрасной физической форме и собирается дожить минимум до 90 лет. Сын филолога-античника Георгия Стратановского, поэт Сергей Стратановский рассказывал, что его отец попал в ту же камеру, где сидел Гумилев, и он видел на стене выцарапанные слова: «Господи, прости мои прегрешения, иду в последний путь! Николай Гумилев». Одним из последних стихотворений поэта стало записанное им, уже будучи в заключении, на обороте членского билета:

*Какое отравное зелье
Влилось в мое бытие,
Мученье мое, веселье,
Святое безумье мое...*

В августе 1921 года в Петрогубчека было направлено письмо литераторов в защиту Н. С. Гумилева:

«В Президиум Петроградской Губернской Чрезвычайной Комиссии.

Председатель Петербургского Отделения Всероссийского Союза Поэтов, член редакционной коллегии Государственного Издательства «Всемирная Литература», член Высшего Совета Дома Искусств, член Комитета Дома Литераторов, преподаватель Пролеткульта, профессор Российского Института Истории Искусств Николай Степанович Гумилев арестован по ордеру Губ. Ч.К. в начале текущего месяца. Ввиду деятельного участия Н. С. Гумилева во всех указанных учреждениях и высокого его значения для русской литературы, нижепоименованные учреждения ходатайствуют об освобождении Н. С. Гумилева под их поручительство.

Председатель Петроградского отдела Всероссийского Союза Писателей А.Л. Вольнский.

Товарищ председателя Петроградского отделения Всероссийского Союза Поэтов М. Лозинский.

Председатель Коллегии по Управлению Домом Литераторов Б. Харитон.

Председатель Петропролеткульта А. Маширов.

Председатель Высшего Совета «Дома Искусств» М. Горький.

Член Издательской Коллегии «Всемирной Литературы» Ив. Ладыжников».

Несколько дней Михаил Лозинский и Николай Оцуп пытались выручить друга, но несмотря на это вскоре поэт был казнен.

24 августа вышло постановление Петроградской ГубЧК о расстреле участников «Таганцевского заговора» (всего 61 человек), опубликованное 1 сентября с указанием, что приговор уже приведен в исполнение. Николай Гумилев и еще 56 осужденных, как установлено в 2014 году, были расстреляны в ночь на 26 августа. Место расстрела и захоронения до сих пор неизвестно, во вновь обнаруженных документах это не указано. Распространены следующие версии:

Бернгардовка (долина реки Лубьи) во Всеволожке. Мост через реку Лубья, на берегу установлен памятный крест.

Район пристани «Лисий Нос», за пороховыми складами. Глухая местность недалеко от ж/д станции «Раздельная» (ныне Лисий Нос) ранее использовалась как место проведения казней по приговорам военно-полевых судов.

Анна Ахматова считала, что место казни было на окраине города в стороне Пороховых.

Ковалевский лес, в районе арсенала Ржевского полигона, у изгиба реки Лубьи.

В районе железнодорожных платформ Корнево и Проба.

По одной из версий, поэт был расстрелян близ усадьбы Приютино (лесной участок Ржевского артиллерийского полигона, прилегающий к Приютину).

Крест-кенотаф на вероятном месте расстрела Гумилева. Бернгардовка (долина реки Лубьи). Ковалевский лес, в районе арсенала Ржевского полигона, у изгиба реки Лубьи. Пирс в Лисьем Носу — традиционное место казней в Петербурге и возможное место расстрела Гумилева.

О причастности Гумилева к заговору В. Н. Таганцева есть три версии:

1. Гумилев участвовал в заговоре — официальная советская версия 1921—1987 годов, поддержанная некоторыми знавшими поэта эмигрантами и рядом биографов, например, В. Шубинским.

2. Гумилев не участвовал в заговоре, а лишь знал о нем и не донес — версия 1960-х годов, распространенная в СССР времен перестройки (1987—1991) и в наши дни.

3. Заговора не существовало вообще, он полностью был сфабрикован ЧК в связи с Кронштадтским восстанием — в 1992 году дело было признано сфабрикованным и все осужденные по делу «Петроградской боевой организации» были реабилитированы.

В протесте прокурора СССР, составленном 19 сентября 1991 года, дается юридическая оценка обвинения 1921 года: «Постановление в отношении Гумилева подлежит отмене, а дело — прекращению по следующим основаниям...».

Из имеющихся в деле материалов не вытекает, что Гумилев, как это указано в обвинительном заключении, являлся активным участником «Петроградской боевой организации». Нет в деле данных и о том, что он принимал участие в составлении прокламаций контрреволюционного содержания, не доказана и какая-либо другая его практическая антисоветская деятельность. Гумилев никакой работы в контрреволюционной организации не проводил и в ней не состоял. Об этом свидетельствует и тот факт, что Гумилеву даже не были известны подлинные фамилии представителей организации, которые встречались с ним и предлагали участвовать в контрреволюционном мятеже. Кроме того, со стороны Гумилева отсутствовала всякая инициатива, направленная на организацию встреч с представителями ПБО.

Через одиннадцать дней после вынесения протеста прокурора Судебная коллегия Верховного суда определила: постановление в отношении Н. С. Гумилева — отменить, дело — прекратить. При этом было подчеркнуто, что Н. С. Гумилев был подвергнут расстрелу — «без указания закона». 30 сентября 1991 года решением Верховного суда СССР Николай Гумилев был посмертно реабилитирован. В этом же году было установлено, что всей Петроградской боевой организации, покушавшейся

свергнуть советскую власть, «как таковой не существовало, она была создана искусственно следственными органами, а уголовное дело в отношении участников организации, получившей свое название только в процессе расследования, было полностью сфальсифицировано. Все участники ПБО... реабилитированы».

Николай Гумилев, не скрывая своего мировоззрения, своей приверженности к монархизму, избрал, тем не менее, путь поэта, а не вооруженной борьбы с новым строем. Очевидно, что его убеждения не позволили ему вести себя как-то иначе, позиция художника, своим творчеством выражающего свое отношение в том числе и к явлениям общественно-политической жизни страны, была в данном случае вполне обоснованной. Конечно же, как любая выдающаяся творческая личность, Николай Гумилев вызывал у многих противоречивые чувства и в оценке его литературной деятельности, и в личном плане. Так, например, известный художник Юрий Анненков считал, что Гумилев не был в жизни ни сильным, ни смелым, человеком, в полную противоположность тому, что наблюдалось в его творчестве. Однако же, вся жизнь Николая Степановича, до последних мгновений, свидетельствует об обратном. Я не стремлюсь возвести данное утверждение в некий абсолют, каждый волен иметь на сей счет собственное суждение, но прежде, чем судить, просто необходимо знать и жизнь, и творчество Гумилева. Да и вообще, спешить не следует, ибо время все расставляет по своим местам вне наших пристрастий.

Упорная и вдохновенная деятельность Гумилева по созданию формализованных «школ поэтического мастерства» (три «Цеха поэтов», «Студия живого слова» и др.), к которой скептически относились многие современники, оказалась весьма плодотворной. Его ученики — Георгий Адамович, Георгий Иванов, Ирина Одоевцева, Николай Оцуп, Всеволод Рождественский, Николай Тихонов, Николай Браун и другие — стали заметными творческими индивидуальностями. Созданный им акмеизм, привлекая таких крупнейших талантов эпохи, как Анну Ахматову и Осипа Мандельштама, стал вполне жизнеспособным творческим методом. Значительным было влияние Гумилева и на эмигрантскую, и на советскую поэзию (в последнем случае — несмотря на полузапретность его имени, а во многом и благодаря этому обстоятельству). Так, учениками Гумилева считали себя не знакомые с ним лично Н. Н. Туровров и С. Н. Марков.

Основные темы стихотворений Гумилева — любовь, искусство, жизнь, смерть, также присутствуют военные и «географические» стихи. В отличие от большинства современных ему поэтов, в творчестве Гумилева практически отсутствует политическая тематика. Хотя размеры стихов Гумилева крайне разнообразны, сам он считал, что лучше всего у него получаются анапесты. Верлибр Гумилев использовал редко и считал, что хотя тот и завоевал «право на гражданство в поэзии всех стран, тем не менее совершенно очевидно, что верлибр должен использоваться чрезвычайно редко». Самый знаменитый верлибр Гумилева — «Мои читатели». Для развития литературы ценна не только поэзия Гумилева, но и его проза. В частности, Гумилева называют предшественником авторов героического фэнтези; его рассказы «Принцесса Зара» (1908), «Лесной дьявол» (1911) и в особенности «Черный Дик» (1908) сходны с произведениями Роберта Говарда. Творческое наследие Николая Степановича объемно и разнообразно, и включает в себя, кроме уже упомянутого, прозаические произведения, пьесы, переводы, критику. И это за тридцать пять лет жизни, вобравшей в себя не только литературную деятельность.

Кроме сына от брака с Анной Ахматовой, выдающегося ученого Льва Николаевича Гумилева, у Николая Степановича родились еще дочь, Елена Николаевна, от второго брака с Анной Энгельгард, и сын, Орест Николаевич Высотский. Его мать, актриса Ольга Высотская, скрыла от Гумилева свою беременность и прервала с ним всяческие контакты. Но когда Орест Николаевич вырос, то судьба свела его со старшим сводным братом в стенах Ленинградского университета, они даже некоторое

время жили в общежитии в одной комнате. И, увы, в 1938 году оба были арестованы, прошли через лагеря, далее воевали на фронтах Великой Отечественной, уцелели, не сломались, оба прожили достойную жизнь и покинули этот мир практически друг за другом, в 1992 году. Дочь Елена Николаевна погибла вместе с матерью во время блокады Ленинграда. Линия потомков Николая Гумилева продолжилась только детьми Ореста Николаевича Высотского и их потомками...

В данной статье я намеренно постарался напомнить именно о поэтическом творчестве Николая Гумилева. Кстати, после его гибели, в 1922—23 г.г., в Петрограде издательством «Мысль» были выпущены в свет: сборник рассказов «Тень от пальмы», «Стихотворения. Посмертный сборник», а также «Письма о русской поэзии». В 1923 г. в Берлине, в издательстве «Петрополис», вышел сборник «К Синей звезде. Неизданные стихи 1918 г.», и через двенадцать лет, в Шанхае, в издательстве «Гиппокрена», — «Посмертные стихи». Понятно, что в Советском Союзе имя Николая Гумилева и его творчество находилось, скажем так, под «полузапретом» и официально приветствоваться не могло. Но и совершенно «заколотить его в небытие» не удалось, да, очевидно, данная цель и не преследовалась. Желаящие могут сегодня без труда познакомиться с прозой Николая Степановича, его пьесами, и переводами.

Николай Гумилев оставил более чем заметный след в русской поэзии, вообще в литературе, в истории нашей страны. Совершенно не случайно, уже в нашем веке, в Москве в течение многих лет проводился Всероссийский межвузовский литературный форум «Осиянное слово» им. Н. С. Гумилева, включавшем в себя отборочные фестивали молодых поэтов и прозаиков в разных регионах страны. Мне посчастливилось быть причастным к данному действию в качестве организатора и эксперта как на уровне Северо-Западного форума-фестиваля «Капитан Грей», который мы по сию пору проводим у себя, в Кольском Заполярье, силами Мурманского областного отделения Союза писателей России, так и на финальном этапе, в Москве, где этим занималась очень представительная команда во главе с моим коллегой и другом, замечательным поэтом, прозаиком, автором-исполнителем, членом СПР Алексеем Витаковым. По сути, «Осиянное слово» сегодня не пропало втуне, оно продолжило развитие, одним из направлений коего является замечательный Всероссийский фестиваль «Покровский собор». Это ли не свидетельство того, что творчество Николая Гумилева по-прежнему востребовано, а его поэзия, как и современная, наша, не сдаётся, и даже не помышляет ни о чем подобном.

Мне остается лишь добавить, что при работе над данной статьей были использованы электронные источники необходимой информации.

*Вадимир Трусков,
Санкт-Петербург*

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПЬЕСА, ПОВЕСТЬ, ОЧЕРК

Рагим Мусаев
(г. Тула)

«ПРЯНИКИ» ДЛЯ ГИТЛЕРА

**Драма в 2-х действиях на основе реальных событий
К 85-летию Обороны Тулы**

Драматург, заведующий литературно-драматургической частью Тульского академического театра драмы. Более 100 постановок в театрах России, Белоруссии, Казахстана, ЛНР, ДНР. Постоянный участник международных и российских театральных фестивалей. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова и других премий. Подполковник юстиции в отставке. Член Союза театральных деятелей России. Член Национальной ассоциации драматургов России. Наш постоянный автор.

85 лет прошло после героической обороны Тулы от немецко-фашистских захватчиков. Подвиг защитников города стал основанием для присвоения Туле почетного звания «Город-герой». Еще во времена СССР было предпринято две попытки создать театральную постановку, посвященную этим событиям. По разным причинам они не увенчались успехом.

Написание этой пьесы инициировано Министерством культуры Тульской области по поручению Губернатора Дмитрия Вячеславовича Миляева.

При подготовке к работе тщательно изучены документы Тульского государственного архива, часть из которых рассекречена недавно. Кроме того, автор благодарит за помощь в работе над постановкой УФСБ России по Тульской области, Музей обороны Тулы, Тульский краеведческий музей и Тульскую областную научную библиотеку.

В настоящее время Тульский академический театр драмы работает над постановкой по данной пьесе драматического спектакля.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Анатолий Петрович Горшков, капитан НКВД

Тоня Горшкова, его жена

Людаша Горшкова, их дочь

Василий Гаврилович Жаворонков, первый секретарь Тульского обкома ВКП(б)

Борис Гольтяков, младший лейтенант НКВД

Таня Гольтякова, его жена

Владимир Николаевич Суходольский, начальник Тульского НКВД
Григорий Моисеевич, зубной техник
Алла Аскольдовна, машинистка
Прохор Макарович, оружейник на пенсии
Никита, юный оружейник
Троицкий, кладовщик
Лена, его дочь
Иван Фомич, преподаватель латыни
Дуняша, тульская блаженная
Вера Сергеевна Гумилевская, главврач Тульского роддома
Оля и Ира, медсестры роддома
Никанор Васильевич, пряничник
Лейтенант Волнянский, командир зенитной батареи
Зина и Клава, санитарки
Верочка, продавщица
Павел Семенов, разведчик
Григорий Юткин, боец 50-й армии
Бойцы Тульского рабочего полка
Голос диктора

Действие происходит в Москве и Туле с июня по декабрь 1941 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление 1.

Москва.

Тоня, Толя и Людаша Горшковы.

Тоня. Толя... Это чудо! Какие хоромы нам выделили...

Горшков. Тоня, чудес не бывает. Обычная служебная квартира.

Тоня. Мы в таких не жили никогда. И школа рядом, Людашке как раз. А садик для Ниночки есть?

Горшков. Садик найдем.

Тоня. Толя, а мы с детьми в парк Горького пойдем?

Горшков. Пойдем.

Тоня. А на Красную площадь?

Горшков. Обязательно. Лето только началось!

Тоня. А в Большой театр?

Горшков. Тоня, мы теперь живем в Москве. Я служу в Главном управлении. Можем спокойно ходить везде, где захотим. Все границы в прошлом: китайская, русская, польская...

Тоня. А венгерская?

Горшков. Тонечка, даже венгерская!

Вбегает Людаша.

Людаша. Мама, папа, я там такое нашла! Пойдем, покажу!

Тоня. А где Ниночка?

Людаша. Там, в коляске...

Горшков. Пойдем скорее.

Уходят.

Явление 2.

Тула.

*Общая кухня коммунальной квартиры.
Григорий Моисеевич и Алла Аскольдовна.*

Григорий Моисеевич. Боцман, Боцман, Боцман... Кыс-кыс-кыс... Боцману пора есть. Кыс-кыс-кыс...

Алла Аскольдовна. Григорий Моисеевич, можно не кыскысать в такую рань на всю Тулу? Я заснула лишь под утро. Могла хоть немного поспать!

Григорий Моисеевич. Добрых снов, Алла Аскольдовна, но Боцману пора есть.

Алла Аскольдовна. Кушать. Животные и дети по правилам русского языка кушают, уважаемый Григорий Моисеевич.

Григорий Моисеевич. Совершенно с вами согласен, Алла Аскольдовна. Но Боцман не животное и не ребенок.

Алла Аскольдовна. Вот как? Теперь я понимаю, почему у вашего кота, Григорий Моисеевич, такая дурацкая кличка. Боцман! Был бы кот в полоску или хотя бы вы моряком по национальности...

Григорий Моисеевич. Вам ли не знать, уважаемая Алла Аскольдовна, что по национальности я — зубной техник. Один из лучших в Туле. А Боцман — это не кличка, а фамилия. Что в этом странного?

Входит Прохор Макарович. Он, как обычно, с артиллерийским справочником.

Прохор Макарович. Доброе утро, соседи! На улице такая красота! Солнце, зелень! Людей мало!

Алла Аскольдовна. Вы на часы смотрите, Прохор Макарович?

Григорий Моисеевич. Проша, куда тебя черти по утрам тащат?

Прохор Макарович. Гриша, привычка. Знаешь, во сколько смена на оружейном начинается?

Григорий Моисеевич. Проша, ты сколько лет на пенсии?

Прохор Макарович. Гриша, горбатого могила исправит.

Григорий Моисеевич. А упрямого — дубина! Да, Алла Аскольдовна?

Алла Аскольдовна. Что вы сказали?

Григорий Моисеевич. Я хотел справиться, как поживает пломба на вашей четверочке?

Алла Аскольдовна. Вы это про зубы? Но у меня там нет никакой пломбы!

Григорий Моисеевич. А зря. Проша, что ты говорил про горбатого?

Алла Аскольдовна. Грубиян!

Алла Аскольдовна уходит.

Прохор Макарович. Гриша, зачем ты так?

Григорий Моисеевич. Проша, я же вижу, как она мучается! И всех вокруг из-за этого мучает. Вот ты, когда читаешь свой справочник, молчишь?

Прохор Макарович. Там нельзя молчать! Когда они пишут, что у винтовки Манлихера тугой затвор и неудобный магазин! И вообще, Манлихер — это прошлый век...

Григорий Моисеевич. Увы, но Манлихер, и правда, прошлый век.

Прохор Макарович. Много ты понимаешь в оружейном деле.

Григорий Моисеевич. Проша, ровно столько, сколько ты в зубопротезировании!

Прохор Макарович. Гриша, а красота линий? Ты видел этот механизм? Посмотри, какой приклад! А затвор! Это же чудо!

Григорий Моисеевич. Боже меня упаси от оружия!

Входит пионерка Леночка и ставит чайник на горелку.

Леночка. Дядя Гриша, Бога нет.

Григорий Моисеевич. И слава Богу! Доброе утро, Леночка!

Леночка. Доброе утро. Дядя Прохор, папа просил передать, что он вышел из туалета и пошел в ванную.

Прохор Макарович. Спасибо, Леночка! Бегу!

Григорий Моисеевич. Проша, за тобой занимали?

Прохор Макарович. Нет.

Григорий Моисеевич. Проша, за тобой я. Боцман, Боцман, Боцман... Кыс-кыс-кыс...

Уходят.

Входят Борис и Таня.

Борис. Ну, Таня...

Таня. Я с предателями не разговариваю.

Борис. Интересно, кого я предал?

Таня. Боря, ты предал наше лето.

Борис. Таня...

Таня. Боря, мы договорились: после 22 июня едем в отпуск. Так?

Борис. Так.

Таня. А теперь выясняется, что ты не можешь!

Борис. Танечка, мне обещали отпуск...

Входит Троицкий и следит за чайником.

Троицкий. Доброе утро!

Таня. И где он?

Борис. Перенесли...

Таня. Я с тобой не разговариваю.

Борис. Таня!

Таня (Троицкому). Спросите его, когда ему дадут отпуск? Может, в сентябре?

Борис (Троицкому). Скажите ей, может быть и в сентябре.

Таня. Скажите ему, что он это специально. Я же объясняла. 21 июня пройдет выпускной, 22 — воскресенье. С 23 числа я в отпуске. А в сентябре — учебный год! Меня никто не отпустит!

Борис. Танечка, ты же знаешь, где я работаю...

Троицкий. Танечка, Боря служит в НКВД!

Таня. Скажите ему, что у них в НКВД нет начала учебного года. А у нас в школе есть. В сентябре. А каникулы летом. И отпуска учителей тоже летом.

Борис. Танечка, служба это служба. В конце концов, будет другой отпуск, другое лето...

Таня. Может, у тебя и жена другая будет?

Борис. Таня! Я этого не говорил!

Троицкий. Танечка, он не говорил!

Таня. Не говорил, но подумал. А я, дура, платье сшила... Все понятно!

Борис. Таня, погоди! Таня!

Троицкий. Такая любовь! И в такую рань... Леночка, чайник вскипел, готовь чашки!

Уходят.

Явление 3.

Москва.

Тоня, Толя и Людаша Горшковы.

Тоня. Горшков! Я тебя люблю!

Горшков. Это правильно. А Москву?

Тоня. И Москву тоже! Знаешь, кто в Москве родился?

Горшков. Кто?

Тоня. Ты! Не смейся. Это тоже важно. Не зря говорят, что дома и стены помогают. Ты в это веришь?

Горшков. Мало ли что говорят.

Тоня. А я верю. И моя Крапивна рядышком.

Горшков. Ну да, под Тулой. От Москвы всего ничего.

Тоня. Давай туда съездим? Я тебе речку нашу покажу. Однажды мы с девчонками купались, а мальчишки на берегу платья наши спрятали. Мы выйти долго не могли. Продрогли. Хорошо тетка Клава мимо шла. Ой, она ребятам тогда всыпала. Там берег такой высоченный! Красиво!

Горшков. Как-нибудь выберемся в твою деревню.

Тоня. Когда я родилась, Крапивна еще городом считалась. Уездным. Бабушка говорила, в древности Крапивна пограничной крепостью была. Вместе с Тулой Москву от татарских набегов прикрывала.

Горшков. Так вот откуда жены пограничников берутся...

Тоня. А ты думал!

Горшков. Я думал... И придумал... Пообедать!

Тоня. Вовремя я Людашку за хлебом отправила. Как раз прийти должна. Горшков, как в тебя только лезет?!

Горшков. У меня молодой организм! Мне нужны белки, жиры и углеводы!

Тоня. А я тебе нужна?

Горшков. А ты с девочками больше всех!

Вбегает Людаша.

Людаша. Мама, папа, это же неправда?

Тоня. Что, Людаш?

Людаша. Что дядя сказал...

Горшков. Какой дядя?

Людаша. Который в радио.

Горшков. И что он сказал?

Людаша. Он сказал война...

Явление 4.

Тула.

Борис и Таня.

Борис. Таня, вернись! Это же просто глупо!

Таня. А я так не думаю.

Борис. Таня, нам немец войну объявил! Все равно никаких отпусков не будет, пока война.

Таня. Боря, война где-то там, на границе. И закончится через месяц или два. У нас знаешь какая армия сильная! Я кино видела «Если завтра война». Там они на нас напали, а наши как им дали!

Борис. Это кино.

Таня. Боря, ты сомневаешься в Красной Армии?

Борис. Я не сомневаюсь...

Таня. Значит, мы можем успеть до сентября.

Борис. Что успеть?

Таня. Съездить в отпуск.

Борис. В отпуск?

Таня. Да!

Борис. Ты серьезно?

Таня. Я серьезно. А вот ты, кажется, меня совсем разлюбил.

Борис. Таня... Таня!

Явление 5.

Москва. Вокзал.

Толя и Тоня.

Тоня. Почему тебя?

Горшков. А почему не меня?

Тоня. Я думала, твои командировки закончились. И в Туле нет границы.

Горшков. В НКВД не только пограничная служба есть. Это же Народный комиссариат внутренних дел вообще. А я в этом комиссариате цельный капитан.

Тоня. Хорошо что Тула — не граница. Все-таки не так опасно. Немец же не дойдет до Тулы? Наши не допустят?

Горшков. Нет.

Тоня. Наши не могут такого допустить. Ведь за Тулой — Москва.

Горшков. Давай считать, что я поехал проведать твою малую родину?

Тоня. А я осталась беречь твою?

Горшков. Да, ты теперь в моей маленькой Москве за главную.

Тоня. Ладно. А ты старший в моей большой Туле.

Крик: «По вагонам!»

Тоня. Горшков, обними меня. Возвращайся скорее.

Горшков. Береги девочек.

Звук отходящего поезда.

Явление 6.

Тула. Очередь у магазина.

Алла Аскольдовна, Троицкий, Зина, Клава, Дуняша.

Алла Аскольдовна. Кто последний? Не знаете, магазин откроют?

Троицкий. Конечно, откроют.

Алла Аскольдовна. А гречка будет?

Троицкий. Григорий Моисеевич вчера купил.

Алла Аскольдовна. Вчера... Позавчера... В прошлом месяце и войны не было. А соль? Говорят, в Заречье соль пропала. Не знаете?

Троицкий. Не знаю. Это называется слухи. Причем, слухи вредные. Особенно в военные времена.

Алла Аскольдовна. Времена у нас всегда одни и те же. Интересные.

Клава. Зина, в вашем подъезде кому-то похоронки приходили?

Зина. Вроде нет. А у вас? Клава, чего молчишь?

Клава. Тетю Свету с третьего этажа знаешь?

Зина. Конечно. У нее сын Витька. Клав...

Клава. Она приболела... Попросила меня газету ей из почтового ящика принести.

Зина. Ну...

Клава. А там извещение...

Зина. Какое извещение?

Клава. Похоронка.

Зина. На Витьку?

Клава. Да. И я газету ей отдала, а похоронку нет.

Зина. Ты что?

Клава. Не знаю. Не могу я... Понимаешь...

Зина. Покажи.

Дуняша выхватывает письмо и рвет его.

Клава. Отдайте!

Зина. Вы что?

Дуняша. Выброси. Неправда это.

Троицкий. Это, между прочим, официальное сообщение.

Алла Аскольдовна. Сумасшедшая!

Дуняша. Вернется.

Троицкий. Кого вы слушаете. Она не в себе. Первый раз, что ли, видите?

Клава. Кто вернется?

Дуняша. Вернется.

Троицкий. Шли бы вы отсюда, бабушка, людям жить не мешали.

Дуняша. Добрым людям я помогаю.

Троицкий. Интересно, чем?

Дуняша. Добром и помогаю.

Троицкий. Добром! Демагогия! Мне, может, ребенка кормить нечем! И не на что!

Дуняша (*протягивает деньги*). На, милый. Тебе нужнее.

Троицкий. Это что? Деньги? Вы это зачем?

Дуняша. Тебе нужнее. Люди добрые, мне еще дадут.

Троицкий. Люди добрые? Да каждый только о себе и думает.

Дуняша. Ты в себе добро ищи. Тогда и в других увидишь. Люди добрые. Очень.

Алла Аскольдовна. Все-таки магазин откроют или нет?

Появляется продавщица Верочка.

Верочка. А вот и я. Заждались?

Троицкий. Ну вот, открыли.

Верочка. Обед закончился. Организованно проходим.

Троицкий. Я впереди вас стоял!

Алла Аскольдовна. А гречка будет?

Очередь устремляется в магазин.

Явление 7.

Кабинет Первого секретаря обкома ВКП(б).

Горшков, Жаворонков.

Жаворонков. Очень хорошо, что приехали, Анатолий Петрович! Тула — город хороший. И для страны важный. Вас на какую должность назначили?

Горшков. Начальник 4 отдела Управления НКВД.

Жаворонков. Тот самый новый военный отдел. Разведка и диверсии в тылу врага. Суходольский говорил. И вас рекомендовал.

Горшков. Мы же с ним только познакомились...

Жаворонков. На то он и начальник НКВД! Владимир Николаевич — человек тертый, опытный. Из оружейников. Так что про Тулу все знает. Поможет. И я как первый секретарь обкома помогу. Потому как без нашей помощи тяжело вам придется.

Горшков. Василий Гаврилович, я приезжий, людей пока не знаю.

Жаворонков. Вот-вот. А вам абы кого брать нельзя. И ситуация, прямо скажем, аховая. Только я попрошу вас помимо обучения диверсионно-разведывательных групп и партизанских отрядов заняться обучением истребительных батальонов.

Горшков. Сколько их, Василий Гаврилович?

Жаворонков. Пока не знаю. Сначала их нужно сформировать. Займетесь? Заодно к людям присмотритесь, для работы в тылу врага кого-то отберете.

Горшков. Я постараюсь, но для меня это дело тоже новое, я же пограничник, поэтому...

Жаворонков. Поэтому не допустите, чтобы Тула пограничным городом стала.

Горшков. Думаете, это реально?

Жаворонков. Тула — подарок для любой армии. Во-первых, центр оружейной промышленности. Какого только оружия у нас не производят! Во-вторых, Тула — это угольные шахты. А уголь — это топливо для поездов и кораблей, заводов и фабрик.

Горшков. А в-третьих?

Жаворонков. Судя по всему, Анатолий Петрович, немцы продвинулись дальше, чем нам сообщает Совинформбюро.

Горшков. Слухи разные ходят...

Жаворонков. Ходят, подлюки. Говорят, взят Минск, Прибалтика. А может и Смоленск. С глупыми слухами надо бороться, не поддаваясь панике.

Горшков. Так точно.

Жаворонков. Но помни: Тула — это ворота Москвы. 200 километров для армии — это ничто. Прямая дорога на столицу. И мы с тобой эти ворота должны превратить в щит.

Горшков. Так точно.

Жаворонков. Толя, у тебя семья есть?

Горшков. Конечно. Жена и две дочки в Москве.

Жаворонков. А у меня два сына. Второй прямо перед войной родился. Роды для жены тяжелые были. Повезло, что в Туле роддом хороший, врачи сильные, выходили. И если мы хотим у наших детей на свадьбах погулять...

Горшков. Я понял. Я все понял.

Явление 8.

Горшков, Гольтяков.

Гольтяков. Ничего себе программа! 120 часов! Это разве курсы? Считаю, целый институт окончил!

Горшков. Если бы. Надо постараться собрать в эту программу самые необходимые знания, чтобы человек четко понимал, как и что делать в разных ситуациях. Иначе он мишень, а не боец истребительного батальона.

Гольтяков. И что будем вкладывать?

Горшков. Прежде всего, огневую подготовку, тактику, медицину...

Гольтяков. Анатолий Петрович, а медицину зачем?

Горшков. Боря, в бою врача или санитарки рядом может не оказаться. Элементарную помощь нужно уметь оказать самому. Немец в Тулу не за пряниками едет.

Гольтяков. Понял. Ну, стрелять сейчас многие умеют.

Горшков. Стрелять умеют недавние выпускники школ. Но они и так уже на фронте или в военных училищах. А вот люди постарше обращаться с оружием часто не умеют. Многие рабочие ваших заводов еще при царе на производство подростками пришли. И с тех пор трудовую лямку тянут.

Гольтяков. Некоторые в кружки Ворошиловских стрелков ходили.

Горшков. Сам сказал — некоторые.

Входит Алла Аскольдовна.

Алла Аскольдовна. Здравствуйте, молодые люди. У вас можно записаться в кружок?

Гольтяков. В какой кружок?

Горшков. Вы имели в виду истребительный батальон?

Алла Аскольдовна. Да! Наверное. Меня на работе просили записаться.

Горшков. Ваша фамилия?

Гольтяков. Черникова Алла Аскольдовна. Служащая.

Горшков. Очень хорошо. Приходите завтра к десяти утра, начнем занятия. Вы раньше стрельбой занимались?

Алла Аскольдовна. Я уже два года записана в стрелковый кружок.

Горшков. Отлично! Хорошо стреляете?

Алла Аскольдовна. Молодые люди, я служащая. Мне положено быть записанной в кружок. А стрелять я... Я пробовала. Но не очень успешно. Видите ли, у меня маникюр.

Горшков. Приходите завтра.

Алла Аскольдовна. А ходить обязательно?

Горшков. Приходите, вам будет интересно.

Алла Аскольдовна. Умеете вы заинтересовать даму. Тогда до завтра.

Алла Аскольдовна уходит.

Горшков. Боря, еще вопросы по Ворошиловским стрелкам есть?

Гольтяков. Анатолий Петрович, что мы с ней делать будем?

Горшков. Учить. У нас нет выбора. Нам нужны люди, способные держать оружие в руках.

Гольтяков. Товарищ капитан, а если придут эти... Ну, урки...

Горшков. Уголовники, Боря. А вдруг граждане и правда решили Родину защитить?

Гольтяков. Да оружие им нужно!

Горшков. Разберемся. Кстати, нужно организовать патрулирование улиц.

Гольтяков. Зачем?

Горшков. А затем, что в городе кто-то ночами немецкой авиации фонариком цели указывает. И затем, что, если таких не остановить сразу, завтра не только магазины, но и склады продуктов разворуют. Ты как потом своему ребенку объяснишь, почему ему есть нечего?

Гольтяков. Нет у меня ребенка...

Входят Зина и Клава.

Зина. Здравствуйте, мы хотели в истребительный батальон записаться.

Клава. Здравствуйте.

Гольтяков. Девочки, вам лет сколько?

Зина. Я в институт поступила!

Клава. А я школу заканчиваю. Скоро.

Гольтяков. То есть одна школу закончила, а другая только 9 классов?

Зина. И что? Мы разве не можем ничего?

Клава. Мы в школе знаете как занимались! И на лыжах, и по медицине, и стреляли.

Зина. Я в классе неполную сборку-разборку винтовки быстрее всего делала!

Горшков. А по медицине что проходили?

Зина. Первая помощь при кровотечениях и ранениях, вывихах, растяжениях.

Клава. Еще искусственное дыхание, непрямой массаж сердца...

Горшков. Верю! Верю! Достаточно. Лейтенант, запишите девушек. Жду завтра к 10 утра.

Входит Иван Фомич.

Девушки быстро записываются и уходят.

Иван Фомич. Здравствуйте, юноши!

Горшков. Здравствуйте.

Иван Фомич. Я бы желал записаться в истребители.

Горшков. В истребительный батальон? (*громче*) В истребительный...

Иван Фомич. Я все равно не слышу.

Горшков. Отец, ты уверен, что ...

Иван Фомич. Арсеньев Иван Фомич. До 1918 года преподавал в мужской классической гимназии латынь. Это такой древний язык. На нем уже тысячу лет не говорят. Он мертвый. Не скажете мне, на кой черт я его преподавал? Шучу, юноши. Шучу. Scientia est potentia! Что означает: «Знание — сила!»

Гольтяков. Уважаемый, вы бы домой шли.

Иван Фомич. Вы мне пишите! Я все равно не слышу.

Горшков (*быстро пишет на листе и зачитывает*). «Мы вас пригласим». Обязательно!

Иван Фомич. Премного благодарен! Я рад быть с вами! Factum est factum. Что сделано, то сделано, как говаривал Нерон. Или это не Нерон? Вы помните Нерона?

Гольтяков. Давайте я вас провожу.

Иван Фомич. Будьте уверены, юноши. Я не подведу. Dum spiro, spero.

Гольтяков. Что вы сказали?

Иван Фомич. Пока дышу, надеюсь. Буду вас ждать. Я буду ждать!

Иван Фомич уходит.

Гольтяков. Ну, дед дает!

Горшков. Боря. Завтра приедут шахтеры, рабочие с заводов. Батальоны мы наберем, обучим. Но если у нас есть такие ... Нероны! Хрен немцы Тулу получат!

Явление 9.

Горшков и жена. Разговор по телефону.

Тоня. Толя! Это ты? Толя!

Горшков. Я, Тоня. Здравствуй.

Тоня. Я знала, что это ты. Знала! Как ты там?

Горшков. Все хорошо, Тоня. Как девочки?

Тоня. Все хорошо. Люда мне помогает с уборкой, посуду сама моет. Нина кушает хорошо. Только ночами спит плохо. Чувствует, видимо, что папы нет.

Горшков. Передай ей, чтобы спала как положено.

Тоня. Передам.

Горшков. Ты сама как? Не болеешь?
Тоня. Я? Нет, что ты. Мне некогда. Я с девочками все время. Что там в Туле?
Горшков. В твоей Туле все хорошо. А в моей Москве?
Тоня. Толя, ходят разговоры, что немец на Москву идет.
Горшков. Тоня, ты веришь в эти глупости?
Тоня. Я верю тебе. Раз ты говоришь, что это глупости, значит так и есть.
Горшков. Умница. Я очень по вам скучаю.
Тоня. Мы тоже. Скучаем. И очень любим.
Горшков. Я тебя обнимаю и целую много-много-много раз.
Тоня. И я тебя. Толя...
Горшков. Не раскисай. Спокойной ночи.

Явление 10.

Жаворонков, Горшков.

Жаворонков. Горшков... Немцы Орел взяли.

Горшков. Когда?

Жаворонков. Вчера.

Горшков. Вчера было 3 октября. От Орла до Тулы километров 180?

Жаворонков. От Орла до Тулы нет частей Красной Армии, способных оказать реальное сопротивление. Ситуация, прямо скажем, аховая.

Горшков. А войска Брянского фронта?

Жаворонков. В котле. Окружены. Нужно организовать истребительные батальоны на возведение оборонного рубежа вокруг Тулы.

Горшков. Организуем.

Жаворонков. Мне пообещали прислать военных инженеров.

Горшков. Это хорошо. А своих инженеров в Туле разве нет?

Жаворонков. Военных нет. А инженеров оборонных предприятий будем готовить к эвакуации. Вместе с предприятиями.

Горшков. Как с предприятиями? Прямо со всем оборудованием?

Жаворонков. Со всеми станками, инструментами и сырьем. В эвакуации они должны развернуть производство заново. То, что останется в Туле, нужно привести в нерабочее состояние и заминировать.

Горшков. И куда эвакуируем?

Жаворонков. На Урал. И я очень попрошу истребительные отряды обеспечить эвакуацию зерна с элеваторов под Тулой. Украинское зерно для нас в этом году потеряно. Так что...

Горшков. Сделаем.

Жаворонков. Ну и на нас оборонный рубеж вокруг города: противотанковые рвы, ежи, минные поля... Все ясно?

Явление 11.

Тульский оружейный завод.

Прохор Макарович, Горшков, Гольтяков.

Прохор Макарович. Когда я пришел на завод, в этом цеху собирали ту самую винтовку Мосина! Много изменилось (*открывает книгу*). Вот, посмотрите, какой тогда цех был.

Горшков. Вы, наверное, и Мосина помните?

Прохор Макарович. А как же! Мы столько лет с ним... С Митрофаном Ивановичем...

Горшков. Погодите. А Мосина разве не Сергеем звали?

Прохор Макарович. Того самого Сергеем. Только я с его братом работал. С

Митрофаном Ивановичем. Хороший конструктор был.

Гольтяков. С улицы к этой стене сейчас заканчивают подводить рельсы. По ним будут подкатывать вагоны с железной дороги, чтобы грузить в них станки. Так что в стене придется сделать пролом.

Прохор Макарович. Что значит пролом?

Гольтяков. Ну, дыру.

Прохор Макарович. Дыру? И какого диаметра должно быть отверстие?

Гольтяков. Чтобы станки прошли. Их вывезти нужно, понимаете?

Прохор Макарович. Но они стоят здесь много лет. Они закреплены очень хорошо.

Гольтяков. Значит, будем ломать.

Прохор Макарович. Ломать? А гулькин кукиш не хотите? Ломать! Ах, вы, ироды! Вы что же творите!? Совесть у вас есть? Вы хоть знаете, сколько в это производство труда вложено? Вы эти станки придумывали? Вы их своими руками делали? Вы их наладкой занимались?

Горшков. Отец, я все понимаю, но...

Прохор Макарович. Что вы понимаете! Вы понимаете, что нашему заводу больше 200 лет! Его еще Петр Великий открывал! И с тех пор все войны русский солдат с тульским оружием выигрывал! Ломать — не строить!

Горшков. Отец, мы не хотим, чтобы завод достался немцам. А там, куда его вывезут, он снова будет работать для нашего солдата.

Прохор Макарович. Вы сдадите Тулу немцам?

Горшков. Отец...

Звук сирены.

Горшков. Мы будем защищать Тулу. До последнего патрона. Обещаю.

Голос диктора. Воздушная тревога! Воздушная тревога! Всем спуститься в бомбоубежище! Воздушная тревога!

Прохор Макарович. Храни вас Бог...

Явление 12.

Бомбоубежище.

Лена, Алла Аскольдовна, Таня, Григорий Моисеевич, Зина, Клава, продащица Верочка, Дуняша, Троицкий.

Лена. А где папа? Вы не видели папу?

Алла Аскольдовна. Леночка, папа скоро придет. Танечка, здравствуйте! Давно вас не видно.

Таня. Я ушла от Бориса.

Алла Аскольдовна. Он так мучился, когда на окно светомаскировку вешал. Вы же понимаете, сейчас...

Таня. Я знаю, что война. Но он меня обидел. И пока он не попросит прощения, я не вернусь.

Алла Аскольдовна. В такое время надо держаться друг за друга. Тем более он у вас вон где служит.

Таня. При чем здесь это?

Алла Аскольдовна. Ну, времена непростые. Вдруг перебои с продуктами. А там наверняка паек хороший.

Таня. Алла Аскольдовна, так вы бы шли в НКВД служить. Там паек.

На другом конце сцены появляется силуэт мужчины. Это Троицкий.

Он достает фонарик и начинает сигнализировать немецким самолетам.

Появляется Дуняша. Она выбивает фонарь из рук Троицкого.

Зина. Клава, ты нашу Астру помнишь?

Клава. Конечно. Такая добрая собака!

Зина. Забрали в военкомат. Говорят, немецкая овчарка — служебная порода. Должна служить в Красной Армии.

Клава. Основные команды она, конечно, знает, но там же надо больше, наверное?

Зина. Смотри в какие войска попадет. Могут в разведчики послать — «языков» захватывать или в связисты — провод телефонный прокладывать. А еще могут в санитары — раненых из боя выносить или в истребителей танков.

Клава. А истребители — это как?

Зина. Собаке надевают сумку с взрывчаткой и пускают под вражеский танк, а она его подрывает.

Клава. Но она же при этом... Даже собаки служат. А мы что, хуже?

Лена. Почему папа так долго? Он придет?

Григорий Моисеевич. Алла Аскольдовна, как ваша спина?

Алла Аскольдовна. Вы хотели спросить про зуб?

Григорий Моисеевич. Я спросил про спину.

Алла Аскольдовна. Знаете, Григорий Моисеевич, это чудо, но спина после всех этих земляных работ волшебным образом не болит. И зуб, кстати, тоже.

Григорий Моисеевич. У меня, честно говоря, поясница ноет. Боецман всю ночь лежал, мурчал на нее. Пока не помогло. А сейчас умчал гулять. И не сказал, куда. А я не сказал ему, что я здесь. Эх...

Алла Аскольдовна. Надеюсь, наш с вами противотанковый ров в нужный момент сработает.

Григорий Моисеевич. Лучше бы наш противотанковый ров остался тунеядцем и никогда не увидел немецкие танки.

Алла Аскольдовна. Верочка, ваш муж пишет? На каком он фронте?

Верочка. Поначалу писал. Только... Целый месяц писем нет совсем.

Алла Аскольдовна. На каком он фронте?

Верочка. Не знаю. Им нельзя сообщать, где они. Военная цензура зарисовывает все черной тушью, прочитать невозможно.

Дуняша. А ты, милая, как домой придешь, руки к иконке протяни.

Верочка. То есть... Зачем? Помолиться?

Дуняша. Помолиться всегда хорошо. Только ты руки к иконке протяни.

Дуняша отходит.

Клава (Верочке). Вы не обращайтесь внимания. Она не в себе.

Зина. Она чужую похоронку порвала. Мы сами видели.

Входит Троицкий.

Лена. Папа, ты где был! Я так боялась!

Троицкий. Не бойся, все хорошо. Все хорошо.

Голос диктора. Угроза воздушного нападения миновала. Угроза воздушного нападения миновала...

Люди расходятся.

Явление 13.

Горшков, Гольтяков.

Гольтяков. Анатолий Петрович, зерно с элеваторов области вывезли. Почти миллион двести тысяч пудов.

Горшков. Это хорошо. Без ЧП?

Гольтяков. Ну как. Обстреливали все время. Под Плавском эшелон под бомбежкой попал, но обошлось. Только там свиньи остались.

Горшков. Боря, какие свиньи?

Гольтяков. Я не знаю, какой они по паспорту породы. Обычные. Там свиноферма. Тысяч шесть голов. Надо с ними что-то делать. Не фашистам же оставлять.

Горшков. В Плавске вагоны есть?

Гольтяков. Товарные?

Горшков. Боря, свиней в мягких обычно не возят.

Гольтяков. А никаких не осталось. Пострелять их? Или местным раздать?

Горшков. Шесть тысяч свиней? Это же два полка! А сала сколько... Любишь сало?

Гольтяков. Кто ж его не любит.

Горшков. Моя жена так сало солит! А твоя солит?

Гольтяков. Моя... Не знаю. Мы сейчас вместе не живем.

Горшков. Ты чего? Поругались что ли?

Гольтяков. Не поругались, а поругалась.

Горшков. Что-то серьезное?

Гольтяков. Если бы...

Горшков. Боря, послушай старшего товарища. Сейчас не время отношения выяснять. Друг друга поддерживать надо. Помогать. У меня жена с дочками в Москве. Все время про них думаю. Раньше звонил. Сейчас со связью сложно, на днях письмо отправил. Почта вроде пока работает. Так что найди и попроси прощения.

Гольтяков. Я? Да это она все...

Горшков. А это не важно. С девушками так не работает. Особенно, если ты не виноват. Иди и проси прощения.

Гольтяков. Но почему я?

Горшков. Потому что ты — мужик. И ты головой думать должен, а не порывами и настроениями. И потому что, когда пожалеешь, поздно будет.

Гольтяков. Товарищ капитан, я...

Горшков. Ничего не говори. Подумай. И помирись. Это мой тебе дружеский совет.

Гольтяков. Есть подумать. А что со свиньями?

Горшков. Это про те два полка кулинарного назначения, что дислоцированы в Плавске? Сколько километром от Тулы?

Гольтяков. Километров шестьдесят.

Горшков. Всего-то? И чего ты мне голову дуришь? Своим ходом дойдут. Так им и передай. Сопровождающих им, чтобы не разбрелись, выделить. И хватит с них. Не те времена, чтобы в мягких вагонах разъезжать.

Гольтяков. Товарищ капитан, я же серьезно!

Горшков. И я серьезно. Туле запас продовольствия нужен. Выполняйте, товарищ младший лейтенант. По итогу доложите.

Гольтяков. Есть.

Явление 14.

Жаворонков, Горшков, Семенов.

Жаворонков. Привет, разведка! Чем порадуешь?

Семенов. Товарищи... Вчера, 12 октября, вечером, немцы вошли в Калугу. Следующая цель — Тула.

Жаворонков. Товарищ Семенов, радость — это нечто иное...

Горшков. Утром под Тулой перехватили парашютиста. Говорит, Гудериан обещал взять Тулу к 15 октября.

Жаворонков. Вторая танковая армия Гудериана? Та самая, что razорила Минск,

Смоленск и Киев?

Семенов. А до того Польшу и Францию. Знаете, какая кличка у Гудериана? Ураган.

Жаворонков. Парашютиста одного взяли? Вряд ли одного забрасывали.

Горшков. Еще двоих ищем. Партизаны озадачены. Все заброшенные из числа наших пленных. Задача — диверсии на железной дороге.

Семенов. В Орле «Абвергруппа 107» развернула свою разведшколу для подготовки диверсантов и разведчиков. Задача — сеять панику среди населения, разведка, диверсии на предприятиях. Собирают и обрабатывают наших уголовников и обиженных советской властью. Я с этой информацией от вас сразу в Москву.

Горшков. Паша, сможешь зайти к моим, передать записочку?

Семенов. Постараюсь.

Горшков быстро пишет несколько слов, сворачивает листок бумаги и отдает Семенову.

Жаворонков. А что про 50-ю армию слышно?

Семенов. Некоторым подразделениям удалось вырваться из окружения. Перед ними поставлена задача — выйти из орловских болот и выдвинуться на помощь Туле.

Жаворонков. Ну вот!

Семенов. Но очень большие потери в вооружении и личном составе.

Горшков. Насколько большие?

Семенов. Сложно сказать. По некоторым данным от армии осталось тысячи полторы. И те далеко не в лучшем виде.

Жаворонков. Да... Силища... С такой только оборону держать...

Семенов. Тульские заводы и шахты немцам очень нравятся, но основная цель у них — Москва. Может, имеет смысл собрать все силы и сосредоточиться на обороне столицы?

Горшков. Не понял. Ты к чему клонишь?

Семенов. Оборона Тулы требует больших ресурсов. Город в низине, много разных ориентиров. Для обстрела лучше не придумаешь. К тому же заводы эвакуируются.

Горшков. Паша, я землю жрать буду, а Тулу без боя не сдам. Слышишь?

Жаворонков. Толя, не буянь. Павел, вы очень верно говорите. Ситуация аховая. Вот только именно потому, что основная цель — Москва, подпускать к ней немца нельзя никак. Тула — последний рубеж. Все. Я не знаю, как остановить танки Гудериана. Но если среди миллиона шансов на провал затесалась хотя бы одна надежда на чудо, мы должны ее найти. Горшков, собирай истребительные батальоны со всей области в Тулу.

Явление 15.

Москва. Квартира Горшковых.

Тоня, грудная Нина, Людаша.

Тоня (*читает письмо*). Здравствуйте, мои самые любимые! Как дела в моей Москве? У меня все хорошо. Тула — красивый город. В центре старый кремль. Интересно, сколько раз его стены видели врага? Думаю, не раз. И вот, кремль стоит, а о тех врагах никто не вспоминает. Обязательно поедем сюда, когда все закончится. А какие тут пряники! В последнее время сложно с телефонной связью, поэтому пишу письмо. Как ваши успехи? Не болеете? Кушаете хорошо?

Людаша. Мама, напиши папе, чтобы забрал нас в Тулу. Сегодня хлеб в магазине даже по карточкам не давали. И метро не работало.

Тоня. Хорошо, Людаш...

Людаша. А Сталин из Москвы уже уехал?
Нина плачет.

Тоня. Нет, что ты. Сталин с нами. Он Москву не оставит. Все будет хорошо. Все будет...

Явление 16.
Коммунальная кухня.
Алла Аскольдовна и Григорий Моисеевич.

Алла Аскольдовна. Григорий Моисеевич, а это больно?

Григорий Моисеевич. Что именно, Алла Аскольдовна?

Алла Аскольдовна. Ну, зуб...

Григорий Моисеевич. Что «зуб»?

Алла Аскольдовна. Нет, ничего. Не нужно.

Григорий Моисеевич. Постойте. Откройте рот. «А-а-а»...

Алла Аскольдовна. А-а-а...

Григорий Моисеевич. Да он у вас уже еле держится! Как вы это терпели? Вы понимаете, что зубокабинет сейчас не работает...

Алла Аскольдовна. И что делать?

Григорий Моисеевич. Нитки у вас есть?

Алла Аскольдовна. Зачем?

Григорий Моисеевич. Шить будем! Открывайте рот. И учтите, если откусите мне палец, я буду считать, что свои карточки на мясо вы уже отоварили.

Григорий Моисеевич рвет зуб Алле Аскольдовне.

Явление 17.
Троицкий, Лена, Таня.

Лена. Хорошо, папа. Я напечатаю. А почему это надо делать днем?

Троицкий. Потому, что печатная машинка шумная, она будет мешать соседям. А сейчас дома никого нет.

Лена. Ладно. Сколько штук?

Троицкий. Десять экземпляров достаточно. И потом внизу на каждом листе напиши ручкой: «Горшков».

Лена. Почему ручкой? Давай тоже напечатаю?

Троицкий. Нет, надо именно ручкой.

Лена. Хорошо, папа.

Лена уходит в комнату. В кухне слышен стук печатной машинки.
Входит Таня.

Троицкий. Таня? Вы?

Таня. Здравствуйте. Да, это я.

Троицкий. Вы вернулись?

Таня. Нет, я за теплыми вещами. Ноябрь на носу. Холодает.

Троицкий. Конечно, конечно...

Таня. У вас все хорошо? Вы какой-то... Встревоженный.

Троицкий. Все хорошо. Все хорошо.

Таня. Хорошо.

Расходятся.
Явление 18.
Пряничная фабрика.
Никанор Васильевич, Горшков.

Никанор Васильевич. Опять коробка не сошлась. Так. Не спеши. Давай сверим по списку? Давай. Где накладная? (*читает*) Сухари ржаные — 10 пачек. Считай. Две, четыре, восемь... Есть. Галеты «Крекер» — 6 пачек. Две, четыре... Одной не хватает.

Горшков. Здравствуйте, товарищ! Это пряничная фабрика?

Никанор Васильевич. Здравствуйте, товарищ. Мы для вас вон то помещение освободили.

Горшков. Спасибо. Возможно придется временно у вас разместиться. Пахнет у вас как сладко!

Никанор Васильевич. Еще бы! Наш тульский пряник на всю страну знаменит. И ведь где их только ни пекли. В Вязме, в Твери, в Архангельске... И все по-своему вкусные. Только наш пряник всех обошел. Корочка твердая, глянцевая. Под ней ароматное рассыпчатое тесто, а в сердцевине мягкая сладкая начинка.

Горшков. Да, я слышал про секретный рецепт, который передавался от отца к сыну... Не рассказывайте так вкусно! Я слюной захлебнусь!

Никанор Васильевич. Я бы угостил с удовольствием. Да нет ничего. Один дух и остался. Что было — ребятам на фронт отправили. Пряничницы наши все на патронном, мины лепят вместо пряников.

Горшков. Почему же вместо? Тульские мины — те же «пряники». Только для фрицев.

Никанор Васильевич. И для Гитлера! Чтоб ему в его Берлине наши «пряники» в страшных снах... А мы тут желуди для фронта сушим.

Горшков. Зачем желуди?

Никанор Васильевич. Их в муку перемалывают и варят желудевый кофе. Вкусно. Ну и по своему профилю: сухари, печенье, лапшу. А про секретный рецепт — это все глупости. Ерунда. Рекламный трюк. Ингредиенты всем известны. Байкой про тайный рецепт старые мастера внимание от главного отводили. Вот такое повидло.

Горшков. Отводили внимание?

Никанор Васильевич. Тайна нашего пряника не в рецепте, а в огромной печи особой конструкции. В ней прокладывают нечто вроде железнодорожных рельсов. Запускают по ним вагончик с сырым пряником. И пока он едет, на каждой остановке его своя температура встречает.

Горшков. И долго ехать? И где сколько стоять?

Никанор Васильевич. Это и есть мастерство. А оно и правда передается годами и только от учителя к ученику. Так что искать не рецепт нужно, а способ приготовления.

Горшков. Ловко! Вы все материальные ценности эвакуировали?

Никанор Васильевич. Ценное? Нет, конечно.

Горшков. Это почему?

Никанор Васильевич. Самое ценное у пряничников — та самая печь. А она из кирпича и размером с избу. Только и это не важно.

Горшков. Эвакуация не важна?

Никанор Васильевич. Она самая. Вот человек — это, по-вашему, что? Одни мясо и кости?

Горшков. Нет, конечно. У человека сознание есть. Душа.

Никанор Васильевич. Вот и с Тулой такое же повидло. Материальные ценности, стены, станки и даже люди — это еще не Тула. Душа Тулы — мастерство. Когда ценность человека не в фамилии или должности, а в руках. Ими он из ничего любое

дело вершит: пряничное, гармонное, самоварное, оружейное. И дело это всегда для людей. Истинное мастерство нельзя вывезти, украсть или купить. Его можно только передать. От отца к сыну, от мастера к ученику. И когда у тебя в руках истинное мастерство, то все вокруг обретает смысл: стены, станки, люди. Весь город. Вся жизнь. Тула — это жизнь. А разве можно отдать врагу жизнь?

Явление 19.

*Тула. Люди, копавшие противотанковый ров, возвращаются с работы.
Григорий Моисеевич, Таня, Алла Аскольдовна, Жаворонков, Суходольский, Горшков.*

Григорий Моисеевич. Он считает меня странным большим котенком, который настолько глуп и неповоротлив, что не способен даже охотиться. Поэтому пока я рою противотанковый ров, он охотится. Я уверен, к моему возвращению Боцман принесет мне мышку.

Алла Аскольдовна. Фу, какая гадость!

Таня. Зачем мышку?

Григорий Моисеевич. Чтобы я не умер от голода!

Таня. И что вы с ней будете делать?

Григорий Моисеевич. Не знаю. Я плохо готовлю мышей...

Алла Аскольдовна. Вы сумасшедший! В Туле, слава Богу, пока что не голод. А дальше...

Григорий Моисеевич. Танечка! Конечно, выбрасываю! Но Боцмана всегда благодарю за заботу. Мне не сложно, а ему приятно.

Таня. Думаете, он понимает?

Григорий Моисеевич. Что значит, думаю? Я знаю. Кошки очень умные.

Таня. И заботливые.

Григорий Моисеевич. Забота всем нужна. И мне, и вам. Вон, пальтишко старенькое, мало скоро будет.

Таня. Да не старое оно. Просто... Наверное, стало мало.

Григорий Моисеевич. Танечка, вы прекрасны!

Появляется Жаворонков.

Жаворонков. Здравствуйте, товарищи. Как успехи?

Алла Аскольдовна. Почти выкопали, Василий Гаврилович.

Григорий Моисеевич. Осталась небольшая перемычка, но там вода.

Жаворонков. Какая вода?

Григорий Моисеевич. Ручей и нечто вроде небольшого болота. Как там копать?

Алла Аскольдовна. Нам обещали, что военные инженеры приедут. Без них трудно.

Жаворонков. И нам обещали... Танк по ручью пройдет?

Алла Аскольдовна. Василий Гаврилович, они все-таки ... да?

Григорий Моисеевич. Думаю, пройдет. Там не глубоко. Только мы уж как ни подбирались... Заливает.

Алла Аскольдовна. А может, минами?

Жаворонков. Что минами?

Алла Аскольдовна. Ну, ручей взорвать.

Появляются Суходольский и Горшков.

Жаворонков. Спасибо, мы подумаем. Отдыхайте, граждане. Привет, Анатолий! Привел начальника принимать работу? Здравствуйте, Владимир Николаевич.

Люди расходятся.

Явление 20.

Жаворонков, Суходольский, Горшков.

Суходольский. Давно так не встречались. На природе.

Жаворонков. Только обстоятельства, прямо скажем, аховые.

Суходольский. Да... Ну, тогда... Начальник областного НКВД на месте, начальник 4 отдела тоже, первый секретарь обкома ВКП(б) присутствует. Можем провести рабочее совещание.

Суходольский. Толя, так что твоя разведка в Ханино?

Горшков. Гитлеровцев нигде нет. Я вам докладывал, Владимир Николаевич.

Суходольский. Неизвестность — хуже всего. Вот откуда их теперь ждать? Только зря тебя в область гонял. Не дело.

Горшков. Не скажите. Мужикам из черепетского отряда та разведка прямо помогла. Как бы объяснить... Им в самих себе сложно было перешагнуть рубеж между мирной жизнью и военной.

Жаворонков. И они его в той разведке перешагнули.

Суходольский. Нам всем сейчас нужно перешагнуть этот рубеж между мирной жизнью и военной. Все помнят, что в Туле создан городской комитет обороны под председательством Василия Гавриловича. Кроме меня в него вошли председатель облисполкома Николай Иванович Чмутов и командир 69 бригады войск НКВД, военный комендант города полковник Мельников. В городе введен комендантский час. Немец будет у нас со дня на день. С эвакуацией закончили?

Горшков. Заканчиваем.

Суходольский. Дело. Предлагаю объединить организованные нашими сотрудниками истребительные батальоны в единую боевую единицу.

Жаворонков. Тульский рабочий полк.

Суходольский. Вроде того. Командование рабочим полком полагаю поручить капитану Горшкову.

Жаворонков. Поддерживаю.

Горшков. Есть.

Суходольский. А комиссаром рабочего полка предлагаю назначить того черепетского командира.

Горшков. Агеева?

Суходольский. Вроде дельный мужик. Возражения есть?

Жаворонков. А боевой опыт у него есть?

Суходольский. В гражданскую воевал.

Жаворонков. А до гражданской?

Суходольский. А до гражданской он уже был полный георгиевский кавалер.

Жаворонков. Так когда это было. При царе еще.

Суходольский. Не в царе дело, а в боевом опыте. Чтобы простой солдат четырех «Георгиев» получил и чин унтер-офицера...

Жаворонков. Откуда вы знаете?

Суходольский. Работа такая.

Жаворонков. Тогда возражений нет.

Суходольский. Теперь к главному. Противник многократно превосходит нас и в живой силе, и в технике.

Горшков. И в вооружении.

Жаворонков. На вооружение рабочего полка забирайте все винтовки, что найдете на заводах. Вопрос решенный.

Горшков. Винтовки — хорошо, но на нас идут танки.

Суходольский. Сколько у противника танков?

Жаворонков. Что танки, танки... Сам Гудериан сюда идет!

Суходольский. Кто?

Жаворонков. Гудериан!

Суходольский. Тот самый!

Жаворонков. Тот самый...

Суходольский. Вася, ну и черт с ним. Пусть идет. Сколько у него здесь танков?

Горшков. Сотни четыре.

Суходольский. Четыре... Сотни... А вот и тот самый разговор!

Жаворонков. В смысле?

Суходольский. Тебе генерал Куркин что говорил? Ты же сам мне рассказывал. Цель Гудериана Тула или Москва?

Горшков. Москва, конечно!

Суходольский. Значит, Гудериан все четыреста танков на Тулу не бросит. Третью или половину оставит в резерве. На прикрытие флангов и возле своего штаба тоже оставит батальон, да еще и не один. Таким образом, на Тулу пойдет максимум полторы сотни. А в авангард он пустит, скажем, полсотни. И что, с полусотней мы не справимся?

Жаворонков. Ну, Владимир Николаевич! Жонглер! Фокусник! Помню я про разговор с Куркиным. Только разговор — это разговор. А это... Ты с этой полусотней как справишься?

Суходольский. Вокруг города укрепления, минные поля, противотанковые рвы, надолбы и прочее.

Жаворонков. Да. Но сами по себе Тулу они не спасут.

Горшков. Но ведь Гудериан не знает, что в Туле войск нет?

Суходольский. Допустим. И что?

Горшков. А то. Укрепления вокруг города у нас вполне профессионально сделаны. Это заставит Гудериана думать, что в Туле есть армия.

Жаворонков. А если не заставит?

Горшков. Неважно. Наши укрепления отвлекут и переключат его внимание. Немцы не дураки на них лезть. Они будут искать узкие места нашей обороны. Это же как тайна тульского пряника, которую все ищут не там!

Жаворонков. При чем здесь пряник? Узкие места найдут. Вон тебе щель между противотанковыми рвами, где ручей и небольшое болотце. И что дальше?

Суходольский. И прекрасно! Я понял! Вот эти узкие танкоопасные направления мы прикроем артиллерией. Орудий у нас не так чтобы богато, но кое-что есть. Запалим первый десяток танков перед глазами самого Гудериана, и он поймет — «тульский пряник» ему не по зубам.

Жаворонков. Нам бы до морозов продержаться. Немцы к морозу не готовы. Они уже сейчас в летней форме мерзнут. Они же блицкриг готовили, хотели в Москву 1 августа войти. А на носу 1 ноября.

Горшков. А они даже Тулу не взяли.

Жаворонков. И хрен возьмут!

Суходольский. Василий Гаврилович, звучит как тост.

Жаворонков. Ваше здоровье!

Суходольский. Решение обкома о тосте поддерживаю! Согреться сейчас бы не помешало! В обком! *(уходит)*.

Горшков. Что, правда? Тост? Идем в обком?

Жаворонков. Правда, идем в обком. Только командир твой непьющий. Не знал что ли? Эх, Толя! Дела начинаются! Дела!

Явление 21.
Те же и Дуняша.

Дуняша. Немец в Тулу не войдет.

Суходольский. Не войдет, мать. Не переживай. Иди домой. Непокойно тут.

Дуняша. Я ключи от Тулы спрятала. Немец не найдет. Пряники готовьте. Железные пряники. Гостей угощать.

Явление 22.
Троицкий и Лена.

Троицкий. Лена, где твой пионерский галстук?

Лена. Вот он.

Троицкий. Нужно срочно сжечь.

Лена. Папа, ты что?

Троицкий. Лена, ты понимаешь, что советская власть закончилась?

Лена. Как это, закончилась?

Троицкий. Со дня на день здесь будут немцы.

Лена. Красная Армия Тулу не сдаст!

Троицкий. Нет больше Красной Армии, понимаешь? Нет! Крика было много, а толку ноль. Теперь мы живем в Великой Германии.

Лена. Папа, ты шутишь?

Троицкий. Я думаю... Надо как-то устраиваться. Надо ходы искать... Господи, помоги!

Лена. Папа, Бога нет.

Троицкий. Вы же немецкий в школе учили?

Лена. Конечно.

Троицкий. Как будет, добро пожаловать?

Лена. Herzlich willkommen.

Троицкий. Отлично! Где рушник? Который мама вышивала.

Лена. Зачем рушник?

Троицкий. Хлебом-солью встречать будем, дура!

Лена. Я не дура!

Троицкий. Если не дура, снимай галстук и жги! Ты жить хочешь? Жги!

Лена. Папа, нет!

Троицкий. Ты что, подлюка, отцу перечишь? Такая же стерва, как мать!

Лена. Мама не стерва!

Троицкий снимает ремень, угрожает дочери.

Троицкий. Жги, сказал!

*Троицкий замахивается на дочь ремнем.
Девочка убегает.*

Троицкий. Стоять! Стоять, сказал! Ленка!

(Окончание в следующем номере)

Евгений Асташкин
(г. Омск)

ОТРЫВКИ ИЗ РОМАНА «МЕРТВЫЙ ГОРОД-3»

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ЗАБРАКОВАННЫЙ РОДСТВЕННИК

С беззаботным толстяком «дядь-Ильей» стали происходить неожиданные трансформации, хотя, в общем-то, не лишённые логичности, если хорошенько вдуматься. Не зря он говорил, что балуется эпиграммами. Оказалось, что он давно выписывает журнал «Рабоче-крестьянский корреспондент», что всегда делали в «Степных зорях». Вешкин тоже пролистывал очередные номера в виде небольших книжонки, там публиковали стихи сельских авторов. Подборки составлялись на определённую тему — из быта глубинки. Именитых авторов не было — только рядовые. Видно, отец Андрея надеялся там опубликоваться и всем утереть нос, ведь ни одно его стихотворение в местной газете так и не напечатали из-за их явной китчевости. С некоторых пор Урезов-старший стал ходить по Типчаку и каждому встречному декламировать что-то рифмованное касательно местного люда. Особенно доставалось начальству. Он высмеивал то начальника комхоза, то директора ремзавода, а то и председателя горсовета. Естественно сермяжные поделки с поэзией «рядом не лежали», но местные обыватели в таких тонкостях не разбирались — ведь все в рифму! Поощрительно ухмылялись и даже похлопывали по плечу: «Смело!..»

Отныне на каждом бессчётном «выпивоне» толстяк строчил частушечными хорями направо, налево и даже по вертикали. К его великому сожалению, пивнушка на краю города закрылась, теперь «дядь-Илья» чаще сам заходил к знакомым прямо на работу, если там имелись уголки, где можно было уединиться с гранеными стаканами. Знал такие места наперечёт. С некоторых пор он перешёл работать в Доме культуры оформителем. Когда случались похороны, все бежали к нему, чтобы срочно надписал ленты к траурным венкам. Чаще всего расплачивались спиртным. Заполучив стеклянную ёмкость, оформитель прятал ее за пазуху и отправлялся искать собутельников.

Что касается той пивнушки, в которой заправляли выходцы из араратских далей, то «дядь-Илья», наверно, потом долго плевался, вспоминая шашлыки, которые там подавали к бочковому пиву. Когда через пару лет брошенную забегаловку снесли, под полом обнаружили целую грудку собачьих голов. Вот какие шашлыки там варганили!..

Предприимчивые Арапетяны с Акопянами избирали для приложения своих сил только общепитовскую сферу. И все их точки самым непредвиденным образом сгорали дотла. Такая участь постигла лимонадный цех, потом продуктовый склад райпотребсоюза. И злоумышленников почему-то не ловили за нечистую руку. Эти дельцы умудрились даже построить забегаловку на перешейке между первой переправой

Ишима и старицей. Весной, конечно, ее ожидаемо снесло ледоходом, но некий доход, видно, был уже получен.

На второй день после свадьбы Андрея «дядь-Илья» заявился в гости к новому родственнику — отцу Аленки. Он, наверно, и его хотел потешить своими рифмованными поделками, но это закончилось самым печальным образом. Все произошло на глазах у Вешки.

На самой свадьбе тоже не все было «как у людей». Обычно подобное действо течет не ручьем, а значительно полноводней. Ради торжества последнюю рубашку снимут, влезут в долги, лишь бы гости остались довольны. От Генки не ускользнуло, что райкомовец Шваркин лишь на минуту появился во дворе, где накрывали столы прямо среди сараев и хлевов. Был он вместе с женой, но когда стали приглашать за стол, пара потихоньку ретировалась. Секретарь по идеологии Татьяна Дементьевна, получившая приглашение на красочной открытке, вообще не явилась, хотя жила по соседству в трехэтажке.

Закуску на блюдах подали лишь один раз. Потом гости стали оглядываться — на столе одни объедки, а никто не торопится с полагающимся горячим блюдом. Генка со Славкой были заняты при аппаратуре и не могли оставлять ее без присмотра. Мимо них порой пробегала самая младшая сестра Андрея десятилетняя Кристина. Друзья несколько раз напоминали ей, чтобы она принесла сюда, на это крыльцо, бутылку рислинга и пару бутербродов. Однако эта пацанка тоже выявила хитрецу, согласно кивала, но ничего не принесла. Тогда Славка сам снял с праздничного стола початую бутылку сухого вина.

Генкина мать тоже была среди гостей, ее почти насильно взяли с собой дядя Кузя с тетей Маней, и она сидела за столом рядом с ними. Потом тоже жаловалась дома: «Надо же, пришла из гостей голодной...».

И вот на второй день торжество продолжилось уже у родни на Ишимской. После обеда Генка тоже отправился туда. И в доме, и под яблонями слонялись соседи и общие знакомые родителей невесты. Стол был накрыт в зале, к нему мог подойти любой, налить себе рюмку и закусить. Самообслуживание.

Дядя Кузя сидел на веранде за небольшой тумбочкой. К нему и подсел заявившийся «дядь-Илья». Он вальяжно развалился на табуретке, вперившись в свата каким-то свойским взглядом, когда тебя уже обязаны принимать в любую погоду с распростертыми объятиями. Он предвкушал, что у него появилась новая ареночка для своего любимого лицедейства, сопровождающееся возлияниями в бездонное брюхо. Кузьма Батькович тоже не дурак выпить, дежурит на водокачке. Там при водонапорной башне имеется хоть и хлипкая, но вполне сносная пристройка — дранки по горбылям, обмазанные глиной. Будет еще одно местечко для посиделок. Свату, небось, скучновато пересидживать ночи там, почти у железнодорожных путей, любому гостю, а особенно скрепленному родственными узами, будет завсегда рад.

Урезов-старший срисовал рыщущим взглядом уполовиненную бутылку «Столичной» на тумбочке, подождал, пока и ему понятиво набулькали в граненый стакан. Вдвоем выпили, крикнули, закусили малосольным огурцом, домашеньким, а не магазинным. Однако разговор между породнившимися не клеился. То ли гость не знал, что сват молчун по жизни, то ли возжелал побыстрее разузнать его интересы помимо кур и буренок, но он вдруг завел совсем уж удаленную тему.

— Представляешь, я не так давно узнал, что Пушкин, оказывается, прихлопнул на разных дуэлях аж семь человек!..

Кузьма недоверчиво блеснул косым взглядом.

— Кто такое сказал?..

Конечно, Кузьма, как и весь советский народ, со школьных лет считал поэта солнцем русской поэзии без всяких темных пятен на его личности. А тут такое вываливают.

— Вычитал у Татищева, был такой историк,— явно сболтнул толстяк и тут же вызывающе заявил: — После этого я выкинул из дома все книги Пушкина и теперь не признаю его...

Ничего себе заявочка! Генкин дядька морщил лоб вдоль и поперек, не понимая ничего. Может, что-то скрывали от простого народа, а со временем неприглядное в истории страны начинает просачиваться, одаривая беспощадной оплеухой.

Вешка, собиравшийся присоединиться к ровесникам в палатке под яблоней, где уже устраивали отдельный достархан двоюродные братья, рядом с которыми оказались Славка Сарафанов и Букен с Нурумом, передумал и присел на старый диван, заваленный рыболовными сетями. Он решил в читальном зале полистать Большую советскую энциклопедию и найти этого Татищева. Кажется, он жил еще до Пушкина. Проверим.

— Пушкин сам был хорошим дуэлянтом,— не унимался пузач, со значением выдавая явную крамолу. Этим он как бы показывал, что на очередной дуэли, с Дантесом, удача просто отвернулась от обожаемого всеми поэта, только и всего.

Вешкин как раз на днях купил в магазине новую книгу Николая Раевского «Портреты заговорили», до этого тот выпустил исследование «Когда заговорят портреты». Этот энтузиаст тоже задавался вопросом: повинна ли светская красавица Наталья Гончарова в гибели знаменитого мужа? Но никаких прямых свидетельств адюльтера никто из современников Пушкина не оставил. Интересно, что эти книги впервые выпустили в Алма-Ате, а не в Москве. Теперь целые институты занимаются откапыванием истины в столь щепетильном деле. Недаром же на могиле Натальи значится Гончарова-Ланская. Имя поэта не решились поставить рядом. Наталье не простили безвременную кончину гения.

Кузьма не высказывал своих соображений на этот счет, он всегда словно ленился шевелить извилинами и с трудом склеивал более-менее приемлемые фразы в каком-нибудь принципиальном споре. А у толстяка все молотился язык без костей, его так и подмывало поиграть красноречием. Он плавно перешел к своему коньку:

— Вот я сочинил недавно свежую эпиграмму. Про нашу акушерку Канапьянову, у которой тяжелая рука, все бабы жалуются...

Он порылся в карманах своего пиджака.

— Наверно, забыл в мастерской. Но я по памяти...

И он начал громогласно выстреливать едкими строчками, нацеленными ранить, царапать и кусать. В это время на веранду с улицы зашла тетя Маня и с некоторым недоумением стала взирать на эту декламацию, словно здесь клуб какой открылся.

Кузьма пристально рассматривал явно чуждого ему по духу человека. Позавчера он вообще был никто для него, шапочный знакомый, с кем даже не обязательно здороваться, а сегодня стал полноценной родней, хочешь этого или нет. А из уст свата исторгалось что-то совсем уж несерьезное для его «солидных возрастов».

Неожиданно Кузьма грохнул дном стакана по столешнице, чтобы прервать эту непрошенную буффонаду:

— Хорош!

И с яростью процедил в наступившей тишине прямо в лоб собеседнику:

— Считаешь себя умнее всех?

Он сверлил бугая неприязненным взглядом, а потом у него неостановимо стало вырываться из горла почти крикливое:

— Вон отсюда! Чтобы я больше не видел тебя в моем доме!

Генке никогда не доводилось видеть дядьку таким разъяренным. Всю жизнь молча сопел в две ноздри, а тут разошелся. Тетя Маня попыталась погасить этот пожар:

— Ты что, Кузьма? Да не обращайтесь на него внимания, мало ли чего можно брякнуть с пьяных глаз...

Но до Урезова-старшего дошло во всей очевидности, что такими словами просто

так не бросаются. Ему дали от ворот поворот! Остается только встать и побыстрей уйти прочь.

«Дядь-Илья» незаметно испарился, побывав в чине свояка всего денек...

ПУНКТУАЛЬНОСТЬ

Нурум женился и через некоторое время решил отделиться. Рядом с Кондратовым на углу Пушкина и Ишимской стояла небольшая опустевшая мазанка. Он купил ее с расчетом перестроить. Можно пристроить теплую веранду без огромных окон, тогда не придется перекрывать всю крышу, будет сбоку еще и односкатная. Вырыл углубления под фундамент, и через неделю литье сохло в опалубке. Нурум специально пустил на постой приезжего прораба из ПМК-1504. Тот сразу стал снабжать Сакенова стройматериалами. Привез машину песка и машину камня. Нигде невозможно было официально купить хотя бы мешок цемента, а у Нурума горбился во дворе целый холмик его, укрытый от дождей кусками рубероида.

Вешкин сильно сомневался — сможет ли Нурум сам выкладывать стены? Он за всю жизнь, наверно, не забил ни одного гвоздя. А тут сразу все сам, никого не нанимая. Это Генка сызмальства все делал своими руками, он уже почти все мог, кроме сварки. А у этого вообще ни малейшего опыта. Все время водителем, даже служить направляли в автобат.

Вскоре двор Нурума покрылся шлакоблоками. Он их сам делал из золы, раздобыв железную форму. Такого добра везде хоть отбавляй, на Набережной напротив дома Сакеновых у телеграфного столба скопилась целая гора золы. На ней обычно сидела их ослепшая собака. Когда к ней приближались чужие, она рычала, своих унавала по запаху.

Должно быть, прораб давал Нуруму советы, потому что стены пристройки выростали идеально ровными. Потом появился потолок, тоже нигде не искривленный. Генка даже приходил смотреть, как Нурум делает потолок. Он прибывал снизу к балкам длинные толстые доски, которыми его снабдил тот же прораб. Интересно, как он все это списывал на работе и не боялся, что привлекут за расхищение? Вешкин опасался, что доски могут отвалиться, когда на них начнут сыпать золу с опилками для утепления. Но Нурум забивал гвозди наискосок, по два в разные стороны. Потом хоть прыгай сверху — ничего не отойдет. Зря сомневался Генка. Нурум все делал так, как у него, наверно, не получилось бы — обязательно где-то не подрассчитает, хоть на сантиметр.

И со всей этой работой Нурум справился за сезон.

Букен после женитьбы тоже сразу покинул родительское гнездышко. Он обосновался в Боксите. Родных навещал очень редко. Вешкин годами не видел его и даже не знал, по какому он профилю пошел. Говорили, что «забурел», стал крепким и денежным коммерсантом.

Вешкин дождался момента, когда у Нурума появилось хорошее настроение, и поинтересовался, чем же занимается Букен. Что всегда импонировало Генке, тот никогда не увливался, мог даже раскрыть и такое, что не каждый должен знать — доверял приятелю детства. В данное время Букен арендовал какую-то площадку и свозит туда со всей области бетонные блоки. Многие «стройки века» остановились, везде лежат на проходе бетонные изделия. Их не украдешь — нужен подъемный кран. Такой автокран и приобрел Букен. Заприметил, что кругом дармовой стройматериал, грех не воспользоваться этим. Потом все пригодится — можно будет что-то строить на заказ.

Очень дальновидным оказался Букен, самым предприимчивым в семье Сакеновых. Когда разбогател, стал бояться за свою безопасность. Видно, были прецеденты, конкуренты не прощают слишком успешным их успехов и везучести. Купил тонкий бронжилет и носит его постоянно под рубашкой. Со стороны ничего не заметно.

Жена Нурума, которую он называл Капизой, родила ему двух дочерей, одну за другой. Она была предельно молчаливой, Генка ни разу не слышал ее голоса. Молча копается целый день, то стирает, то очищает от сажи песком кастрюлю.

Когда у нее кончился второй декретный отпуск, она стала искать работу. Нурум жестко с ней обращался, не потерпел бы тунеядства. Все чужие жены работают, вот и она не должна торчать дома.

Долго Капиза не могла найти ничего подходящего без образования. Нурум постоянно давил на нее, отчитывал за нерадивость. Пусть хоть нянечкой идет в детский сад. Наконец она вроде бы нашла какую-то работу на ремзаводе; никто не интересовался, чем именно она там занимается, пусть хоть полы драит, лишь бы шла зарплата.

Но никаких дензнаков домой Капиза не приносила. Нурум устал спрашивать. Всегда отвечала односложно: задерживают, нет денег в кассе. Теперь иные в поселке по полгода ждали зарплату, даже в благополучной на первый взгляд «Сельхозтехнике». Поэтому никто даже не удивлялся такому положению вещей.

Все считали, что Капиза из какого-то совсем уж дикого аула, настолько недалекая. Словечка от нее не добьешься. Видно, боится нечаянно сморозить какую-нибудь глупость, а потом все будут показывать на нее пальцем.

Пальцем на нее, действительно, стали показывать, но уже по другому поводу. Целый год она не приносила домой ни копейки. Нурум уже начал что-то подозревать. Может быть, все тратит на себя? Но не видно никаких покупок, украшений у нее не прибавилось. Нурум не поленился сходить на ремзавод — узнать, в чем дело, что происходит в конце концов? А там ему ответили, что его жена сюда и не устривалась.

Вот было шума в доме Нурума! Оказывается, Капиза целый год морочила всем голову. Утром уходила к какой-то подруге, вечером возвращалась. Пунктуально...

ЦВЕТОК СРЕДИ ЗИМЫ

Цветы среди зимы в Типчаке достать невозможно, даже в областном центре их нет. В конце февраля Лену должны были выписать из больницы после осложненного кесарева сечения. Узи выявило неправильное прилежание плода. Теща гадала: может, во время родов ребенок сам перевернется. Но этого не произошло.

Вешкин мечтал о наследнике. Но родилась девочка. Договаривались, если будет сын, имя дает Генка, если дочка, то Лена. Так появилась на свет Вероника.

Забирать из роддома положено с цветами, но где их раздобыть? Проклятое место, зимой нигде не торгуют даже оранжерейными завозными цветами, а мороженого вообще никто не видит с детства. Разве что его можно заказать в некоторых кафе Ниваграда.

Цветочным вопросом мучился Генка и в апреле, накануне свадьбы. В мае не захотели регистрироваться: «в мае маяться». Только в июле почти все местные сады зацветут наперебой. Вешкину подсказали, что у бывшей заведующей типографией Хрящик дома что-то растет в горшках. Она иногда продает жиденькие букетики. После ее скандального увольнения, когда она на собрании почему-то накинулась на самого молодого сотрудника редакции, Генке идти к ней не особо хотелось.

Пришлось пересиливать себя. Нашел ее дом в закоулке рядом с интернатом. Станиславовна сделала фальшивое лицо, Генка тоже вымученно улыбался. Ему почему-то сказали прийти за букетом завтра. Он явился после работы, ему подают пять разномастных цветочков без всякого бантика, один цветок с вызывающе мясистым стеблем, почти кактусенок. Жених заплатил пятерку, ему зачем-то объяснили, что должно быть нечетное количество. Он не верил ни в какие приметы, Только опасно подумал: небось, Станиславовна нашептала, нагадала над букетом что-то черное, чтобы Генке все вылезло боком, и Зрястик могла себя почувствовать ото-

мщенной. С нее станется. И как в воду глядел: чуть не разошелся прямо во время медового месяца.

В типографском цехе на подоконниках огромных окон всюду стояли горшочки с цветами, но ничто не цвело. Лишь у самого линотипа, за которым восседала самая сварливая работница Стружачка, величественно расцвела белая кала. Вот это бы в самый раз, но просить бесполезно. Из вредности Вешкину ничего не дадут, хотя чего им стоит — кала все равно будет потом продолжать цвести.

Линотипистка недовольно ворчала, когда Вешкин спускался вниз, чтобы замерить свинцовые гранки, которые успели отлить: «ты вечно стоишь над душой!» Готовые гранки копилась на железной тумбочке, а ответсекретарю важно знать точное количество, чтобы не допустить ошибку в макетах полос. С машинописных рукописей трудно высчитывать объем статей, так как везде — правки чернилами: что-то вычеркнуто, что-то добавлено.

Под конец рабочего дня Вешкин все же отважился на самоуправство. Подошел к кале и никелированным строкомером, как ножичком, стал перепиливать стебелек. Думал, повозмущаются немного и уймутся: у него же родилась дочка, это ради нее. Но в типографии поднялся такой гвалт из всех углов, словно здесь пытались устроить диверсию.

Генка быстро выскользнул из цеха, пока не отобрали цветок. Не будут же его увольнять за это или жаловаться в райком партии.

Зато в роддоме он появился с настоящим цветком, аж молоденькие медсестры позавидовали роженнице — это было видно по их разблестевшимся глазам...

БЕЗ ВЕСТИ...

Как только прорывная и неожиданная директива с самого верха дозволила частнопредпринимательскую деятельность и стали появляться кооперативы, одним из первых резво затопал по этому долгожданному пути верный себе Никита Кондратов, очень не любивший работать «на дядю». В конце Трудовой улицы близ ремзаводских пятиэтажек он купил бросовый дощатый домик на маленьком пятачке, лишенном огорода, и стал показывать там видеофильмы. Почему-то не стал заказывать вывеску «ВИДЕОСАЛОН», а просто вешал на штaketник плакат с названием фильма. Проезжая мимо на велосипеде, Вешкин видел, как по вечерам к этому домику тянутся косяки людей, даже целые семьи.

Деятельный первый секретарь райкома партии, перенявший у Горбачева долгоговориение на разных мероприятиях, метал громы и молнии, его душа не принимала этого движения, когда люди становились сами себе хозяевами, наплевав на товарищество. Дурной пример Кондратова раздражал его, ему хотелось прикрыть эту лавочку, но — увы...

Кондратов знал об этом и самонадеянно ухмылялся, заявляя:

— Да ничего он мне не сделает, у меня все по закону. Я же не кручу порнушку...

Поработав так с годик, он продал тот домик и внезапно стал подручным у Тартанеева, который позади автостанции поставил вагончик и открыл там студию звукозаписи. Аппаратура принадлежала Трофиму, а Никита постоянно мотался в Казань, где выпускали аудиокассеты. Привозил их партиями, останавливался всегда у своего знакомого.

Люди рассказывали, что когда Никита приходил домой из студии, он долго из всех карманов вытаскивал купюры, порой скомканные, чтобы сложить их в одну стопку. Дело оказалось прибыльным и непыльным.

Вешкин краем уха слышал, что дружок школьных лет Никита возвращался в свой Совет по кино. Забавно. Охотинспектором он побыл недолго. Из постаревшего мотоцикла умудрился сделать какой-то вездеход на огромных камазовских камерах. Генка

даже успел воочию полюбоваться моментом испытания этой самоделки. Пузатые, гладкие колеса, количеством четыре, поползли по заснеженному полю на виду у Набережной улицы. Водителя из-за них почти не было видно, лишь торчала подсакивающая на ухабах голова. Вездеход продвигался в подпрыгивающем режиме. Непонятно было — а если камера наткнется на острый сук или железяку, то сразу бухнет? Наверно, Кондратов намеревался на такой технике гонять по просторам за браконьерами, но и здесь начнутся проблемы с гаишниками. В общем, Никита покатался на этом монстре в свое удовольствие и успокоился. Потом он куда-то делся. Во дворе его не было, наверно, снова разобрал из-за бесперспективности. Но хоть пооригинальничал, браво!

Возвращением в Совет по кино Кондратов, наверно, хотел взять реванш и утереть нос Вешкину. Но времена стали быстро меняться, Повсеместно в сельских клубах перестали действовать киноустановки из-за появления видео. Сама эта мини-организация переехала на край города, в освободившуюся контору ПМК-1504 и повисла «между небом и землей». Ее руководителя теперь постоянно посылали в села контролировать выполнение плана по мясу и молоку, а также проверять ход зимовки скота на фермах и ремонт техники в МТМ. Да еще всякий раз перезванивали в те села, проверяя, там ли находится имярек, а не дома на диване. Но и без этого было достаточно таких вот проверяющих. В райкоме партии есть сельхозотдел, в исполкоме тоже. А еще и РАПО существует. Тройное дублирование, как будто это сильно улучшит показатели. Мотаться по селам с ночевками вряд ли пришлось по душе Кондратову, егохватило лишь на пару-тройку месяцев. А тут и подоспело верховное постановление о развитии кооперативного движения.

И вот после очередной поездки в Казань за аудиокассетами Кондратов не вернулся. Время шло, а его все нет и нет. Обычно он пропадал на неделю, а то и меньше, но счет пошел уже на декады. Весь Типчак ломал голову, куда мог подеваться Никита.

Чайка подала в розыск, но он ничего не дал. Сама ездила в Казань, но она не знала, где останавливался ее сынок. С помощью тамошних оперативников нашли-таки того татарина, у которого останавливался Никита. У него были связи с предприятием по выпуску аудиокассет, и он помогал Никите приобретать их со скидкой. Татарин божился, что Никита, получив товар, сразу уехал.

Каких только версий не выдвигали типчакские знакомые Никиты. Однажды Вешкин присутствовал при разговоре на эту тему на своей работе. Станция юных техников готовилась к очередной областной выставке технического творчества, до которой оставалось около месяца. В это время он переставал отлучаться по своим делам, вовремя приходил на работу, а не в десять часов, если не позже. Главное — занять какое-нибудь призовое место, тогда простятся все отлучки сотрудников, которые очень вольготно себя ведут. Уже минуло три года, как Вешкин возглавлял станцию. А его все не утверждали директором, потому что у него не профильное образование. Так и ходил в звании и.о. Пару раз его собирались заменить кем-нибудь с педобразованием, но он с областной выставки возвращался с результатом — то второе, то третье место. А однажды отхватил и первое. Никто такого не ожидал и поэтому продолжали держать его, несмотря на то, что мстителная Татьяна Дементьевна так и стремилась подпортить ему карьеру, но не могла дожидаться удобного случая.

У Вешкина в самый ответственный период срабатывал инстинкт самосохранения. Он сам помогал готовить экспонаты, ломал голову над тем, чтобы придумать что-нибудь этакое, чего не будет у других участников выставки. На сей раз руководитель радиотехнического кружка Кирилл Панасенко пообещал изготовить трансивер для приема любительских радиостанций. С ним он познакомился случайно. Однажды увидел его сидящим под деревьями позади здания, где находился Дом творчества. Генка присел рядом с ним прямо на землю и разговорился, поняв, что тот отлынивает от своей работы. Оказалось, что он недавно стал начальником вневедомственной ох-

раны, ее перевели на первый этаж нового трехэтажного здания райотдела милиции, а старый барак снесли. Поскольку эта охрана и для Генки что-то значила когда-то, они и нашли общую тему разговора. Вешкин поинтересовался, что теперь представляет охрана. Рожки да ножки. Почти всех сторожей сократили по причине массовой ликвидации предприятий. От сигнализации тоже остались одни воспоминания. Магазины перешли в частные руки, а предприниматели не желают тратиться на сигнализацию, ведь теперь надо платить за нее. Оборвали все провода во время ремонтов, осталось лишь кое-где на витринных окнах датчики, что срабатывали при ударе по стеклу. Вот как теперь идут перестроечные дела. Ничего не нужно: ни предприятий, ни училищ, ни библиотек, ни детсадов и так до бесконечности, не говоря уж о сигнализации. Нечего охранять. Осталось всего несколько сторожей, да бухгалтер. Пока не упраздняют охрану. На всякий случай.

Узнав, что Панасенко увлекается радиолюбительством и выходит в эфир, используя чужой адрес, Вешкин пригласил его вести соответствующий кружок на СЮТ. Тому полставки не помешает — да и не перерабатывается, судя по его сидению под листьями. Отсюда даже видно окно его кабинета в углу здания райотдела — через дорогу.

Панасенко набрал пять школьников из ближней школы, в которой учился Генка, но числилось в журнале у него тридцать человек в двух группах. Сейчас ходят на кружок всего два человека — его сын-семиклассник с другом. Они любят что-то пасть и уже научились делать зарядные устройства для плееров. Такое положение с посещаемостью детей одинаково по всей области, потому что вести кружок за смешную оплату мало желающих. Вот и закрывают ревизоры глаза на многое.

К Кириллу приходил на кружок его приятель, который пробавлялся тем, что искал повсюду новых участников игры в пирамиду. Надо найти четверых, которые согласятся отстегнуть тебе по сотне, потом каждый из них тоже ищет четверых. Чтобы вернуть затраты и немного заработать. Всем выдаются особые квитанции. Потом этот дружок Кирилла, которого он называет Липаком, отвозит квитанции в Боксит, получая дополнительную мзду с каждого участника. Что-то ему капает, раз он не бросает это. Жена-немка уехала в Германию, он продает вещи и тоже готовится к переезду, вот только надо немного накопить деньжат и продать хоть за сколько квартиру в пятиэтажке, что напротив редакции. А там уже есть брошенные квартиры — люди стали уезжать, в основном — в Россию.

Липак и Генку пытался завлечь в свою пирамиду, но он скумекал, что в выигрыше окажутся лишь самые первые участники, а потом все сойдет на нет. Судя по всему, пирамида скоро схлопнется из-за отсутствия новых участников, которых все труднее «уболтать».

Снова Вешкин уже к концу рабочего дня застал в кабинете радиотехнического кружка Липака. Панасенко, дав какую-то работу сыну с приятелем, уже собирал из алюминиевых листов корпус для трансивера. А Липак, перекачиваясь на остроносых штиблетах, молотил и молотил с пятого на десятое, пока не вспомнил исчезнувшего Кондратова. Это происшествие никому не давало покоя — очень не похоже на хваткого Никиту, чтобы он мог куда-то ввязаться. Липак, являя сплошь покрытые ржавчиной передние зубы, которые в недалеком будущем придется удалять в пользу вставного моста, с подхихикиванием прорицал:

— Наверняка Никита где-то «мочит» деньги. Нашел новый Клондайк и прячется от всех, чтобы не узнали...

Это «мочит» явно не вязалось с прочими словами, вернее, словесами, но все равно надо так, лишь бы не по обычной русской грамматике. Панасенко тоже высказался, что тут может быть какая-то тайна, связанная с крупным бизнесом. Только вокруг денег и крутились помыслы тертых калачей, иных вариантов они даже не рассматривали.

Наконец Липак снизошел обратиться и к Вешкину, которого многие считали ма-

лоприспособленным к суровой прозе жизни,— все цепляется за киношную романтику, музицирует на электрогитаре для самого себя, покупает книжки, любит поэзию и сам пописывает стишки. А что Генка думает по поводу пропажи Никиты?

От него не ждали каких-то откровений. Стоял бы рядом кто-то другой, поинтересовались бы и у него этим же ради спортивного интереса.

— Что я думаю над всем этим? — переспросил Вешкин, увидев, что Панасенко уже отвлекся и стал что-то объяснять сыну на счет распайки транзистора; может даже пропустит мимо ушей Генкин ответ.— Если бы я был проницательным,— размеренно продолжил директор СЮТ,— я бы сказал так. Когда растает снег, Кондратова найдут...

Последние слова прозвучали с некоторой безапелляционностью. Что-то слишком нагнетается страх, как в фильме ужасов.

Засим гадание на кофейной гуще закончилось.

ЧУДИКИ

Каких только чудиков не бывает на свете! В редакцию иногда заходил каратист-самоучка Сазонов примерно одного с Вешкиным возраста. Зимой он прямо по полу шлепал босиком.

— Ты что, прямо так и пришел? — удивлялись все.

— Да, от самого городка.

При этом он был в легкой демисезонной курточке едва ли не на голое тело. Явно хотел выделиться этим из толпы.

В Степном он каким-то образом умудрился получить квартиру. Не лишенный авантюризма, он открыл в спортивной школе, на месте бывшего автобазовского клуба, секцию карате. Такого поблизости нигде не наблюдалось, потому что все подобные единоборства были запрещены. Но постепенно, особенно после фильма «Пираты двадцатого века», пошла мода махать ногами выше головы. Некоторые пацаны надевали из круглых палок японских нунчаков и ходили с ними, порой на публику лихо размахивая деревянными цилиндриками на цепочке. Иногда они по ошибке ударяли ими себя по хребту и потом корчились от боли.

Сам заправила всегда ходил в растопырку, наверно, это от постоянных тренировок в стойке стиля шотакан. А ноги у него и так были колесом. Каратист возил ребят на соревнования, и они даже занимали призовые места. Об этом он и приносил заметки в газету.

Когда Сазонов женился на какой-то страшненькой полукровке со сросшимися на переносице широкими бровями, и у него родился сынуля, он сразу принялся его закалять. Зимой открывал форточку и подносил к окну распеленатого младенца. Жена ругалась, но он продолжал делать свое, не боясь, что ребенок простынет.

В конце концов, даже такая подруга, которую долго никто не брал в жены, ушла от него.

Потом он вдруг увлекся фотографией — тоже неумеренно. Купил «Зенит» и стал щелкать все подряд, на что упал взгляд. Стал приносить в редакцию свои снимки на вольную тему, надеясь на публикацию. Они были худо сделаны, без должной резкости. Вешкин попросил Сазонова принести свои негативы, он сам попробует отыскать что-то интересное и отпечатать это на контрастной бумаге, чтобы получилось хорошее клише.

Сазонов принес целую коробку негативов, никто от него не ожидал такого. Сколько потом Вешкин не раскручивал эти рулончики для просмотра на свет, ничего подходящего отыскать не смог. У каратиста напрочь отсутствовало чувство композиции. Вот он зачем-то посадил какую-то малышку на почтовый ящик во дворе пятиэтажки и сфотографировал. И что это означает? Бессмыслица.

Даже стало жалко потраченного впустую времени этого начинающего фотографа. Ничего у него не получится в художественном плане, сможет только вести обычную семейную съемку. Чтобы не обижать Сазонова отказом, Вешкин напечатал более-менее сносную фотографию гимнастки, сделанную в спортзале военного городка. Она стояла возле брусьев. Фотокор Цибульник отвез в областную цинкографию снимок вместе со своими фотографиями. Вешкин использовал спортивный этюд на субботней полосе, назвав его «Грация».

Потом все, кому не лень, посмеивались: «Нашли грацию! Она же беременная...» Вешкин пригляделся к снимку и убедился, что живот у гимнастки действительно немного выпирает. Может, просто лишний вес. Сазонов тоже не обратил на это внимания; мог бы отыскать более фигуристую модель.

Каратист недолго выпендривался ходьбой босиком по снегу. Однажды он так простыл, что подхватил крутую пневмонию и целый месяц провалялся в госпитале. После этого забросил «босаяцкую» жизнь...

Очередным пополнением копилки житейских наблюдений для Вешкина стал ликвидатор аварии на Чернобыльской АЭС. В Типчаке три человека откликнулись на призыв помочь в дезактивации взорвавшейся станции. Что удивительно, среди них оказался сын бывшей начальницы еще в кинофикации Василяшки. Он учился вместе с младшей сестрой Генки. Несоразмерно высокий и тощий, всегда ходил в одной и той же почти женской кофте с большущими пуговицами. Женился на однокласснице, которая только что закончила Ниваградское медучилище и устроилась работать в местную поликлинику. Никогда они не дружили, и вдруг — на!..

Сын Василяшки, имени его Генка даже не знал, работал водителем в военном городке, перевозил на самосвале разные грузы. В поселке бывал редко. Получил квартиру в «Степном».

Вторым ликвидатором был частный сапожник, соорудивший небольшую дощатую будку возле гастронома. Там он чинил обувь. Постоянно подшофе, всем говорил, что так выгоняет из организма нуклиды: «Если не буду пить, то умру...»

В очередную субботу, когда не нужно было дежурить в ДНД, редактор Ербол Хакимович дал Вешкину задание написать очерк о третьем ликвидаторе, который жил совсем недалеко от редакции — на полпути к больнице. Цибульника тоже обязал — сделать семейное фото.

Вешкин совсем не знал этого Желвакова, даже не слышал такой фамилии, ему дали его адрес. В субботу подъехал на своем «Москвиче» фотограф и они вдвоем нашли нужный дом. Семья из трех человек была на месте. Хозяином оказался человек не намного старше Вешкина. Лицо слишком коричневое, словно несмываемый загар. Такие же губы, почти бескровные. Наверно, до поездки на место аварии у него было другое лицо.

Жена, судя по выговору, раньше была сельчанкой. У четырнадцатилетней смазливой дочки выражение лица было все познавшей женщины. Совершенно без эмоций, даже не особо обрадовалась, что попадет в газету на общем семейном снимке.

Никого из них Вешкин раньше не видел, они действительно пять лет назад переехали в райцентр из какого-то «отсюда не видного» села.

Вешкину, конечно, не терпелось из первых уст узнать подробности, что чувствует человек, находясь в зоне, где беспрепятственно все вокруг фонит, испытывая иммунную систему на прочность.

Желваков, которого звали Игорем, рассказал немало интересного. На месте всем ликвидаторам сразу раздали дозиметры-накопители в виде авторучек. Он остался у него на память. Постоянно принимали йодистые препараты для профилактики. Рабочий день иногда составлял всего пять минут. Снял с крыши лопатой кусок бетона — и все. Можешь топтать в общагу, норму излучения уже получил. Самым страшным оказалось, что глубоко под реактором образовался так называемый язык из расплав-

ленных урановых стержней. Он оставался нагретым до очень высокой температуры, и извлечь его не представлялось никакой возможности. Значит, к нему надо подводить водяное охлаждение и потом годами вода должна циркулировать, чтобы не произошло нового взрыва.

К ликвидаторам с концертами приезжали именитые артисты, в том числе Пугачева. За свою месячную работу Желвакову заплатили шестьдесят тысяч, на которые можно купить три легковушки.

Во время очередного дежурства с красными повязками Вешкин с Потаповым и Утегеновым, как всегда, сначала пошли в райотдел милиции отметить. Начальник уголовного розыска Темиргалиев, имея в виду очерк о ликвидаторе, загадочно произнес:

— Конечно, он герой, рисковал своим здоровьем... Но зачем ему понадобилось загонять в свой двор чужую корову?..

Редакционные работники переглянулись, не понимая, в каком месте следует смеяться.

— Это вы о Желвакове?

— Ну да. А вот что произошло. Одна телка отбилась от стада и вернулась в поселок. Паслась в больничном палисаднике, там много травы и кустиков. А Желваков взял и загнал ее в свой сарай. Продержал ее там несколько дней.

— Вот те на!..

— Но такое не скроешь от людей. Это же не кошка, на которую никто не обращает внимания...

— В редакции ничего об этом не знали...

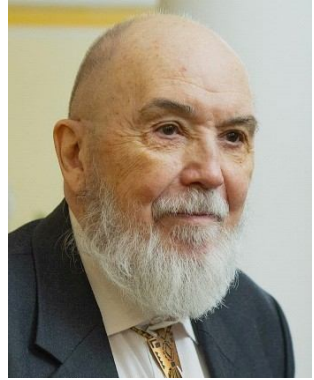
— Корове не завяжешь пасть,— продолжал выдавать подробности Темиргалиев с сочувственным выражением лица, несколько не обвиняя журналистов в неосведомленности: не будут же они каждого героя материала проверять на детекторе лжи.— Соседи, конечно, услышали мычание — откуда у Желваковых корова? Никогда не было такой живности — и вдруг. А хозяева пропавшей скотинки сбились с ног, разыскивая ее...

Такой вот фокус провернул этот ликвидатор. И ни словом не обмолвился перед газетчиками, что у него имеются проблемы с законом, которые все равно вылезут наружу. Идет дознание, и неизвестно, чем все это закончится. Надежда лишь на то, что хозяева той телки проявят снисходительность, чтобы дело не дошло до статьи УК...

Александр Палладин
(г. Москва)

ПО УХАБАМ ПАМЯТИ*

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

БЕЛЫЙ ДОМ, ДЛИННОЕ УХО...

МОЖНО заранее безошибочно предсказать, как реагируют бы американские дипломаты, если бы здание их посольства в Москве было окружено воинственно настроенной толпой с транспарантами, призывающими к физической расправе над «американскими варварами». И уж, конечно, нетрудно предугадать неоднозначную реакцию на этот счет государственного департамента.

Но когда дело доходит до грубых антисоветских провокаций в Вашингтоне, американское внешнеполитическое ведомство молчит, будто воды в рот набрав. Оно никак не реагирует на ежедневные безобразия, которые учиняют толпы хулиганствующих молодчиков против советских представителей в Соединенных Штатах. И уж, конечно, как говорится, ухом не ведет, когда осуществляются бесцеремонные провокации против советских корреспондентов и других советских граждан в США. Более того, американские власти умышленно наусаживают хулиганов и громил на советских людей, указывая при этом их фамилии, точный домашний адрес, марки и номера автомашин. Разве можно, например, расценить как случайность провокация против представителя Госгеллеров СССР в Вашингтоне, когда во время съемок они подверглись угрозам и мерам физического воздействия со стороны «штатных хулиганов», находящихся на содержании американских спецслужб. Или, скажем, установку подслушивающих устройств в квартирах и автомашинах советских журналистов!

Буквально на днях при ремонте автомашин корреспондента «Известий» в Вашингтоне было случайно обнаружено электронное устройство для незаметной слежки за советским журналистом. Внешний вид изъятых устройств, его маскировка со всей очевидностью свидетельствуют о том, что оно было установлено опытной рукой.

МИД СССР заявило посольству США в Москве протест, в котором говорится, что указанные недопустимые действия в отношении советского журналиста являются прямым посягательством на его право беспрепят-

ственно осуществлять свою профессиональную деятельность, равно как и на его личную свободу, что несовместимо с нормами и обычаями международного права, идет вразрез с соответствующими положениями хельсинкского Заключительного акта. Заявляя протест по поводу враждебной акции, МИД СССР настаивает на том, чтобы американской стороной были приняты надлежащие меры по недопущению повторения подобных неблагоприятных действий в будущем.

Американские спецслужбы уже неоднократно попадались с поличным, устанавливая технику подглядывания и подслушивания. Некоторое время назад группа детей советских дипломатов пришла воспитателю пионерского лагеря под Вашингтоном целую гирлянду шпионских микрофонов, которые ребята обнаружили в комнате для игр.

Аналогичная, но, пожалуй, более изощренная «конструкция» была в свое время извлечена из 6-этажного здания генерального консульства СССР в Сан-Франциско. Паутина аппаратов шпионского подслушивания буквально опоясала все служебные и неслужебные помещения этого здания и толстым змеевидным кабелем уползала в соседнее строение, арматурованное ФБР.

Когда государственная комиссия МИД СССР принимала у американских строителей новый жилой комплекс советского посольства в Вашингтоне, она заметила множество конструктивных изъянов. Они появились отнюдь не по вине американской строительной фирмы. Ее представитель только разводил руками. «Да не может этого быть», «Мы не могли так плохо сделать», — сокрушался узыленный инженер. Но и он был вынужден был подписать акт, в котором говорилось: «При вскрытии перекрытий здания мы обнаружили много кирпичей и пустотелых плиток, которые были разрезаны...» А вскоре выяснилось и причина таких «конструктивных новшества». В специально созданные пустоты монтировалась техника подслушивания, которая вскоре была извлечена и пополнила нелицеприятную коллекцию шпионских «отмычек» ФБР и ЦРУ.

Может сложиться впечатление, что все провокации американской охраны против советских граждан и граждан других стран в США осуществляются по инициативе американских спецслужб и они (и только они) несут за это прямую ответственность. Такое впечатление полностью опровергается президентской директивой, носящей недвусмысленное название «Разведывательная деятельность Соединенных Штатов». В этом документе в графе 1-303, озаглавленной «Тайные операции по добытию информации», прямо указывается адрес, откуда получают указания ЦРУ и ФБР. Там говорится, что согласно установленному президентом США порядку все предложения о такого рода операциях против иностранных представителей докладываются помощнику президента по национальной безопасности. Это делается на заседаниях специального Координационного комитета при Совете национальной безопасности США. На таких заседаниях обычно присутствуют государственный секретарь, министр обороны, министр юстиции и другие высокопоставленные лица. Координационный комитет рассматривает и представляет на утверждение президенту рекомендации по каждому виду таких операций.

В печати не раз отмечалось резкое усиление провокационных действий американских спецслужб против советских граждан и учреждений в США. Подсчитано, что только за первую половину текущего года в США было проведено 360 антисоветских демонстраций, случаев пикетирования посольства, направления писем и листовок с угрозами физической расправы, ограбления квартир, угон и порчи автомашин и т. д. Цифра внушительная. Примерно две антисоветские провокации на день! И на этом строится американская программа «развития двусторонних американско-советских отношений», которую расхваливал недавно президент Рейган? Прямо скажем — это неподходящий фундамент для укрепления доверия и взаимопонимания.

В. КИРИЛОВ.

«Известия», 20 октября 1983 года

* Окончание; начало см. в № 1, 2026 «Приокских зорь».

Немудрено, что и американские спецслужбы устраивали мне каверзы.

В теледебатах, где обсуждались острейшие вопросы советско-американских отношений, мои оппоненты порой выходили за рамки приличий. Так, в программе с говорящим названием Crossfire («Перекрестный огонь») бывший спичрайтер президентов Никсона и Форда Бен Стайн то и дело меня перебивал, а потом стал бубнить: «Мистер Палладин, мистер Палладин, мистер Палладин...», — не давая мне хоть слово сказать.

Самый примечательный случай произошел в апреле 1985 года в теледебатах с Уильямом Бакли. Сын нефтяного магната, ярый поклонник Маккарти*, в молодости он работал в резидентуре ЦРУ в Мехико, а позже основал журнал «Нэшнл ревью», став любимчиком Рональда Рейгана. Тот, будучи на редкость невежественным**, чтением себя не утруждал, но без «Нэшнл ревью» обходиться не мог.

Опусы Бакли дважды в неделю перепечатывали 320 печатных изданий по всей стране, что обеспечило ему немалое влияние и на рядовых американцев.

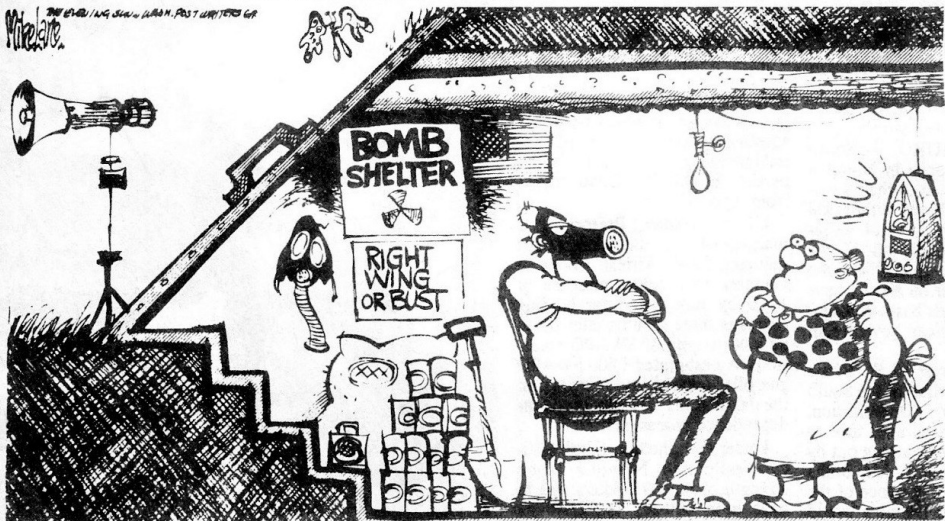
Сам он собаку съел на всевозможных дебатах и с 1966 года вел собственное ток-шоу с красноречивым названием Firing Line («Линия огня»), превратив его в бой гладиаторов.

Поводом нашей дискуссии стала встреча делегации американских конгрессменов с взошедшим на кремлевский престол Горбачевым.

* Сенатор-республиканец ультрареакционных взглядов, после Второй мировой инициировал травлю сограждан, симпатизировавших СССР.

** Рейган лишь на восьмом десятке лет жизни узнал, что Латинская Америка состоит из различных государств, о чем с помпой заявил согражданам по возвращении из поездки в тот регион.

OPINION

'Sure, glasnost, perestroika, Afghan withdrawal — but we're not leaving until we get the "all clear" from William F. Buckley!'

Муж жене: «Да: гласность, перестройка, вывод советских войск из Афганистана... Но бомбоубежище мы не покинем, пока команду "отбой" не даст Уильям Бакли».

Бакли тут же принялся поносить нашу страну, которую Рейган продолжал обзывать империей зла:

— Хотя нам и приходится иметь дело с Советами, не следует забывать, что эти домогающиеся мирового господства рабовладельцы нам не ровня. Переговоры с советскими лидерами бесполезны и даже вредны...

— А что об этом думают в СССР? — обратился ведущий программы Nightline Тед Коппел ко мне.

Незадолго до этого Бакли в той же программе обозвал диктора советского иновещания Джо Адамова платным пропагандистом Кремля, а тот стушевался и молча проглотил виртуальный плевок в лицо. Поэтому я применил домашнюю заготовку:

— Прежде чем ответить на ваш вопрос, замечу: опускаться до обмена оскорблениями с вашим гостем я не намерен. Не желаю становиться лишней причиной конфуза вашей программы — одной и то много...

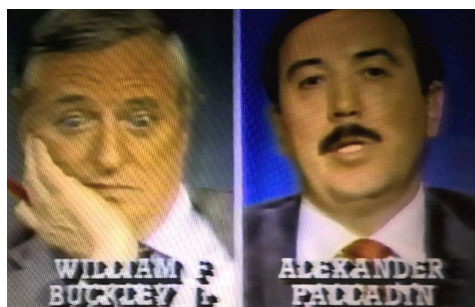
Режиссер передачи тут же дал в эфир двоящее изображение: в одной половине экрана — Бакли, в другой — я.

Физиономия моего оппонента перекосилась, губы скривились в натужной ухмылке, тусклые, бесцветные глаза полыхнули ненавистью.

— Ладно, ладно, — поспешил разнять нас Коппел. — Давайте продолжим...

— Если взглянуть в корень проблемы, — добавил я, — то нормальные взаимоотношения у нас с вами никак не наладятся из-за таких деятелей, как этот ваш гость. Он называет себя консерватором, но разнятся и консерваторы. Президента Ричарда Никсона еще никто не заподозрил в симпатиях к «красным», однако он пошел на ослабление напряженности в отношениях с СССР в интересах самих США...

Ни до, ни после я не получал столько одобрительных откликов телезрителей. По мнению многих из них, давно пора было поставить Бакли на место. «Стыдимся грубого и глупого поведения коллеги, — говорилось в письме из редакции одной из газет в штате Нью-Йорк. — Примите наши искренние извинения!». А телезритель из Сан-Франциско Рой Ледбеттер прислал мне такое письмо: «Говорят, мистер Горбачев очень обаятельный человек. Если он хотя бы наполовину так умен и доброжелателен, как Вы, то Советскому Союзу повезло: у него блестящий, достойный лидер».

2621A Sutter Street
San Francisco, CA 94115

Mr. Alexander Palladin
Bureau Chief, IZVESTIA
4701 Willard Avenue
Chevy Chase, MD 20815

11th April 1985

My dear Mr. Palladin!

My warmest congratulations! I saw you last night (Wednesday) on ABC's NIGHTLINE program. My first impulse is, as an American, to apologize for Mr. William Buckley. However, I am sure that you are aware that millions of Americans are utterly nauseated by the very sound of his name, let alone the venom he comes out with. In all honesty, I hadn't seen him on television for some time, and was a bit surprised that a man of Mr. Ted Koppel's integrity would allow such a person on his program. He (Buckley) came across as rabid with hatred. I hope you realize that there are millions of us common Americans who, in spite of the differences between our two peoples, DO NOT share Mr. Buckley's bitterness. (Several years ago, a leader of the Women's Movement here in America was standing in front of a Roman Catholic Church declaring that abortion was a woman's right. Coming suddenly out of nowhere, the sister of Mr. Buckley, screaming that the woman was an agent of the devil, attacked the woman with her fists and struck her repeatedly WITH A STRING OF ROSARY BEADS. She (Buckley) then fell upon her knees in front of the television cameras and began to scream Hail Marys at the top of her lungs.) The reason I mention this is to point out again, that the Buckley family is not exactly representative of the American people as a whole, and a genuine embarrassment to us all.

Mr. Buckley was in complete contrast to yourself, who came across as a highly cultured, polished, and sophisticated man.]

Let's face it: the arms' race is a dead-end. It is foolish and wasteful for us all. There is no reason for Americans and Soviet citizens to be enemies. This, in spite of all the poison that all the Mr. Reagans and Mr. Buckylys will try to spread in the world. Both sides have to try. I wish that I could say that a summit conference would help at this point in time. However, at this point in time, I fear that we, the American people, have cursed ourselves with a president who, put most charitably, isn't one of the most intelligent creatures on this planet. Nonetheless, my hopes (and prayers) will be that some good can begin to emerge in the near future.

I have heard and read that Mr. Gorbechev is a very charming man. If he is only half as intelligent and good-natured as you, than the Soviet Union is blessed with a brilliant and worthy leader.

I will leave you with one last note: There is an old expression that goes "Some men's hatred flatters me". Think of Mr. Buckley in those terms. If he reserved all that poison for you on the television program the other night, he must be horrified of you as brilliant competition!

If you have a moment, it would be nice to hear from you. If you are too busy, then simply take this note as a letter of friendship. I wish you long life, the best of health, and God's blessing on you and your family.

Sincerely,

Roy Leabetter

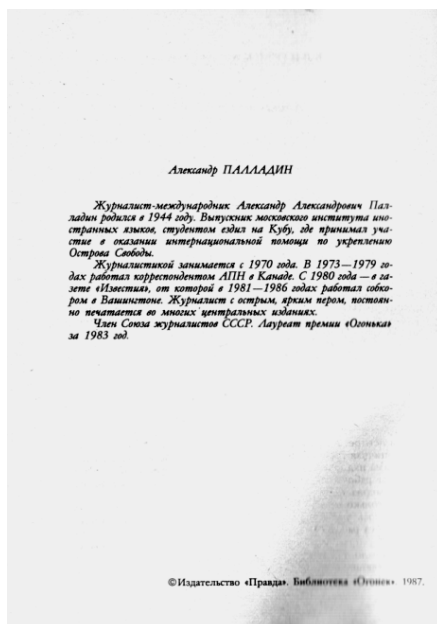
Бабли же разразился статьей, которую, как обычно, перепечатиало множество американских газет. В ней он дал обет никогда больше не вступать в полемику с «красными».

...Летом 1986 года я вернулся на Родину, а в октябре освещал переговоры Горбачева с Рейганом в Рейкьявике.

В столице Исландии с местной красавицей, удостоенной титула «Мисс Вселенная»

Год спустя в популярнейшей в те времена «Библиотеке "Огонька"» напечатали сборник моих корреспонденций из Вашингтона.

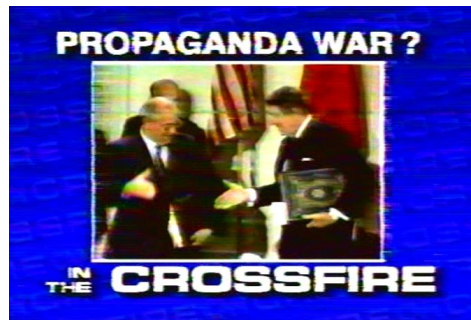

В декабре того же 1987 года я опять побывал в столице США, где состоялась очередная встреча Горбачева с Рейганом.

На южной лужайке Белого дома с зубрами советской журналистики.
Слева направо: Леонид Золотаревский, Федор Бурлацкий, Станислав Кондрашов,
Николай Ефимов и Спартак Беглов

Там я принял участие в телеперепалке в рамках программы Crossfire. На сей раз кроме Брейдена моими оппонентами стали бывший пресс-секретарь Госдепартамента Бернард Калб и возглавлявший PR-службу Рейгана Патрик Бьюкенен (впоследствии он и сам трижды баллотировался на пост главы Белого дома).

Темой наших теледебатов стала «Пропагандистская война». В тот момент США были настолько охвачены «горбиманией», что в местных опросах общественного мнения рейтинг советского лидера почти сравнялся с рейгановским. Назвав это результатом пропаганды Кремля, мои оппоненты каждый на свой лад, но фактически хором исполнили песню «"Красным" верить нельзя».

В годы моей работы вашингтонским собкором «Известий» Бьюкенен всячески выгораживал гитлеровских недобитков, которых после Второй мировой приютили американские власти. Когда в начале 80-х Министерство юстиции США попыталось добиться высылки кое-кого из военных преступников, он почем зря громил сотрудников этого ведомства, обвиняя их в предательстве национальных интересов.

В нашей дискуссии Бьюкенен тоже держался нахраписто, приписывая США право диктовать свои законы и правила всему человечеству. Но я и ему спуска не дал. «Страсти разгорелись не на шутку,— прокомментировала ту передачу "Нью-Йорк таймс".— Бьюкенен был на грани того, чтобы потребовать: вышвырните из студии этого гада [то бишь меня — Авт.]».

Полгода спустя канадские власти обвинили в шпионаже и выслали еще 10 сотрудников совучреждений. В ответ из нашей страны в соответствии с международной практикой выдворили столько же канадцев. И тогда Оттава объявила персонами нон-грата 9 советских граждан, работавших в Канаде в предыдущие годы.

В их число попал и я. Мотивировка все та же: дескать, обхаживал двух помощников одного из канадских министров. В соответствующей публикации в газете «Оттава ситизен» говорилось: работая в Канаде, «Александр Палладин завел много друзей — слишком много, по мнению RCMP. Высокий, симпатичный мужчина со сдержанной улыбкой из-под тонкой полоски усов, любитель джинсовых курток и ковбойских сапог, Палладин был знакомой фигурой на парламентской пресс-галерее и в расположенном через улицу Национальном пресс-клубе».

Ни дать ни взять — советский Джеймс Бонд! Вот только ковбойских — да и любых других — сапог я отродясь не носил...

Тем временем масштабы катастрофы нарастали. Став правой рукой Горбачева, бывший посол в Канаде А. Н. Яковлев дал отечественным СМИ команду «Поворот кругом!»: отныне надлежало бичевать СССР, а США и другие западные государства сделать примером для подражания.

Мне с переобувшимися на лету журналистами было не по пути, и весной 1990 года я отправился в Женеву в качестве пресс-атташе нашей делегации на советско-американских переговорах по стратегическим наступательным вооружениям. Не успел я там, однако, освоиться, как швейцарские власти вдруг вспомнили, что двумя годами ранее по наущению канадских спецслужб запретили мне въезд в их страну.

Пришлось вернуться в Москву, где мне предложили возглавить Службу информации Президента СССР, чтобы готовить для главы государства ежедневные сводки важнейших событий в стране и за рубежом.

Соответствующее удостоверение мне выдали на 5 лет, но уже через год оно утратило свое действие: 25 декабря 1991 года Советский Союз приказал долго жить. Пришлось искать новую работу, причем по новой специальности: о возвращении в журналистику я и не помышлял. Так я стал первопроходцем PR-профессии в бывшем СССР.

Дело пошло на удивление быстро — и на редкость успешно. За океаном я многому научился у местных пиарщиков и благодаря опыту собственной журналистской работы легко находил общий язык с сотрудниками СМИ. Представители компьютерной прессы шутили называли меня интерфейсом, а журнал «Инфобизнес» посвятил мне статью «Свой человек».

А началось все с того, что в 1992 году я стал PR-менеджером по работе с одной из крупнейших в мире трейдерских компаний, носившей имя ее владельца — «Марк Рич» (ныне — Glencore). Тем самым я вступил в заочную схватку с теми из бывших коллег, кто в результате развала СССР прибрал «Известия» к рукам, сделав печатный орган правительства средством личной наживы. Превратившись в частную лавочку, «Известия» вывалила на Рича компромат в виде обвинений в «торговле с врагом», выдвинутых ФБР (в начале 80-х «Марк Рич» в обход американских санкций организовала поставки зерна в СССР).

Озабоченность «Известий» интересами сысского ведомства США выглядела удивительно, пока не выяснилось, что побудило одну из ведущих отечественных газет ополчиться на бельгийского миллиардера, оказавшего немалую услугу нашему народу в трудные для нас времена. Порочащие Рича публикации стали одним из первых в России примеров «черного» пиара, притом в кубе: кампанию очернения оплатили через «черную» кассу, а вероятным заказчиком называли авторитетного предпринимателя Михаила Черного. Он претендовал на звание алюминиевого короля России, и тут дорогу ему перебежал крупнейший экспортер российского алюминия — «Марк Рич».

За два года сотрудничества с этой компанией я помог ей восстановить деловую репутацию в нашей стране, Украине и Казахстане, организовав более 180 статей, теле- и радиопередач. Это произвело неотразимое впечатление на представителей Intel, когда летом 1994 года ведущий мировой производитель микропроцессоров объявил тендер на PR-обслуживание на территории бывшего СССР. В результате в августе

1994 года я начал пиарить Intel, первой же публикацией убедив нанимателей в верности их выбора.

С Intel я сотрудничал до конца 2005 года, обеспечив ей беспрецедентную популярность: многие отечественные потребители и журналисты стали называть ПК и ноутбуки именем стоявших в них процессоров Pentium. (Это как если бы автомобили носили названия их двигателей). При этом Intel сыграла решающую роль во всеобщей компьютеризации нашего общества, в чем есть и моя заслуга как организатора и вдохновителя беспримерной по своему размаху и эффективности информационно-просветительской деятельности, которая полностью соответствовала интересам моего работодателя и принесла огромную пользу России.

Глава корпорации Intel Крейг Барретт, ежегодно совершавший деловые поездки в десятки государств Нового и Старого света, особенно полюбил приезжать в нашу страну. «Больше журналистов в России собирает лишь Путин», — заметил я в одном из отчетов.

Ворох статей (да таких, что и не снились компаниям, практиковавшим «джинсу»*) приносил любой мой проект.

Руководивший бизнесом Intel на территории бывшего СССР Стив Чейз однажды сделал мне своеобразный комплимент:

— Мы все ждем, когда же Вы провалите хоть одно мероприятие.

Так до конца 2005 года и не дождались.

Мою работу в Intel отметили двумя дюжинами почетных дипломов, но самой ценной наградой считаю личное письмо сооснователя Intel, легенды IT-индустрии Эндрю Гроува.

Гроув был наслышан о том, что в России он снискал заслуженный авторитет и уважение благодаря организованным мной публикациям.

Собравшись на покой, он через помощника попросил прислать соответствующие сканы. Я так и сделал, и в ответ получил электронное письмо от самого Гроува: «Наш PR в России выглядит исключительно здорово. Спасибо за ваш неустанный труд!».

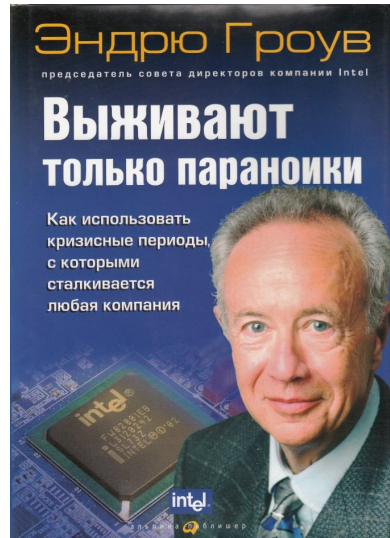
Его помощник добавил: «Энди потрясен вашей подборкой. О нем нигде больше столько и так не писали. Вы словно на другой планете работаете!».

---

* На журналистском жаргоне — заказные, проплаченные тем или иным способом материалы. В Intel это было категорически запрещено.

В 1997 году американский журнал «Тайм» удостоил Гроува титула «Человек года», подчеркнув: «Его микропроцессоры изменили мир и мировую экономику»

В 2003 году в нашей стране издали книгу Э. Гроува, которую предприниматели во всем мире считали настольным учебником

В начале 2006 года я перешел на работу в московский офис Cisco. Как и Intel, она входила в пятерку компаний, чья деятельность меняла к лучшему образ жизни, учебы, работы и отдыха всего человечества. «Мне посчастливилось связать судьбу с двумя великими компаниями, — сказал я в интервью журналу ProDigital. — Деятельность Intel и Cisco дает нашей стране шанс избавиться от "нефтяного проклятья", использовать знания и талант россиян на благо Отчизны».

В Cisco мне поручили как следует раскрутить эту фирму, специализирующуюся на сетевых технологиях. В них я смыслил еще меньше, чем в микропроцессорах. Выручил предыдущий опыт работы пиарщиком. Главное-то в этой профессии — понять, чем работодатель может быть интересен СМИ и полезен стране пребывания.

Того и другого и в Cisco было вдоволь. Компания производила оборудование, в котором остро нуждалось наше государство, была пионером в развитии цифровой экономики и через свои сетевые академии занималась массовой подготовкой местных IT-специалистов. Первой же пресс-конференцией я поразил свое новое руководство количеством и качеством публикаций.

— Блестящий старт знаменитой PR-машины Палладина! — вырвалось у Роберта Эйджи, руководившего деятельностью Cisco в России/СНГ.

Вскоре он изрек и вовсе небывалое:

— Для меня удовольствие и честь работать с вами («It's a pleasure and privilege to work with you»).

То, что я стал делать без малейшей раскачки, в Cisco оказалось беспрецедентным, хотя к тому времени она превратилась в лидера мирового рынка телекоммуникационного оборудования с рыночной капитализацией более 500 миллиардов долларов.

— Нам остается только учиться у вас, — признал мой индийский коллега Шива Субраманиам.

А Фелипе Ламус (отвечал за PR во всей Латинской Америке) так и поступил, прилетев в Москву перенять мой опыт работы.

Вскоре мне не с кем стало соперничать, но я продолжал брать на себя повышенные обязательства, желая познать пределы своих способностей.

До моего перехода в Cisco по упоминаемости российскими СМИ она занимала 62-ю строчку в списке 110 IT-компаний, работавших на нашем рынке. Три с половиной года спустя я вывел ее на 1-е место, обойдя даже Intel. А еще через два года доложил руководству о том, что СМИ России, Украины, Казахстана, Азербайджана, Белоруссии, Узбекистана, Грузии и Армении каждый божий день упоминали Cisco 276 раз.

— Вау! — только и выдавил из себя старший вице-президент Данкан Митчелл, руководивший деятельностью Cisco в Восточной Европе, на Ближнем Востоке и в Африке. Зато европейский директор по продажам Иан Маккарти своих чувств не сдержал:

— Александр, вы шикарны, как «Роллс-Ройс», и стремительны, как «Феррари»!

Руководитель же всех корпоративных коммуникаций Нил Ву Бекер отреагировал так:

— После того как вы обеспечили более половины всех публикаций в мировой прессе, я потерял дар речи. Вы — инопланетянин. Для меня честь сотрудничать с лучшим PR-специалистом нашей компании. Вы всегда добиваетесь 100-процентного результата — не 99,999 %, а всех 100 %!

С тех пор он меня называл «Александр-сто процентов», не подозревая о том, что наши соотечественники похожим прозвищем, но с иным подтекстом наградили бывшего главу правительства Михаила Касьянова. (Тот брал откаты, заслужив кличку «Миша-два процента»).

В восторге была и Хизер Дрейк, под чьим руководством я работал в Cisco первые годы:

— С кем бы ни говорила, все называют вас рок-звездой в мире PR. Если б вас можно было клонировать, я бы ваших двойников назначила PR-менеджерами на всех развивающихся рынках. Своим обаянием, умом, лидерскими качествами вы напоминаете мне Джона Кеннеди. В 1960 году на выборах президента США вы бы тоже победили Ричарда Никсона.

Ни капли не преувеличиваю! Чем бы в своей жизни ни занимался, я всегда следовал наставлению Козьмы Пруtkова: «Единожды солгавши, кто тебе поверит?».

В 2010 году во время визита в США Президент Российской Федерации Дмитрий Медведев встретился с главой компании Cisco Джоном Чемберсом. Тот обязался вложить в развитие нашей страны 1 миллиард долларов и первым из зарубежных предпринимателей поддержал проект «Сколково».

Cisco обязуется поддержать устойчивое развитие российской программы технологических инноваций рассчитанными на несколько лет инвестициями в размере 1 млрд. долларов

В ходе состоявшихся в июне в Сан-Хосе двусторонних переговоров Президент России Дмитрий Медведев и председатель совета директоров, главный исполнительный директор компании Cisco Джон Чемберс обсудили широкий круг инициатив по совместной работе в поддержку российской программы технологических инноваций. На этой встрече Cisco взяла на себя твердое обязательство в качестве партнера по достижению поставленных Россией целей инвестировать 1 млрд. долл. в развитие предпринимательства и устойчивых инноваций. Cisco декларировала пять аспектов российской на десять лет программы совместной работы, в рамках которой и будут произведены инвестиции. Работа по всем этим пяти направлениям будет вестись параллельно.

На состоявшейся встрече Джон Чемберс и глава фонда "Сколково" Виктор Вексельберг подписали меморандум о взаимопонимании, что подчеркивало твердую приверженность компании Cisco проекту "Сколково" как платформы для реализации этой инновационной инициативы.

Первый аспект вышеупомянутой программы предусматривает целенаправленные усилия по привлечению талантов, идей и инвестиций в партнерстве с венчурным сообществом. В связи с этим Cisco объявила о том, что дополнительно выделит на венчурные инвестиции в российскую инновационную экономику 100 млн. долл. За счет прямых инвестиций, поощряющих инновации, и углубления совместной работы с венчурным фондом Altaz Capital Partners компания Cisco намерена еще больше стимулировать деятельность венчурного сообщества, способствующую осуществлению российской инновационной программы. Cisco объявила о намерении довести количество действующих в России Сетевых охватов до 300.

В рамках второго направления своей деятельности по созданию в России инновационной и венчурной платформы Cisco объявила о твердом намерении обеспечить свое физическое присутствие в Инновационном центре Сколково. Чтобы наполнить взятое на себя обязательства конкретным содержанием, Cisco незамедлительно начнет выделять ресурсы в области развития бизнеса, передовых идей, услуг и консалтинга. Cisco намерена сделать Сколково первым в России населенным пунктом, где будет применена ее новейшая концепция "умных" и подключенных Интернету сообществ.

Третье направление деятельности Cisco предусматривает расширение объема ресурсов, выделяемых для научных исследований и клиентоцентричного строительства в России. Предполагается, что по завершении строительства инфраструктуры в Сколково старший вице-президент компании Cisco Мартин Де Бир сформирует вторую глобальную штаб-квартиру для отдела перспективных технологий Cisco (Emerging Technologies Group) и разместит в Сколково ведущих специалистов своей инновационной команды. Cisco намерена использовать инновационную платформу Сколково для создания ряда новых бизнес-подразделений и будет способствовать превращению Сколково в одну из наиболее технологически развитых зон в мире.

Еще одно направление деятельности Cisco будет нацелено на совместную разработку моделей выхода на рынок, обеспечивающих успешную деятельность предприятий-стартапов в партнерстве с российским венчурным сообществом. Чтобы с самого начала содействовать развитию новаторского духа, Cisco объявила третий этап своего конкурса H2ix.

Пятый аспект программы Cisco предусматривает разработку модели партнерства с существующими российскими предприятиями, венчурными и технологическими

компаниями. Cisco позаботится о том, чтобы совместные проекты в таких областях, как smart grid ("умные" сети электропередач), финансовые услуги, операторские модели, финансирование, развертывание широкополосных и социальных сетей для создания продуктов, решений и бизнес-моделей, пригодных для экспорта. Кроме того, Cisco планирует со временем повысить ценность своих физических активов в Сколково за счет применения технологий совместной работы и расширить свое виртуальное присутствие в интересах развития инноваций в России и за рубежом.

Инновационный центр Сколково, построенный на основе лучших практик Гидландии и Миддлсекса, признанных по экономическому развитию и модернизации страны, будет сосредоточен на информационно-коммуникационных технологиях, а также на биотехнологиях, энергетике и ядерных исследованиях. Управление проектом и его финансирование будет осуществляться консорциум, состоящий из государственных и частных организаций России.

Предусматривается, что Cisco получит возможность играть ведущую роль в проектировании Инновационного центра Сколково. При этом за основу будет взята бизнес-модель, использованная при строительстве Восточного центра мобильности Сити в Бэйлэппере (Индия).

Инновационный центр Сколково будет спроектирован таким образом, чтобы полностью соответствовать концепции Cisco по созданию "умных" и подключенных сообществ (Smart + Connected Communities). Он станет образцовым объектом в развитии ряда приоритетных областей, включая "умные" подключенные здания (Smart Connected Buildings), "умные" сети электропередач (Smart Grid), "умную" подключенную недвижимость (Smart Connected Real Estate), физическую и информационную безопасность, подотделений в Интернету транспорт, образование и здравоохранение.

Cisco и фонд "Сколково" будут осуществлять и другие программы развития навыков и умений в области информационно-коммуникационных технологий и предпринимательства, разработанные на базе существующих учебных программ и инициатив.

Я организовал такое освещение этого события в российских СМИ, что о нем доложили самому Чемберсу. Вскоре он прислал мне письмо с благодарностью за «решающую роль» в обеспечении успешного визита главы нашего государства в штаб-квартиру Cisco и уникальную награду — «Chairman's Choice Award» («Выбор Председателя»): Чемберс занимал должность председателя совета директоров Cisco).

Годом позже меня официально признали лучшим PR-менеджером всей корпорации.

<p>PR Person of the Quarter: Criteria</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Media Relations 2. Strategic Counsel 3. Informed Risk Taking 4. Global Mindset/Impact 5. Campaign Execution 	<p>And, the global PR person of the quarter IS.....</p>		<p>Emerging Markets</p> <p>Alexander Palladin</p> <p>Crisis management expertise, media relations</p> <ul style="list-style-type: none"> • A significant crisis emerged in Russia. • Alexander provided high level counsel to the management in Russia and various communications including internal comms, legal and others. • Alexander's deep knowledge of the local press and his ability to connect them, and influence their opinion was key to Cisco receiving much more balanced coverage than expected. • "Without this we would have seen a high level crisis develop that could have threatened our multi billion dollar business and attracted the attention of govt auditors." • Simultaneously, Alexander drove two significant press events including one with the Russian and French govt healthcare departments. Both were executed flawlessly and delivered exceptional results.
---	--	--	---

Высоко оценивали мою деятельность и сограждане. В 2013 году на всероссийской конференции отраслевых PR-специалистов меня назвали лучшим в отечественной индустрии информационно-коммуникационных технологий.

А генеральный директор «С-Терра СиЭсПи» (крупнейший российский партнер Cisco) Сергей Дмитриевич Рябко прислал мне такое письмо: «Я от работы с Вами всегда испытывал огромное удовольствие. Для меня это была большая наука. Вы — очень масштабный, мудрый человек и явление совсем не XXI века. Вы носите раритетный для современности заряд человеческого достоинства, взвешенности, интеллигентности».

Всему, однако, рано или поздно приходит конец. В сентябре 2016 года я стал пенсионером с полувековым стажем работы. И то сказать: мне шел уже 73-й год...

Два месяца спустя за «выдающийся вклад в развитие PR в IT» меня удостоили премии «PR in IT Award — 2016»*.

На пенсии я до 14-го колена изучил свою родословную и издал соответствующую трилогию: «Нашему роду Палладиных 400 лет», «В нас течет и кровь Корчагиных», «С прадедом на Русско-японской войне». Кроме того, восстановил сотрудничество с «Литературной газетой», завел блог в соцсетях и стал постоянным автором «Приокских зорь».

Много лет назад, работая пиарщиком, я придумал девиз: «Жить — хорошо, а жить, хорошо делая свое дело, еще лучше». Ему, в сущности, я следовал всю свою жизнь.

---

* Учреждена сообществом занятых в IT-индустрии PR-специалистов, журналистов и экспертов при поддержке ведущих IT-компаний, профессиональных ассоциаций и коммуникационного агентства Khisam Communications.

Игорь Родин
(г. Москва)

ЖИТЬ

Игорь Олегович Родин — писатель, переводчик, драматург, автор более 200 книг, выпущенных массовыми тиражами. Окончил филологический факультет Московского пединститута им. Ленина, далее аспирантуру Института мировой литературы РАН. Член СП России. Победитель литературных конкурсов им. Крылова, Достоевского, Куприна, Блока. Имеет литературные награды.

В тот вечер опять был скандал. Впрочем, в последнее время они случались практически каждый день. После трех лет совместной жизни я изучил все возможные способы манипуляций, все провокации, все поводы к началу конфликта. Я считал про себя до ста, пытался со всем соглашаться, применять приемы «психологического ай-кидо», вычитанные из книг, погружаться в подобие медитации, представляя себя внутри звуконепроницаемого пузыря, быть вызывающе позитивным, убийственно саркастичным, неестественно апатичным... Одним словом, чего я только не перепробовал. Но как говорится, выиграть, играя на чужом поле, невероятно трудно. Да и еще у противника, который по всем меркам является асом в своем деле.

Родители моей жены начали разводиться, когда ей было лет десять. Еще десять лет это продолжалось — с каждодневными разборками, тайным вывозом из квартиры вещей и сменой замков, с бесконечными манипуляциями детьми — одним словом, со всем тем, на что способны только представители истинной, по-настоящему рафинированной интеллигенции. Так что модель семьи у моей благоверной была самая что ни на есть боевая, и в этой модели она чувствовала себя как рыба в воде. Выяснилось это только после женитьбы, внезапно, словно кто какой-то тумблер переключил. Представляю, каких трудов стоило ей сдерживаться до свадьбы. Мои родители на все мои жалобы и приезды к ним в неурочное время реагировали вяло. «Сам ее выбрал, так что терпи,— говорила мать.— Семья — дело святое!» Отец один на один делился по секрету житейской мудростью: «Не обращай внимания. Бабы все примерно одинаковые. В конечном итоге меняешь шило на мыло. Только и всего». С их доводами было трудно не согласиться. Но чем дальше, тем больше я чувствовал, что нахожусь в каком-то тупике. Однако то ли из лени, то ли из-за усталости, внезапно навалившейся на плечи, никаких шагов к изменению ситуации я не предпринимал. Единственной надеждой, с которой я приходил каждый день домой, была такая: чтобы меня оставили в покое. С удивительным постоянством она не сбывалась, но каждый раз вопреки всякой логике я продолжал надеяться.

В этот раз все шло по обычному сценарию. Я долго сдерживался, пока меня планомерно выводили на заранее заготовленные позиции. Видя, что на позиции я выходить не желаю, противоположная сторона сделала следующий шаг: в ход пошло швыряние вещей и инициирование показательной генеральной уборки. Молча собравшись, я вышел из дома, громко хлопнув дверью.

Был октябрь. На улице недавно прошел дождь, и асфальт, там, где не был покрыт опавшей листвой, блестел в свете ночных фонарей. Безо всякой цели я шел через город. Внутри была пустота. Уже не помню как, я оказался в районе «Новослободской». Решив срезать путь, я свернул в переулок и внезапно остановился, увидев неоновую вывеску. На тусклом желтом фоне было написано: «Бар. Последние деньги». Кто и почему назвал так заведение, было абсолютной загадкой. Однако вывеска настолько соответствовала моему внутреннему состоянию, что я решил — надо непременно туда зайти. Да и выпить горячительного не мешало: за время своих блужданий я успел здорово замерзнуть. На двери я прочел объявление: «Работаем до последнего посетителя». Это было как нельзя кстати.

Открыв скрипучую дверь, я шагнул через порог.

Бар представлял собой длинное унылое помещение, тускло освещенное низко висящими лампами. Стены были выкрашены в какой-то серо-бежевый цвет без особых изысков. Посетителей почти не было. За одним из столиков сидела компания из трех находящихся в изрядном подпитии человек. В отдалении у стойки бара сидел еще один посетитель и неподвижно смотрел на стоящий перед ним бокал пива. Полусонный бармен, сидящий на стуле, ожил и положил передо мной на стойку преysкурант.

— Сто коньяка, — сказал я, даже не взглянув в перечень напитков.

Бармен молча налил. Я так же молча выпил. По телу начало распространяться живительное тепло. О семейных разборках думать не хотелось, поэтому я принялся наблюдать за посетителями. Троица, сидевшая в отдалении, вела нечленораздельный разговор. Один, менее пьяный, уговаривал двух других (более пьяных) куда-то пойти, от чего те вяло отнекивались. По всему было видно, что это какие-то приятели по работе, подгулявшие после окончания трудового дня. Ничего интересного. Вот тот, который сидел у стойки, вызвал во мне куда больше любопытства. Человек был одет в хорошо отглаженные брюки и велюровый пиджак шоколадного цвета. Рядом на стуле лежал рыжий портфель. Несмотря на неподвижную позу и взгляд, устремленный куда-то в одну точку, мужчина был трезв — это становилось очевидным в те короткие мгновения, когда он возвращался мыслями в окружающую реальность и словно с каким-то недоумением оглядывался по сторонам.

«Нет, — решил я после нескольких минут наблюдений, — неприятности на работе так не выглядят, тут что-то посерьезней. Неужели тоже личная драма?»

Сделав такой вывод, я тотчас проникся симпатией к незнакомцу, почував в нем родственную душу.

Троица в другом конце зала поднялась с места: видимо, самому трезвому все же удалось уговорить приятелей предпринять вояж в известном ему направлении. Хлопнула дверь, и в зале остались двое, если не считать бармена, который, получив деньги с ушедших гуляк, скрылся где-то в недрах заведения.

Было непривычно тихо. Никто не звенел посудой, не разговаривал. Не слышно было и музыки, телевизор тоже стоял выключенный (возможно, этим бармен намекал, что «последним посетителям» тоже было бы неплохо отправиться по домам). Но я уходил никуда не собиравшись.

Еще минут через пять я решил. Подойдя к стойке, я сел через пару стульев от незнакомца.

— Не помешаю? — спросил затем.

Тот очнулся, посмотрел рассеянно в мою сторону, пожал плечами.

— Не хочу быть невежливым, но скажите, вам не нужен собеседник?

Тот снова посмотрел на меня. На этот раз, как мне показалось, несколько удивленно.

— Не знаю... Как-то не думал об этом... Хотя, наверное, больше нужен, чем не нужен. По крайней мере, поможет отвлечься.

— Это точно. Позвольте? — я указал на стул, расположенный рядом с ним.

— Прошу,— ответил тот.

Я пересел. Увидев появившегося в зале бармена, я поднял руку.

— Пива, будьте любезны.

Бармен едва не плюнул с досады, что придется проторчать здесь еще как минимум минут десять-пятнадцать, но налил бокал и поставил передо мной на стойку. То, что градус нельзя понижать, я много раз слышал, но на собственном опыте давным-давно осознал, что это полная ерунда и глупый предрассудок.

Отхлебнув из бокала, я немного помолчал.

— Давно сидите? — спросил наконец.

Мужчина вернулся в нашу реальность и рассеянно взглянул на часы.

— Давно... Часов с восьми.

— Ого,— удивился я.— Что, личная драма?

— Нет... Хотя в каком-то смысле... Можно и так сказать. Но не в том, в каком вы спросили.

— Если честно, я ничего не понял.

— С диссертацией меня прокатили. Сегодня защита была.

— Кандидатская?

— Ну да, кандидатская... Сказали, что антинаучные методы практикую.

— А в какой области трудитесь, если не секрет?

— Нет, не секрет. Я историк.

Я замолчал. Интересно, что такого антинаучного можно было написать в диссертации, чтобы заслужить такие характеристики?

Внезапно мой собеседник рассмеялся.

— Похоже, вы решили, что я проталкивал идеи о строителях пирамид в Древнем Египте, прилетевших из созвездия Ориона? Или о том, что индусы десять тысяч лет назад под предводительством какого-нибудь Арджуны летали на чудо-машинах, называющихся «виманы»?

Я улыбнулся в ответ.

— Признаться, что-то в этом роде.

— Спешу разочаровать. Моя тема гораздо скучнее. Она о Русской смуте начала XVII века.

— Годунов, Самозванец, Марина Мнишек и компания?

— Они самые.

— Интересно, чего же вы там такого написали, что вас так заклемили?

— Попытался реконструировать события.

— Только-то?

— В соответствии с беспристрастной логикой попытался заполнить лакуны в историческом повествовании и избавиться от откровенного вранья, которого нагородили бог знает сколько за прошедшие века. А вообще это долгий разговор. Честно говоря, я не готов вести диалог на эту тему. С меня сегодняшнего было достаточно.

— Понятно.

— Ну, а у вас что стряслось? Что привело вас сюда одного в столь неурочный час? Да еще в будни.

Я было приготовился отвечать, но собеседник прервал меня.

— Погодите. Не говорите ничего. Позвольте мне угадать...

— Пожалуйста.

Мужчина помедлил.

— Ну, то, что проблемы личного, я бы сказал семейного характера, понятно. Очевидно и то, что подобная канитель вам изрядно надоела. Но чтобы уйти, нужно понимать куда. Да и инерция — вещь труднопреодолимая.

То, что мой собеседник столь легко отгадал суть моих душевных терзаний, меня немного уязвило.

— Интересно, откуда вы все знаете?

— Не обижайтесь. Знаю, поскольку сам проходил через нечто подобное. Так что до боли все знакомо. Даже ваше выражение лица, уж простите.

— А что не так с выражением моего лица?

— На нем крупными буквами написано: «И за что только мне все это?» Впрочем, на моем лице, наверное, тоже написано нечто похожее.

Мы рассмеялись.

— И как вы решились уйти? — спросил я. — Много времени заняло осознание?

— Да как сказать. Тут важно другое.

— Что именно?

— Где проходит красная линия.

— Что еще за красная линия?

— Постараюсь объяснить. Семья важна для каждого человека. Кроме того, ты строишь с кем-то совместную жизнь, а совместная жизнь — всегда компромисс. Прощение и терпение. И тут-то встает главный вопрос...

— Какой?

— До какой степени ты готов терпеть и уступать. И где проходит та самая граница, отступив за которую, ты перестаешь жить собственной жизнью и начинаешь жить чужой.

— И как вы это заметили?

— Не поверите. Однажды утром встал — и понял, что живу не своей жизнью. Понимаете, все ведь происходит не сразу... Постепенно, шаг за шагом. Пятишься, пятишься — и вот уже занимаешься не тем, что тебе нравится и что ты любишь, а тем, что нужно кому-то, за что платят больше, что считается престижным или модным. В один прекрасный день оглянешься, а ты — это уже не ты, а кто-то другой, несимпатичный и тебе самому мало интересный. Если хватит мужества, вернешься на свою дорогу...

— А если нет?

— Тоже ничего страшного. Успокою: так живет процентов восемьдесят наших с вами современников. И по-своему они правы.

— В том смысле, что высокие идеалы и мечты о великом — это одно, а реальная, повседневная жизнь — другое?

— Что-то в этом роде.

Я немного подождал.

— Знаете, я ведь тоже задумывался об этом. Ну, разведешься, женишься еще раз. А в итоге окажется, что получил тот же предмет, только вид сбоку... Да и мечты... Годам к тридцати пяти неизбежно начинаешь осознавать, что все твои великие цели — не более чем инфантильные фантазии о собственной значимости. Да и вообще, все эти возвышенные идеалы, жизнь ради великой идеи, какая-то неземная любовь являются выдумками оторванных от реальности писателей или, хуже того, поэтов. «Ромео и Джульетта», «Алые паруса» и тому подобная чепуха.

— Похоже, вы пытаетесь самого себя в чем-то убедить.

— В чем?

— Что жить жизнью более или менее комфортной и привычной, но которая вам не нравится, лучше, чем идти по дороге, которая трудна, но близка вашему сердцу. На самом деле вопрос очень прост. Есть ли в вашей жизни любовь? Как вам лучше? Вместе или одному?

— Ну, это упрощение... Да и вообще, бывает она, эта любовь, которая описывается в романах? Некоторые вообще считают, что это болезнь, которая ни к чему хорошему никогда не приводит. Не случайно у всех этих поэтов «любовь» рифмуется исключительно со словом «кровь».

— Забавно, что вы сказали именно это. Не знаю, насколько великая любовь —

это болезнь. Однако я вам могу рассказать историю... Точнее, даже пару историй, которые имели место в реальности. И даже документально подтверждены. Там тоже все неоднозначно. Честно говоря, я до сих пор не знаю, как к ним относиться. Но как историк, ответственно заявляю, события эти не тривиальные.

— Интересно послушать. Кстати, Алексей,— представился я.

— Святослав,— отозвался мой собеседник и пожал протянутую руку.

Он немного помолчал.

— Вы, конечно, слышали об истории Инес де Кастро и Педру Справедливом?

— Инес де Кастро? — растерянно повторил я.— Не припомню. Кастро... Это что-то связанное с Кубой?

— Нет,— усмехнулся Святослав.— Это никак не связано с Кубой. Скорее, с Португалией XIV века. К слову, в данной стране это национальный миф.

— Стыдно признаться в своей серости,— ответил я чуть раздраженно,— но ничего подобного я не слышал.

— Ну, хорошо. Дело в том, что этот сюжет пришел мне в голову, поскольку он как нельзя лучше иллюстрирует мысль, которую я высказал чуть раньше. Но вначале пару слов в качестве вступления. Думаю, оно необходимо. В свое время, в частности, когда решал уже упоминавшиеся проблемы личного характера, я много думал на подобные темы. И никак не мог ответить на вопрос — чего в мире за историю человечества совершенно больше во имя любви — подвигов или преступлений? Самопожертвований или предательства? Актов милосердия или невообразимых злодейств? Один мой знакомый сказал, что все зависит от человека. Если человек хороший, то и поступки будут добрые. Если плохой, то и поступки будут соответствующие. Тогда я с ним согласился. Но теперь... Теперь я понимаю, что не бывает людей абсолютно добрых или злых. Это всегда смесь, а человек — это поле битвы добра и зла. Не случайно, начиная со средних веков, религия пыталась отделить любовь духовную от любви плотской, поскольку, как они считали, лишь от духовной любви рождается добро, а плотская способна приносить лишь зло и разрушения. В эпоху Возрождения жизнелюбивые ваганты и сладкоголосые миннезингеры освободили человека от гнетущей его с рождения греховности и воспели осанну всему земному, в том числе и любви. И с той поры пошло. С одной стороны, Петрарка с его Лаурой и Ромео с Джульеттой, ставшие символом высокого чувства, с другой — Бокаччо с его «Декамероном» и Чосер с «Кентерберийскими рассказами», где всю прославлялись земные, плотские утехы. С одной стороны — Гюго с его Эсмеральдой и страдающим горбуном Квазимодо, с другой — Золя с его натуралистичностью и даже физиологичностью, как в «Терезе Ракен» или «Жерминале». С одной стороны — великий идеалист Пушкин с его Гриневым из «Капитанской дочки», с другой — Толстой с его «Крейцеровой сонатой»... Впрочем, не буду долго распространяться на эту тему. Иначе вы заскучаете. Перейду к рассказу.

У короля Португалии Афонсу IV был сын Педру. А еще была дочь Мария. Как это было принято, для укрепления политического положения он решил заключить династический брак и выдал дочь замуж за Альфонсо XI Кастильского. Кастилья была тогда отдельным государством и постоянно соперничала с Португалией. У супругов родился сын. Все складывалось как нельзя лучше. Однако далеко идущим планам Афонсу не суждено было сбыться. Не прошло и шести лет с момента заключения брака, как его зять завел долгосрочный роман с одной из дворянок. Мало того, занимал от нее ребенка и даже начал везде появляться с ней публично. Интрижки были в порядке вещей для представителей высшего слоя того времени, но только не такие, которые бы угрожали политически выгодным бракам. Не стерпев оскорбления, Мария взяла сына и вернулась в дом отца. Вся эта ситуация в итоге вылилась в громкий скандал, который едва не перерос в войну между соседними государствами.

Несмотря на то, что Афонсу был взбешен произошедшим, он не оставил своей

затем заключить союз с Кастилией, скрепив его прочным династическим браком. После предпринятых усилий он вскоре женил своего сына Педру на Констансе Мануэль, Королеве Кастилии. С приданым в 300 тысяч дублонов и большой свитой она приехала в Португалию, где и состоялось венчание. Среди многочисленных фрейлин Констансы была Инес де Кастро, дочь аристократа из Галисии.

Надо сказать, что в ту пору династические браки считались вообще одним из главных инструментов в политике. Вопрос решался, как бы сейчас сказали, на самом высоком уровне — ведь принцип крови лежал в основе престолонаследия. Интересно, что и Констансу и Педру едва ли не в младенческом возрасте женили. Ее выдали замуж за кастильского короля, его женили на кастильской принцессе. Но политическая ситуация поменялась, династическая колода перемешалась в который раз, прежние браки через пару лет были расторгнуты — и в итоге Педру с Констансой оказались мужем и женой. Педру было девятнадцать, его жене двадцать три. Инес де Кастро было всего четырнадцать, но Педру влюбился в нее, едва только увидел. Вначале эта любовь была тайной, но через некоторое время о ней начали догадываться окружающие. Через шесть лет Констанса умерла при родах. Ребенок был слаб и тоже ушел в мир иной, не прожив даже нескольких дней. После этого Педру стал открыто жить с Инес. Он повсюду появлялся с ней, делал ей подарки. Казалось, они встретились только вчера, поскольку у них всегда находилась тема для разговора. Окружающие не могли не видеть, как Педру и Инес относятся друг к другу. У кого-то это вызывало слезы умиления, у кого-то зависть, а у кого-то даже ярость. Да-да, ярость. Король Афонсу множество раз намекал, а потом открыто приказывал сыну подумать о заключении брака с особой королевских кровей и подобрать подходящую партию, исходя из насущных интересов страны. Но тот ничего не хотел слушать. Он любил Инес, и несмотря на то, что за прошедшие несколько лет она уже успела родить ему четверых детей, его любовь ничуть не стала меньше. Мало того, она простиралась столь далеко, что он стал жаловать титулы и высокие придворные должности братьям Инес. Кроме того, распространился слух, что Педру тайно обвенчался с Инес. Местная знать во главе с Афонсу была не на шутку встревожена. Королю очень не нравилось, что история, произошедшая в свое время с дочерью, когда столь выгодный династический брак был разрушен из-за фаворитки, теперь повторяется с сыном. Афонсу серьезно опасался, что в будущем может начаться гражданская война, поскольку дети Инес станут претендовать на престол, в результате чего трон может попасть в кастильские руки. Инес пытались удалить от двора и подкупом, и уговорами. Но все было безрезультатно. И вот когда военная необходимость заставила Педру отлучиться, советникам Афонсу удалось убедить его избавиться от ненавистной фаворитки. Во дворец были подсланы трое убийц, которые закололи ее на глазах одного из детей. Так закончила свой жизненный путь Инес де Кастро, прожившая на свете всего тридцать лет.

Узнав о случившемся, взбешенный Педру восстал против отца. Началась гражданская война, которой тот так опасался. Больших трудов стоило, чтобы добиться заключения мира. Впрочем, почти сразу после этого Афонсо умер, и Педру вступил на престол. Первое, что он сделал, это приказал найти убийц Инес. Несмотря на то, что те пытались укрыться в Кастилии, он добился их выдачи в обмен на кастильских пленников. Двоих убийц судили (третьему удалось сбежать), они были признаны виновными, и Педру лично вырезал сердце каждому из них. А далее произошло и вовсе невиданное. Педру объявил о своем намерении официально жениться на... Инес! Он приказал извлечь труп Инес из могилы, обрядить в роскошное свадебное платье и посадить на трон. С момента убийства прошло шесть лет, и тело возлюбленной почти успело истлеть. Но это не смутило Педру. Он лично возложил корону на голову Инес, а затем, собрав в зале вельмож и придворных, заставил всех по очереди подходить к трупу возлюбленной и, воздавая королевские почести, целовать ей

руку. Таким образом те присягали на верность новой Королеве. При этом Педру зорко следил, чтобы никто не смог уклониться от данной процедуры. Закончив страшный обряд, он приказал поместить тело Инес в роскошный саркофаг и заново захоронить со всеми полагающимися почестями в царской усыпальнице. Спустя еще шесть лет Педру скончался и, согласно его воле, был похоронен рядом с саркофагом своей теперь уже законной супруги. Их гробницы поставили одну напротив другой, чтобы в день Страшного суда они смогли подняться навстречу друг другу. Надпись на саркофаге гласит: «Ate o fim do mundo...», что в переводе означает «До конца света»...

Рассказчик остановился. Повисла пауза.

— Ничего себе,— из-за стойки показалась голова бармена.— Я такого еще не слышал. Извините, я тут краем уха...

— Ничего страшного,— успокоил Святослав и отхлебнул из бокала.

— Ничего страшного? Жуть сплошная,— бармен помотал головой, словно хотел вытрясти из нее недавно услышанную историю.

— Да, вы великолепный рассказчик,— счел нужным я вставить.

— Знаете что? — бармен перегнулся через стойку и взял у Святослава наполовину пустой бокал.— Налью я вам, пожалуй, свежего пива. За счет заведения.

Он отошел к кранам и принялся наполнять новый бокал.

— Признаться, история производит впечатление,— задумчиво проговорил я.

— Ну, это история достаточно известная. И вспомнил я о ней лишь потому, что на нее меня навела вторая история, которую я сейчас хочу рассказать. О ней вы не прочтете нигде — ни в книгах, ни в интернете.

Бармен принес бокал пива и, поставив его перед Святославом, сел на стул по ту сторону стойки. Похоже, он уже никуда не торопился.

— Откуда же тогда вы знаете эту историю? — задал я вопрос.

— Как-то рылся в архиве и случайно наткнулся на старую тетрадь в коричневом кожаном переплете. Это был дневник. Дневник женщины, жившей во Франции во второй половине XVIII века.

— Вы знаете французский?

— Да... Немного... Общаться на нем мне доводится редко, так что разговорный навык у меня так себе. Но на то, чтобы книги читать, вполне хватает. Впрочем, поговорить тоже пришлось, пока привык к почерку.

— А кому принадлежал этот дневник?

— Это осталось неизвестным. Лишь на первой странице было сверху написано: «Марта Н.» Видимо, это было имя владелицы. Так я ее и буду называть. Записи охватывали большой промежуток времени. Вначале это были разрозненные записи, которые делались от случая к случаю. Но большая часть все же писалась много времени спустя после описываемых событий и представляла собой воспоминания. Впрочем, вы сами все поймете. Какие-то несущественные детали я додумал сам, но в целом канва произошедшего была прописана очень хорошо. Не знаю, для кого предназначался этот дневник. Возможно, для потомков, а возможно, не предназначался ни для кого. Это так и останется неизвестным.

— Вы нас совсем заинтриговали,— усмехнулся я.— Если рассказ будет еще удивительней того, что мы уже услышали, то...

— ...любая выпивка и в любом количестве за счет заведения! — поддержал бармен.

— Спасибо за щедрость,— отозвался Святослав и начал: — Первые записи относятся ко времени, когда наша Марта была еще совсем девочкой. Ничего интересного, но по ним все же можно кое-что сказать... Происходила Марта из знатного, но обедневшего рода. Мать ее очень любила, но она рано умерла, когда девочке едва исполнилось пять лет. Отец полжизни провел при дворе и на военной службе. Он привык жить что называется на полную катушку и ни в чем себе не отказывать. В результате

прототал свое и так не слишком богатое наследство, к тридцати пяти годам почти полностью облысел, от отсутствия умеренности в еде заработал большую печень, а от неумеренного питания — подагру. Врачи приходили, хмурились, качали головой, пускали больному кровь, предписывали строгую диету и полный запрет на употребление вина, но все их советы и предписания оставались втуне. Пациент даже в виду маячащей перед носом кончины не собирался себя ни в чем ограничивать. Дела в поместье, от которого и так осталось не очень много, были пущены на самотек и вконец пришли в совершенно плачевное состояние. Настал момент, когда бывший капитан гвардии слег в постель. Видимо, понимая, что долго не протянет, он решил позаботиться о дочери, которая до того была препоручена заботам нянек, мамок, гувернеров и гувернанток. Дочери исполнилось пятнадцать лет, и отец решил, что единственный способ, как он может позаботиться о своем единственном ребенке, это выдать удачно замуж. Последние деньги были направлены на то, чтобы принимать у себя гостей — потенциальных женихов Марты. Однако гости приезжали, охотно угощались за столом, вели куртуазные беседы с дочерью хозяина, но делать предложение не спешили: никто не хотел брать в жены бесприданницу. Наконец, почти отчаявшись, отец написал письмо своему знакомому по военной службе. Тот, по слухам, недавно овдовел и теперь подыскивал себе жену. Через пару недель визит состоялся. Граф де Монтре оказался высоким, худым мужчиной в летах. Он был моложе отца Марты, но волосы у него были с проседью, а лицо изборождено морщинами, которые издали походили на глубокие шрамы. Взгляд его был прямым и властным, держался он с невероятным достоинством. Вечер прошел церемонно и даже чопорно. За время ужина он не сказал с Мартой и пары слов. Утром он уже уехал. А в обед отец сообщил дочери, что она выходит замуж. Подготовка заняла чуть больше месяца. Затем состоялись торжественный обряд венчания, приличествующие случаю торжества, по окончании которых новоиспеченная жена переехала в замок своего мужа. Отец, исполнив свой долг, мысли о котором изрядно отравляли ему жизнь последние годы, вздохнул свободнее и наконец безо всяких ограничений предался своим любимым занятиям — пьянству, обжорству и веселью. Усилия его не остались напрасны, и менее чем через полгода он благополучно переселился в мир иной. Кроме долгов он ничего не оставил. Уплатить их пришлось графу, мужу Марты, так что отныне ее родовое имение перешло в его собственность. Впрочем, это было лишь малой толикой богатств, которыми владел граф де Монтре. У него было несколько поместий, замок, обширные лесные угодья, водяные мельницы, виноградники... Но не это было главным. Главным было то, что муж Марты оказался человеком властным, холодным и невероятно жестоким. Вся прислуга трепетала перед хозяином и беспрекословно исполняла все его прихоти. За малейшую провинность следовало немедленное наказание. Экзекуция обычно происходила на центральной площади замка. Виновного привязывали к стоящему здесь столбу, а подручный графа (его звали Жофруа) длинным кожаным кнутом вбивал в него должное почтение и полное послушание своему господину. Иногда граф сам брал в руки кнут и показывал, как нужно с ним обращаться. Смотреть на происходящее сгонялись все обитатели замка. Увиденное должно было послужить им наглядным примером и серьезным наездом на будущее.

Любимыми занятиями графа были упражнения в военном деле, а также охота. Он часами упражнялся во владении шпагой или саблей. Иногда даже пробовал себя в сражении на старинных мечах или боевых топорах, которых в замке по стенам висело огромное множество. Использовать ружья он не любил, предпочитая пистолеты. Но и их, когда отправлялся на охоту, с собой не брал. «Когда убиваешь зверя с расстояния, пропадает весь смысл охоты», — любил говорить он. Поэтому здесь в ходу были все виды холодного оружия: от ножей, сабель и топоров до кистеней, алебард и копий. Особое удовольствие графу доставляло, когда настигнув зайца или лису, он на скаку разрубал их пополам саблей. Крупного зверя он предпочитал сразу не убивать,

а долго преследовать, иногда по нескольку дней, и лишь полностью измотав, с видом триумфатора пронзал обессиленного противника.

Появление в замке жены ничуть не изменило привычек графа. Он по-прежнему предавался своим любимым занятиям, и Марта по большей части проводила время одна. Слуги говорить с ней боялись, компаньоны графа по военным играм были учтивы, но сохраняли почтительную дистанцию, родственников у графа в живых никого не осталось, так что Марте даже поговорить было не с кем. Она стала часто выходить за пределы замка, бродить по окрестным рощам, по берегу озера, располагавшегося неподалеку. Окрестности замка были совершенно безопасны, так как разбойники и даже браконьеры боялись появляться во владениях графа. Особенно после того, как он повесил нескольких из них прямо на перекрестке двух дорог.

Во время одной из таких прогулок Марта и повстречала Его. Это был молодой дворянин. В сопровождении слуги он ехал в гости к своему знакомому, имение которого располагалась по соседству с имением графа. Увидев девушку, он осадил коня и спросил дорогу, объяснив, что немного заблудился. Юноша был статным, улыбкивым и красивым, и, вернувшись домой, Марта долго не могла выбросить его из головы. Видимо, юноше тоже понравилась Марта, и на следующие утро он появился рядом с замком. Граф отсутствовал: он третий день как пропал на охоте. Марта вышла на прогулку, и у них с юношей завязался непринужденный разговор. Чувство вспыхнуло в них почти сразу. Звали юношу Этьен, он был дальним родственником соседа и приехал, чтобы тот дал ему рекомендацию для поступления в гвардию. Первоначально он планировал пробыть здесь не более трех дней, но... Три дня прошли, потом еще три, потом еще пять... Родственникам он говорил, что ездит на охоту.

На одной из полян в лесу стояла небольшая избушка. Раньше здесь жил лесник, но потом он умер, и жилище уже несколько лет пустовало. Там-то и встречались влюбленные. Марта теперь не ходила, а почти летала. Она и не подозревала раньше, что чувства могут быть такими всеобъемлющими и огромными. Она любила в первый и в последний раз в жизни — она знала это наверняка. Часто Марта и Этьен думали о том, как и куда они могли бы вместе сбежать, но подобное предприятие требовало времени и большой предварительной работы. Когда граф бывал дома, отлучаться Марта никуда не могла, и она считала часы и минуты до того мгновения, когда он наконец уедет по делам или на охоту. Перемен в жене граф не замечал, да и особо не обращал на нее внимания. Зато перемена не ускользнула от внимания Жофруа, его верного подручного. Решив, что здесь что-то нечисто, он в следующий раз по пути на охоту сказал графу, что его конь захромал и ему надо заехать в кузницу, чтобы его перековать. Сам же отправился к замку и принялся ждать. Скоро из ворот появилась Марта и двинулась к лесу. Проследив за ней до самого домика лесника и увидев объятия, в которые заключил ее поджидавший там Этьен, Жофруа тихо сел на коня и отправился к графу.

На следующий день, когда ничего не подозревающие влюбленные, расположившись на ложе, как всегда мечтали о счастливой будущей жизни, дверь сторожки открылась и внутрь вошли граф и Жофруа. Ударом кулака Этьена сбросили на пол. В следующий миг у графа в руке очутился длинный кожаный хлыст, и Марта ощутила ожог от удара. Потом от еще одного, и еще...

Когда она пришла в себя, то увидела, что находится на лесной поляне. Недалеко от нее лежал Этьен. Одежда его была порвана, на лице запеклась кровь. Граф и Жофруа сидели в отдалении на толстом бревне. Они закусывали и пили вино. Увидев, что Марта пришла в себя, граф подал знак своему слуге. Жофруа поднялся, взял стоящее рядом ведро и выплеснул воду на Этьена. Тот очнулся и попытался приподняться. Граф не торопясь подошел и негромко произнес:

— Вижу, вы пришли в себя. Отлично. Вы нанесли мне оскорбление, и нам предстоит дуэль. Как оскорбленная сторона, я пользуюсь правом выбора оружия.

Граф вынул шпагу из ножен и несколько раз со свистом рассек воздух.

— Вы нанесли мне очень тяжкое оскорбление, поэтому, я полагаю, выбор распространяется и на ваше оружие.

Граф достал кинжал и бросил Этьену. Затем снял камзол и остался в белой рубахе.

— Я буду биться так. Это для того, чтобы раны, полученные мной, были хорошо видны на белом фоне. Вот только что делать с вами? Ваши одежды невозможно грязны. Думаю, следует от них избавиться. К тому же будет вполне логично сражаться именно в том виде, в каком вы наносили мне оскорбление.

Граф кивнул Жофруа, и тот содрал с Этьена одежду.

— Ну, вставайте,— усмехнулся граф.— Пора нести ответ передо мной и Господом. Да, забыл сказать. Если вдруг вы решите сбежать, то Жофруа прикончит вас сразу же, как только вы попытаетесь это сделать.

Жофруа поднял с земли тяжелый заряженный арбалет и направил на Этьена.

Сделав усилие, Этьен встал на ноги.

— А что будет с Мартой? — спросил он.

— Надо же,— усмехнулся граф.— В такой момент думать не о себе. Очень благородно. Ответить могу лишь одно. Она моя жена, и это не ваше дело.

— Я... Я в том смысле... Что будет, если мне удастся победить? Поединок будет честный?

Граф рассмеялся. Жофруа поддержал его.

— Ну, если такое случится, то, конечно же, победитель получит все. Вы сможете беспрепятственно уехать и взять с собой эту не слишком благородную даму. Мы вас отпустим. Правда, Жофруа?

Жофруа рассмеялся и согласно закивал головой.

На этом разговоры кончились, и начался поединок. Если его можно было назвать таковым. Граф владел оружием в совершенстве. Он ходил вокруг, делал выпады и обманные движения, словно танцевал возле жертвы. И с каждым кругом он наносил противнику легкие уколы или длинные неглубокие раны. Как ни пытался Этьен достать кинжалом до графа, ему ни разу это не удалось. Из его ран сочилась кровь, и скоро почти все тело было покрыто ею... Смертельный танец продолжался больше часа, но граф, казалось, лишь входил во вкус. А ран становилось все больше. Кровь текла ручьями по телу Этьена, лицо его стало бледным, на траве повсюду оставался ярко-красный след. Видя весь этот ужас, Марта несколько раз пыталась умолять мужа о пощаде, но тот лишь направлял на нее шпагу — и та умолкала. Сколько еще длился этот кошмар, Марта не знала. Но вот настал миг, когда Этьен, окончательно потеряв силы, опустился на землю. Не в силах смотреть на происходящее, Марта закрыла глаза. И здесь в голове промелькнула мысль: следующей непременно станет она. Страх придал ей силы. Выбрав момент, когда граф и Жофруа отвернулись, она бросилась бежать в лес. Через минуту она услышала позади окрик графа: обнаружив пропажу, он послылал за беглянкой Жофруа.

Гонка по лесу продолжалась долго. Уже почти совсем стемнело, и ветви деревьев хлестали Марту по лицу. Временами ей казалось, что она оторвалась от погони. Однако Жофруа хорошо знал лес, и скоро Марта оказалась прижата к реке. Берег был безлесым. Впереди чернел обрыв, а сзади из-за деревьев выходил Жофруа. Марту охватило отчаяние. Бежать было некуда. Да и зачем теперь ей было жить? Любимый, скорее всего, уже мертв. А без него зачем ей эта жизнь? И она, разбежавшись, бросилась с обрыва. Темные холодные воды объяли ее со всех сторон и понесли куда-то вдаль...

Святослав прервал рассказ и отпил пива.

— И что было дальше? — не вытерпел бармен.

— Судя по тому, что все это было описано в тетрадке, она не умерла,— предположил я.

Святослав помолчал и сделал еще один хороший глоток.

— Да, вы правы. Марта не умерла. Бог даровал ей жизнь. Когда она очнулась, был день, и она лежала в лесной избушке. Раны ее были перевязаны, к ноге примотана длинная палка. Скоро появилась хозяйка жилища — в длинной грубой рубахе и некоем подобии жилетки из заячьих шкур.

— Вы кто? Где я? — спросила Марта, но старуха не ответила, а лишь заставила выпить ее какой-то отвар.

Разговорилась она лишь на следующий день. Звали старуху Бо. Что это было — имя или прозвище — Марта так и не узнала. Зато выяснилось следующее. Старуха нашла тело на берегу реки — его вынесло течением на отмель. Увидев, что в нем еще теплится жизнь, старуха принесла «утопленницу» в свою хижину и стала выхаживать.

На протяжении нескольких месяцев Марта находилась у Бо и за это время успела узнать ее нехитрую историю.

Бо была потомственной целительницей и ведуньей. Вначале она жила в одной из деревень, но когда однажды случился неурожай и начался голод, обезумевшие от безысходности крестьяне обвинили ее в колдовстве и подожгли ее дом. Бо насилу успела убежать. С тех пор она поселилась в лесу. Иногда она помогала людям: переданный по наследству дар этого требовал. Но делала это на нейтральной территории: ближе к деревне располагалась заброшенная охотничья хижина. В ней она лечила травами хворых, собирала и сращивала сломанные конечности, зашивала порезы... О ее настоящем жилище не знал никто.

Через пару недель Марта пошла на поправку, начала вставать, затем стала помогать Бо по хозяйству. О том, как оказалась в реке, Марта не рассказывала знахарке, сказав, что ничего не помнит о своей прошлой жизни. Впрочем, та и не расспрашивала. Видя, что Марта проявляет интерес к приготовлению различных блюд, Бо стала обучать ее кропотливой и нелегкой науке. Может, хотела чем-то занять случайную гостью, а может, видела в ней свою помощницу в будущем... И Марта училась. Зачем ей это, она не очень понимала, но ей нравилось узнавать что-то новое. Это давало ей ощущение, будто у нее началась новая жизнь. Однако это ощущение обычно продолжалось недолго. Мысли вновь и вновь возвращались к тому, что произошло. «Видно, для того, чтобы начать новую жизнь, надо вначале закончить старую», — решила она в конце концов. После этого у нее в голове начал созреть план...

Граф продолжал жить в своем замке. Об исчезновении жены знали все в округе. Официальной версией было то, что хозяйка графских угодий заблудилась в лесу во время прогулки. Были организованы поиски, но они ни к чему не привели. Большинство участвовавших в поисках пришли к неутешительному выводу, что, скорее всего, женщина подверглась нападению хищных зверей и стала их добычей. Впрочем, те, кто лучше знал нрав графа, подозревали, что дело здесь не чисто, но предпочитали помалкивать, чтобы не нажить опасного врага. Поиски прекратили, все постепенно улеглось. И вдруг, словно снег на голову, через два с половиной месяца графиня объявилась в соседнем владении — оборванная и исхудавшая. Ее тут же доставили в замок к графу. После приличествующего выражения удивления и радости при виде воскресшей супруги граф дал обед в честь гостей и, щедро одарив, проводил домой. Оставшись с Мартой один на один, он изменился в лице и в ярости закричал:

— Как ты смела вернуться сюда, подлая тварь? После всего, что ты сделала?

Неожиданно Марта упала на колени и припала губами к руке мужа.

— Я не знаю, чем так рассердила тебя, мой господин! Все, что было после нашей свадьбы, стерлось у меня из памяти, и я не помню ровным счетом ничего... Когда я очнулась в лесу, я не помнила даже, как меня зовут. Со временем мне уда-

лось вспомнить только то, что было до женитьбы... Если я в чем-то виновата, прости меня! Я готова сделать все, чтобы загладить свою вину! Повелевай мною, мой господин!

Граф озадаченно замолчал. Некоторое время он думал. «Если бы она сразу пришла сюда, то можно было бы поступить так, как она заслуживает,— размышлял, по всей видимости, он.— Но ее привели соседи... Нет, получается слишком много свидетелей...».

— Ладно,— сказал он наконец.— Иди к себе. Посмотрим, что с тобой делать.

Последующие дни превратились для Марты в настоящее испытание. Граф обращался с ней хуже, чем со служанкой, проверяя, действительно ли она готова ради него на все. Кроме того, он постоянно расставлял ловушки, пытаясь понять, не лжет ли Марта о потере памяти. Он как бы невзначай заговаривал то о событиях, имевших место через какое-то время после свадьбы, то вспоминал о подарках, которые делал жене, то о визитах соседей. Но Марта ни разу не была уличена во лжи. Она безропотно, с кроткой улыбкой исполняла все, что ей приказывали, ничем не выдавая своих истинных чувств. Прошел месяц, и граф наконец убедился, что жена действительно ничего не помнит.

Увидев, что граф ослабил хватку, Марта поняла, что настала пора действовать.

На следующий день она улучшила минуту и, оставшись наедине с Жофруа, сказала:

— Я давно заметила, как ты смотришь в мою сторону. Не стану скрывать, мне нравятся сильные и смелые мужчины. Мой муж такой. Но он стар, а ты молод. Мы могли бы встретиться с тобой, когда мужа не будет в замке.

Жофруа помолчал, потом произнес:

— А ты не боишься, женщина, что я пойду и все расскажу твоему мужу?

— Нет, не боюсь,— рассмеялась Марта.— Как думаешь, кому он поверит — тебе или мне? Даже если на тебя и не обрушится его гнев и он склонится в твою сторону, он тебе никогда не простит, что его жена предпочла ему кого-то.

— Да, ты умна,— проговорил Жофруа.— Где же мы встретимся?

— В лесу у реки есть сторожка лесника. Будь там, я приду.

Минуло два дня. По поведению Жофруа и по взглядам, которые он то и дело бросал в сторону Марты, было видно, что его снедает нетерпение. Наконец граф сообщил о своем намерении отправиться на охоту. Назавтра кавалькада охотников выехала из замка еще затемно. Однако Марта не торопилась. Только к полудню она незаметно покинула свои покои и, миновав ворота, углубилась в лес. Когда она достигла сторожки лесника, то увидела привязанного рядом коня. Усмехнувшись, она вошла внутрь. Здесь она когда-то встречалась со своим любимым. Все вокруг напоминало об этом. Однако в этих воспоминаниях не было острого ощущения горя или боли невозвратной утраты. Они сделались далекими и какими-то невесомыми, как пролетающее мимо облако. Как смутные грезы о потерянном рае.

Жофруа лежал на полу. Рядом валялся разбитый кувшин, заранее заботливо приготовленный Мартой. Чуть поодаль темнела кроваво-вишневая лужа разлитого вина. Вид распостертой фигуры вернул Марту к действительности. Нынешняя ее жизнь была адом, а раз так, то сам Бог велел стать ей ангелом мщения и смерти...

Граф вернулся в замок поздно вечером: Марта хорошо слышала, как лошади подъезжали ко входу, как потом в обеденном зале охотники отмечали свои подвиги и как потом посланные графом люди повсюду искали Жофруа. А затем поднялись гвалт и крик. Все обитатели замка были созваны в большую залу, а в покоях был устроен обыск. Через час все стало ясно. В комнате Жофруа почти не было личных вещей, а на полу нашли две золотые монеты. Хотя в это и было трудно поверить, ни у кого не осталось никаких сомнений: Жофруа сбежал, прихватив почти все

деньги хозяина. Граф был в ярости. Три дня беглеца разыскивали по всей округе, но так и не нашли.

Вернувшись домой, Граф много пил, затем крушил в обеденном зале мебель и бил посуду, пытаясь дать выход душившей его злобе. А утром его нашли мертвым. На полу среди черепков и обломков стульев. Врач диагностировал внезапный апоплексический удар. Несмотря на то, что граф был черств и жесток, обитатели замка горевали, так как их дальнейшая судьба была под вопросом. Деньги украл коварный Жофруа, а жена графа, наследница его имущества, была слишком убита горем. Она едва ли не все время проводила в молельне, из глаз ее то и дело капали слезы. Даже те, кто раньше сомневался в искренности ее чувств, теперь полностью уверились, что графиня действительно была предана усопшему. Скоро стало известно, что графиня на последние деньги возвела отдельно стоящий от родовой усыпальницы склеп и повелела перенести туда тело мужа. Каждый день обитатели замка могли наблюдать, как утром графиня шла к склепу. Пробыв там около часа, она шла в молельню. Скоро рядом со склепом выросла часовня, украшенная ликом Спасителя в терновом венце. Деньги у графини, судя по всему, совсем подошли к концу, и большую часть слуг ей пришлось уволить. Но те не держали на нее зла. Напротив — с почтением и благоговением передавали о ней рассказы своим родным и знакомым...

Прошло почти три месяца. И вот наступило утро, одно из тех, когда Марта посещала склеп мужа. Она вышла из ворот и медленно двинулась привычной дорогой. Весь ее вид был полон скорби и смирения... Наконец она очутилась перед дверьми склепа. Отперев их большим ключом, висевшим на шее, она вошла внутрь. Дверь издала ржавый скрежет и снова плотно закрылась за ней.

На широком каменном ложе, покрытом льняной тканью, лежал парализованный граф. Его обнаженная фигура была недвижима, лишь веки едва заметно подрагивали. На теле его не было живого места. Все оно было в порезах и колотых ранах. Некоторые из них успели зарубцеваться, а какие-то были совсем свежими. Рядом на стуле лежала шпага графа, которой, судя по всему, эти раны были нанесены.

— Вижу, ты ждал меня,— сказала Марта и села на другой стул, стоящий у стены.— Знаешь, а я соскучилась. Вчера молилась и то и дело отвлекалась — хорошо ли приготовила эликсир, а то еще умрешь, не дай Бог, раньше времени.

Марта помолчала. Затем встала, подошла и нагнулась над телом, глядя графу прямо в глаза.

— Я знаю, лежать так и ждать конца — невыносимо. И чувствовать, как жизнь капля за каплей выходит из тебя. И понимать, что скоро ты будешь жалким, смердящим, никому не нужным трупом... Впрочем, для тебя эта перемена будет не так заметна. Ведь этим смердящим трупом ты был и раньше. Только не все это понимали.

Марта взяла шпагу. Веки графа задергались чаще, и из-под правого века вытекла слеза.

— Не бойся,— Марта опустила шпагу.— Сегодня для тебя радостный день. Скоро твои мучения закончатся, и ты отправишься напрямик в ад, где тебе и место. А тело твое будет похоронено. Но нет, не здесь. В выгребной яме, которую ты уготовил тому, кого я любила... Да, его извлекли из болота, омыли, и он ждет часа, чтобы здесь занять место моего мужа... Да, Жофруа, как и ты, очень не хотел умирать и рассказал, куда дел тело. Кстати, хоть он денег и не воровал, тебя он ненавидел и боялся. Это все, что ты заслужил в этой жизни... Он умолял пощадить его. Но я закопала его. Живьем. Вот этими руками,— Марта показала графу свои ладони.— Тебя ждет то же. С той разницей, что закапывать я тебя не буду. Ты сам утонешь в грязи и слизи. Но это в любом случае лучше, чем жить твоей жизнью. Может, Бог тебя и простит. Он милосерден... Только я человек, и я тебя не прощаю. Я отпускаю тебя. Иди с миром. Сегодня все закончится.

Марта встала и, тяжело вздохнув, вышла из склепа...

Святослав остановился. Отпил из бокала, поморщился: за время рассказа пиво успело нагреться.

— И что, все это было написано в дневнике? — спросил бармен, не обратив внимания на последнюю гримасу рассказчика.

— Да. И, надо сказать, очень подробно. Похоже, большая часть писалась в один присест. Видимо, автору нужно было выговориться.

— И это конец истории?

— Нет. Дальше идут разрозненные записи, которые делались в разные годы.

— И о чем они?

— В целом о пустяках. Бытовые детали. Хотя по ним тоже можно многое сказать.

— Например?

— Пользуясь своими знаниями трав, Марта стала помогать людям и лечить их. На территории своих владений она построила что-то вроде лечебницы, куда мог прийти любой человек, не зависимо от своего социального положения и общественного статуса. Неподалеку на пожертвования и собственные средства она возвела храм, где больные и их родственники могли молиться о здравии. Во время чумы, разразившейся в крае, ее владения оказались единственными, куда не был запрещен въезд больным и страждущим... И вне зависимости от того, что происходило вокруг, какая погода стояла на дворе, каждое утро Марта отправлялась к склепу своего мужа и зажигала свечу в расположенной рядом часовне... Прожила она долго, пользуясь всеобщим уважением окружающих, граничащим с благоговением. Для всех она была примером великой любви и преданности, бескорыстного служения людям. Некоторые почитали ее и вовсе святой, а между собой звали не иначе как «благочестивая Марта»...

Повисла пауза.

— Скажите, Святослав, — спросил я. — А почему вы решили, что это реальная история, а не, предположим, роман, который сочиняла дама галантного века? Слишком уж все это как-то... Литературно, что ли. Любовь, смерть, месть за любимого, искупление... Все по канонам жанра.

— Не знаю. Может, и так. Хотя законы, как вы говорите, жанра — взяли из жизни. Так что наша жизнь вполне может развиваться в его русле. У кого-то произведение получается скучным и банальным, у кого-то таким, что даже в виде романа кажется чем-то диким и неправдоподобным. Впрочем, есть одно обстоятельство. Не знаю, насколько оно убедительно. Дело в том, что я разослал письма некоторым специалистам-историкам во Франции. И от одного мне даже пришел ответ.

— Да? И какой?

— Он писал, что в Бургундии действительно в указанное время жила похожая на описанную мной персона. Вразумительных сведений о ней не сохранилось, так как последовавшие Великая Французская революция и Эпоха Наполеоновских войн стерли с лица земли не только ее поместье, но и документы, в которых она упоминается. Лишь среди крестьян, населяющих обширные территории на юго-востоке области, живет воспоминание о доброй госпоже, которая после смерти мужа много лет хранила ему верность, помогала людям и которую все помнили именно как «благочестивую Марту»...

Рассказчик умолк. Некоторое время все молчали. Бармен взял стакан с остатками пива и унес куда-то. Не иначе как вспомнил об обещанной бесплатной выпивке и предпочел скрыться от греха подальше.

— Ну, пора нам, пожалуй, двигаться по домам.

Святослав встал, я поднялся следом.

— Всего хорошего! — крикнул я бармену. Не знаю, услышал он или нет.

Спустившись с крыльца, мы остановились. Я хотел о чем-то спросить Святослава, что-то узнать еще, но слова никак не складывались в предложения. Возникла неловкая пауза. Видимо, уловив это, Святослав сказал:

— Ну, счастливо. Желаю вам удачно решить свои проблемы,— и, пожав мне руку, скрылся в арке. Только через несколько минут до меня дошло, что я не взял у него ни адреса, ни телефона. Выругавшись про себя, я сунул руки в карманы и свернул в переулок, ведущий к «Новослободской».

Было холодно, и я поднял воротник. Из головы не шел рассказ моего ночного собеседника. «Что это было? — я изо всех сил старался удержаться в рамках здравого смысла.— Ну, предположим, первая история — это известный эпизод, описанный и переработанный разными авторами... Второй — возможно, вообще по большей части литературное произведение. XVIII век был богат на такого рода придумки. Хотя он сказал, что получил письмо из Франции...»

Внезапно я почувствовал какую-то перемену, произошедшую у меня внутри. Все эти вопросы вдруг стали не важны и начали казаться ничтожными и маленькими на фоне того, что пришло им на смену. Я ощутил удивительную легкость, которой не чувствовал уже на протяжении последних нескольких лет. Это было настолько захватывающе и ново, что я даже удивился: откуда вдруг нахлынуло подобное чувство? Но в следующую минуту понял: это было следствием принятого решения. Решения жить полной жизнью, не ограниченной искусственными барьерами и глупыми пред-рассудками. Жить своей жизнью, а не чужой, идти своим путем, а не нарезать круги возле какой бы то ни было персоны или навязанной идеи. И, конечно же, любить. Потому что жизнь без любви — это смерть, только растянутая во времени. И пусть даже в моей жизни не случится ничего подобного тому, что рассказывал историк со старинным именем Святослав, я готов лишь за мечту об этом пожертвовать всем, что у меня есть.

Я остановился. Вокруг была ночь. По шоссе проезжали редкие машины, начинал падать мокрый снег. Сел на лавочку, достал сигарету и закурил. Я никуда не торопился. Потому что отныне был свободен.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Максим Ершов
(г. Москва)

НАЧАЛЬНИК БУТЫРКИ

Наш постоянный автор, член Русского географического общества.

— Товарищ подполковник, проходите, — сказал контролер, предлагая не выкладывать на стол ключи.

— Пономарев, еще раз подобное повторится, объявлю выговор. Каждого входящего ты обязан проконтролировать через рамку, спросить номер, посмотреть карточку, удостовериться в личности, переложить ее в отсек «Находятся на территории» и только после этого пропустить. Исключений ни для кого не должно быть!

Отчитав подчиненного, Алексей Николаевич полез в карман, вытащил все металлическое и положил на стол, после чего, не глядя на опешившего прапорщика, отправился на обход территории.

СИЗО № 2 в простонародье именовалось Бутыркой и считалось местом историческим. Многие из тех, кто прошел через ее стены, в дальнейшем вытащил счастливый билетик. Другие, имея все, наоборот, сгнули в застенках. Впрочем, то было давно, при Брежневе и в перестройку за политику сажали в исключительных случаях. Подопечными Орехова являлись уголовники. Если прокуратура вынесла вердикт: человек для общества опасен и до суда должен содержаться в изоляторе — начальник СИЗО решение обязан проконтролировать.

На дворе стоял июль 1992 год. Страна уверенно катилась в непонятное будущее, капиталистическим оскалом которого пугали с детства. Цены каждый месяц обновляли рекорды, зарплаты и пенсии за ними не поспевали. Обычные граждане выкручивались, кто как мог, зато пиршествовали те, кто при советской власти шел по 154 статье (спекуляция).

Возле новоявленных бизнесменов суетились рэкетеры. На первых порах они собирали дань, чего в дальнейшем оказалось мало. К кому ранее была применима 161 статья (грабеж), обнаглев от безнаказанности, группировались в бригады и устанавливали собственные порядки. Прокуратура и милиция работали без выходных, задерживали, предъявляли обвинение, отправляли в СИЗО, но ситуация день ото дня еще более усугублялась.

В двухместных камерах сидело по шесть человек, а в четырехместных — по двенадцать. С кормежкой дела обстояли еще хуже. Назревал бунт, который начальник СИЗО всеми способами обязан был предотвратить.

Орехов прошел по внутреннему двору, заглянул в кочегарку и на кухню. На тюремной робе повара красовалась бирка с фамилией Файзулаев, рядом обозначалась статья 205.6 (несообщение о преступлении).

— Файзулаев, твоя смена. Думал, Алексева увижу. Скажи, пожалуйста, если котел 120 литров, из него 500 порций супа, сколько картошки нужно и сколько мяса?

— Гражданин начальник, на 120 литров необходимо примерно 120 хороших картофелин, морковь и перец по вкусу. Самое главное — мясо. На два литра, чтобы суп был наваристым, нужна банка тушенки. У меня на весь котел 11 банок, и с картошкой не густо. Но хлеб будет. Каждому по кусочку нарежем. На второе — пюре картофельное, но оно опять жидкое будет, зато чая по два стакана нацедить сможем.

Узбек Файзулаев был поваром от Бога. Как только поступил, его сразу определили на кухню. При новой власти единая система снабжения приказала «долго жить». СИЗО и исправительные учреждения стали получать дотации, которые не поспевали за инфляцией. Если раньше на 1 рубль обеспечивалось сносное питание, то теперь на 30 приходилось кормить баландой. Файзулаев добавлял специи, но они не могли обмануть пустых желудков. Заключение проявляли недовольство. Грозил карцером, охрана их успокаивала, но ситуация всякий раз повторялась.

Орехов проверил количество пустых банок из-под тушенки. На содержание полтора тысяч заключенных приходилось три котла, и он лично подписал накладную на 33 банки. Повар ничего не спрятал, но это ничего не меняло.

Добравшись до кабинета, Орехов поприветствовал секретаря Лидию, и попросил, чтобы она вызвала заместителя, замполита и дежурных офицеров. Они проводили досмотр и должны были доложить о результатах.

Не придерживаясь четкого графика, после подъема контролеры старались навестись с проверкой. Сидельцев строили, предлагая добровольно передать запрещенное. Сотрудничать с ментами считалось «западло». Зеки отмалчивались, и начинался шмон. Полы и стены простукивались молотком, матрасы, одеяла, подушки перетряхивались, кровати отодвигались, в некоторых случаях развинчивались дужки. Вытяжка, рукомойник, сливной бачок, закрытое решеткой окно, личные вещи, одежда — досматривалось все, в том числе сами сидельцы.

От большого мира они были отделены, при этом всякий раз выявлялось запрещенное: карты, порнографические открытки, кастеты, заточки, алкоголь, наркотический порошок... и даже выточенные не пойми из чего «дуры» (болванки пистолетов), предназначавшиеся взять на испуг «вертухая». Когда появлялись дуры, это было признаком назревавшего бунта.

— Алексей Николаевич, разрешите? — приоткрыв дверь, произнес замполит Серегин. В советское время он проводил беседы, от низменного направляя к нравственному. Теперь же, когда мировоззрение претерпело изменения, без каких-либо сюсюканий открыто предлагал — пойти на сотрудничество со следствием, сообщать про сокамерников, либо перевестись к «красным» (отряд, выполняющий хозяйственные функции, где применимы статьи по условно-досрочному освобождению. Матерые зеки «красных» презирали, и потому в Бутырке их отделили от основного контингента).

— Товарищи, заходите. Рассаживайтесь. Я жду доклада. Капитан Серегин, вы второй этаж должны были досматривать. Начнем с вас,— голос подполковника звучал уверенно, однако подчиненные уловили нотки беспокойства.

Ручки и карандаши вместе с бумагами были разбросаны по столу, чего начальник прежде не допускал, и даже форменная рубаха оказалась расстегнута не на одну, а сразу на две пуговицы, словно ему не хватало воздуха. За спиной подполковника висел портрет Ельцина. Президент, слегка прищурившись, пытался вникнуть в происходящее.

— Товарищ подполковник, силами вверенного мне подразделения была проведена проверка камер второго этажа. У осужденного по 161 статье Минева по кличке

Слон нашли одекolon и зажигалку. В этой же камере у первоходов Струнина и Плошкина, оба идут за хулиганство по 213-ой, отобрали нож и веревочную лестницу. Ее из простыней связали, она у Плошкина под рубахой была намотана. Судя по всему, это Минев накрутить велел.

— Хорошенькое дело. А что в других камерах?

— В восьмой, двенадцатой, тринадцатой, семнадцатой и двадцатой: заточки, наркотический порошок, штырь еще не обточенный, а у идущего по 148-ой Сорокина — нунчаки. Товарищ подполковник, вы этого парня наверняка помните. Дознаватель полагает, он кражу взял на себя. На воле запугали, и тут та же песня. Мать передачу передала, в камеру пришел — блатные отобрали. Этот Сорокин на прошлой неделе на утреннем построении как стоял, так и упал плашмя. Доктора вызвали, тот определил голодный обморок. В общем, ситуация тяжелая, настроения агрессивные, но дальше может быть еще хуже,— закончил замполит, выкладывая отобранное.

Взгляд начальника застыл на разложенных предметах. Орехов размышлял над ситуацией, после развернулся в сторону заместителя.

— Алексей Николаевич, на третьем этаже улов меньше, но тоже кое-что нашлось,— произнес капитан Тернов, предьявляя утыканную иглами булавку.

— Вы только посмотрите, какая обточка! В камерах ни напильников, ни наждачной бумаги. Судя по всему, через хлеб передали,— констатировал Орехов.

Зарплаты сотрудников из-за инфляции обесценились, при этом то, что должны были выплатить, задерживали. Потому на предложения от уголовников многие соглашались: передавали записки и посылки, где могло находиться запрещенное.

Общаясь с подчиненными, Орехов понимал: доверять на все сто он может только людям, с которыми прошел огонь, воду и медные трубы. К числу таковых относился Петров. Ему и джагу (нож) к горлу приставляли, и жене обещали клоуна сделать (обезобразить лицо), и дочери угрожали, и денег через посредников пытались закинуть, но все было бесполезно. На сотрудничество Петров не шел. В итоге эки его зауважали, наградив кличкой «Святой Петр». На зоне каждого сажали на кличку, но почетной среди персонала удаивались немногие.

Старший лейтенант Петров руководил досмотром первого этажа, и начал докладывать после Тернова.

— Товарищ подполковник, на первом этаже, сами знаете, много деловых по 159 статье (мошенничество). Публика умеренная, но тоже наблатькались, борзоты не занимать. При проведении утренней проверки в третьей камере произошел инцидент. Содержащийся под стражей Самоха по кличке Штрудель пытался ударить прапорщика Никифорова. У них конфликт давний. Самоха, хотя и проходит по 160 статье (присвоение чужого имущества), гонору на всю 161-ую (грабеж). Нарушитель переведен в карцер. В остальных камерах улов небогатый: запрещенная литература, карты с девицами, чекушка водки, две гитарных струны. Думаю, удавку хотели сделать. Кому принадлежали струны, пока не выяснил, но узнаю. С информаторами еще не общался. Самое главное, в третьей камере, где авторитет этот, все забываю, как его...

— Фантик,— подсказал Орехов.

— Так точно, ожидающий суда по 126 статье (похищение человека) Чошашвили, новоявленный вор Фантик. Так вот, сидит он с кооператорами. При проведении проверки было найдено две банки черной икры, красная рыба, вяленая буженина, а в тюбике шампуня самогонка. Из этой камеры свидание неделю назад получал Шестаков, статья 159. Я собственноручно провожал его обратно и шел он с легким пакетом. Откуда яства? Не понимаю,— закончил Петров.

— Откуда-откуда? Не иначе скатерть самобранку завели. Авторитетные законники сохраняют понятия, а коронованные на мандаринах жируют и ни с кем не делятся,— вырвалось у Орехова.

— Товарищи офицеры, благодарю за несение службы! Прошу сохранять спокой-

ствие и действовать согласно Уголовно-Исправительному кодексу,— подытожил начальник, завершая совещание.

Настроение было тягостным, предстояло найти решение из неразрешимой ситуации. Собрав в мешок отобранное, Орехов отправился в Пугачевскую башню, где размещался небольшой музей. Он всякий раз приходил туда, чтобы успокоиться.

Коллекцию курировал молодой лейтенант Сомоненко. Он принял ее от ушедшего в отставку майора Малышева. В отряде ХОЗО Сомоненко отвечал за воспитательную работу, изучал архивы и в буквальном смысле горел музейными делами.

Лейтенант встретил подполковника во внутреннем дворе, отдал честь, доложил, принял мешок и поспешил за начальником. Вставшие на путь исправления мели метлами двор. При приближении Орехова замирали по стойке «смирно», возобновляя работу, когда подполковник и лейтенант удалялись. Так было положено по правилам: при встрече с персоналом изолятора, заключенные из ХОЗО обязаны остановиться и обозначить себя.

Зайдя в подъезд административного здания, офицеры поднялись на третий этаж и прошли по коридору, который заканчивался обычной комнатой с книжным шкафом. На закате советского времени майор Малышев упросил начальство о выделении средств для обустройства музея. Все, что хотел, не получил, но на ложную панель, в виде книжного шкафа, хватило. Отодвинув стеллаж в сторону, Сомоненко зазвенел ключами. После оба стали спускаться по лестнице и оказались во внутреннем пространстве башни.

Верхнюю часть зала занимали картины, к стенам жались витрины. В прежние времена за счет опор центрального столба башня разделялась на три этажа и предназначалась для женщин. Беременным и кормящим старались создать лучшие условия. Здесь родилась и прожила до двух лет будущая чемпионка мира по гимнастике Елена Карпущина. После множества реконструкций в башне разместился музей, а чтобы обыграть пространство, историческую колонну дополнили стеллажами.

Коллекция вела отсчет от 1971 года, когда лейтенант Малышев начал собирать замки, задвижки, цепи и отобранные во время проверок предметы. Начальство идею поддержало, направив запрос по тюрьмам.

Кандалы, рогатки, хомуты, наручники, ножи, самовары, макеты кораблей, самолетов, тюремных зданий и камер, электронагреватели из лезвий, заточки, кастеты, кошки, напальчники в виде когтей, точная копия пистолета Макарова... Чего только не передавали в Бутырку! Когда экспонатов стало много, для них выделили помещение.

Старейшим предметом была массивная железная клетка, в которой в Москву доставили Пугачева. С клеткой соседствовали: плакат 1908 г. о выступлении в Бутырской тюрьме американского иллюзиониста Гари Гуддини, Библия с разрезанными страницами, куда помещалась чекушка, и немецкий фотоаппарат на треноге. Поступавших для картотеки фотографировали. Ожидая птичку, в объектив смотрели: Троцкий, Каляев, Фрумкина, Спиридонова, Куйбышев, Шмит, Махно и даже создатель будущего ЧК Дзержинский.

После гражданской войны Бутырка выполняла функцию пересылки. У одних в здешних подвалах жизнь обрывалась, других отправляли в лагеря. Это был тяжкий период, который материальных свидетельств не оставил. В послевоенное время ситуация изменилась, но экспонатов, кроме самодельных карт, заточек и кастета, опять-таки было мало. Если во времена Сталина находили запрещенное, наказывали не только сидельцев, но и контролеров. По этой причине все отобранное выбрасывалось.

В молодые годы Орехов часто слушал рассказы старших товарищей, как после амнистии 53-го года вместе с политическими на свободу попали рецидивисты. Уровень преступности резко повысился. Сотрудники МУРа на работе дневали и ночева-

ли, но уже к концу осени блатная публика вновь сидела, и по Москве можно было гулять спокойно.

По накопленному опыту подполковник понимал: кто к нему попадал, далеко не все были преступниками. Следствие совершало ошибки во все времена. При этом абсолютное большинство считало, что они ни в чем не виноваты, либо что суд оказался излишне жесток. В подтверждение подобного на одном из стендов Сомоненко разместил проглоченные предметы: обломки ложек и карандашей, куски ремней, доминошные фишки.

В середине 60-х один бедолага в знак протеста умудрился проглотить целую стопку костяшек, и ему делали вскрытие желудка. В выписке из дела сообщалось: адвокат пытался 156 статью (обман потребителей) оспорить, однако суд прокурорское требование удовлетворил.

Отсидев пять лет, гражданин вышел на свободу, и посетил Бутырку, где общался с надзирателями. Свое поведение он объяснил помешательством рассудка, поблагодарив охранников, что они, заметив странности, перевели в санблок, откуда его забрала «Скорая».

До 1963 г. в Бутырке изготовляли мебель, что подтверждал кожаный диван и небольшая кушетка. Заключение трудилось на стройках. За 101-ым километром существовало подсобное хозяйство. Сидельцы были заняты и могли заработать на собственное содержание. С другой стороны, получив инструменты, изготавливали запрещенное и проносили в камеру. В любом случае к концу перестройки производство обесценилось, и от дешевых рук фабрики отказались.

И вот теперь в СИЗО № 2 собралась голодная и озлобленная стая, готовая на все, а в камеры как проносили, так и продолжали проносить запрещенное, и не было там разве что огнестрельного оружия.

— Опять пополняем коллекцию, но лучше бы она не пополнялась,— разбирая мешок, произнес Сомоненко.

— Так точно, лейтенант. А представь, если бы не мы, вся эта свора гуляла бы на свободе. Общество должно быть благодарно, что мы их сдерживаем,— ответил Орехов. Перед «сдерживаем» он сделал заминку. Хотел сказать что-то более значимое, однако не смог подобрать слова.

— Товарищ подполковник, из нового на стенды — струны и булаву с иглами, остальное в запасник. Еще давно хочу предложить, что если нам коридорную стену фотографиями оформить? Последняя знаменитость... Из головы вылетело... Ну, в общем, певица, про которую вы рассказывали,— произнес Сомоненко.

— Ну ты даешь! Про Абузарову забыл,— улыбнулся Орехов.

На закате перестройки, когда существовал женский корпус, в следственный изолятор определили Абузарову. На подпольный концерт нагрянула милиция. Музыкантов оштрафовали и выпустили, а у солистки оказался поддельный паспорт. Девушку направили в Бутырку, где Орехов, еще не будучи начальником, оформлял ее дело. Певица вела себя странно, рассказывала про инопланетную миссию, и не ответила прямо ни на один вопрос.

Орехов пытался найти подход, выстраивал отношения, но далее понял, что без медиков не обойтись. Абузарову поместили в психиатрическое отделение, где она провела несколько месяцев и вышла на свободу с предписанием не посещать Москву в течение года. Персонал про инопланетянку начал забывать, но далее она начала мелькать по телевизору, демонстрируя природный голос и зажигательные песни.

За годы службы накопилось множество историй, ни одна из которых не была похожа на другую, а что касается самой Бутырки, она была той калькой, на которой дублировалась история страны.

Как-то раз в СИЗО попал скульптор. Дело его было пустышным, арестант попросился в ХОЗО и на память вылепил уменьшенную копию Бутырского замка.

Любая комиссия и высокопоставленные генералы всякий раз останавливались возле макета.

Точный год постройки Бутырского бастиона неизвестен. Изначально он предназначался под казармы гусарского полка. Рядом находился деревянный острог, как и гусарский полк получивший название от Бутырской заставы.

Въезжающих в город досматривали. Кто был в розыске, вызывал подозрение, либо пытался провести запрещенное — сажали в острог. По легенде, в 1775 году мужицкого царя Емельяна, как особо опасного преступника, содержали в казармах гусарского полка. Через девять лет матушка Екатерина дала добро на возведение каменной крепости с четырьмя башнями, одна из которых в последующем получила название Пугачевской.

Когда именно гусарский полк уступил казармы арестантам — неизвестно. Во времена вторжения Наполеона Бутырка уже была тюрьмой, и заключенных, согласно документам, переправили в Нижний Новгород. К середине позапрошлого века она сделалась пересыльным пунктом, где осужденных формировали в отряды и отправляли в Сибирь. В самой Бутырке, чтобы не сидели без дела, организовали мастерские, а также приют для детей и женщин, добровольно следующих за отцами и мужьями.

Изучая архивы, Орехов и Сомоненко пытались понять, когда появились «воры в законе»? Ниточка тянулась в далекое прошлое, не имевшее письменных упоминаний. К началу XIX века в полицейских хрониках фигурируют бродяги и «иваны», пользовавшиеся авторитетом, разрешавшие споры и забиравшие лучшее.

При Александре III и Николае II каторгу стали отбывать не только в Сибири, но и в тюрьмах. Если суд выносил пожизненное заключение, приговоренного могли оставить в Бутырке.

С началом революционного движения тюрьмы стали пополняться политическими. Считая себя кем-то наподобие военнопленных, они требовали особого отношения. Власти пошли на уступки, отделив уголовников от революционеров. К политическим подбирали надсмотрщиков грамотных, чтобы они не разлагались идеями.

Был период, когда в дневное время камеры не закрывались. На арестанта заводили дело, он получал матрас, и его направляли на этаж. У входа в камеру дежурил смотрящий за порядком. Новичок представлялся, и смотрящий определял, взять новобранца к себе, либо пусть ищет другое расположение.

Политическим свиданий полагалось больше, нежели уголовным. Разгуливая по этажу, они могли ходить в гости, пить чай и обмениваться литературой. Однако, как показала дальнейшая практика, революционеров пришлось отделять друг от друга. Между эсерами, анархистами и большевиками вспыхивали ссоры, перераставшие в драки.

Во время декабрьских событий 1905 года рабочие трамвайного депо взяли тюрьму в осаду. Персоналу предлагали сдаться, выпустить заключенных и перейти на сторону народа. Положение оказалось сложным. Заключенные пытались поднять бунт, надзиратели его погасили, при этом сама Бутырка находилась в осаде несколько дней.

После 1905 года пришлось потесниться, многие вольности отменили, пребывание в тюрьме стало реальной каторгой...

Проходя мимо отсека, где когда-то располагались столярные мастерские, Орехов всякий раз вспоминал про Джунковского. Он был адъютантом Великого Князя Сергея Александровича, и ушел с должности за пару недель до его гибели.

В последующем Джунковский занимал пост генерал-губернатора Москвы. В один из январских дней 1911 года ему позвонили и доложили о ЧП в Бутырке. Джунковский выехал на место, где выяснилось следующее: во время работ в столярном цеху трое заключенных убили надзирателя, затем еще двоих. Вооружившись наганями, планировали переодеться в жандармов и бежать. Все испортил чет-

вертый надзиратель. Смертельно раненый, он сумел закрыть один из отсеков, оставив ключ в замке.

Не боясь револьверов, Джунковский подошел к двери и вступил в разговор. Убийцы градоначальника узнали. Владимир Федорович, забирая оружие, пообещал суд без издевательств. В итоге двое оказались повешены, третий получил 20 лет каторги.

Орехов часто задавался вопросом: если оставалось 11 зарядов, почему не застрелили Джунковского? Терять злодеям было нечего. Со временем пришел к выводу — Джунковского уважали! В Бутырке генерал-губернатор бывал часто, заходил в камеры, общался с заключенными. Он успел много сделать для Москвы. После 1917 года в эмиграцию не подался, сотрудничая с новой властью, помог провести операцию «Трест», но через 37-й год проскочить не смог. Был арестован, содержался в Бутырке, и здесь же его расстреляли.

После Февральской революции политических амнистировали и из тюрем пустили. Одна из музейных картин рассказывала, как возле входа толпа с красными флагами встречала героев.

Большевики одним из первых указов отменили смертную казнь, однако совсем скоро вновь ввели и увеличили число арестантов. Тюремь в очередной раз начали пополняться, достигнув пика к 37-му году.

При наступлении немцев на Москву сидельцев эвакуировали в Поволжье. В послевоенное время условия жизни охраны были сравними с условиями содержания заключенных. Рядом с тюрьмой стоял барак, выполнявший функцию общежития. Когда один сотрудник уходил на службу, другой ложился спать на его кровати.

И тем не менее, преступность шла на спад. Во времена Хрущева казалось, что через пару десятков лет наступит коммунизм, который переделает жуликов. В Москве снесли Новинскую и Таганскую тюрьмы, покушались и на Бутырку. Бутырский замок устоял, ибо имел историческую ценность. К середине 70-х ситуация вновь изменилась и ни про какую отмену тюрем речь уже не шла.

И все равно общество было другим, как и зарождавшаяся в его недрах преступность. Подполковник помнил, как поступив на службу вместе с осужденными, смотрел «Калину красную». По окончании фильма авторитетный вор возмутился произошедшим: «Если начал человек другую жизнь, зачем убивать? Из общака все отдал. Правила соблюдены. Пускай живет». Ему в ответ кивали головами.

Теперь же надвигался такой вид преступности, который чурался прежних правил, и что будет дальше, никто не понимал.

От мыслей отвлек непонятный гул, дополненный спешными шагами по лестнице.

— Товарищ подполковник, после приема пищи заключенные стучат тарелками о стену. Это началось сразу и во всех камерах,— ворвавшись в башню, доложил замполит.

— Серегин, подразделению ОМОНа отдай команду быть готовыми ко всему и по периметру охрану усилить! Мы с Сомоненко по камерам пройдем, поговорить попробуем,— произнес Орехов и устремился вверх по лестнице.

Вставшие на путь исправления в акции не участвовали. Почувяв неладное, хозошники предпочли вернуться в расположение отряда. Между тем рев нарастал и становился все более зловещим. Казалось, будто ожившее здание, словно избушка Бабы-яги, расправит ножки и побежит по Бутырской улице. Сержанты, офицеры и прапорщики с подобным сталкивались впервые и выглядели растерянными. Своим решительным видом Орехов наполнял их уверенностью, однако, все понимали, что ситуация была наисложнейшей.

Перейдя во внутреннюю часть изолятора, подполковник поднялся на второй этаж. Его встретил Петров, приложил руку к фуражке и попытался доложить.

— Да я сам вижу, Петров, время дорого, быстро сюда ребят из ОМОНа,— сквозь гул прокричал подполковник.

Получив подкрепление, Орехов направился к камере № 7. В свое время там снимали сценку из «Джентльменов удачи», теперь было не до смеха.

Как только в замке загремели ключи, арестанты перестали стучать и построились возле стен. Из прокуренной камеры потянуло запахом потных тел. В рассчитанном на десять человек помещении ютилось в два с половиной раза больше. Колочие взгляды говорили о том, что доведенные до отчаяния зеки готовы на все. Омоновцы ждали команду на наведение порядка дубинками, но ее не последовало. Начальник СИЗО вошел в камеру первым.

Минев, как и полагается «вору в законе», занимал нижнюю койку возле окна. В тюрьмах Слон провел почти половину жизни, с администрацией не сотрудничал и карцером его было не запугать.

— Гражданин Минев, вас и других особых граждан через час в кабинет приглашу. Вместе подумаем, как жить дальше,— произнес Орехов.

Он говорил без надрыва, слова тонули среди всеобщего гула, однако Минев нужное услышал. Предупреждений «хозяин» не делал, и в карцер никого не забрал, что являлось чем-то новым. Скорее всего, это означало — «хозяина» прогнуть удалось, теперь нужно ждать, что за этим последует.

Когда сподручные Слона затихли, соседи тоже перестали стучать, и через пару минут все успокоилось окончательно. Своих подопечных Орехов изучил хорошо. В случае конфликта на мужской зоне договориться было легче, чего нельзя сказать про женщин. За титул «старшей» происходила извечная борьба, протекавшая по непредсказуемому сценарию.

У заключенных существовала строгая иерархия. К низшей касте принадлежали «опущенные», основной контингент составляли «мужики», над ними стояли смотрящие, при этом общее управление осуществлял кто-то из «законников». Если он объявлял решение, к исполнению оно было обязательно.

За кражу и за вранье «мужика» могли опустить, а «законника» перевести в «мужики». По этим причинам слово в блатном мире имело особый вес. Прежде чем что-то брякнуть, следовало подумать. Отсидевшие по много лет зеки отличались пронзительным взглядом и вежливостью. Парни с крепкими мускулами, попадая в тюрьму, на первых порах полагали, что у них все будет хорошо, однако зона всех ставила на место. За непризнание иерархии могли «опустить». В советское время администрации тюрем, стараясь заступиться за «опущенных», создавали для них отдельные камеры, но и в этом случае для черной работы находили слабейшего.

По воровским понятиям прикасаться к «опущенному», как и ко всему, чем он пользовался, было запрещено. Кто нарушал правила, приравнивался к «опущенным».

В молодые годы в одной из колоний Орехов стал свидетелем тихого бунта. «Законники» объявили, что не могут есть из общих тарелок, а также пользоваться кружками и ложками. Дескать, к этому мог прикасаться «опущенный». На заверения, что на воле они едят в ресторане из тарелок, из которых кто-то ел, «законники» неизменно отвечали: «Начальник, это другое».

С остекленевшими ввалившимися глазами они приходили в столовую, брали хлеб, но к тарелкам не прикасались. Ссохшиеся тела говорили о том, что они действительно голодают. Чтобы не провоцировать ситуацию, пошли на уступки. Для «опущенных» сделали особый стол и пометили посуду.

Орехов часто ловил себя на мысли, что «законники» семидесятых сильно отличались от нынешних. Нет, на «опущенных» сохранялось табу, но сами они прежних понятий не соблюдали. Если раньше «воры в законе» не имели права на семью, то теперь женились и заводили детей. Более того, звание покупалось. Традиция пришла из Грузии и Абхазии. Таких воров называли «коронованными на мандаринах».

Как-то раз подполковник не выдержал и предъявил очередному сидельцу: «Гражданин Гусев, как же так, вы «законник», с государственными органами со-

трудничать не должны, а по вашему делу сразу два адвоката бьются? Плюс женщина ходит, о свидании ходатайствует?» Гусев парировал: «Начальник, что я могу сделать? Полюбила меня баба, родила от меня. А адвокатов я не нанимал, это она суетится».

От зеков приходилось слышать: «Блатной мир жесток, но справедлив». Про жестокость Орехов был согласен, но о справедливости речь не шла. Новые поколения «воровские правила» переписывали под себя.

Посовещавшись с замполитом и заместителем, Орехов составил список, поручив привести девять человек. Перечисленные принадлежали к высшей касте, у каждого за плечами было по три-четыре судимости. Конвоиры приводили их в кабинет, а сами оставались за дверью. Заключенные расселись вдоль длинного стола. По сверкающим взглядам было видно, что нотации читать бесполезно. Подполковник это понимал и потому сразу перешел к делу.

— Граждане, каждый попадающий в СИЗО, по мнению государственных органов, для общества опасен. Нашему ведомству поручено проследить за исполнением решения. Проще говоря, я вас в тюрьму не направлял. Кто виноват, кто нет,— определит суд, при этом ваше пребывание под стражей я, как начальник СИЗО, обязан проконтролировать.

— Начальник, так ты контролируй без издевательств. В камерах теснота жуткая, еще и голодом моришь,— не выдержал Минева.

— Гражданин Минева, вы «законник». Хочу спросить, где короновались?

— Тут секрета нет. Мне за мандарины предъявить никто не сможет. Я, как положено, в Коломенском под яблоней, и короновали меня не абы кто, а Витек с Номадом,— ответил Слон.

— Минева, ни я, ни вы инфляции отменить не можем. Денег на питание выделяют мизер и кормить вас попросту нечем. Но если придем к решению, я могу облегчить условия содержания.

После этих слов в кабинете повисла тишина. Почувствовав, что разговор предстоит дельный, «законники» заерзали на стульях, но прерывать Орехова не решались.

— В общем, граждане, повторюсь, вы «законники», а это значит, что в обязанность входит поддержание порядка. Вот я и предлагаю: с общаков скинуться и взять Бутырку на содержание. В качестве ответной меры — кто не нарушает дисциплину, разрешу больше свиданий и передач. В баню через день ходить будете. В библиотеку — тоже без проблем. На территории изолятора церквушку начали строить, верующие смогут посещать службы. А кто силен деньгами, разрешу в камеру телевизор и холодильник поставить.

Наблюдая за лицами, Орехов видел, как визави напряженно думают. Предложение было интересным. Однако, если его принять, в этом случае они сотрудничают с администрацией, что было не по понятиям.

— Я ведь не просто так про коронацию спросил. Договоримся, разрешу братве в Бутырку приезжать и навещать вас. В бывшей Ленинской комнате собираться будете и перетирать о чем хотите. Хотите, коронуйтесь, хотите, Есенина братве читайте. Магнитофон разрешу, «Ушаночку» будете крутить, или, как там: «Снизу недра, сверху кедр, между ними лагерь...».

Договорить подполковник не успел, его прервал содержащийся под стражей по 159 статье (мошенничество) Полозков по кличке Гвоздь.

— Не-е-е, начальник, это для бакланов и блатоты. Мы люди солидные. Разрешить магнитофоны, Магомаева, либо второй концерт Рахманинова слушать будем.

— Если по чесноку, себя и своих корешей прокормить можем всегда, но за «мужиков» обидка. Думаю, обсуждать нечего. Государство отстраняется от всего. Коли так дальше пойдет, наверно, и тюрьмы приватизируют. Считай, договорились! — чеканя каждое слово, произнес Минева.

Слон традиционно решил за всех, остальным оставалось только кивнуть голова-

ми,— если «законники» давали добро, подписи не требовались. Теперь предстояло обсудить детали.

— Граждане, только вы не думайте, что администрацию удалось в бараний рог скрутить. Вы сидите — мы охраняем. Давайте существовать мирно, с уважением друг к другу. Мы идем на серьезные уступки, но на голову нам садиться не позволим,— подключился к разговору Серегин.

— Да понятно все, начальник. Позвонить дадите — к вечеру хавчик будет,— произнес молчавший до этого Сантила. Он поступил в СИЗО по 163 статье (вымогательство), при этом кличка настолько прижилась, что настоящую фамилию никто не помнил...

Оставшуюся часть дня Орехов работал с документами. Когда направился домой, на КПП уже стояла машина с окорочками. Весть о еде белым голубем облетела СИЗО. Все ждали завтрашнего дня, который стал настоящим праздником. Изменив распорядок, на завтрак дали наваристый суп с ножками Буша. Замполит проконтролировал, чтобы каждый из сидельцев получил по окорочку.

Однако для Орехова сложный день не закончился. Дочь загодя пообещала, что именно сегодня в гости придет Василий.

Общение с уголовниками сказало на характере. Жена извечных распоряжений слушать не захотела и ушла к другому, зато дочь осталась с отцом. Александр Николаевич в Оксане не чаял души, всячески ее баловал и никогда не повышал голос. Переступив порог дома, из начальника тюрьмы он превращался в простого папочку. Родная кровиночка выросла красавицей. От женихов отбоя не было, однако, по договоренности с отцом, она обещала к его мнению прислушаться.

Высокий и худосочный Василий походил на артиста кино. Черную шевелюру дополняли мощные брови и породистые усы. В парне было все то, на что западают женщины, но многоопытный отец понимал — внешность для мужчины не главное.

Оксана, отстояв очередь, купила кальмаров и приготовила салат. Когда все уселись за стол, хрустальная салатница оказалась напротив гостя. Взяв блюдо, Василий сразу наполнил собственную тарелку. Открывая шампанское, исправился, но впечатление о себе уже составил. Для Орехова, желающего счастья для дочери, подобное было сравнимо с приговором суда.

Слегка опьянев, Василий заявил, что Ленин отделил от Российской империи Польшу, после чего пшеки получили независимость. В истории Александр Николаевич был не силен, но понимал, что нынешние СМИ переворачивают ситуацию с ног на голову, а что касается пшеков, то коверканье национальностей ему не нравилось вдвойне.

Он культурно высказал претензию, и Василий отмотал ситуацию назад. Орехову вспомнилось, как старый зек, ругаясь на сокамерника, назвал его «коломенским флюгером». Кличка прикреплена и пошла вместе с хамелеоном по этапу.

Остаток вечера хозяин квартиры просидел в ожидании его завершения. Ему неоднократно приходилось видеть, как подопечные едят из банки шпроты. Первую рыбку брал старший, затем угощался следующий по иерархии и так далее; никакой суеты и ажиотажа. Глядя на едоков, можно было подумать, что они математики и просчитывают каждое движение.

В тюрьме, как и в армии, сообщество делилось на семьи, по блатному — «кентовки». Прежде чем принять в семью, к новичку присматривались, сможет ли он постоять за друзей, либо отправляли на волю «маяву», чтобы узнать, будет ли он полезен продуктами. Кто получал посылку, в первую очередь угощал «кентов». Если человеку делали добро, а он аналогичной монетой не платил, могли объявить «гадом». Кто не мог отдать долг, становился «фуфлыжником». «Гад» и «фуфлыжник» «опущенными» не считались, но их сторонились.

Интеллигент, закончивший Бауманку? Стоит ли ждать, когда он пойдет по бабам

или сотворит гадкий поступок? Нет, Василий для семьи Ореховых не подходил. Если страна перешла на непонятные рельсы, то судьбу дочери хотелось передать в надежные руки.

В подведомственном учреждении Орехову удалось навести порядок. Условия содержания облегчились, конфликты с администрацией ушли в прошлое. Если появлялись недовольные, Слон и его сподручные ситуацию разруливали. Более того, когда через полгода случился побег, паренька на воле убедили, что поступил он не по понятиям, и тот явился с повинной.

Информация о начальнике СИЗО, применившем нестандартные методы, просочилась за тюремные стены. В Бутырку потянулись журналисты. В интервью подполковник никому не отказывал, зато среди начальства нажил врагов. Его всячески пытались убрать и через два года это удалось. Получив звание полковника, Александр Николаевич отправился на пенсию.

К этому моменту государство от либеральных реформ оправилось, и спонсоры уже не требовались. Слона и других «законников» перевели в колонию. На их место пришел набравший силу молодняк. Многие послабления, бытовавшие при Орехове, оказались отменены. Никогда ранее не знавшие тюрьмы беспредельщики посчитали нужным вернуть прежние правила в двойном размере. Сотрудники изолятора стали получать угрозы. Чтобы они выполняли свои обязанности, семьи из Москвы эвакуировали, а к офицерам и прапорщикам приставили охрану. Это был очередной сложный период, но и его Бутырка пережила..

Ксения вышла замуж за достойного человека и порадовала отца внуками. Отойдя от дел, Александр Николаевич увлекся историей, большое количество времени проводил в библиотеках. Как-то раз на улице к нему подошел человек и спросил.

— Орехов, вы меня не узнаете?

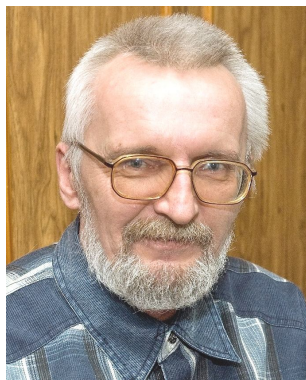
— Корольков, ты что ли? Так ты ж меня завалить обещал! Ну, вот я тут, перед тобой...

— Да что вы? Молодой был, дурной. У нас тогда у всех помутнение произошло, бунтовать хотели. Но я вам очень благодарен, что вы нас тогда накормили. После этого мозги на место встали. Свой срок я отсидел от звонка до звонка. Со старыми делами завязал. Работаю, женился, у меня двое детей.

Они пожали друг другу руки, постояли, поговорили. Когда пенсионер со своей стопкой книг удалился, Корольков, пытаясь распутать прошлое, долгое время смотрел ему вслед.

Михаил Смирнов
(г. Салават, Башкирия)

ГОРЬКИЙ ПРИВКУС

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Расскандалился обложной дождь. Не угомонится. Порывом ветра сыпанет пригоршню холодных брызг в лицо или пробарабанит по стеклу, оставляя слезы дорожками. Притаившись, притихнет на мгновение, а потом нападет из-за угла. Снова пригоршня холодного дождя за шиворот, и зашумит в кронах деревьев, а потом присмирееет, поджидая очередного прохожего. И вздрогнешь невольно, прячась за поднятым воротником. И торопишься по мокрым безлюдным улицам домой, стараясь не попасть в лужи, присыпанные опавшей листвой...

Фонари давно уж зажглись в вечерних промозглых сумерках. Неровно горят. Светлый туманный шар повис во тьме, не доставая до земли, а под ногами осенняя слякоть. И чертыхаешься, когда попадаешь ногой в глубокую лужу и чувствуешь, как захлюпала вода в ботинках.

Денис Макаров ругнулся, когда в очередной раз зачерпнул холодную жижу в ботинки. Сразу стало зябко. Он невольно повел плечами, пытаясь укрыться воротником от промозглого осеннего дождя. И уже в который раз пожалел, что не взял с собой зонт. Не любил его. Мотаешься с ним. Лишнюю тяжесть таскаешь и ждешь, а будет ли сегодня дождь или нет. Так делали другие. А он старался обходиться без него. И всякий раз ругал себя, когда был дождь, а он не брал с собой зонт.

И сейчас, возвращаясь в холостяцкую берлогу, как он называл квартиру, всяко ворчал на себя, что не послушал свое «я» и ушел без зонта. Ведь собирался всего лишь на пять минут к знакомому заскочить, но задержался. Его жена, Татьяна, усадила за стол. Глаза разбежались от стряпни на нем. Ну и того... Денис не особо сопротивлялся, когда увидел заставленный всяко-разными вкусностями стол. В животе уркнуло, даже Татьяна услышала и засмеялась. И принялась подталкивать мужиков к столу. Ну и под рюмочку-другую они принялись не то обедать, не то ужинать. И засились за столом. А когда опомнились, за окном уже повечерело. И было слышно, как порывами ветра хлестал осенний дождь по стеклу. И никуда не хотелось выходить в такую мерзкую погоду. Хотелось забиться в кресло. Взять какую-нибудь книжку, на столик поставить горячий чай, и читать в тишине, редкий раз посматривая, как разгулялся дождь за окном. Но это осталось в мечтах, а ему нужно было добираться до дома.

Денис Макаров вздохнул. Кресло с чаем далеко, а перед ним пустынная улица с призрачно-туманными ореолами фонарей, промозглым ветром да обложным дождем, который не собирался успокаиваться. Поразогнал всех жителей по домам, чтобы не мешали, а сам разгулялся на пустых осенних улицах. То порывом ветра подгонит тебя, то окатит мелкой холодной моросью, то сорвет лист с дерева и прилепит тебе на

куртку или швырнет в лицо, словно поторапливал, что нечего шляться по гостям, а нужно дома сидеть в такую непогоду.

Редкий раз проезжали машины, сметая дворниками со стекол потоки дождя и прилипшие листья. Еще реже мелькали прохожие. Одни шли, пытаясь удержать в руках зонты, которые трепал ветер-разгуляка, а морось осенняя выбирала подходящий момент, чтобы швырнуть в лицо горсть-другую знобкого дождя. А некоторые, как и Денис, шлепали по лужам, прикрываясь воротниками, да придерживали головные уборы, чтобы не унесло ветром. И шагали они, глядя под ноги, и уже не было никакого желания всмотреться в темное небо и поискать просветы между обложных тяжелых туч. До дома бы добраться...

Ближе к центру города прохожие стали попадаться почаще. Мало ли забот, которые выгнали людей в такую мерзкую погоду. И тут Денис чертыхнулся. Он же хотел заскочить в магазин, чтобы купить хлеб, вермишель да овощи и всякую другую мелочевку. И забыл, засидевшись в гостях. А теперь придется заворачивать в магазин, если успеет до закрытия. И он прибавил шаг, то и дело, поглядывая на часы. Яркие витрины в косых струях дождя. Плачут они, стекая ручьями на мокрый асфальт, и собираются в лужах, прикрываясь слоем опавшей листвы. Шагнешь на листву, и захлопает вода в обуви. И невольно охнешь, ругаясь на погоду, но больше на себя, что потащился в такое ненастье.

Денис зябко повел плечами. У него и так вся одежда промокла, хоть выжимай, и в ботинках вода. Сунулся в лужу. Зачерпнул. И почувал, как вода обожгла ноги, и невольно ругнулся на себя и осеннюю непогоду. Он трусцой добежал до лестницы. Поднялся. В тамбуре толпился народ, не желая выходить под обложной дождь. Он протиснулся сквозь толпу. Нырнул в магазин. И перевел дыхание. Все, успел! Теперь не выгонят, пока не купишь.

Денис заторопился вдоль прилавков, осматривая товары. Хлеб нужен. А еще купить рожки или спагетти, что ли. Дома почти ничего не осталось. И удивлялся, когда успел съесть. А завтра выходной. И никуда не хотелось выходить в такую мерзкую погоду. Отоспался бы. Потом нужно обед приготовить, который и на ужин пойдет, и еще денька на два растянется. Ничего не поделаешь — это жизнь холостяцкая, когда хочется обнять необъятное, но довольствуешься малым.

— Дениска, здоров был, — возле него пахло перегаром, и он увидел своего соседа, дядьку Петра, который терся возле винно-водочного отдела. — Выручай, сосед! Шланги горят — спасу нет. А моя кобра всю плешь проела. Не понимает, что я сдохнуть могу. Выручи, а?

Он протянул трясушуюся руку.

Дядька Петро был еще тем фруком. Он, наверное, с детства приучен к пьянке. Видать, по ошибке вместо соски ему сунули горлышко бутылки. И пошло с той поры. Пьет, не просыхая. А домой вернется, начинает воевать со своей коброй — теткой Марьей. Даже не воевать, а уходил в глухую защиту, пытаясь не попасть под сковороду или скалку, а уж сколько тарелок было разбито об его голову — это не сосчитать. И продолжает пить, зараза!

— Опять тетка Маша накостиляет тебе, — проворчал Денис, но все же достал деньги, а то сосед не отстанет. — Когда закончатся ваши боевые действия? Уже достали! Я бы на ее месте давно бы уже тебя выставил. Сам не живешь, и другим не даешь.

Он сунул несколько смятых купюр соседу. И тут мельком заметил: какая-то молодая женщина брезгливо глянула на него, повела плечиком и отошла к другому отделу. Что-то знакомое показалось в этой grimase и в том, как повела плечом. Что-то давно забытое. А где видел ее — не мог вспомнить...

— Вот спасибо, сосед! — отвлек от мыслей дядька Петро. — Выручил. Сейчас возьму пузырек и засосу его. Хоть похмелюсь. А свою кобру я не боюсь. Я не такое

видывал в жизни. И меня ничем не напугаешь. Да я одним ударом могу слона свалить. Не веришь? А зря! Ты знаешь, какой у меня удар? У-у, страшно подумать, если попадешь под него! Поэтому я кобру не трогаю. Пусть шипит себе потихонечку. Я привыкший...

Он бы еще говорил, но похмелье пересилило. И сосед протянул трясущей рукой продавщице деньги.

Денис не стал дожидаться его. Не хотелось слушать всю дорогу бубнеж. Он заторопился за хлебом. Потом простоял в очереди за спагетти. А к ним нужен сыр, да еще масло и сливки. А тут колбасу увидел. В другом отделе морковь взял и лук. Прихватил небольшой кочан капусты. Вернулся в молочку. Сметану забыл взять. И крутился по магазину, пока не стали поторапливать на выход. Всем нужно домой — и продавцам тоже.

Покупатели неохотно потянулись к выходу. И останавливались в тамбуре, не желая покидать теплое помещение и тащиться под рассерженным дождем. Денис тоже затоптался в темном тамбуре. Невольно вздрогнул, представляя, как придется добираться до дома по такой мерзкой погоде. Не любил осеннюю непогоду, лучше бы сразу после лета наступали заморозки и выпал бы снег, скрывая округу в белой пелене. А тут... Пока дождешься наступления зимы, неоднократно промочит осенний обложной дождь. Казалось, в такую погоду облака не движутся, а цепляются за крыши высоток и остаются до той поры, пока из них не вытечет весь дождь. Сыплет и сыплет беспрестанно. Конца и края не видно этим дождям.

В тамбуре был полумрак. Посетители топтались, и не находился смельчак, который бы нырнул в промозглую погоду. И каждый старался оттянуть это мгновение, когда придется выйти на улицу и зашлепать по ухабистому тротуару, усыпанному опавшей листвой, которая скрывала многочисленные лужи от людского взора.

Денис завздыхал. Вроде осталось до дома всего ничего, но не было желания тащиться по лужам, зная, что дома еще не подключили отопление и было холодно. Сбросит намокшую куртку, хлопотные ботинки, а просушить-то негде. Придется включать газовую плиту, чтобы чуточку нагреть квартиру да развесить мокрые вещи. Но согревало одно, что вскипятит чай. Нальет большой бокал. Маслом намажет толстый кусок хлеба. На него сыр и колбасу. А потом включит телевизор. Забьется в кресло. И будет смотреть все подряд, зная, что уже никуда не нужно торопиться. Завтра выходной. И можно сидеть всю ночь, если книжка интересная попадется или передачи по телевизору. Скорее бы до дома добраться.

Он закрутил головой. Толпа колыхалась, но желающих выйти под обложной дождь не было. И тут снова мелькнула перед ним женская фигура. В полутьме не разглядишь. Но этот поворот головы, как повела плечиком, когда ее задела, и снова повела, как бы отстраняясь. Что-то знакомое было в этих движениях. До сладостной боли знакомое из далекого прошлого. И взгляд, как она посмотрела на него, когда соседу отсчитывал на бутылку. Мелькнула усмешка: вот до чего ты докатился. Правду говорили, чтобы не связывалась с тобой. Ничего хорошего из этого не выйдет...

Да, ну, не может быть! Он затоптался с пакетами в руках. Невольно задел ее. И она снова повела плечиком, а потом буркнула, что раскосолапился с авоськами, словно медведь. Поосторожней нужно. Здесь же люди стоят.

Неужели Танька Головина перед ним — его первая школьная любовь, ради которой он делал все, лишь бы быть рядом с ней. Откуда же она взялась тут? Она неожиданно уехала в десятом классе, и даже не предупредила его, а ведь они строили большие планы на будущую жизнь. И мечтали, что после экзаменов они сразу же поженятся, а потом куда-нибудь уедут учиться. Но Танька исчезла, даже не объяснив, что произошло. Денис извелся, пытаясь разыскать ее, но бесполезно. Потом сказали, что Танька вышла замуж. Удачно вышла, как говорится. Дом — полная чаша. И мужик при деньгах. Не то что он — нищерброд. Сладко заняло сердце, но в

то же время глубоко внутри шевельнулся червячок обиды. Но все же нечаянная встреча, о которой он мечтал долгие года, как-то отодвинула на второй план негативные воспоминания.

И не удержался. Снова толкнул ее, словно невзначай, и внимательно всмотрелся в полутьме, когда она заворчала и как бы брезгливо попыталась отстраниться.

— Тань... — едва слышно сказал он. — Головина, ты ли это? Смотрю и не верю. Я же столько лет хотел увидеть тебя. И не получалось. А сейчас...

Он замолчал. Растерянно, но в то же время радость ворохнулась в душе.

Она невольно оглянулась. Медленно обвела взглядом с ног до головы, как бы оценивая его — мокрого куренка, который стоял перед ней с полными пакетами, в промокшей куртке, мокрые волосы сосульками прилипли ко лбу, помятые промокшие джинсы и растоптанные ботинки. И снова взгляд на него — пристальный, подозрительный и оценивающий.

— Макаров? — как бы удивленно сказала она. — Глазам не верю. Всякое говорили про тебя. И в тюрьме побывал, и по стране мотался, а потом допился и умер на улице. И даже на табличке написали, что неизвестный. А сейчас передо мной стоишь, да еще во весь рот улыбаешься. Откуда взялся ты? Из тюрьмы выпустили, или бомжом стал? Видела, как скидывался на бутылку. Видать, местная алкашня — это друзья твои. Да, Макаров?

Но Денис помнил ее взгляд, когда заметила его с соседом — алкашом. И было понятно, что уже тогда узнала его, но вида не подала. И сейчас удивляется, словно впервые увидела, но сама же говорит, что заметила, как на пузырь скидывались. Вот и пойми ее.

— Я ниоткуда, — пожал плечами Денис. — Здесь живу. Ты бы поменьше слушала других, может, и жизнь не по тому руслу пошла. Сама откуда взялась в городе? Ты же взлетела выше небес, как говорили.

Дениса задело, что ему приписали то, что никогда не было. Честно сказать, ему приписывали все, что можно было. А все потому, что считали хулиганом. А он же просто хотел как-то выделиться в Танькиных глазах.

Танька Головина считалась в школе чуть ли не самой красивой девчонкой. И правда, она была очень симпатичная. Прекрасно знала об этом и пользовалась. Видела же, как ребята толпой носились за ней и готовы были на головах ходить, лишь бы неприступная Танька обратила на них внимание. Но она была холодной и неприступной. И всегда, когда была недовольна, невольно поводила плечиком и легкая гримаса появлялась на ее лице. И снова холодный взгляд, который как бы изучал, а подходит ли этот мальчишка мне, если буду дружить с ним, или прогнать? Желаящие всегда найдутся, чтобы проводить до дома.

И провожали. Одни возле нее шли и всячески пытались выпендриться. А другие молчком тащились позади. Но каждый делал вид, будто он шагает по своим делам, хотя и так знали все, что за Танькой тянется целая свита юных воздыхателей.

— Вот приехала, чтобы наследство оформить, — сказала она. — Бабушка квартиру оставила. Пусть хрущевка, но не пропадать же добру. Сделаю документы, продажам, а потом вернусь к себе. Я уж отвыкла от этого города. Хотела поручить это дело своему адвокату, чтобы самой не мотаться, но адвокат загружен. Вот и решила глянуть на этот город, чтобы больше здесь не появляться.

Снова невольно повела плечиком.

— От этого города? — как-то неприятно кольнуло Дениса. — Это же твой родной город. Родилась тут, в школе училась. Многие же связывает с ним, а ты говоришь...

Он хмыкнул. Вытянул шею, пытаясь рассмотреть, что делается на улице, и прислушался к порывам ветра.

— Я с детства ненавидела этот город, — у нее появилась гримаса на лице. — Почему другие живут в столице, а еще лучше за границей, а мне достался этот Мухос-

ранск, где даже прогуляться негде, я уж не говорю про театры и всякие показы. Зато сейчас у меня есть все и даже больше того. Я живу так, как мечтала. Ты даже представить себе не можешь, как я стала жить. Это ты живешь в Мухосранске и радуешься. Чему, Макаров? Не понимаю...

Да, что ни говори, а Танька Головина изменилась. Сильно! Даже в те времена, когда все девчонки старались задрать нос и презрительно поглядывали на ребят, но исподтишка смотрели на них с интересом, как бы изучали,— даже тогда Танька не была такой высокомерной, что ли. И все взгляды свысока, и презрительная усмешка — это было наносное. Но сейчас-то...

Денис Макаров знал, о чем говорил. Хоть у нее была толпа поклонников и тайных воздыхателей, все же она выбрала его. А может, ей показалось, что Денис лучше других. Но скорее всего подействовала весна — эта пора любви, когда все и все в природе начинает делиться по парам.

— Макаров, проводишь меня до дома? — неожиданно как-то спросила она.— Портфель тяжелый. Пока дойду, руки отвалятся. А ты рядом с моей бабушкой живешь. Проводишь до нее?

И усмешка скользнула по ее губам.

Денис растерялся. Все ожидал, но только не этого. А в последнее время она вообще открыто смеялась над ним. А сейчас...

— Ну, ладно, провожу,— поперхнулся Денис, и она засмеялась над его неуклюжестью.— Провожу, Тань...

Он одернул потертый школьный пиджак, и все не знал, куда деть руки, которые вдруг стали длинными и неуклюжими и за все цеплялись.

Танька снова засмеялась и упорхнула в класс.

А после уроков они неторопливо направились в сторону бабушкиного дома, где неподалеку жил Денис. Танькина свита с завистью смотрела вслед счастливчику. Но Денис шагал, загребая пыль туфлями, и молчал. Ступор. Он не знал, о чем говорить с ней. О том, как с пацанами дрался, или как в футбол гоняли за домом, а может, рассказать, что у него батя беспробудно пил, бывало, распускал руки и тогда им с матерью приходилось уходить из дома и ждать, когда пьяный отец заснет. Денис вздохнул. Вот тебе и провожатый, даже двух слов связать не может...

Танька Головина посмеивалась, поглядывая на неуклюжего провожатого. Ей было весело наблюдать за ним. Она громко смеялась. Что-то рассказывала о своих подругах, родителях и поездках на море или на курорты с ними. А вот Денису нечего было сказать, он угрюмо смотрел исподлобья по сторонам. Исподтишка показал кулак ребятам из школы, которые обгоняли их, смеялись, а ему казалось, что над ними. Он уж хотел было кинуться вслед, чтобы одному-другому врезать от души, но Танька остановилась.

— Денис, я не думала, что ты такой молчун,— она дотронулась до руки, и его жаром обдало.— В школе только и слышен твой смех, а тут все слова проглотил. Знаешь, айда на Волгу? На откосе посидим. Такая красота, аж дух захватывает.

— Я тоже люблю бывать на откосах,— запнулся Денис, но почувал, как на душе стало полегче.— Я круглый год туда хожу. Айда на мое место.

Денис повеселел. И они торопливо зашагали в сторону парка, что тянулся над Волгой...

— ...Макаров, что молчишь? — донесся голос.— Стоит, глупо улыбается и не шевелится. Ты, случайно, не выпил?

Он с недоумением оглянулся. Тьфу ты!

— Да вспомнилось, как мы впервые с тобой на откосы ходили,— он невольно улыбнулся.— А потом частенько туда бегали.

— Тю, нашел о чем вспоминать,— повела плечиком Татьяна.— Я уж давным-давно забыла об этом. Молодые были, глупые.

Она усмехнулась.

— А я до сих пор хожу на нашу скамейку,— задумавшись, сказал Денис.— Сяду на скамью и думаю. О чем? Да обо всем, Тань, и о нас — тоже.

Он перехватил авоськи в руках и глянул поверх голов на вечернюю улицу, где продолжал хлестать неугомонный холодный дождь.

— А ты как был мечтателем, так им и остался,— звонко засмеялась Татьяна, не обращая внимания на посетителей.— Пора бы забыть. Вообще, ты собираешься проводить меня в такую погоду? И дернуло же меня потащиться в этот магазин! Да еще встреча с тобой, Макаров. Чего я никак не ожидала. Ну, что топчешься? Дождя боишься?

И повела плечиком, а потом стала пробираться сквозь толпу. Словно знала, что Денис, как теленок, потащится за ней...

...Денис с Танькой Головиной до вечера просидели на откосах. Смотрели, как по широкой реке юрко сновали катера и медленно шли буксиры, которые тянули за собой баржи. А там прошел теплоход. А на другой стороне был едва заметен городок. Перед глазами открывались такие дали дальние, аж дух захватывало. И они сидели, на откосе и над рекой. И казалось, взмахни руками — и поднимешься в воздух, и полетишь над землей в эти самые дали дальние.

Говорили обо всем. Говорили, и не могли наговориться. Казалось, у них столько общего, что они понимали друг друга с полуслова. И старались выговориться за все эти годы, проведенные вместе в одной школе и классе, где были порознь. А сейчас встретились, чтобы соединиться и уже никогда не расставаться...

— ...Макаров, тоже мне провожатый,— заворчала Татьяна.— Каким был неуклюжим, таким остался. Хоть сумку возьми у меня. Видишь же, что мне тяжело нести.

Сунула ему пакет с продуктами и быстро зацокала каблуками, прикрываясь от порывистого ветра, который пригоршнями раздавал всем прохожим холодный дождь.

Денис молчком тащил авоськи и пакеты. Что говорить? Честно сказать, он был рад, что повстречал Татьяну. Сколько лет прошло с той поры, как она уехала. И вот первая встреча. Он смотрел на нее, и казалось, что Танька Головина ничуть не изменилась. Вздорная местами, частенько высокомерная, аж холодом веяло от нее. Взгляд, который любого пацана мог остановить. Но в то же время она была смешливая и на мир смотрела восхищенными глазами. И всегда мечтала куда-нибудь уехать. Нет, не в стройотряды или на комсомольскую стройку, а поближе к морю и солнцу, в столицу-матушку, где можно всего добиться, а то махнуть бы в другую страну и зажить, как все нормальные люди живут.

А Денису казалось: пусть мечтает. Все девчонки мечтают найти принца или жить во дворце, но что-то такие не встречались. Пусть мечтает. Время придет — и сама будет смеяться над этим. Так ему казалось...

И с той поры они почти не расставались. Любовь не вспыхнула. Она полыхнула так, аж дух захватывало. И казалось, они друг без друга ни минуты не могут прожить. И каждую свободную минутку проводили вместе. Все было. И первые поцелуи. И первое признание в любви. Казалось, так будет всегда. Так должно быть всегда! Но в школу пришла мать Татьяны. Долго разговаривала с учителем, потом с завучем и к директору заглянула. И ушла, словно не заметила Дениса. А через неделю Татьяна уехала. Куда? Он не знал, сколько ни пытался добиться у подруг и ее родителей. Они отмалчивались. А потом пришло коротенькое письмо, в котором Татьяна написала, чтобы не искал ее, потому что у нее началась другая жизнь и будущее будет другим. А что было между ними — это детские шалости и ничего более. И все на этом...

Сейчас он шлепал по лужам и глядел ей вслед. Казалось, давно забыл ее, но всплывет образ Татьяны, когда он приходил на откосы, и жаром обдавало его. И казалось, что она рядышком сидит. Протяни руку — и дотронешься. Нет, ничего не

забылось. Он помнил все до мельчайших подробностей. Как провожал после школы, как гуляли, и эти мимолетные поцелуи, вкус которых до сих пор ощущал на своих губах. Все было у них, и ЭТО — тоже...

— Ну, вот и пришли,— остановилась Татьяна возле подъезда.— Здесь жила моя бабушка.

Она повела рукой, словно показывала.

— Я помню,— сказал Денис.— Здоровались с ней, если встречались. Хорошая была бабка. Добрая.

Он насупился.

— А я даже не знала, что вы виделись,— сказала Татьяна, потом оглянулась.— Донесешь пакет до квартиры? Может, на огонек заглянешь?

Она с усмешкой глянула на него.

— И донесу, и на чай загляну,— помедлив, сказал он.— Загляну, если чаем угостишь. Не откажусь в такую погоду.

Он передернул плечами. Тряхнул головой — и во все стороны полетели мелкие брызги.

— Ты мотаешь головой, как собака,— Татьяна поджала губы.— Надеюсь, блохами не наградишь?

Она распахнула дверь и стала быстро подниматься по ступеням.

Дениса покорило от ее слов, но промолчал. Столько лет мечтал встретиться с ней. Хоть взглядом бы взглянуть на нее. Хоть бы парой слов перекинуться. Прошное бы вспомнили. Поговорили бы по душам. Ведь не может такого быть, чтобы у нее в душе ничего не осталось. Не могла же она забыть все, что между ними было. И сейчас радовался, что повстречал ее. Казалось, в прошлое вернулся...

Он стоял в прихожей и осматривался. Все, как и прежде. Ничего не изменилось в квартире ее бабушки. И тол тот же, и телевизор на тумбочке. А на столе стопка газет и пара журналов. Даже тетрадка валяется, в которой бабка записывала все расходы. Казалось, сдвинется портьера, и она выглянет, и засмеется, а потом смущенно прикроет впалый беззубый рот.

— Макаров, что застыл? — перед ним стояла Татьяна уже в домашнем халате и шлепках на ногах.— Проходи. Ты уж извини, что я в таком виде. Здесь могу себе позволить. А дома...

Она не стала договаривать. Подхватила пакет и скрылась на кухне.

Денис стащил мокрую куртку. Оглянулся, куда бы ее повесить, а потом закинул на край двери. Пусть стекает с нее. Сбросил ботинки. Носки, хоть выжимай! Поджигая пальцы, он прошел в зал. Потоптался возле стола. Уселся на стул. Взял старый журнал и принялся листать его. А самого познабливало от мокрых брюк, которые старательно прилепились к ногам, и каждое движение заставляло вздрагивать. Мокрые волосы прилипли ко лбу. Капелька дождя капнула с них на журнал и на странице медленно расплзлось влажное пятнышко.

Он перевернул страницу. Бездумно глядел на картинки. Делал вид, что увлечен чтением, но спроси его, о чем статья, он развел бы руками. Да кто его знает, о чем в ней написано.

Татьяна гремела посудой на кухне. Гроыхнул чайник. Она ойкнула. Видать, обожглась. Что-то пробормотала. Зазвякали тарелки. Металлом отозвались ложки или вилки — непонятно. Застучал нож. Споро работает. Научилась за эти годы владеть кухонными принадлежностями. А раньше, кроме вилки и ножа, ничего более держать не умела, да и то, когда садилась за стол, чтобы поесть. А уж готовить — это не заставишь. Всегда говорила, что у нее будет личный повар. А сейчас, судя с какой скоростью постукивает нож, сама превратилась в повариху.

— Эй, Макаров, что сидишь? — она выглянула из кухни.— Зачитался, что ли? Брось этот хлам и пошли на кухню. Я уж не стала в зале стол накрывать. Ты уж изви-

ни меня. Я по-простецкому — накрыла на кухне. Ты же свой, как бы сказать, прости-тельно...

И упорхнула на кухню.

Денис поднялся. Невольно повел плечами. Зябко. Оглядел себя. Мокрые штаны обвисли. Помятая рубашка торчит из-под джемпера. Волосы сосульками свисают со лба. Ну и ухажер!

Остановился в дверях. Татьяна стояла возле открытой форточки и нервно курила, быстро затягиваясь. Он невольно вздернул брови. Раньше Головина на дух не переносила табачный дым. И его отватила от курева. А теперь сама садит, как заправский мужик. Ну, да ладно, — это ее дело.

Он затоптался, не зная, куда присесть. Две старых табуретки. На столе нарезка колбасы и сыра, ветчина виднеется, горка хлеба, свежий огурец четвертинками, как и помидоры в тарелочке. Вроде, ничего особенного. Да, еще бутылка водки и две рюмки. Ну и, конечно же, вилки и ножи возле тарелок. Правда, непонятно, что есть ими...

Татьяна несколько раз затянулась. Выпустила длинную струйку дыма, и выбросила окурочек в форточку. Он прочертил огненную дугу и исчез во тьме.

— Ну, мужик, наливай, — словно в отчаянии, она махнула рукой. — Опрокинем по стопке за встречу. Правда, кого-кого, но тебя не ожидала встретить. Расспрашивала, кого могла, где ты, но никто не знал. Все же поразъехались из города. Разное говорили про тебя. А тут в магазине столкнулась. Знаешь, Макаров, я сразу узнала тебя.

Она вытащила из кармана пачку сигарет и зажигалку. Закурила и выпустила тонкую струйку дыма.

— Ты стала курить, — Денис кивнул головой. — А помнишь, как меня ругала? Я же с той поры не курю. Отучила.

Он усмехнулся. Взял бутылку. Разлил по рюмкам. Они выпили. Татьяна не стала закусывать, а передернула плечиками и снова взялась за сигарету. Денис почувствовал, как обожгло внутри, а потом стало тепло. Он потянулся к тарелке. Взял кусочек колбасы. Отломил немного хлеба и стал есть. Татьяна внимательно смотрела на него. Думала.

Он мельком поглядывал. Снова брал что-нибудь из тарелок и жевал. После дождя и рюмки водки хотелось поесть, а потом забраться бы в кресло, взять книжку, рядом поставить бокал крепкого сладкого чая и читать. Так и было бы, будь он дома. Но приходилось сидеть. Тем более, мечта его сбылась. Он встретился с Татьяной. Много лет мечтал об этом. И вот она — эта его мечта сидит перед ним и смотрит на него. Что он мог сказать? Конечно же, обрадовался этой встрече! И думал о ней, и ночами приходила, а когда бывал на откосах, она словно рядышком сидела. И невольно оглядывался. А там никого...

— Давай-ка еще по стопочке выпьем, — сказала Татьяна, разлила водку и поставила перед ним. — В такую погоду — это лучшее лекарство. А ты, Макаров, как вижу, насквозь промок.

Она медленно выпила. Едва заметно вздрогнула. Выдохнула. И снова взялась за сигареты.

— Много куришь, — сказал Денис. — Неужто муж не ругает? Кстати, Татьяна, я вообще о тебе ничего не знаю. Тоже слышал со стороны, будто замуж выскочила. И дом — полна чаша. И жизнь сложилась. Ну и так далее... А на самом деле, как живешь, Тань?

Он отставил рюмку. Хватит и одной.

— Живу — не жалею, — усмехнулась Татьяна. — У меня есть все, что душа пожелает. Замуж выходила. Но мало прожили. Разбежались. По суду забрала половину всего, что он имел. Потом повстречалась с другим. Замуж вышла за него. Везде с ним бывала. Казалось, ухватила птицу счастья за хвост. Но вырвалась она. Улетела.

С прислугой застала его. Ну и... разошлись. Мой адвокат выиграл дело. В общем, живу, как королева. Все у меня есть. Только короля не хватает. Хотя желающих до Берлина в три ряда. Но я не тороплюсь. Хватило двух мужей. Пока присмотрюсь. В наше время мужики хлипкие пошли. То бабник попадет, то еще хуже. А многие норовят за мой счет прожить. Но я ушла. Меня не проведешь.

Денис смотрел на нее и не узнавал, можно сказать. Да, Танька была взбалмошной девчонкой. Знала, что многие заглядывались на нее. И пользовалась этим. Но это же было давно! А сейчас перед ним такая же красивая, а может, она стала еще красивее, но в глазах не льдинки, а айсберги видны. И, по словам было заметно, что она своего не упустит, если что-то попадет в ее сети. Расчетливая и холодная. А ведь она не была такой...

— А дети есть, Тань? — он глянул на нее. — Все про мужиков говоришь, да про деньги. А где дети?

Она нахмурилась. Раз глянет на него, другой раз. Взгляд отведет и задумывается. Снова посмотрит и молчит. Тонкая, едва заметная морщинка пробежала по лбу и исчезла.

— Дети, говоришь... — она уже хмуро посмотрела на него. — Ошибка молодости, после которой не бывает детей. И не догадываешься?

— О чем? — Денис пожал плечами. — Я ничего не знаю о тебе со школьной скамьи. Уехала — и все. Твое короткое письмо, из которого ничего нельзя понять, и больше ни одного слова за эти годы. О чем мне догадываться? Все молчали. Твои родичи меня в главные враги записали. Да и я стал куролесить, потому что не знал, почему ты внезапно уехала. Ладно, не посадили. А то бы вся жизнь пошла по тюрьмам и ссылкам. Единственное, что узнал, будто живешь хорошо и все на этом. Вот и подумай сама, что я должен знать такого, когда все молчали.

Он тоже стал заводиться.

— Стыда не оберешься, как мать сказала, — Татьяна налила в рюмку и выпила залпом. — И увезли меня, чтобы никто не узнал, что я... — она помолчала, потом сказала. — В общем, неудачный аборт. Чуть не умерла из-за потери крови. Потом врач сказал, что детей никогда не будет. Вот так, дорогой Денис! Натворили делов, а расхлебывать мне пришлось.

— Как — ребенок? А что же ты раньше не сказала? — взвился Денис. — Ушли бы к нам и спокойно стали жить. Я же вообще не знал, что ты зачела. И жили бы, как все люди. Я бы работать пошел. Квартиру бы получили. И зажили бы...

Он махнул рукой.

— Я никогда не хотела жить, как все, — она усмехнулась. — Не бери в голову. Это было детство. Нашалили, вот и наказали. Я лишь потом поняла, что не было бы у нас нормальной жизни. Первая любовь. Поцелуи и клятвы. И ребенок был ошибкой в этой жизни. Он бы только помешал. Честно сказать, я вообще не хотела иметь детей. Лишние они в нашей жизни, если чего-то хочешь добиться. Обуза. По рукам и ногам связывают... Не желей, Макаров, что произошло. Слишком мы разные, чтобы быть вместе. Это я поняла, когда уехала. Зато теперь живу, как королева. Никто не мешает, никто не связывает. И не нужно подниматься по ночам, чтобы сраные пеленки поменять. Не мое это, не мое! А у тебя, наверное, семеро по лавкам сидят? И жинка в застиранном халате носится. Голову ломает, как с такой оравой справиться? Видишь, насколько мы разные. И дороги у нас в этой жизни тоже разные. Тебе нужна семья и дети, а я живу для себя, и голова ни о чем не болит. Ну, я угадала, как ты живешь?

Она засмеялась. Закурила. И принялась быстро затягиваться, выпуская тонкую струйку дыма.

— Я, что ли... — Денис помолчал, потом пожал плечами. — А я, Тань, так и не женился. Да, были другие. Но найти такую, как ты, не получилось. Понимал, что глупость это, а пересилить себя не смог. До сих пор хожу на откосы. Кстати, наша

скамейка так и стоит. Сижу, смотрю на Волгу, по которой суетятся катера и едва движутся буксиры. А у самого такое чувство, что ты рядом сидишь. Невольно оглянись, а тебя нет. И настроение пропадает. По ночам тебя видел, как гуляли между сосен в парке или сидели на скамейке, а бывало, что целовались. Утром поднимусь и чувствую вкус твоих губ. И радовался, хоть во сне, что ты рядом со мной... И глазам не поверил, когда тебя сегодня увидел. Аж сердце забарахлило от радости. Я твой образ пронес через все эти годы. И он вот здесь у меня...

Он похлопал по груди. Татьяна засмеялась.

— Как был пацаном, так и остался,— махнула рукой она и бережно вытерла смешливую слезинку.— Как был мечтателем, так и остался. Понимаешь, Денис, жизнь другая...

— Нет, Тань,— перебил он.— Жизнь одна, а люди меняются в ней. Я остался прежним, а вот ты изменилась, но в какую сторону — не знаю, но явно, что далеко не та Танька Головина, ради которой я готов был на безумные поступки. Ты ушла в тот мир, который себе нарисовала, а я остался в прошлом. Хорошо это или нет — время покажет.

Он замолчал. Отодвинулся от стола. Взгляд в пол, и молчал.

— Правду говоришь, Макаров,— задумчиво сказала она.— Я далеко не та восторженная и взбалмошная Танька, за которой все ухлестывали, а ей нравилось это внимание. Не той стала Танька. Я многое повидала в жизни. Многих повидала. И основная часть из них мечтала затащить меня в постель, но не каждому удалось это сделать.

Денис кинул быстрый взгляд на нее.

— Не смотри на меня так,— она заметила его взгляд.— Тебе не понять: если хочешь добиться чего-нибудь в жизни, нужно чем-то пожертвовать. Не все в этом мире дается бесплатно. И за все нужно платить. И плачу. И буду платить, потому что я не хочу жить, как все. Мне нужно многое взять от жизни, чтобы крепко стоять на ногах. И буду брать. И буду давать. И мне будут платить той же натурой, когда захочу. Мы стали слишком разными, Макаров. И у каждого из нас своя цель в этой жизни, за которую каждый расплачивается, чем может. Ты по земле ходишь, а я повыше тебя стою. Так высоко, даже представить не можешь. А хочешь, со мной поедешь?

Она нервно закурила. Затянулась пару раз и выкинула сигарету в форточку.

— И в качестве кого я поеду? — он поднял голову и глянул на Татьяну.— В качестве нового мужа или старого друга?

Денис усмехнулся.

— Не знаю,— она пожала плечами.— Пока не придумала. На роль мужа ты не подходишь, мне нужен другой человек. Ну, что могу предложить?.. Просто поживешь. Осмотришься. Если понравится, поставлю главным. Будешь за порядком присматривать. А когда у меня на душе будет тошно, стану к тебе приходить. Бутылочку возьму. Посидим, прошлое повспоминаем. Соглашайся, Макаров! Питание и жилье за мой счет. Жалование положу такое, что в обиде не будешь. Это тебе не на заводе корячиться за копейки. Ну, что скажешь?

И по ней было видно, что она уже загорелась этой идеей. А Дениса резануло — положит жалование. Как-то неприятно стало на душе. Словно в нее плюнули.

— Да, от прошлой Головиной ничего не осталось,— он мотнул головой.— Ты выбросила меня из своей жизни. Даже не выбросила, а растоптала все самое хорошее, что между нами было. Вытерла ноги и пошла к своей цели. Знаешь, Тань, я не жилетка, чтобы в нее плакать. И не цербер, чтобы охранять твое хозяйство и ждать, когда ты соизволишь меня погладить по голове за верную службу. Я не собираюсь быть слугой госпожи. Мне жаль, что ты забыла о самом дорогом, что между нами было. Жаль...

Он вздохнул — и взгляд в пол.

— Дурак ты, Макаров, полный дурак! — взвилась Татьяна. — Другой бы радовался, а ты... Что между нами было — это было давно и неправда. Детство. Первая школьная любовь, которая никогда счастливо не заканчивается. Все в том возрасте смотрят на мир через розовые очки. Строят несбыточные планы. Витают в облаках и распускают нюни, как ты сейчас, да и тогда — тоже. На что ты надеялся, когда увидел меня? Думал, на шею брошусь? И снова любовь вспыхнет между нами. А потом сыграем свадьбу и будем жить счастливо и помрем в один день? Чуть полнейшая, Макаров! Человек живет ради достижения своих целей и никак иначе. И все, что было между нами, — это ошибка молодости, на которую и внимания не нужно обращать. И таких ошибок может быть много, и над каждой нужно плакать? А когда жить-то, Макаров? Я хочу взять от жизни все, что можно и нельзя. И никто мне не помешает это сделать. А ты, Макаров, как бултыхался в мелкой луже и мечтал о возвышенных отношениях, так и будешь бултыхаться, как *это самое* в проруби.

Татьяна снова схватилась за бутылку. Налила в рюмку. Выпила. Опять налила. Потом закурила.

— Н-да, побаловались чайком, — задумчиво сказал Денис. — Слишком горьким оказался его вкус, горечью полынной потянуло. Глотнул, а проглотить не получается. И выплюнуть невозможно. Вот тебе и попили чай. Ладно, Татьяна, мне пора домой. У нас с тобой даже вкус чая разный.

Он посидел. Хлопнул ладонями по коленям. Поднялся. И направился в прихожую.

Татьяна стояла и смотрела на него.

— Думаю, больше не увидимся, — сказала она. Больше меня ничего не связывает с этим городом. Вспоминай иногда, Макаров.

Он зябко повел плечами, когда натянул сырую куртку. Ткнул ноги в такие же промокшие ботинки. Взял авоськи.

— Да, Тань, больше не свидимся, — потоптавшись, сказал он. — И все же, если бы ты родила, жизнь стала бы другой. Намного лучше, чем та, которую ты выдумала, и живешь в ней. Намного лучше. А сейчас...

Он хотел было еще что-то добавить, но не стал этого делать. Открыл дверь и стал спускаться по ступеням. Татьяна что-то сказала вслед, а он не услышал.

Денис спускался. И с каждой ступенькой с его души словно груз спадал. Шаг — легче. Шаг — еще легче. И исчезала вина, которую носил в душе все эти годы, оставляя печаль. Светлую печаль первой любви, мечтам которой не удалось сбыться. Зато она надолго останется в его памяти — светлая и чистая.

Геннадий Маркин
(г. Щекино, Тульская область)

НИКОЛАЙ И МЫКОЛА

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Первый летний месяц 2024 года во многих регионах центральной России отмечился ливнями и грозами, а по некоторым областям прокатились и смерчи. Но незадолго до Троицкой родительской субботы погода наладилась, дни стояли теплые и солнечные.

В один из таких погожих дней я приехал на Кочаковское кладбище убраться на родных мне могилках. Был полдень, когда я завершил свою работу и присел отдохнуть на лавочку. Небольшие кучевые облака периодически закрывали солнце, слабый ветерок шелестел листьями разросшегося у могилы моей матушки клена, на ветках деревьев кричало воронье, от Кочаковского пруда, прозванного в народе Поповским, тянуло свежестью. Посидев с четверть часа и мысленно пообщавшись со своими умершими родными, я направился к выходу. Недалеко от кладбищенских ворот, в одной из могильных оградок на лавочке сидел мужчина. Он был одет в военную камуфлированную форму современного образца, но без знаков различия и каких-либо шевронов, головного убора тоже не было. Может быть я и не обратил бы на него внимания и прошел бы мимо, если бы не одна деталь, бросившаяся мне в глаза: его грудь украшала медаль. Здесь же рядом с ним на лавочке стояла початая бутылка водки, а на газете лежала закуска. Я узнал этого мужчину. Его я видел несколько дней назад во дворе соседнего со мной дома; он сидел в компании своих не совсем трезвых товарищей, да и сам тоже, как мне показалось, был выпивши. Тогда он был без формы и без медали. На вид ему было около сорока лет, худощавый, с короткими слегка поседевшими волосами, небольшими усами и бородкой, здесь же к лавочке была приставлена трость. Я решил подойти к нему и поговорить. Мужчина не сразу обратил на меня внимание, а увидев, посмотрел долгим и, как мне показалось, изучающим взглядом.

— За ленточкой был? — спросил я, кивком головы указывая на медаль. Медаль была — «Участнику специальной военной операции».

— Да, был, — ответил тот и затянулся сигаретным дымом.

— Праздник отмечаешь или родителей поминаешь? — вновь спросил я и указал на бутылку.

— Родителей поминаю, — теперь уже мужчина кивнул в сторону памятника. Я прочел: Иван Николаевич и Галина Юрьевна Карпенко. Внизу даты рождения и смерти.

— Родители твои почти мои ровесники, — вздохнул я.

— Может, отец, выпьешь со мной за помин души моих родителей? — спросил мужчина и потянулся к бутылке.

— Нет, спасибо, я за рулем,— ответил я.

— А чего же тогда ко мне подошел? — спросил он с недоумением.

— Видел тебя недавно, во дворе соседнего со мной дома; я живу в сорок восьмом.

— Ну и дальше что?

— Как тебя звать-величать? — спросил я и протянул руку для знакомства.

— Николаем,— ответил тот и тоже протянул руку.

Я назвал себя.

— Может, все-таки выпьешь со мной? — вновь спросил он.

— Выпил бы, но боюсь, если остановят, прав лишат.

— А я — выпью,— сказал Николай, и налив в стакан немного водки, выпил.

— А что же один-то родителей поминаешь? Семья-то есть у тебя? — спросил я.

— Есть, только мы с женой в разводе.

— Выходит дело, одинокий?

— Выходит, что так,— Николай потупил взгляд в землю.— Сын у меня есть, школьник, в седьмой класс перешел,— вздохнул он и вновь потянулся к бутылке.

— Не многовато ли будет, Николай? — я указал на бутылку.

— Понимаешь, отец, ребята там мои воюют, а я вот...— при этих словах Николай взял трость и потряс ею. Затем замолчал на некоторое время и поставил на место бутылку.— Я же всю зиму по госпиталям провалялся, то в Ростове, то в Москве, то в Туле. И главное, ни пули меня не зацепили, ни осколки не задели, а вот взрывной волной так спиной о землю шархнуло, что ноги отнялись. Спасибо врачам, подлечили немного, сейчас хоть с палочкой, но все же хожу.

Николай замолчал, затем закурил новую сигарету и продолжил:

— Да еще хохол этот, будь он неладен, тоже воюет. А я вот... — развел он руками.

— Какой хохол? — спросил я.

— Да хохла я раненого на себе тащил. Сам ног под собой не чувствовал, да и у него обе ноги перебиты, вот мы волоком друг друга и тащили. Ползли, сами не зная куда.

— Расскажешь? — попросил я.

Николай какое-то время помолчал, а затем заговорил:

— Меня мобилизовали в сентябре месяце сразу после объявления мобилизации. После учебки в Коврове направили нас в Богучар, что под Воронежем, а оттуда уже за ленточку. В ноябре мы прибыли в район Сватово. Из-за распутицы бои были незначительными, а с началом зимы началось. Всю зиму и весну шли упорные бои, а летом нам все же удалось переломить ситуацию и выйти к реке Жеребец, а дальше двинулись на Купянск. Хохлы отступали, и мы были уверены, что до освобождения Купянска осталось недолго, несколько дней, максимум неделя. Вот тут-то мы и подошли к небольшому то ли поселку, то ли городку, которого, наверно, и на карте-то не найдешь, и попытались сходу им овладеть, но не удалось... да, крепким орешком оказался тот городок,— Николай замолчал.— погоди, отец, дай дух переведу, да сигаретку выкурю, а то у меня что-то горло комом сдавило... ребята мои там полегли у того городка.

Николай сделал несколько глубоких затяжек и продолжил:

— Ну, про войну я тебе рассказывать не буду, сам, небось, по телевизору смотришь, да из интернета знаешь. За все время нахождения на СВО я ранен не был, а тут под этим городком... хорошо хохол из миномета приложил. Помню, обдало меня горячим воздухом и от земли вверх подняло, аж перевернуло вверх тормашками, и все — больше ничего не помню. Сколько времени я пролежал без сознания — не знаю. Очнулся — и поначалу не пойму, что со мной произошло. В голове гудит, как будто там железнодорожный состав идет, перед глазами мошки мелькают, полон рот

земли, все тело болит, а особенно спина. Попытался подняться, а ног под собой не чувствую, да и спину такая боль пронизала, что я аж зубами заскрипел. Лежу и оглядываюсь вокруг. Казалось, что горела не только земля, но и небо, руины вокруг от домов, развалины, и черный дым всю эту картину заволакивает. Автомата при мне не было, наверно, землей засыпало. Ощупал себя — вроде цел, фляжка с водой на месте, правда, вся помята, но не пробита. Припал я к ней, пить и напиться не могу, так у меня во рту пересохло, что языком еле шевелил. Полежал я какое-то время, а затем медленно, скрипя зубами от боли, пополз, а куда полз — и сам не знал. Где-то еще шел бой, но где — я понять не мог, казалось, что стреляли вокруг. Где были наши: то ли вперед ушли, а может и назад отступили, ничего я не мог понять в том кошмаре. Так и полз на брюхе с передышками, чтобы отдышаться. А в один из таких отдыхов я и услышал, что где-то рядом вроде как стонет кто-то. Прислушался: не почудилось ли? Нет, слышу — стоны продолжаются. Собравшись с силами, пополз в ту сторону, откуда раздавались стоны. Через несколько метров увидел присыпанного солдата, из-под земли и битого кирпича была видна голова, левая рука и нога с набухшей от крови штаниной. Ну я и давай его откапывать, а сам чуть ли не вою от боли в спине, но откапываю, а он уже и стонать перестал. Взял я флягу, приоткрыл ему рот и влил немного воды. Смотрю, он губами зашевелил, а потом приоткрыл глаза и смотрит на меня, а затем как схватит меня за горло и давай душить. «Хохол!» — понял я, ну и тоже схватил его за горло. Но задушить друг друга мы не смогли: оба застонали от боли и ослабили свои руки. Пока тяжело дышали и приходили в себя, смотрели друг на друга, ему на вид было лет двадцать, не больше. Отдышался я и спрашиваю: «Ты что же такое творишь, пацан белогубый?! Я тебя из-под земли откопал, водой тебя напоил, а ты меня за это за горло хватаешь?! Фашистская твоя морда!»

Тот молчит, и словно затравленный зверек смотрит на меня полными злобы и страха глазами, а потом и говорит: «Я не фашист, я — вэсэушник. Давай с тобой разойдемся по-мирному. Ты иди к своим, а я — к своим». Я согласился. А он все лежит и смотрит на меня. Я ему говорю: «Ну иди, чего ты не уходишь?» — а он мне отвечает: «Нет, ты первый уходи, а то ты мне в спину выстрелишь». Я ему говорю: «Из чего же я тебе в спину выстрелю? Из пальца? Я автомат свой потерял, похоже, как и ты свой». Он еще какое-то время смотрел на меня, а потом спрашивает: «Ну, тогда я пошел?» А я вижу у него штанина на ноге все больше и больше кровью набухает, а лицо его, землей испачканное, стало белое, как мел, глаза закатываться начинают, вот-вот, думаю, он сознание потеряет. Не знаю почему, но жалко мне его стало, я и говорю: «Давай я тебе ногу перетяну, а то ты кровью изойдешь, вон у тебя ниже колена вся штанина в крови». А он говорит, мол, свои перебинтуют, и тут же отключился. Хотел я его оставить, а самому дальше ползти, своих искать, но что-то остановило меня. И опять мне его жалко стало, ну я и давай хлестать его ладонями по щекам, и вскоре он пришел в себя, застонал. Второй раз сопротивляться не стал, доверился мне. Я стянул с него поясной ремень и перетянул ему ногу выше колена, так как нас санинструктор учил в Коврове. Гляжу, а у него и с другой ногой что-то. Вся она как-то перевернута задом наперед, да и болтается как тростиночка, но крови не было. А он в этот момент застонал и опять начал терять сознание. Ну я опять пару раз дал ему по щекам, а когда он пришел в себя, отдал ему остаток воды из фляги. Плохо, думаю я, нам теперь без воды будет. Говорю ему: «Раз так получилось, что мы оказались рядом и оба с недееспособными ногами, давай будем добираться вместе. Руки у нас целы, вот и будем друг друга волоком тащить, а иначе мы здесь оба погибнем. Выбора у нас с тобой нет. Давай обхватывай меня, а я тебя обхватчу, так и будем друг другу помогать передвигаться. Держи меня за плечи, а я тебя». А он как оттолкнет меня и говорит: «Я не буду с москалем обниматься». Такая меня злость взяла, что хотел я его прибить. Взять камень и дать ему этим камнем по голове, но вскоре разум мой возобладал над моими чувствами. Успокоился я и говорю ему:

«Дурак ты! Я тебя что, обниматься с собой прошу? Да я и сам в другой обстановке к тебе и прикасаться бы не стал. Короче, ты жить хочешь или не хочешь? Ну и оставайся здесь, подыхай, раз молчишь». Сказал я ему так, а сам пополз в сторону от него, но недалеко отполз, слышу, он кричит мне, согласился, мол, ползти вместе. Я к нему вернулся, а он обхватил меня рукой за плечи, и что-то екнуло у меня в груди, словно это мой младший брат или сын меня обнял. Говорю ему: «Вот это другое дело, а то: "не буду обниматься..."», ломаешься, как девка нецелованная».

Так мы и ползли, задыхаясь в дыму и тяжело дыша, стоная и охая, пригибая головы к земле при каждом свисте и разрыве мин. Ползли туда, где еще шел бой, где слышались автоматные выстрелы, где по разные баррикады находились наши боевые товарищи, и где они продолжали убивать друг друга. Сколько прошло времени с начала нашего движения и сколько метров проползли, мы не знали. Наконец сквозь густоту дыма увидели краешек голубого неба, и перед нашим взором открылась улица с развалинами вместо домов с обеих сторон. Выстрелы и разрывы не стихали. Остановились мы дух перевести, а я и говорю: «Может, скоро до наших доберемся». И только так сказал, как в это время поодаль от нас начали разрываться мины. Испугался я не на шутку, да и хохол тоже голову в землю воткнуть старается, как страус. Думаю: ну, сейчас нас накроют, нужно срочно где-то укрыться. Вижу рядом какая-то траншея, ну я в нее сполз и хохла за собой туда же потянул, а траншея та прямиком к развалинам дома тянется, а фундамент в том доме уцелел, значит и подвал там сохранился. Подползли мы к стене этого здания, и к своей радости увидели в уцелевшем фундаменте дыру. Протиснулись мы сквозь нее и оказались в слегка разрушенном подвале, и тут же легли на холодную и влажную землю, не в силах дальше продвинуться ни на метр. В подвале было сумрачно. Я огляделся по сторонам, и в углу под свисавшими с потолка обломками водопроводных труб увидел лужу. Подполз к ней и, припав губами, начал пить, а напившись как смог начерпал этой воды во флягу. Затем вытер ладонью лицо, разгладил усы и бороду, и ползком вернулся к хохлу. Протянул ему флягу, тот попил. А я вспомнил учение санинструктора и говорю: «Давай-ка я тебе ремень на ногу ослаблю, а то без ноги останешься». Только ослабил ремень, как из раны хлынула кровь, и хохол снова потерял сознание. Я опять привел его в чувство. Прислонились мы к стене, сидим и молчим. А на улице продолжают разрываться мины, и при каждом взрыве вздрагивали земля и стены, а сверху вместе с пылью на наши головы сыпались то ли штукатурка, то ли мелкие каменные крошки. Там мы и решили переждать обстрел. Какое-никакое, а все же укрытие. Долго молчали, разговаривать не было сил, да и не хотелось. Мы оба понимали, что являемся врагами, и окажись в иной ситуации, просто убили бы друг друга. Наконец я спросил: «Как звать-то тебя?» Хохол не сразу, но все же ответил: «Мыкола». Нехотя как-то ответил и еле слышно. Я и говорю ему: «Колька значит? Николай? Наде же! И меня тоже Николаем зовут. Сколько же тебе, Колька, лет?», — спрашиваю. Он ответил, мол, двадцать лет. Я и уточняю: «Что же это у вас на Украине таких молодых на войну отправляют?» Мыкола замолчал на какое-то время, а потом вздохнул и ответил: «Всяких отправляют». Сидим и молчим, слушаем разрывы мин. Я про себя считать начал, около десяти разрывов насчитал и сбился со счета. Чтобы не молчать, я спросил: «Сам откуда будешь?». Мыкола неохотно ответил: «Из Харьковской области, а ты?» — в свою очередь поинтересовался он. Я ответил, что из Тульской. Вновь замолчали, и вижу Мыкола то ли сознание начал терять, то ли засыпать. Вспомнил я учение санинструктора, что при ранении нельзя давать раненому спать и решил с ним разговаривать. Спрашиваю у него: «Как твоя фамилия?» Тут он аж напыжился весь: «А зачем тебе? Ты что, меня допрашиваешь?» — спрашивает. Я как можно спокойнее говорю: «Я тебя не допрашиваю. Так просто спросил, для разговора. Не хочешь, не говори». Он помолчал немного, а потом говорит: «Карпов моя фамилия». «Вот те раз! Так ты, Колька, выходит дело — русский? Фамилия-то у тебя русская».

А он начал мне доказывать, что украинец. Я перебил его и говорю: «Это, Колька, получается — я украинец. Мой прадед с семьей с Украины в Россию переехал в тридцатых годах. У меня и фамилия украинская — Карпенко. Мы с тобой не только тезки, но и почти однофамильцы, оба потомки Карпа». А потом сам не зная зачем, я стал рассказывать о своем деде, говорю: «Деда моего тоже Николаем звали, меня и назвали в его честь. Он в свое время с фашистами воевал... вот и мне тоже пришлось с фашистами воевать». Колька слушал молча, а потом говорит: «Мой прадед тоже на той войне воевал с немцами, а дед в армии служил, полковник. Мать говорила, что его из Сибири в Харьков перевели служить, там он и умер, а потом и бабушка моя умерла... Дай попить, если не жалко». Я протянул ему флягу, тот попил. Я тоже немного отпил воды и говорю ему: «Вот видишь, Колька, прадед твой с фашистами воевал, дед в Советской армии служил, а ты сейчас сам фашистом стал». «Я не фашист», — тихим голосом произнес он. Но я уже разошелся так, что меня нельзя было остановить: «Я уверен, что и ты с фашистской свастикой на рукаве ходил, зиговал. Разве это не фашизм? Бандера для вас теперь герой! А этот ваш Бандера был прислужником у гитлеровцев, а не борцом за независимость Украины». Долго мы молчали после этих моих слов. Мне стало казаться, что Мыкола даже уснул или опять потерял сознание. Я взглянул на него: нет, не спит, а смотрит на просвет сквозь полуразрушенную стену с торчащей из нее арматурой и молчит. А потом посмотрел на меня и говорит: «Ты говоришь, что мы — фашисты, но это же вы войну развязали, это вы на нас напали». Мыкола глядел на меня, и в его взгляде я не увидел какого-либо озлобления или ненависти, а было в его взгляде какое-то непонимание происходящего момента, и был немой вопрос: зачем все это? Зачем была нужна эта война? Зачем мы, русские, пришли к ним с оружием? И этот его взгляд был взглядом не воина, а подростка, даже ребенка. Понимаешь, отец, так глядел на меня мой сынишка, в силу возраста непонимающий, что он сделал такого нехорошего и за что его наказали? И я тогда понял, что Мыкола ждет от меня правдивого ответа, даже может быть разъяснения о происходящем у них на Украине, ждет так, как когда-то ждал разъяснений мой сын.

...Николай замолчал. Видимо, воспоминание о сыне, о семейной жизни, о прошлом ему далось нелегко. Он отвернулся от меня, чтобы я не заметил его повлажневших глаз. Я слегка сжал ему кисть руки.

— Не надо, Николай, не рассказывай больше.

Но, видимо, моему собеседнику нужно было выговориться, и он, словно не услышав моих слов, продолжил: «Нет, — говорю я Мыколе, — это не мы, а вы войну развязали. Кто бомбил Донбасс? Мы или вы? — спрашиваю у него. — Это же ваши украинские президенты Порошенко и Зеленский бомбили Донбасс. Или я не прав? Молчишь? Вот то-то и оно, что молчишь! Сказать-то тебе нечего. Вы восемь лет безнаказанно людей на Донбассе убивали, вот вам и ответочка прилетела за это. К чему все это было? К чему? А я тебе так скажу: вам просто все равно было, что на Донбассе люди гибли. Женщины гибли и дети. Я уверен, что в твоём подразделении не было ни одного жителя Донбасса, а большинство были с Западной Украины, с бандеровщины. Ваши правители отправили на Донбасс регулярную армию, которая убивала мирных людей, а вы все молчали, потому что — моя хата с краю. Так вот, чтобы ты знал: крайняя хата — горит первой». А он молчит, голову опустил, а потом и говорит: «Я на Донбассе не был. Меня на войну забрали только тогда, когда вы к нам пришли». — «Тебе, — говорю я ему, — нужно было не ходить на войну, а спрятаться где-нибудь». — «Меня мать прятала, но приехали из военкомата, нашли меня и забрали на войну. Теперь мать одна осталась. Она просила меня, чтобы я обязательно с войны живым вернулся, а я, наверно, умру здесь, в этом подвале...» — говорит он. А я смотрю на него, а у него, поверишь отец, слезы из глаз текут. Плачет он. Гляжу я на него, плачущего, и вдруг чувствую в себе к Мыколе какое-то чувство жалости, сострадания, даже начал сочувствовать не только ему, но и его матери, что просила его

вернуться с войны живым. Поверишь, я даже ощутил, как у меня комом горло сдавило, и я сам такого от себя не ожидая, стал успокаивать его, говорю: «Не умрешь ты, Колька, не умрешь! У тебя еще вся жизнь впереди!» А он взглянул на меня — в глазах слезы стоят, словно у дитя малого, и говорит: «Дядя Коля, ты меня не бросай здесь одного, ладно?» Меня словно огнем обожгло это слово — «дядя». Ну называли меня дядей в основном ровесники моего сына, но чтобы двадцатилетний парень меня дядей назвал — такого до той поры не было. Засмеялся я и говорю ему: «Вот те раз! Какой же я тебе дядя? Мне и есть-то тридцать с небольшим. Это я просто бороду и усы отпустил, поэтому так старо выгляжу. И с чего ты взял, что я тебя здесь брошу? Вместе добираться будем до наших, а там положат тебя в госпиталь и вылечат твои ноги». А он вдруг серьезно и спокойно так спрашивает: «Зачем же вы меня лечить будете, если потом все равно расстреляете?» Я после этих его слов даже на некоторое время дар речи потерял. Говорю ему: «Чудак ты, Колька! Кому ты нужен — стрелять тебя?! Вылечат, и домой поедешь, к мамке своей. Ну, возьмут с тебя какую-нибудь расписку или обязательство там какое, что ты больше воевать не будешь, и домой отпустят. В крайнем случае, обменяют тебя на кого-то из наших пленных». А он смотрит на меня, а во взгляде — неверие. Не верит он мне. А потом с каким-то лукавством в голосе спрашивает: «А если к нашим попадем, тогда как?» — «Тогда как?» — переспросил я и задумался. Честно скажу: не знал я, что нужно было ему ответить, я никогда не думал о том, что могу попасть в плен, и после вопроса Мыколы впервые серьезно об этом задумался. Естественно, я был наслышан о том, как хохлы издеваются над нашими пленными, особенно зверствовали представители украинских национальных батальонов. Наверное, видя, что я не знаю, что сказать, а потому долго молчу, Мыкола сам ответил на свой вопрос: «Если к нашим попадем, я скажу, что ты меня спасал». Ухмыльнулся я тогда его словам. Я прекрасно понимал, что в случае пленения, даже если Мыкола и замолвит за меня слово, моя участь не изменится к лучшему. А тут и минометный обстрел прекратился, да и автоматные выстрелы заметно сократились, а вскоре и вовсе наступила тишина. «Интересно, чья батарея и кого накрыла?» — спросил я скорее у самого себя, чем у Мыколы. Сидим оба, молчим, ждем, не начнется ли заново стрельба, да и выжидаем, когда боль в наших телах утихнет. Тут он меня и спрашивает: «Дядя Коля, а у тебя родители есть? — «Нету,— отвечаю,— уже давно умерли. У меня семья есть. Жена и сын-школьник, в этом году в седьмой класс перешел. Правда, мы вместе не живем, развелись с женой, но с сыном я отношения поддерживаю». — «Зачем же ты тогда воевать пошел, если один жил? Денег мало было, хотел заработать?» — «Денег мне хватало. Я же сварщик, а сварщики без копейки никогда не бывают. Калымил я. То одному что-нибудь приваришь, то другому, деньги у меня были, да и бывшей жене с сыном тоже помогал. А на войну меня мобилизовали, я — мобилизованный. Я для себя решил так: сам добровольцем не пойду, а если мобилизуют, скрываться не стану». А потом решил тему сменить, да и из подвала выбираться нужно было, пока обстрелы не возобновились. «Ну что,— говорю,— пора нам двигаться дальше, не век же сидеть в этом подвале. Но вот как отсюда выбираться будем с нашими болячками? Лаз-то довольно высоко от земли находится». Как я и предполагал, выползти нам из подвала оказалось гораздо труднее, чем мы в него вползли. Я несколько раз пытался посадить Мыколу к лазу, но мне это никак не удавалось. Сам ног под собой не чуял, боль в спине одолевает, вконец выбился я из сил. Полежал на земле, отдохнул немного, чуть отдышался и говорю Мыколе: «Что же ты такой тяжелый? Сало, что ли, много жрал? Вроде худой, а тяжелый, как кабан. Тут не меньше взвода надо, чтобы тебя к лазу посадить. Ты уж давай постарайся зацепиться руками за арматурины, а то так и умрем здесь оба». Собрал я все свои силы, мобилизовал волю и начал Мыколу подсаживать к лазу. «Хватайся,— говорю ему,— за железки и подтягивайся, руки-то у тебя целы!» А он кричит в ответ, вроде даже как плачет: «Не могу я, мне ногам больно». Я

и сам того и гляди взвою от боли в спине, еле сдерживаюсь, но продолжаю Мыколу кверху подсаживать, кричу ему: «Сможешь, Колька, сможешь! Давай — еще немного осталось! Хватайся руками за арматуру!». Из последних сил я толкал его вверх к лазу. Наконец-то он смог ухватиться за арматуру обеими руками, подтянулся и выполз на улицу. А потом отполз в сторону, и стало тихо. Я подумал, что Мыкола меня бросил в этом подвале умирать, сам я из него однозначно не выбрался бы. Но затем вижу: в дыру показалась его голова, и он протянул мне руку. Я ухватился за нее и, преодолевая боль, стал выбираться. Не знаю, как у Мыколы хватило сил вытащить меня? Из траншеи выбрались фактически без особых усилий. Лежим, оба тяжело дышим, воздуха не хватает. Огляделись. Вокруг догорали развалины зданий, дымились груды камней. И тут сквозь дым и развалины мы увидели находящуюся недалеко от поселка лесопосадку. Оба поняли, что это наше спасение, и без лишних слов поползли в ее сторону.

Уже где-то на окраине мы отчетливо услышали характерный звук дрона, словно кто-то где-то недалеко ехал на мопеде. Я стал вглядываться в небо и с ужасом увидел летящий над развалинами в нашу сторону дрон. Указав на него, я крикнул: «Птичка! Вон она!» И тут же мгновенно я сообразил укрыться под лежащей здесь же плитой, оставшейся от стены какого-то блочного здания. Честно скажу: даже испугаться не успел. Не помня себя, и даже не почувствовав боли, я, как змея, заполз под эту плиту и затащил туда Мыколу. Дрон тут же нырнул вслед за нами, но под плиту залететь не смог, ему помешали груды битых камней, кирпичей и уцелевшие бетонные блоки. Тогда дрон поднялся над плитой и сбросил на нас взрывное устройство. Раздался такой силы взрыв, что я подумал, что у меня лопнули барабанные перепонки. От удара плита треснула, но не развалилась. Оглушенные взрывом, мы буквально вросли в землю и машинально прикрыли головы руками. Ожидали второй удар, который для нас, наверно, был бы смертельным, но к нашему счастью второго удара не было. Долго мы лежали под той плитой, боясь высунуться, но все же осмелились. Огляделись по сторонам, посмотрели в небо — было тихо. Я жестом указал Мыколе в направлении лесополосы, и мы поползли дальше. Из последних сил все же добрались до посадки, и бесчувственные уткнулись в холодную и мягкую траву. Было тихо, даже птицы щебетали на деревьях, будто бы и не было никакой войны. Я лежал и не мог надыхаться запахами августовской травы, разговаривать не хотелось. Так мы и лежали до тех пор, пока не услышали отдаленные голоса людей. Оба приподняли головы и прислушались. Голоса стали раздаваться все ближе и ближе, и мы с Мыколой стали напряженно всматриваться в ту сторону, откуда должны были появиться люди. Мы лежали и гадали: кто же к нам приближается — российские военные или украинские? Каждый надеялся увидеть своих. Вскоре показались и военные, с белыми повязками на рукавах, и я понял, что это наши. Как увидел их, так у меня слезы сами собой из глаз потекли. Заплакал я. Лежу и кричу: «Братцы! Вот он я, здесь я, свой я!» Кричу им, а сам себя не слышу: то ли голос у меня пропал от волнения, то ли меня дрон контузил и я оглох. Увидели они нас, подошли, хотели поднять, но поняли, что мы ранены, принесли носилки...

Рассказчик мой замолчал, достал из пачки очередную сигарету, закурил и заговорил каким-то другим, сиплым голосом:

— Погоди, отец, дай сигаретку выкурю.

Он закурил, а я сидел на скамье и смотрел, как он жадно затягивался табачным дымом, а затем с шумом выпускал его, покусывая губы. Ветер все так же шевелил на деревьях листья, облака в очередной раз закрыли солнце и сразу как-то потемнело. Боясь, что Николай прекратит свой рассказ, я спросил:

— Что же дальше было?

— Что дальше было? — переспросил он. — Дальше был Ростовский госпиталь. Лежали мы с Мыколой в одной палате, даже кровати наши рядом поставили по моей

просьбе. Кроме нас в палате было еще несколько человек, все были с ранением рук и ног, а то и вовсе безрукие и безногие. Врачи и медсестры к Мыколе относились одинаково, как и ко всем нам, хотя раненые бойцы реагировали по-разному: одни терпимо, другие с ненавистью, третьи с безразличием. Таких было больше. Поначалу Мыкола озирался на всех, боялся, особенно после одного случая. Лежал с нами в палате молодой парнишка. Был он на срочной, заключил контракт и уехал за ленточку. Попало их подразделение под минометный огонь противника, и ему оторвало обе ноги. Тяжко ему было в моральном плане, молчал все время, почти ничего не ел, а по ночам, уткнувшись в подушку, плакал. Тихо так плакал, чтобы никто не слышал и не догадался. А однажды что-то читал в телефоне, а потом вдруг как закричит на всю палату, телефон о стену вдребезги расшиб, схватил что-то с тумбочки и как швырнет в сторону Мыколы. Истерика у него началась, кричал, Мыколу обзывал сволочью, фашистом, гнидой, говорил, что ночью подползет к его кровати и зарежет его. Да и мне досталось тоже за то, что Мыколу спас, а нужно было бы убить его. Тут санитары прибежали, врачи, медсестры сделали ему успокоительный укол, и он вскоре уснул. А потом перевели его от нас. Девчонка его замуж вышла, и написала ему об этом, вот у него и сдали нервы, а он и на СВО уехал из-за нее, хотел денег на свадьбу заработать. Мыкола после того случая словно затравленный зверек стал. Даже спал тревожно, на каждый шорох просыпался, все боялся, что его кто-нибудь ночью убьет. Но когда понял, что ему ничего не угрожает, немного успокоился. А как-то спрашивает у меня: «Дядя Коля, как думаешь, меня посадят за то, что я воевал против вас?» — «Может быть вообще не посадят, а обменяют на кого-нибудь из наших пленных». — «А если все же посадят, то надолго?» — «Не знаю, как суд решит. Для начала, наверно, разбираться с тобой будут, вопросы разные задавать: как на войну попал, где воевал, когда и как? Убивал ли наших военных? Не издевался ли над пленными или мирными людьми?» — «Я не издевался». — «Вот так и объяснишь на следствии». И действительно, к Мыколе приходили какие-то люди, беседовали с ним, вопросы какие-то задавали, наверно, это и были следователи.

А у меня началась другая жизнь: лекарства, уколы, капельницы и осторожные попытки встать на ноги, но они меня не слушались, подкашивались. Тяжело приходилось, семь потов сливал, пытаюсь на ноги встать. Думал, что уже до конца дней своих к коляске инвалидной прикован буду. С нами в палате лежал капитан-артиллерист. Начитанный такой мужик, грамотный, в политике разбирался толково, как я в сварочном деле. Их батарея попала под обстрел, ему оторвало ногу, и он потерял зрение, у него постоянно была повязка на глазах. Но он, в отличие от многих, не унывал сам и не давал закиснуть нам. Подбадривал всех добрым словом, про царя Соломона нам рассказывал, что у того на кольце было написано: все пройдет и это тоже. Вот и у нас, мол, все пройдет, все на ноги встанем и еще не только повоюем, но и попляшем, когда укранацистов победим. А как-то в один из вечеров разговорились мы с Мыколой, я ему и говорю: «Помнишь, Колька, когда мы были в подвале, ты спросил: зачем мы на вас напали? Я тебе так скажу: вы сами спровоцировали нас. Выкрикивали: русню надо резать; москаляку на гиляку! Представь себе, что мы с тобой соседи, живем изгородь в изгородь. И вот каждый день я кричу тебе: хохол, хохол! Хохла на гиляку, хохла надо резать! Я уверен, что когда-нибудь ты не выдержал и дал бы мне в ухо. Вот так и получилось, только соседями здесь были не мы с тобой, а наши страны. С соседями нужно уметь выстраивать отношения. А вы — не сумели, вы сами притянули к себе войну». И вдруг капитан тот, артиллерист, глядя куда-то в противоположную от нас с Мыколой сторону, говорит: «Виноват, что вмешиваюсь в ваш разговор, но позвольте мне объяснить Коле сложившуюся обстановку накануне начала проведения нами специальной военной операции. Вооруженный конфликт между нашими странами произошел не по нашей вине. Мы терпели сколько могли, но Украина не оставила нам выбора. Ничего бы этого не произошло, если

Украина была бы нам дружественной страной, но она решила стать врагом для России и запустить на свою территорию натовские войска. Да, мы вошли на Украину. Но вошли для того, чтобы не допустить туда натовцев, ведь врага в дом легче не пустить, чем потом его из дома выгнать. Украинцам внушили чувство превосходства над русскими, внушили ненависть к России и русским, дали оружие в долг и заставили умирать в борьбе якобы за свою свободу. Вы гибнете на этой войне, думая, что защищаете от нас, русских, свою землю. Нет, Коля, все ценное, что сегодня есть на Украине, давно принадлежит не ей, а западным компаниям, в том числе и земля. Мы не вмешивались в вашу внешнюю или внутреннюю политику. Мы продавали вам нефть и газ по выгодной для вас цене. Вы же, Коля, нормально жили! Зачем же вам нужно было включаться в борьбу с Россией, которая закончилась войной? А вот теперь подумай: кто же на самом деле Украине друг, а кто враг? Мы — продававшие вам нефть и газ по дешевке, или Запад, мечтающий еще больше разбогатеть за счет ваших плодородных земель? Подумай и ответь себе на вопрос: какую Украину ты хочешь видеть — зависимую от Запада и США или свободную? И самое главное определись, Коля, с кем ты? Решай. В сторонке тебе отсидеться не удастся». Я дословно не помню, но примерно так говорил тот капитан. После его слов Мыкола откинулся на кровать и прикрыл глаза, наверно, он задумался над словами капитана. Да и другие тоже слушали так, что в палате было тихо. И только кто-то из раненых негромко произнес: «Силен замполит! В двух словах объяснил, что к чему...». В тот вечер Мыкола все больше молчал и о чем-то думал, мне казалось, он решал: кто же ему друг, а кто враг?..

Николай замолчал. Где-то в глубине кладбища пели птицы, выстукивал дятел, вышедшее из-за облаков солнце согревало землю, освещало белые стены и купола Никольского храма, могильные кресты и памятники.

— А потом Мыколу от нас куда-то перевели, да и меня вскоре из Ростова в Москву на лечение отправили,— вновь заговорил Николай и потянулся к бутылке.

— Не нужно, Николай, оставь это. Поехали, я тебя до дома довезу.

Он согласился. Убрал в пакет недопитую бутылку, собрал туда же закуску и, опираясь на трость, встал. Передвигался он с трудом. Я помог ему сесть в машину и мы двинулись в путь. Всю дорогу до города молчали, и лишь уже у своего дома он сказал:

— А недавно Мыкола мне позвонил. Откуда он узнал мой номер телефона- не сказал. Воюет хохол, за нашу Россию воюет. В батальоне имени Тараса Шевченко. Есть такой батальон. Он сформирован из украинских военнопленных, перешедших на нашу сторону. Наверно, наши беседы с ним не прошли даром. Я ему сказал, что если он опять повернет оружие в нашу сторону, то приеду и лично надеру ему уши,— улыбнулся Николай. И это была его первая улыбка за все время нашего с ним общения.

— И что же он тебе ответил? — поинтересовался я.

— Сказал, что назад пути нет. Буду, говорит, вместе с вами, с Россией до победного конца идти.

Прощаясь, Николай протянул мне руку и назвал номер квартиры, приглашая в гости в любое время. Я его поблагодарил. Он отказался от моей помощи и сам вышел из машины. Я смотрел ему вслед, пока он не скрылся за дверьми подъезда.

Одинокий по сути человек, хотя есть сын и некогда любимая женщина. Настоящий и бесстрашный русский воин. Добрый душой и сердцем человек, готовый живот свой положить за други своя. Такими людьми, такими воинами, такими сыновьями во все времена была сильна Россия. Так было, так есть и так будет!

Владимир Лебедев
(г. Нижний Новгород)

Владимир Лебедев родился в г. Сергаче Горьковской области. В 1959 г. закончил Горьковский педагогический институт иностранных языков. Работал 40 лет в университетах Горького — Нижнего Новгорода. Кандидат филологических наук, доцент. Автор стихов и рассказов. Лауреат, дипломант, победитель, финалист и призер многих международных и всероссийских конкурсов, фестивалей и премий. Печатался во многих российских и зарубежных журналах и альманахах.

ФЕНЬКА

Фенька рос сам по себе — как ковыль в степи: ветры трепали его, а он только чуть наклонялся и снова выпрямлялся, продолжая тянуться вверх. Нередко на него и наезжали, но не серьезно: так — отвешивали подзатыльник, и нет проблем. Хотя причин находилось немало: то по малолетству нашкодит, то отмочит какую несурязицу, то в отместку на немилость напакостит, а то просто под ногами болтается или перед глазами мелькает. Так день за днем Фенька и жил своей жизнью деревенского пацана, которая не очень-то была похожа на счастливое детство, о котором говорили по радио и писали в газетах. Отец у Феньки, как почти у всех на селе, не вернулся с войны, матери вечно было не до него — и лямку на колхозном поле с другими бабами тянула, и вокруг дома крутилась, как веретено. Это было время послевоенной разрухи и безжалостной засухи, которая спалила все, что можно, и свела на нет труд измотанных вдов, запряженных в соху или плуг вместо ушедших на войну добрых коняг.

Братья, что постарше, смотрели на Феньку с высоты своего роста и своих амбиций, которые возрастали по мере вхождения в окружающую жизнь с ее темными закоулками, в которые они уже успели заглянуть. А Фенька что: соплив еще, чтобы понимать, отчего, почему и с какой стати. Сами они дома кое чем занимались — иждивенцами не были: кололи дровишки, носили воду из колодца, вместе с матерью сажали и убирали картошку, таскали хворост из Припьянья (село-то стояло на Пьянереке), делали что-то по мелочи: мотыгу подточить, доску прибить, причелину поправить, очередь за хлебом занять... Но педагоги для младшего они, конечно, были निकудышные: шпыняли его, вворачивали в разговоре при нем соленые словечки, хитрили, скверно отзывались о людях, завидуя, а иной раз и вредя им, всегда были настроены где-то что-то умыкнуть и присвоить. И каждый божий день учили Феньку обманывать. Курить они начали совсем рано и уже давали первые уроки и ценные указания младшему, посылая его то стрельнуть папироску у «добротного дядьки», что сейчас в чайной пивко потягивает, то прибрать к рукам пару опорожненных бутылок, то отцепить в огороде соседки огурчик-другой на закуску, то сунуть в карман пиджака, что на время оставил на ступеньках сельской конторы кто-то из мужичков.

Иногда они вместе перебрасывались в картишки — в «дурака», но тут меньшому совсем мало что светило, и он каждый раз оставался с носом, то бишь «дурачком». Ему

это совсем не нравилось: он разбрасывал карты и чертыхался на глазах торжествующих недорослей. Иногда, правда, еще увязывался играть в монетку, занимая денежку у братьев. Такой игрой была орлянка или выбивание одной монеткой другую. Но и здесь ему не везло: в этом деле еще надо было поднатореть. Так что на мороженое у него никак не выходило — только в долгу оставался. Ну, и получал — шелбанцами.

А вот купаться в большом пруду на краю села вместе с дружкой ему очень даже было по нутру. Не смущали его и противные пиявки, которые приставали к телу — он остервенело их выбрасывал, а некоторых даже казнил, снова и снова заходил в воду, плескался, пытался плавать по-собачьи, озоровал, придумывая новые и новые водяные каверзы. Ну, а вскоре начал ходить уже на реку, что несла свои воды чуть в стороне от села — купаться и ловить самодельной удочкой рыбку.

Наступило время школы — мать Феньки поставила заплатки на старые брюки, из которых вырос старший, подлатала ворот и обшлага рубахи другого сына, достала резиновые чуни — в них она по праздникам ходила сама, надела все это утром на Феньку и отвела учиться.

Поначалу в школе ему было любопытно, и он старался слушать то, что говорила учительница, и делать, что она велела: выводил крючочки и букочки, рисовал кружочки и петельки и все такое. Но эта канитель бойкому сорванцу быстро надоела. Особенно не нравилось чистописание. Он не терпел скрупулезно выводить на клочке бумаги закорючки букв: его душа рвалась на волю, где он чувствовал себя свободным, как птица, готовым для полета и разных приключений. Он отвлекался, подолгу смотрел в окно, зорко подмечая все, что там происходило, включая вороньи разборки, дергал за косу сидевшую впереди конопатенькую Клавку из соседней деревни, тыкал карандашом или ручкой в бок соседа, прятал чернильницу, строил гримасы, пускал самолетки из газеты. Его ставили в угол, откуда он, нисколько не смущаясь и корча рожицы, как бы бросая всем вызов, смотрел на класс и демонстрировал свою независимость.

Подвигов, совершенных Фенькой за год, другому хватило бы на десять школьных лет: то выставит стеклышко из оконной рамы, чтобы выбросить кожуру от семечек, то навтыкает на сиденье отличнице гвоздиков, то бросит сидящей впереди девочке за шиворот майского жука, то спрячет тряпку для классной доски, а вместо нее положит полудохлую лягушку, то из рогатки в перемену разобьет лампочку... Когда у него отобрали рогатку, он на другой день сделал новую и выбил глаз белке в кабинете зоологии. И уже курить научился! Бегаёт в туалет и там всю перемену дымит. А как-то раз принес в класс кузнечика, вытащил его, и тот как начал прыгать — с парты на стол, со стола на пол, с пола на подоконник, и весь урок насмарку.

Ну, и на селе напридумывал всякие каверзы: со своим дружкой взял да повесил колокольчик на окошко пожилого киномеханика, который не дал им с поддельными билетами прошмыгнуть в киношку, и ну давай поздно вечером через веревочку ему названивать. Зимой он и его команда опять же умудрились стащить из пожарной конные сани, затащили их на склон оврага, расселись и покатали вниз, визжа от восторга. И уж совсем бесшабашно повели себя на Святки: нарядились, измазали лица сажей и давай колобродить. Подошли к одному дому, постучали. Хозяин открыл дверь и... упал в обморок. За это их даже хотели выгнать из школы, но пожалели.

На втором году с учебой, да и с дисциплиной, у Феньки стало лучше: новая учительница строго следила за ним, и он с тройками и с пятеркой по физкультуре сумел закончить первый класс. А дальше пошло то кочка, то колдобина. Опытная учительница не давала ему спуска, держала под контролем и пресекала все его попытки к бесшабашным поступкам. Так был преодолен барьер начальной школы. Но в пятом классе пришли новые трудности: другие учителя, строгие порядки, куча серьезных предметов. И Фенька растерялся. Он дрейфовал с двойки на тройку, с тройки на двойку, был, как прежде, разбросанным, не умел сосредоточиться и задержаться

внимание на чем-то определенном, не умел и не хотел вникать в суть дела. Всерьез контролировать его дома по-прежнему было некому. И вот результат: получил звание разгильдяй первой гильдии и снова остался на второй год. К тому же был замечен при похищении бутылок из кузова машины, которые потом сдавал как стеклотару, чтобы получить какую-то денежку. Сказывалось «воспитание» родных братьев, которые приучали его к «левому заработку».

Попадал он и в нешуточные истории — некоторые из них могли и даже заканчивались трагически. Так, однажды на дальнем пруду он и его дружки пытались глушить рыбу селитрой, и одному из них неожиданно разорвало живот, повредив кишки. Они перепугались и не сразу сообщили родителям, что случилось. Спасти парня не удалось.

При повторном обучении в пятом классе Феньку постоянно контролировала классный руководитель. Она находила нужные слова, чтобы стимулировать его к учебе, подсадила к нему хорошо успевающего ученика, и Фенька сумел заинтересоваться и даже обрести вкус к некоторым школьным наукам. Больше ему нравилась математика — с ее четкими ходами и строгими правилами, точными формулировками и бесстрастными цифрами. К гуманитарным предметам он относился снисходительно: дескать, когда надо, все выучу. Но совсем не понимал поэзии, потому что вокруг видел сплошь прозу жизни.

Учился, как и бывало, неровно. Так с переменным успехом он заканчивал обязательные семь классов. К этому времени один из братьев начал работать, а старшего призвали на службу в армию. Фенька и в школу ходил, и подрабатывал: то дрова поколет, то крышу какой старушке, как умеет, починит. Ну, а магарычом для него, как правило, был самый тонизирующий напиток — ее Величество водочка, с которой он теперь обнимался все чаще.

Вскоре второй брат его, окончив в городе школу ФЗО, стало быть, фабрично-заводского обучения, стал там работать, и Фенька решил пойти тем же путем. Получил специальность и начал свой самостоятельный труд на заводе. Через годик женился и стал жить-поживать и изредка с добром к матери наезжать. Но, натерпевшись в детстве всяческих лишений, не в силах был отказывать себе в удовольствиях и бесповоротно прикипал к той же, главной подруге всех праздников и дней суровых. В результате бросил все и, одновременно разочаровавшись в городских благах, махнул на родину. И начал жить как бы заново.

Увы, но старые привычки изжить — не поле перейти. Да он и не старался. И, хотя заново женился, былая страсть не отпускала. Он работал, но по-прежнему хитрил, приворовывал, лгал и не мыслил себе ничего другого. Сказывалось «воспитание» родных братьев, которые приучали его к «левому заработку». Хочешь жить — умей вертеться, любили они повторять. Вот он и вертелся, приглядывая, с какой стороны что плохо лежит, но хорошо смотрится. Калымил и при этом старался всегда что-то умыкнуть, а потом загнать, получив как бы второй калым. Прихватывал у одиноких хозяек ведра, сельхозинструмент, посуду — что попадется. Ну, и что крупнее — например, дорожный велосипед или ручную тележку. На живность типа кур не зарился: слишком много шума. Когда его пытались уличить в очередной пропаше, сразу парировал: — Не пойман — не вор! Если же знакомые спрашивали, откуда у него та или иная вещь, он, не моргнув глазом, выдавал: — Нашел. Я находчивый!

Его набеги и наскоки не обошли стороной и наш дом, в котором жили мы с мамой. Ему удалось виртуозно забраться по свободному столбу, уходящему под карниз, на чердак (в самом деле: хочешь жить — умей вертеться) и там как следует все обшарить и прибрать к рукам то, что имело какую-то ценность для него.

Время отсчитывало минуты, часы и годы. Фенька, у которого не было детей, не поладив с новой женой, отпустил ее на все четыре стороны. Но после этого все больше и больше задумывался о жизни. И понимал, что дальше так нельзя, это тупик.

Из головы уносились, чтобы не возвращаться, дерзкие приключения и сомнительные «подвиги», угасали и исчезали мысли о нечестных заработках — их сменяли попытки нести людям добро, вершить дельное, нужное и полезное. Он все реже и реже прикладывался к рюмке, перестал поддерживать своих соратников по посиделкам в пивнушке, другими глазами смотрел на окружающий мир. Если где изредка калымил, то без навару. Однажды, возвращаясь с работы домой и увидев неладное с огородом за домом одинокой пенсионерки, жившей на отшибе, поднял упавший плетень, как следует закрепил его и не взял за это ни копейки.

Как-то раз я решил заглянуть на стадион и вдруг увидел Феньку, сидящего на скамейке. Он был трезв, как стеклышко, а рядом — о, чудо! — лежала книга: Жюль Верн. Что ж, приключения — это для Феньки самое то. Я заговорил с ним: как-никак сосед, ровесник, земляк. Пусть он и стащил у меня когда-то хорошую вещь, а однажды ни за что ни про что даже хотел зарисовать мне физиономию (я посетовал, что соседка, которой он сделал какую-то услугу, недосчиталась потом одного ведра), но ведь надо думать о будущем. О его житие-бытие, в первую очередь. Чтобы он, наконец, жил с толком, целеустремленно, полнокровно и — честно.

На этот раз Фенька охотно поддерживал беседу и отвечал на мои вопросы. Я убедился, что он совсем не глуп, понимает проблемы, задумывается о них и мыслит нестандартно. И что жизнь его многому научила. И меня осенило: а если я, не имея такого ценного жизненного опыта, нахожу и извлекаю из памяти десятки сюжетов, чтобы вынести их на бумагу, описать и дать людям возможность читать и осмыслить происходящее вокруг, почему он, искушенный в этой жизни, изучив всю ее подноготную, не может пойти тем же путем и начать писать? Он же знает жизнь изнутри! И я сказал ему об этом.

В ответ Фенька искренне удивился и начал всю отнекиваться. Я настаивал, приводя все доводы, потому что считал, что он вполне мог бы найти в литературе свою стезю и пойти по ней сначала пусть робко, но потом наверняка все уверенней и уверенней. Тем более что за точным и верным словом он в карман не полезет — речь его выразительна, искрометна и образна. Плюс у него на все своя точка зрения и неожиданные ходы. А это очень важно в творчестве. На всякий случай я сразу заверил его, имея в виду какие-то грамматические погрешности:

— Ну, на первых порах корректор поправит твои листы, а потом руку набьешь. (Собственно, я и сам готов был скорректировать его первые эскизы.) И для пущей важности добавил:

— И будешь ты тогда не Фенька, а Парфен Гордеевич! Звучит!

И как лингвист, открыл ему:

— Парфен, между прочим, с греческого: девственный, чистый — стало быть, правильный!

На лице Феньки мелькнула признательная улыбка, он недоверчиво взглянул на меня, но явно был польщен. Он и писать! Не шутка ведь: полсела мечет в его сторону косые взгляды, а тут вдруг такое доверие и, можно сказать, честь! Удивление не сходило с его лица.

Мы расстались друзьями. Я понял, что он готов, пусть не писать, но стать другим человеком. (Собственно, сделать из homo sapiens человека — чем не задача литературы?) А может быть все-таки и писать тоже будет. Эта мысль не давала мне покоя, наполняя доброй надеждой. Ведь был же Алексей Пешков обыкновенным босяком, а каким писателем стал! А другие наши земляки-нижегородцы: Николай Кочин, Борис Корнилов, Федор Сухов, Павел Штатнов и немало еще — простые деревенские парни, а как талантливо писали на самые острые темы! Не говоря об известных всей стране писателях — выходцах из деревни, как Василий Шукшин, Валентин Распутин, Василий Белов, Федор Абрамов! Их произведения — живая правда нашей литературы.

Вскоре я уехал обратно в город: отпуск закончился, начинался каждодневный

труд, интересный, но отнимающий много сил, уносящий свободное время и энергию жизни. В следующей приезд — как гром над ягодной поляной: Фенька отравился поддельным алкоголем. Угостили на праздник, да не тем. Сэкономили. А он стал жертвой преступной самодеятельности.

А как жаль, безумно жаль: мне так хотелось, чтобы Фенька, то бишь Парфен Гордеич, отобразил правду жизни и помог тем, кто сбился с пути.

ЛЮДИ — НЕ КАМНИ

Валерий шел по своему селу и не узнавал его. В последние годы он редко заезжал сюда: дел в городе вечно невпроворот — изо дня в день весь год знай крутись и вертись, и все равно не слава Богу. Но как тосковал он по родным местам! Вот тут, на берегах любимой реки в окружении привольных полей и лугов, среди равнин и косогоров, лиственных, хвойных и смешанных лесов прошло все его босоногое детство и романтическая юность... А потом дорога позвала в большой город, на учебу в вуз — набираться уму-разуму, осваивать избранную специальность, получать профессию.

Так сколько же не был он здесь? Уж и припомнить трудно. В отпуск все куда-то вдаль тянуло — познать непознанное... В заманчивый круиз, в новую страну, в турпоходы по рекам, на крутую гору. Да еще на берега искусственного моря возле новой ГЭС, с палатками и домиками, байдарками и аквалангом, крепкими боровиками и черникой...

Ну что ж, теперь он, наконец, в своей исконной стихии и может насладиться тем, что питало его в те далекие годы жизни, когда ему было дано совершать первые открытия мира.

Валерий выходит на свою родную улицу. Вроде, и она, но какая-то не такая. Что-то он узнает, а что-то и не так вовсе. Где домики-игрушки, что стояли вот здесь, с правой стороны? В одном из них жила его одноклассница с матерью и сестрой, что постарше. Отец, как у многих, сложил голову в первые месяцы войны — остался на стенке лишь его портрет. Лет двадцать, судя по фото, — не больше. И мать, оставшаяся вдовой, и младшая дочь ее, Зинаида, ровесница Валерия, были простыми, душевными людьми. Где-то в седьмом классе юная девушка, пылая от благих намерений, даже пыталась научить его бальным танцам, которыми она увлеклась, да куда там!

Все, нет нынче здесь ни дома, ни его обитателей. Зина трудится далече отсюда — медсестрой-рентгенологом, честно служа избранному делу. Пару разочков навевывалась на родину, когда этого домика уже и в помине не было, и былого не вернуть. Последние годы живет со своей семьей на большой реке — Волге, в Тольятти, и там, поди, частенько вспоминает их игрушечный домик и родную речку Пьяну, что впадая в Суру, потом и с волжской волной обнимается. Значит, и до берега, на котором нынче Зина живет, добегают струйки родные.

Метрах в 50—60 от этого домика возвышался, выходя на главную, центральную улицу, двухэтажный казенный дом — жило в нем шесть семей. Дом был деревянный, отапливался, как все, дровами, в квартирах стояла русская печь, которая и грела, и кормила. В солнечную южную сторону смотрели четыре квартиры — по две на каждом этаже. Наверху жила семья, в которой он часто бывал с малых лет. В ней росли двое детей: Юрий и Римма. Юрий был также ровесником Валерия и участвовал во всех уличных играх вместе с сестренкой. Ребячтя и девчонки со всей округи собирались в этом большом дворе и играли в лапту, прятки, чиж, в штандер (была такая игра с маленьким мячом). Играли с упоением, самозабвенно, до самой темноты. Начиная с мая, бегали сызмальства вместе на речку купаться. А с Юрой он потом еще и всю за шахматной доской сражался — несмотря на внешнее спокойствие, тот был очень азартен и всегда стремился во что бы то ни стало взять реванш за свое случайное поражение.

Этажом ниже, в квартире справа, жил еще один ровесник Валерия — его звали

Лев. Лева объявился в этих краях чуть позже, но среди них сразу стал заметной фигурой. Он был подвижным, мобильным, компанейским и — интеллигентным: сказывалось, что их семья до этого жила в городе, и в каком — в Ленинграде! Там и остался жить и работать его брат, журналист. А Лев потом со своей семьей поселился в новом двухэтажном доме возле школы, так сказать, с повышением — на втором этаже. И стал здешним старожилом. Работал долго в коммунальном хозяйстве, несколько лет возглавлял отдел культуры, защищал честь района в футбольных баталиях, играя в составе местной сборной.

С северной, лицевой, стороны дома на втором этаже жил главный одноклассник Валерия — Володя, с которым вместе довелось прошагать все школьные годы, кроме самых первых (сначала Вовка рос не в их селе, а на выселках с поэтичным названием Ключи и учился в другой школе). Он был на год старше, а в учебе лучшим в классе, самым начитанным и рассудительным, по характеру солидным и сдержанным. Азартных увлечений избегал, а вот от хозяйственных забот не отлынивал: в семье ему было доверено чистить коровник, у них водилась буренка — крупнорогатый скот, такой нужный в многодетной семье — ну, как тут без своего молока. Иначе им пришлось бы очень туго: ведь у Вовки было еще три брата. Отец его вернулся с войны с ранениями в звании капитана и потом начал работать в школе, вел у них мужские науки: физику и математику и даже заведывал районным отделом народного образования.

С Володей вместе катались на коньках: он — на беговых, а Валерий — на «снегурках». Втроем-вчетвером совершали на коньках дальние рейды по зимней Пьянереке. Когда мама Валерия была в больнице, ему даже довелось провести ночь-другую в их квартире: помнится, вместе с братьями спал у них на протопленной печке. Увы, сейчас никого из состава этой семьи здесь не осталось: все разъехались и живут в разных углах. Володя после окончания радиофака застрял в маленьком городишке под Москвой — живет своей семьей. Всю жизнь трудится там и здесь не показывает своего носа. Володины братья и племянники, освоив профессии, связали свою жизнь с Нижним Новгородом и Дзержинском.

В этом доме под квартирой, где жил Володя, на первом этаже находился когиз — книжный и канцелярский магазин, одна из важнейших культурных точек райцентра того времени. Эта часть дома — часть центральной улицы и сделана из кирпича.

А в начале родной улицы Валерия, что от центра уходит к полотну железной дороги, когда-то напротив друг друга стояли райкомхоз и раймаг — признанные места притяжения для всех жителей. Райкомхоз — потому что там была парикмахерская, а в раймаге продавались промышленные товары, и жители села забегали сюда чуть не каждый день: много чего не хватало и надо было успеть купить нужную вещь, когда таковая появлялась. Это самый что ни на есть центр села. Рядом с райкомхозом стояло двухэтажное здание почты, в нем находился и районный узел связи, а еще дальше знаменитая «дежурка» — магазин, в котором и возле которого постоянно толпились люди, занимавшие очередь за хлебом.

Теперь эти постройки безвозвратно ушли в историю. Вместо раймага выстроена биржа — бюро занятости населения, на месте райкомхоза и почты воздвигли универмаг, где сейчас внизу — продовольственный магазин «Магнит». Районный узел связи переехал в новое здание, что в двухстах метрах, оно — на другой, короткой стороне улицы. Рядом, в перестроенном здании электростанции, которое занимает центральное место, — сверхважный культурный очаг, это районная библиотека. Когда-то Валерий со своим соседом и другом, самым заядлым книголюбом, вышагивал в библиотеку за два километра в дальний конец села, сейчас сельские книжные богатства расположились в самом центре.

Валерий вновь на своей родной улице. Да ведь она нынче совсем не такая — покрыта асфальтом, вдоль проезжей части высажены деревья. Прежний, деревянный лесхоз, который пострадал от пожара, заменили каменным. Напротив находился дет-

ский садик, а когда-то в левом крыле был вход в РКШ — рабоче-крестьянскую школу, потом расположились другие учреждения, в том числе комитет по физкультуре и спорту. В правом крыле был детский сад.

Теперь здесь частные владения с каменными постройками. Чуть дальше, по соседству, где когда-то жила тетя Маша, сыновья и муж которой сложили голову на фронте, вместо деревянного жилого дома и стоявшего рядом дорожного отдела — каменное двухэтажное здание райпо, стало быть, потребительской кооперации. На другой стороне — фундаментальное здание с представительным фасадом, в нем в советское время находился райком партии, а дальше выходит торец нового каменного строения, в котором гостиница и, кажется, что-то еще. Оба здания разделяет улица Спортивная, которая берет здесь свое начало. Ушли в небытие зубо-врачебный кабинет, большой детсад и ясли, что стояли на этом месте и когда-то (в 50-е годы) тоже пострадали от огня. А жаль, это было очень интересное, сделанное со вкусом деревянное строение. В него-то и входил Валерий маленьким мальчиком каждое утро в начале сороковых.

Дальше идет он по своей улице. И на этом пути деревянные дома все чаще уступают место каменным. Вот здесь вместо развалившейся деревянной постройки, помнится, с тремя квартирами, поставлен большой каменный куб — наверняка в нем места всем хватает. А рядом — перестроенный дом еще одного одноклассника, что вернулся из северных краев в родные пенаты, заново обжил их, а потом, раздобыв кирпич и все, что надо, взял и обновил его. И сделал дом прочным и надежным. А напротив доживает свой век вместе с бабушкой старая избушка — в ней хозяйка жила раньше со своим сыном, а тот повзрослел и выпорхнул из своего гнезда. Муж хозяйки не вернулся с той же большой войны, когда сын был еще чуть не в пеленках, и все тяготы легли на ее плечи.

Дальше — больше. То тут, то там — следы бывших деревянных строений, достойно отстоявших свой век. А рядом — привезенный новый материал, который заменит стены подкосившегося ветерана, что служил верой и правдой. Сколько ж их теперь — домов каменных. И в них — новые люди. Они-то и сменили то поколение, что ютилось в маленьких деревянных домушках, пропадая с утра до ночи в поле, на колхозной ферме, на сенокосах и жатвах, прополках и вспашках, день за днем и год за годом трудясь на нужды страны. И не требовало ничего взамен. Только разве, оставшись без хозяина — главной рабочей силы, иногда просило то пару реек и полкило гвоздей, чтобы крышу подлатать, то сарайку поправить, то еще какие жданные и неожиданные прорехи залатать — но ответы на просьбы в те годы для рядовых тружеников, как водится, откладывались на «потом».

И все эти великие скромницы, позабывшие о благах, тети Маши, тети Лизы, тети Шуры и Наташи — это те, кто вытаскивал страну из бед, трудился за палочки в колхозах, посылал своих близких, чтобы изгнать супостата, а потом получал похоронки и искалеченных мужей и сыновей, те, кто несмотря ни на что ковал в тылу победу в этой самой кровопролитной войне. Те, кто не дотянул до такого времени, чтобы жить в хоромах каменных, иметь удобства и блага на дому: газ, отопление, воду и не бегать на другой конец улицы к прижимистой бабке, чтобы занять три рубля на хлеб. Это они ломали голову, как запастись немножко травы для козы или сена-соломки для коровы, надрывались, чтобы заготовить дрова на суровую зиму, распилить и расколоть их, таскали каждый день воду из дальнего колодца. Это им надо было ни свет, ни заря топить печь, сварить хоть какие щи да кашу, вечером снова обогреть дом, а у кого семеро по лавкам — всю ораву унять, накормить, одеть, обуть, да еще пожалеть и приголубить. А во время войны — раздобыть мыла, спичек, соли, керосину и, конечно, хлеба, ржаного, клеклого, сырого, но такого желанного, потому что о другом и мечтать не приходилось. И они-то уж никак не думали, что жить можно в красивых просторных домах, которые и гнить не гниют и не вспыхивают, как спички, в кото-

рых есть куда поставить и кровать, и стол, и стулья, и даже комод, да еще прихожую, отдельную кухню и спальню оборудовать и — вот ведь чудо! — детскую комнату занять. И где все под рукой, и не надо ни воду носить, ни дрова на закорках таскать, ни печку растапливать и чугуны да горшки в нее метать.

И уж, конечно, не знали они, что за люди будут жить в этих домах: добрые или злые, чуткие или бесчувственные, свои или чужие. Те, что думают лишь о себе, делая свой гешефт, или умеющие приносить добро людям. Те, кто не только кует себе капитал, а кует, кроме своего, и общее счастье — во имя жизни.

Так что совсем не вопрос, что настроили нынче много больших и красивых каменных домов да особняков — главное, чтобы люди, в них живущие, не стали каменными. Не каменейте, люди!

САХАРКУ!

Осень сорок восьмого года. Пятый класс, изучаем курс наук, много всякого и трудного, но немало интересного. Учителей не один, а сразу несколько. И все разные, и каждый для нас — большой знаток своего дела. Изо дня в день узнаю что-то новое. А предметы не такие, как были в третьем или четвертом — в начальной школе, где с первого класса нас вела многоопытная Александра Ивановна Терешонкова, спокойная и уравновешенная учительница, которая умела вовремя подбодрить, пожуричь, нерадивых поругать, неслухов наказать, а прилежных и старательных — похвалить. И была для нас авторитет. Теперь все куда труднее: что ни предмет, то наука. И надо усердно морщить лоб, чтобы дойти и понять. Но я не приучен отлынивать: внимательно слушаю на уроке, старательно готовлюсь дома, то, что задается — без особых проблем. Люблю и математику, и литературу, и географию, и, конечно, иностранный, который, как почти везде, немецкий. Вот по этому предмету у нас самая молодая учительница, бодрая, энергичная и даже ко всем незнайкам хорошо относится. И меня хвалит, потому что мне интересно новым, непонятным языком заниматься. Пока все идет, как надо. Так что я шагаю в ногу с классом, и даже на полшага впереди.

После школы, как все, бегу скорей домой, а после обеда мы с ребятами из соседних домов собираемся, чтобы поиграть в чижик, лапту, пятнашки, а если ненастно, в домино, иногда в шашки, а то и в шахматы — для этого у меня есть и шахматный набор, и доска. Скучать, считай, совсем не приходится. К тому же надо еще делать что-то и по хозяйству: поколоть дров или нарубить хворосту, покормить кур, сходить в колодец за водой или в керосиновую лавку — принести горючего для керогаза. Частенько прибегаю к матери на работу — она целыми днями бухгалтерит на почте — недалеко от нашего дома. Ну а в сентябре весь выходной или будними вечерами рою с ней картошку, которую в мае каждый год сажаем недалеко от села. Это страда номер один. Особенно последний этап, когда после трудов праведных надо во что бы то ни стало найти возчика с лошастью, чтобы отвезти урожай домой. А иначе как оставить мешки на ночь? Но, наконец, страда закончена, картошка ссыпана в подпол — мама может вздохнуть, а я заняться любимым делом. И так всегда.

Но в эту осень все оказалось иначе. Побывав в гостях у своего нового друга в другой деревне, я вдруг занемог, подхватив там болезнь, которую никто из одноклассников даже и знать не знал — скарлатину. Больница, где ее лечили, находилась в 20 километрах от нашего села. В те времена никакой быстрой связи с деревнями не было — почта развозилась на лошадях, а жители, как правило, путешествовали по району пешком, изредка лелея надежду на то, что в пути подхватит какая попутная лошадка. Считалось чудом, если мимо проезжала, громыхая на ухабах, одна из трех грузовых машин-полупорок, что имелись в райцентре, и, если она не была загружена под завязку, например, хрюшками или баранами для поставки на скотобазу, шофер обязательно прихватывал ходоков — до поворота на нужную им деревушку. Это все

делалось по доброте душевной — без всяких намеков на вознаграждение.

Тем временем безжалостная болезнь свалила меня окончательно, и маме предоставили на почте лошадку вместе с возчиком, чтобы отвезти меня в неблизкую больницу. Мне постелили на телеге соломки, под голову положили подушку, прихваченную мамой из дому, и повезли. Всю дорогу я находился в полузабытьи, температура тела была около сорока, я лежал, не проявляя ни к чему интереса, никого и ничего вокруг не видя. Лошадка покорно тащила телегу по грунтовой и полевой дороге, то напрягаясь при подъеме на горку, то рысцой бежала под уклон. Наконец, миновав бесчисленные перекаты, она вывезла нас на косогор, откуда было рукой подать до спасительного учреждения на краю небольшого села. Вот это заведение и было отведено для лечения этой приставучей заразы — скарлатины.

Мне помогают подняться с телеги, и тут вдруг обнаруживается, что на моей соломенной постели не хватает домашней подушки. Увы, потеря безвозвратна! Где она вывалилась из нашей кареты скорой помощи и как это проворонил ее экипаж, неизвестно. Я же конкретно был в бреду и тоже не мог знать, каким мышкам-норушкам сбросил ее по пути следования.

Через несколько минут меня определили в нужную палату на свободную койку. Так началось мое лечение. Больных скарлатиной — минимум две больших палаты: зараза знала свое дело. И населяли эти палаты сплошь ребятишки.

Прошла неделя-другая. Я, как и мои новые товарищи по несчастью, проходил все стадии подхваченной болезни. Но постепенно состояние улучшалось, организм одолевал противную хворь. Дело двигалось к концу. И вдруг — я перестал слышать звуки. Это было осложнение, которое могло повернуть всю жизнь вспять. Лечение продолжалось, прошло несколько дней, и слух — слава Богу — возвратился. Ура! Состояние было приличным, и я начал заниматься более приятными делами: общаться с другими ребятами, читать, рисовать.

Через стенку от нас была палата, где лечили маленьких детей. Некоторые из них находились в начальной, самой трудной стадии болезни. И их всем было особенно жалко. В это утро я проснулся раньше времени: меня разбудил крик, что раздавался из соседней палаты. Это кричал мальчик — совсем дитя, еще только начинавшее говорить. Оно звало свою маму, которая — увы! — была где-то далеко, на колхозном поле, за много верст от этой больницы. Там она, как всегда, трудилась изо дня в день, с утра до позднего вечера. А мальчик звал ее:

— Мама, хайку!

Это означало: Хочу сахарку! И потом снова:

— Тахаю, тахаю! (Сахару, сахару!)

В эти трудные, особенно для малого ребенка, дни ему так хотелось подсластить болезнь маленьким кусочком сахара, которого ему очень не хватало. И лучшей сладости в этой жизни он еще не знал: в те первые послевоенные годы было трудно и с конфетами, и с другими сладостями. И не только: засуха сорок седьмого высушила все на полях...

Но вот, наконец, и у этого ребенка дела пошли на поправку. И он выздоровел. За ним приехала его мама, чтобы отвезти маленького страдальца домой. И привезла ему целых два кусочка сахару. Для него это было счастье. И лишь потом наступили годы, когда он стал понимать, что жизнь — не сахар.

Ну, а я, провалявшись в больнице почти два месяца, наконец выписался и начал — шаг за шагом — догонять ушедших вперед одноклассников. К напастям и нахлобам в те годы мне, как и всем людям, перенесшим тяготы войны, было не привыкать.

Николай Макаров
(г. Тула)

ТУЛЬСКИЕ ТАНКИСТЫ В АФГАНИСТАНЕ: И ТАНКИСТ, И РАЗВЕДЧИК

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

*Берзин Юрий Александрович,
родился 07.07.1960 в Туле.*

Чуть больше года пробыл, вернее, провоевал в Афганистане Юрий Берзин. Призвали его в танковые войска в город Дзержинск Горьковской области в июле семьдесят девятого: то да се, плюс две недели телепаниа эшелонем до Темреза, плюс месяц боевого слаживания в самом Темрезе, плюс... Все, кончились «плюсы»: 14 февраля 1980 года бравый танкист — в Афганистане.

Из воспоминаний Юрия Берзина.

«...Ни танкистом, ни пехотой, ни тем более штабным писарем становиться у меня, откровенно говоря, никакого желания не было. В Армии от желания солдата мало что зависит, тем не менее, я попросился в разведку. Показал начальнику разведки полка кое-что из арсенала каратиста, и это стало решающим аргументом в выборе войсковой профессии. Хотя полк был танковый, разведчики в основном на задания отправлялись или пешим порядком, или на БМП и БТР...».

Какая первоочередная функция войсковой разведки? Правильно, добыть «языка». В таком, мягко говоря, щепетильном деле и пригодились Юрию рефлексы каратиста, годами отработываемые на гражданке, до призыва в ряды Армии.

Из воспоминаний Юрия Берзина.

«...Должность моя, как значилось в военном билете, — разведчик-пулеметчик, но пулемет держал в руках только раз. В одном ночном рейде, видя прямо перед собой басмачей, молодой солдат буквально обоссался от страха — все бывает: в принципе, нормальная реакция на первый бой — и не знал, что делать с пулеметом. Одного мгновенья хватило, чтобы выхватить у него пулемет и длинной очередью убедительно показать врагу, кто в этой ситуации хозяин...».

Автомат, штык-нож, ноги-руки — вот основные виды его оружия, когда он брал «языков» — восьмерых в группе и троих в одиночку. Причем, троих в одиночку — в одном бою.

Из воспоминаний Юрия Берзина.

«...Высадились мы с БМП в поле, рядом с кишлаком — ночь, темень, холод. И сразу на патруль напоролась. Из темноты кричат: «Дриш!» — «Пароль!», значит... Ну, мы в арык упали, лежим. «Духи» не подходят — видимо решили, что в темноте померещилось. А в арыке — вода: пока валялись — вода льдом покрылась. И не встанешь — вдруг патруль рядом. В темноте-то не видно... Ног от холода уже не чуем... Как стало светать, по команде вскочили и в обход кишлака по пашне. В общем, ворвались мы в кишлак, рассыпались. И у дверей дома — получилось так — я один ока-

зался. На двери фонарь висит — «летучая мышь». Мысль не успела сформироваться — вдруг в доме женщины, дети — и вместо гранаты, рывком открыв дверь, бросаю внутрь этот долбанный фонарь. Сам влетаю следом. А там — народу... Короче, сонных душманов застал. Первый от двери вскакивает — я его ногой шишаю. Вторая фигура поднимается — гляжу, женщина. Я через нее перепрыгнул — и еще одного «духа», который пытался встать на четвереньки, с лета ногой к стене припечатал. Третьего за грудки хватаю — он кричит по-русски: «Не надо, брат», а сам, гад, из-под подушки автомат тянет... Когда наши подоспели на подмогу, меня от этого третьего силой оттащивали...».

Почти все вылазки разведчиков планировались на основании данных, полученных от «засланных казачков» из местного населения. Но полностью на таких информаторов полагаться было нельзя.

Из воспоминаний Юрия Березина.

«...Единственный раз нас предали — «засланный казачок», оказалось, работал и на «духов». Брали главарей нескольких банд, собравшихся в доме на окраине кишлака. Двое, вроде бы наших «дятлов», вывели нас прямо к дому. Над этим домом возвышалась башня, но потом нас почему-то отвели в сторону от дома на прямую улицу. Вдруг наши провожатые побежали назад. Мы оказались посреди улицы вдвоем с лейтенантом. Из темноты кричат: «Дриш!». Видимо, за своих приняли, не ждали, что русские могут вот так запросто шастать по ночным улицам кишлака. Мы замерли. Кто-то из наших из-за угла дома тоже им в ответ: «Дриш!» — мол, чего, камарада, орешь, свои мы, то есть «духи» и по крови, и по понятиям. Кричи не кричи «Дриш!», а неразберихи пришел конец, когда нам навстречу вываливаются, как из ларца, двое аборигенов. У одного в руках что-то длинное, вроде как большая палка или оглобля. Я вышел вперед — думал лейтенанта собой закрыть, да и уложить этих встречных-поперечных по-тихому, без шума, без пыли, без криков «дзя!». Не обошлось по-тихому: пулеметной очередью из той длинной палки гад нас встретил. Я вперед кувыркнулся, вскочил, в стенку вжался. Вижу, как пули из ствола летят — метрах в пяти от моего лица, только из стены рядом осколки разлетаются в разные стороны... Аккурат на уровне груди... Гляжу — лейтенант мой за угол дома бежит, и ему пулеметная очередь вдогонку. Мне бы из автомата по этим двоим, а я растерялся. Выдвигались-то по-тихому, команды стрелять не было... Ну и рванул вслед за лейтенантом. Тут и лейтенант начал стрелять, я тоже присоединился — да поздно. Окружили нас. Хорошо, что сержант с другой стороны дома калитку нашел и в этот особняк с пулеметом ввалился. Натешился от души, накуролесил по полной программе, наделал паники, а мы тем временем бронегруппу вызвали. Подлетела БМП — вот, думаю, вышибет она сейчас ворота, а я за ней серой мышкой внутрь дома, пока «духи» не очухались... К стене у ворот прижался, БМП пропускаю. А она, своя же железяка хренова, меня боковой стороной траками гусеницы — по животу! Я в стену так и влип, успел с жизнью проститься... Думал — разматает по стене. Обошлось, однако. Вышибла БМП-ха ворота, вломились мы внутрь. «Духов» больше, чем нас оказалось: кого-то в горячке боя перестреляли, кто-то и сбегать наверняка успел. Но восьмерых мы все же взяли. Правда, доставили для допроса, мягко говоря, изрядно потрепанными. За что огребли от начальства по первое число...».

Однажды при очередном захвате «духов», уворачивающаяся от дерева, за которым стоял Березин, БМПуха, выскочившая на полном ходу из засады, боковыми сторонами траков гусеницы пересчитала гранаты на поясе бойца. Обошлось. Другой раз, возвращаясь с рейда, БМП, на броне которой за люком сидел Березин, получила снаряд безоткатки, аккуратно в моторное отделение. У Березина — тяжелая контузия, медаль «За отвагу», машина — в металлломе.

— Контузия-то контузией,— иронизирует Юрий,— но в Союзе тогда мне было не до смеха.

Из воспоминаний Юрия Березина.

«...После контузии меня комиссовали, и в начале апреля восемьдесят первого я пересек границу. Прибыл в военкомат, стал на учет, а голова-то болит — ни одна больница меня не берет: справки о контузии нет (в финчасти афганского госпиталя как взяли справку о контузии, так и не отдали), прописки нет, работы нет. Невропатолог по месту жительства не дает положительного заключения о пригодности для работы. Дождался, когда он уйдет в отпуск, прикинулся «вещьмешком», и терапевт дал «добро» и за себя, и за того парня. Голова понемногу начала проходить, устроился работать на патронный завод...».

И полной для меня неожиданностью прозвучали в завершение нашей беседы слова Юрия Березина:

— Уволившись с завода, стал писать картины...

Я глядел в его улыбчивое лицо и думал, что не всех людей ломает, корежит до неузнаваемости война, не всех послевоенная жизнь швыряет на дно стакана и иглу наркотического шприца, не всех.

А на Юркиных картинах — шемящие душу своей бесконечностью русские пейзажи и русские березы. Березы, от которых и образовалась фамилия Б Е Р Е З И Н...

НЕ ВСЕМ БЫТЬ ПОЛИТРАБОТНИКАМИ

*Гаврилов Виталий Платонович,
родился 17.02.1945*

Карьера политработника Виталию Гаврилову была написана на роду. Вернее, он сам целеустремленно шел (сознательно ли — это другой вопрос) по партийной лестнице, которая началась еще до призыва в ряды Советской Армии. Работая электрослесарем на одном из Чебоксарских заводов, он в 1964 году был принят кандидатом в члены КПСС, полноправным членом партии стал в армии. После окончания службы Виталий экстерном, в течение года, сдал все экзамены в Рязанском десантном училище (был в то время такой способ подготовки и командиров взводов, и замполитов рот) и стал в 1968 году замполитом роты в 137-м парашютно-десантном полку в Рязани. Впереди...

Вот не надо загадывать, что там маячит впереди, за горизонтом — нелепая случайность, непредвиденные обстоятельства и...

...Взводный лейтенант — двухгодичник (призванный после гражданского института на два года офицер), назначенный ответственным по роте на воскресный день, «забил» на службу и «урыл» в Москву. Захотелось ему так, что с него возьмешь? А дембелей нельзя надолго оставлять без присмотра, оставил — получи грандиозную пьянку в роте. Один из извечных русских вопросов: «Кто виноват?» перед «верхним» командованием не стоял — виноват, естественно, командир и замполит роты. Командира — в другую дивизию на должность замкомроты, замполита — взводным в Кострому, двухгодичнику даже выговор с занесением в грудную клетку не объявили.

Можно и взводным, можно и в Кострому — дивизия-то одна: 106-я гвардейская воздушно-десантная.

— В Костроме тебя и «поджидала» первая награда — медаль «За отвагу на пожаре»?

— В семьдесят втором году горело все Подмосковье, горели леса и в Костромской области.

— Как же, помню, — в этот год, в августе, сам пришел служить молодым лейтенантом в 51-й полк, но на пожар не успел.

— В огненном кольце оказались пожарники, совсем не ориентируясь в дыму, и мне пришлось на лебедке с вертолета спускаться к ним и выводить бедолаг к ручью и по ручью — дальше из горящего леса.

Оцените, какво: «И мне пришлось»? Пришлось, пришлось, как будто прошвырнуться по набережной Костромы, направо и налево улыбаясь встречным девчонкам (ладно — девушкам), а не опускаться в пекло, в дым, в неизвестность.

— Ты сам-то как нашел дорогу?

— Меня вертолетчики подняли выше дыма и показали ручей — дальше дело техники.

Дальше Гаврилова ждала должность начальника штаба (временная должность, надо отметить) целинного батальона. И здесь награда не обошла Виталия. Батальон по итогам социалистического соревнования (какие анахронизмы из нашей молодости!) по группировке Московского военного округа занял первое место. Командиру батальона (будущий заместитель министра обороны СССР генерал-полковник Топоров) — орден Трудового Красного Знамени, начальнику штаба — орден «Знак Почета». И настоящая должность — должность начальника штаба ремонтно-восстановительного батальона.

— Виталий, — мы уютно расположились в креслах его квартиры, лениво (от жары) перелистывая альбомы с фотографиями (от фотографий — никуда не деться), — твоя первая медаль «За боевые заслуги» получена в мирное время: за какие, так и хочется, а если хочется, то скаламбурю, заслуги?

— Не тебе объяснять специфику службы в рембате.

— Да, контингент подбирался в батальоне соответствующий — мастера на все руки с вытекающими отсюда последствиями.

— Вот, вот. И эти «мастера на все руки» неожиданно сдали итоговую проверку, представь себе, на «хорошо»...

— Неожиданно? — перебиваю его воспоминания.

— Неожиданно для командира дивизии и проверяющих из штаба ВДВ.

— И оценили работу начальника штаба батальона соответственно, — опять перебиваю.

— Он постарался, — он так скромно про себя, немного перефразируя героя Никулина из кинофильма о Мухтаре.

— Это восемьдесят второй год, а Афганистан?

— Афганистан... — грубо вывожу его из задумчивости.

— Не тяни резину и kota за хвост.

— Там тоже вначале был на должности начальника штаба рембата, затем — начальником штаба танкового батальона.

— Танкового? — забыл, что ли, я об этом? — В ВДВ?

— Да, танкового — в Афганистане в нашей (тогда она была наша, 103-я воздушно-десантная, Витебская) был танковый батальон. С ним я и выходил в феврале восемьдесят девятого из Афганистана.

— Через два года пребывания, — уточняю его ненавязчиво. — Красная Звезда?

— Может — за все сразу? Но конкретно после одного эпизода в середине восемьдесят восьмого года...

Эпизод, понимаешь, у него — это я так, балуюсь, но продолжаю слушать дальше.

— ...Выводили ночью колонну техники из Кандагара; я возглавлял технико-ремонтное замыкание. Слышу — впереди бой: колонна попала в засаду. Пока со всеми предосторожностями приблизились к месту боя, колонна, отбив атаку «духов», ушла дальше по маршруту. На месте боя в кювете валяется подбитый, горящий «МАЗ»-500 с двумя БМП на платформе. И что-то дернуло, заставило меня остановиться и подойти к открытой кабине «МАЗа». Подхожу, а в кабине — раненый водитель без сознания. Связываюсь по рации с начальником колонны, чтобы прислал «санитарку» — загрузили его, и камень с души свалился, представляешь? Поехали дальше обеспечивать тылы колонны.

— В чем фишка-то?

— Погоди. По прибытии в Кабул наутро меня вызывает Грачев, Пал Сергеич, естественно. Рядом с ним сидит какой-то полковник в красных погонах и спрашивает меня о том водителе, раненом и без сознания. Отвечаю им, что вытащил из машины, положил в «санитарку» и больше, мол, о нем ничего не знаю — спрашивайте у врачей, дескать. «Да ты не волнуйся,— обращается ко мне полковник, так и не представившись,— жив солдат, в госпитале он, пришел в сознание. — И обращается к Грачеву: — Наградить майора надо».

— И?

— Паша тут же отдает приказ начальнику строевой.

Пояснение для непосвященных: Паша — так с душевной простотой и сыновней преданностью говорили между собой десантники в Афганистане о своем командире дивизии Герое Советского Союза Павле Сергеевиче Грачеве.

— Кто солдат, кто тот полковник — ты так и не узнал?

— К чему — это? И так забот — полный рот.

— Вторая медаль «За боевые заслуги»? — Без каламбура.

— Наверное, не помню точно, все за тот же Афганистан — за год до моего «дембеля» в девяносто первом году.

— За все время службы после Рязани не тянуло опять в «политрабочие»?

— Ни разу! — ответил сразу, категорично.— Мало того, постоянно эти самые «политрабочие» и в рембате, и дивизионные устраивали всевозможные козни. Рембатовский замполит, ты его прекрасно знаешь, «стучал» на верх о каждом моем шаге...

— Подожди, вы же вместе водку пили и все такое прочее.

— Вот, вот, пили, а потом он и «стучал», и начинались всевозможные проверки и разборки. Даже в Афганистане, когда пятерым ветеранам-майорам, стоящим на майорских должностях, послали на «подполковника», наш начальник политотдела, ты его тоже прекрасно знаешь (не пиши только его фамилию)...

— То есть, не трожь — оно и не...

— Правильно. Так он позвонил в Москву, в штаб ВДВ, и мое дело вернулось обратно, а четверым присвоили подполковника.

— «Обидно, Вань?».— Это из Высоцкого.— А ты не задавал себе вопроса: «Почему тебя так, мягко говоря, не «любили» твои бывшие «коллеги»?

— Поясни.

— Запросто. Я же бывший их, а только свои вызывают острые эмоции, только своих, тем более — бывших, наш человеческий вид ненавидит больше всего. Это — животный инстинкт и от него никуда не денешься.

— Да Бог с ними, с этими теориями. Подполковника-то все равно по увольнению получил. А — обидно? Нет, не обидно, сожалел — да и только.

— Будь здоров!

— Буду! Будем!..

ГАВРИЛЮК Александр Николаевич

Родился 19.04.1959 в городе Южно-Курильске Сахалинской области — погиб 09.08.1980 в Афганистане, похоронен на городском кладбище Тулы.

В Афганистане с декабря 1979 года в должности писаря танковой роты в/ч пп 24026.

Из семьи офицера-пограничника. С 1973 года жил в Туле. После окончания средней школы поступил на вечернее отделение Тульского политехнического института; работал на объединении «Мелодия», Тульском комбайновом заводе, Заводе электроэлементов.

Когда 9 августа 1980 года Александр вдвоем с напарником несли службу на сторожевой вышке, на расположение части напали душманы. Бойцы отстреливались до последнего патрона. Затем разгорелась рукопашная схватка. Рядовой Гаврилюк по-

лучил несколько тяжелых пулевых и ножевых ранений, но продолжал сражаться до последнего.

Награжден посмертно орденом Красной Звезды.

ГАЛУШКИН Юрий Михайлович

Родился 20.11.1960 в городе Узловой Тульской области — погиб 14.06.1984 в Афганистане, похоронен на Узловском городском кладбище.

В Афганистане с марта 1983 года в должности командира танкового взвода в/ч пп 89933.

Окончив среднюю школу, поступил в Ташкентское высшее танковое командное училище имени маршала П. С. Рыбалко. С 1982 года в звании лейтенанта проходил службу в городе Азакбаш Узбекской ССР. Молодому способному офицеру предлагали продолжить службу в училище, но Юрий добровольно написал рапорт о направлении его в Афганистан.

За год с небольшим службы в Афганистане лейтенант Галушкин принимал участие в пятнадцати боевых операциях и в двенадцати — в сопровождении автоколонн с грузами и топливом.

14 июня 1984 года он в составе танкового ввода участвовал в сопровождении автоколонны по маршруту Файзабад — Кишиш. В районе кишлака Хаксари колонну встретил плотный огонь душманов. Юрий на своем танке стремительно выдвинулся в тыл противника, огнем орудия и пулемета уничтожил две огневые точки и пятерых душманов. При перемещении на новую позицию танк по мягкому грунту сполз в ущелье. Противник пытался захватить боевую машину. Лейтенант Галушкин огнем из автомата сдерживал натиск врага пока не подошла помощь. В этом бою он уничтожил еще четверых бандитов, но пуля вражеского снайпера оборвала жизнь офицера.

В этот день пришел приказ о присвоении Юрию Галушкину очередного воинского звания «старший лейтенант».

Награжден посмертно орденом Красной Звезды.

ЗЕМЦОВ Александр Николаевич

Родился 16.07.1962 в городе Лейпциге (ГДР) — погиб 21.06.1984 в Афганистане, похоронен на городском кладбище Тулы.

В Афганистане с мая 1984 года в должности заместителя танковой роты по политической части в/ч пп 71176.

Русский. В рядах Советской Армии с 06.08.1984. Окончил Свердловское высшее военно-политическое танково-артиллерийское училище.

При сопровождении колонны в районе населенного пункта Кокоран 21 июня 1984 года личный состав роты вступил в бой с противником. БТР, в котором находился Земцов, был подбит и загорелся. Покинув горящую машину, Земцов с группой бойцов выдвинулся вперед для прикрытия эвакуации раненых. Умело руководил боем, в ходе которого нападение противника было отражено. В бою получил смертельное ранение.

Награжден посмертно орденом Красного Знамени.

КАРЯКИН Николай Васильевич

Родился 01.01.1951 в деревне Павловке Богородицкого района Тульской области — умер 07.01.2020 в Богородицке.

Гвардии старший прапорщик в отставке, командир ремонтного взвода 70-й гвардейской Краснознаменной мотострелковой бригады.

Окончил Товарковскую среднюю школу № 18. В 1969 году призван в ряды Советской Армии. После срочной службы остался на сверхсрочную в Группе Советских войск в Германии, где ему одному из первых в Группе присвоили только что восстановленное воинское звание «прапорщик».

В конце 1979 года танковый полк, в состав которого входил и ремонтный взвод старшего прапорщика Карякина, был переброшен под город Кушку. 27 декабря 1979 года танки перешли границу с Афганистаном по направлению на Герат. Под Кандагаром поступил приказ остановиться, где на его базе сформировали мотострелковую бригаду, первым начальником штаба которой был назначен уроженец Белева, подполковник Евгений Востротин, ставший впоследствии Героем Советского Союза.

В октябре 1981 года убыл по замене из Афганистана.

С 1988 года — бессменный председатель Богородицкой районной общественной организации воинов-интернационалистов «Контингент».

Награжден медалью «За боевые заслуги», медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени (2008), другими медалями.

ТАНКИСТ МЕЛЬНИКОВ

*Мельников Вячеслав Андреевич,
родился 20.04.1947 — умер 29.12.2012 в Туле*

Какое бы мероприятие в Туле не проходило, посвященное или связанное с Армией (Красной, Советской, Российской), в первых рядах всегда — Мельников, Вячеслав Андреевич Мельников, полковник в отставке, танкист.

— Славка, с твоим характером, с твоими организаторскими способностями, с твоей командирской интуицией танковые полки в атаку водить!

— Так-то оно — так, да командование танкового полка, где проходил срочную службу механиком-водителем, решило по-другому...

— И оказался ты в Новосибирском высшем военно-политическом общеобразовательном училище, которое окончил в семьдесят втором году...

— И начался у меня «военный туризм» по танковым частям: Дальний Восток, Польша, Белоруссия, Монголия, Тула.

— Постой, постой — какие танковые части в Туле?

— Нет, в Тулу я перевелся в другие войска специально, даже с понижением в должности. На семейном совете решили, что пора обзаводиться и постоянным местом жительства. Так я и оказался в Туле, откуда родом, откуда и призывался на срочную.

— Из Тулы?

— С восемьдесят восьмого по 8 февраля восемьдесят девятого — Афганистан: замполит дорожно-комендантской службы. Короче: обеспечивали движение наших войск при выводе из Афганистана.

— Душманов-то видел? — и, не давая Мельникову возмутиться.— Шучу, конечно, Красную Звезду за политзанятия не дают. Расскажешь про Афганистан или отделаешься общими фразами?

— Это я, как ты выразился, политзанятия проводил с солдатами, вел переговоры с «духами», чтобы пропускали наших без выстрелов, а рассказывать про себя — не умею, да по большому счету и не хочу, если честно. Придумай что-нибудь сам.

— Что о тебе придумывать-то? Сам знаю, что после Афганистана, с восемьдесят девятого по девяносто второй, ты был секретарем парткома военных комиссариатов Тульской области, и за помощью в каких-то делах к тебе постоянно обращались не только «афганцы». И ты ни разу (!) никому не отказал в помощи — по себе знаю. Чего лукавить: и сейчас, «восемнадцатилетнему» пенсионеру, тебе только скажи: «Слава, нужно помочь в том-то и том-то» — и ты ответишь...

— Всегда готов! — мы оба смеемся.— Как пионер!

МИХАЙЛИН Виктор Алексеевич

Родился 07.11.1959 в поселке Бородино Киреевского района Тульской области.

В 1967—1975 годах — учеба в Рождественской средней школе, после окончания которой поступил в лесной техникум.

В 1978 году призван в ряды Советской Армии (учебная танковая часть в Куйбышеве, затем — танковая часть в Чернигове Украинской ССР).

С декабря 1979 года по 18 декабря 1980-го — служба в должности механика-водителя танка Т-54 в войсковой части 51884 в Афганистане. Участвовал в рейдовых операциях.

За отличные успехи в боевой и политической подготовке рядовой Виктор Михайлин награжден фотографией у развернутого Боевого Красного Знамени полка.

Уволен из рядов Советской Армии в декабре 1980 года.

Награжден медалью «За боевые заслуги», другими медалями.

НИКИТИН Сергей Васильевич

Родился 05.01.1962 в деревне Покровка Куркинского района Тульской области — погиб 14.06.1981 в Афганистане, похоронен на Тульском городском кладбище.

В Афганистане с декабря 1980 года в должности заряжающего — члена танкового экипажа в/ч пп 51863.

Русский. Работал токарем в Тульском конструкторском бюро машиностроения. В ряды Советской Армии призван 14.10.1980 Советским РВК города Тулы.

В Афганистане участвовал в двух боевых операциях. 14 июня 1981 года в районе населенного пункта Дунгак душманы напали на колонну. Экипаж танка, в котором заряжающим был рядовой Никитин, вел огонь и не подпускал противника к колонне. В ходе боя из зенитного пулемета Никитин подавил три огневые точки, но тяжелораненым скончался на поле боя.

Награжден посмертно орденом Красной Звезды.

ПРОКОПОВ Михаил Викторович

Родился 30.07.1965 в городе Новомосковске Тульской области.

Из семьи военного. В 1982 году окончил новомосковскую среднюю школу № 10, в 1983 году — Узловское железнодорожное училище № 31 по специальности «помощник машиниста тепловоза».

В 1983 году призван в ряды Советской Армии в танковые войска.

С ноября 1983 года по февраль 1986 года — служба в Афганистане в танковом батальоне войсковой части п.п. 51863, местом дислокации которого было селение Джабаль-Уссарандж провинции Парван. Рядовой Прокопов неоднократно принимал участие в боевых операциях, был дважды ранен.

Уволен из рядов Советской Армии в феврале 1986 года.

В 1986—1990 годах — помощник машиниста электропоезда в депо Новомосковска ТЧ-36 имени Д. М. Карбышева. В это же время заочно окончил Московский железнодорожный техникум по специальности техника-электромеханика.

В 1991—2002 годах — служба в Минюсте России по Тульской области (от младшего инспектора до заместителя начальника отдела по режиму, от рядового до майора внутренней службы).

В 1995—2009 годах — председатель Новомосковского отделения Тульской областной организации РСВА, с 2009 года — член правления ТОО ООО РСВА и Тульской региональной организации Общероссийской общественной организации инвалидов войны в Афганистане и военной травмы — «Инвалиды войны» Новомосковского района.

Награжден орденом Красной Звезды, медалями.

Александр Александров (Каськинский)
(г. Санкт-Петербург)

ПАРА КАПЕЛЬ

Наш постоянный автор

*Посвящается памяти Зои Григорьевны
и Александра Дмитриевича Кошелевых*

Поезд из Москвы в Бугульму пришел точно по расписанию. Выйдя из вагона и не теряя напрасно времени, прямо с перрона я направился в сторону автовокзала. До Альметьевска автобусом предстояло отмотать еще километров семьдесят, не меньше. День, хмуро поглядывая на запад, близился к вечеру. Но мне здорово повезло. Не прошло и пятнадцати минут, как автобус уже катил пассажиров по дороге в сторону моего конечного пункта. Правда, водитель всех предупредил: вначале заедет в село Карабаш, там высадит попутных пассажиров и, не задерживаясь, прямиком в Альметьевск. Такие незначительные дорожные издержки меня вполне устраивали.

Несмотря на холодную погоду, в салоне было тепло и уютно. Время и настроение располагали к размышлению. Под шипящее соприкосновение колес с асфальтом думалось легко. Снова вспомнил бабу Зою. Как она там? Пожалуй, так рано гостя не ждет, обещал приехать в девять вечера, но, похоже, прибуду часа на два раньше. Интересно, сколько уже прошло лет как она покинула деревню? Много. Наверное, с того самого времени, как вышла замуж, и с тех пор стала городским человеком. Поди, забыла, что такое крестьянский труд. Наслаждаясь поездкой, не заметил, как мысли увели в прошлое.

...В молодости баба Зоя была красивая, очень красивая! Проводив жениха в армию, пообещала дождаться. Кто знает, может и дождалась бы, но только судьба распорядилась по-своему.

Баба Зоя, а тогда просто Зойка, впервые по каким-то неотложным делам отправилась пешком за двадцать пять километров в небольшой, тогда еще районный городишко — Альметьевск, где частная постройка соседствовала с деревянными бараками. Остановилась у дальних родственников и, так уж видимо было угодно судьбе, повстречала жениха. На первый взгляд вроде бы ничего особенного: мало ли в молодые годы кто с кем встречается. Через пару дней Зойка вернулась домой, а вот парень по невесте, похоже, затосковал сильно. Видать, девушка в душу молодому человеку запала крепко. С той памятной встречи прошло месяца два. Зойка стала уже забывать своего нового знакомого, но однажды, поздней осенью, неожиданно-негаданно на пороге крестьянской избы появился он, тот самый ухажер, и, не дав ее родителям опомниться, прямо с порога попросил руки их дочери.

В это же самое время, после ужина, невеста лежала на печи и, не слезая, чем немало удивила родителей, дала согласие выйти за городского парня замуж. Родители приняли жениха тепло, а через месяц состоялась свадьба. После торжества муж увез Зойку в Альметьевск. Теперь Саша (так звали суженого Зойки) в большой крестьянской семье стал близким и желанным человеком.

Зять оказался мастером на все руки, но особенно преуспел в игре на балалайке!

За свою жизнь мне много раз приходилось слушать разных балалаечников, а такого виртуоза, признаться, встретил впервые. Бывало, кто-нибудь поставит пластинку с записями Лидии Руслановой, зятек (так любовно звали его родные), обладая необыкновенным музыкальным слухом, быстро подбирал на балалайке соответствующий строй и с удивительным мастерством начинал аккомпанировать певице. Однажды при разговоре балалаечник признался:

— Я ведь мог бы стать большим артистом, Бог такой шанс мне давал, но воспользоваться им не пришлось,— и, вспоминая молодость, продолжил:

— Было мне лет шестнадцать. Зимой мы с отцом сапожничали, а летом работали на прогулочном пароходе, ходили по Волге-матушке... Я ведь с рождения волжанин, родом из села Воскресенское, которое расположено прямо на берегу Волги. Одним из летних дней на пароходе отдыхали артисты, и, воспользовавшись свободным от вахты временем, решил посмотреть их концерт. Особенно мне тогда запомнились двое. Ох, и здорово же они отплясывали! Палуба ходуном ходила, а один из них был еще и чечеточник. Сначала они плясали под баян, потом подключилась балалайка. Слушая балалаечника, в какой-то момент в его игре я уловил фальшь. Во время их короткого концертного перерыва, набравшись смелости и, подойдя к танцорам, спросил: «Можно, я попробую на балалайке?»

Один из них, видимо, старший из труппы, с недоверием глянув на меня, ответил: «Ну что же, молодой человек, попробуй, а мы послушаем!» Он взял из рук артиста балалайку и подает мне.

«Нет, у меня есть своя, она в каюте, сейчас принесу».

Увидев в моих руках не трех-, а шестиструнную, сначала все удивились, а потом притихли, когда я начал играть «цыганочку с выходом». Звуки балалайки, постепенно набирая силу, медленно разливались по палубе вширь, как и сама Волга. Не ожидая такого начала, артисты, словно загипнотизированные, некоторое время стояли молча, вслушиваясь в волшебство извлекаемых звуков, а потом уже палубы им стало мало.

В вихре пляски «цыганочка» плавно сменялась «барыней», и казалось, что сама Волга восхищалась русской удалью!

Полдня они не отпускали меня, а когда пароход причалил в Саратове, тот самый из старших подошел ко мне и говорит: «Идем с нами, твое место в консерватории, считай, что ты уже принят!»

Но отец не отпустил, а я не посмел ослушаться, ведь кроме него у меня из родных больше никого не было, да и специальность артиста в те времена была не в моде. К тому же за плечами у меня было всего три класса образования. Осенью, с окончанием навигационного сезона, снова стали сапожничать, а весной внезапно умер отец. Похоронив родителя, по комсомольской путевке приехал сюда, в Альметьевск. Тогда город только что начинал строиться. Здесь приобрел специальность сварщика, но с балалайкой не расстаюсь, да вот она, та самая,— и показал на стену...

Чем ближе я узнавал этого человека, тем больше им восхищался и, сгорая от любопытства, спросил:

— А смог бы ты сыграть на двух струнах?

— В этом нет ничего сложного?! — ответил он безо всякого бахвальства.— Могу и на одной!

Слушая его, подумал: «Может, Россия потеряла своего Паганини?» И, как бы предвосхищая мое желание, он бережно снял со стены балалайку, заиграл.

От первых извлеченных им звуков окружающее пространство под воздействием какого-то невидимого волшебства начало перестраиваться в нежную радугу музыкальных красок. Властный голос балалайки постепенно продолжал уносить слушателя куда-то в необозримые дали, к неведанным высотам. «О, Боже!» — невольно воскликнул я, восхищаясь его игрой.

Балалайка, взрываясь в руках мастера яркой импровизацией, то начинала рыдать, то смеяться, то, как лебедь, своими волшебными звуками взмывала в голубую необъятную высь и, наладившись просторами голубизны, камнем падала вниз. Но не долетев до земли, замирала, чтобы незаметно перейти в мягкие лирические тона, в которых угадывались переливчатые соловьиные трели. В совершенстве владея музыкальным инструментом, он все играл и играл, прислушиваясь к завораживающему пению балалаечных струн. Когда же струны перестали петь, я спросил:

— Жалеешь, что не стал артистом?

— Нет, не жалею,— решительно ответил он, и, подумав, добавил: — Тогда бы я не встретил Зою,— и, обращаясь к своей любимой, сказал: — Зой, спляши!

Его любимая ждать себя не заставила. Она гордо откинула назад голову, павой вышла на середину горницы, зажигательно прошлась по кругу, топнула ножкой, а затем, выбивая каблучками дробь, запела:

*Я любила Шулочку,
Ходила по проулочку,
Мама знала — не ругала,
Надо бить бы дурочку!*

Темпераментная пляска жены так вдохновила музыканта, что молниеносно бегающим пальцам, казалось, не хватает отпущенного отрезка на балалаечном грифе. Еще секунда — и они вырвутся за пределы инструмента, что и произошло. Перевернув балалайку тыльной стороной, теперь уже без струн, в такт каблучкам жены он начал отбивать мелодию пляски...

За воспоминаниями не заметил, как пролетело время... «Конечная»,— объявил водитель. Под седым, чуть сероватым вечерним небом в мягком шепоте морозящего дождя я увидел красивый, уже современный город. Рядом с кварталами новых жилых домов виднелись золотистые главы русской церкви, а в отдалении — купола татарской мечети, увенчанные сияющими полумесяцами, с которых в проблеске угасающего заката сползал остаток уходящего дня.

«Вот ты каким стал, Альметьевск — родина поэтов Габдуллы Тукая и Мусы Джалиля!» — подумал я, не спеша направляясь от автобусной остановки к дому, где жила баба Зоя.

Проходит не более получаса, как уже я нажимаю на звонок квартиры, и перед собой в дверном проеме вижу улыбающееся лицо хозяйки...

Похоже, звонок застал бабушку Зою врасплох.

— Признаться, я ждала тебя чуть пожжы*,— обрадованно воскликнула она, пропуская в квартиру гостя.

— В вашем городе хорошо налажена работа транспорта, потому чуть раньше предполагаемого времени приехал,— попытался оправдаться я перед бабой Зоей.

— Раздевайса, чего стоишь-та, поди, с дороги умаилси, а я чичас поесть приготавлию.

Приняв ванну и переодевшись, зашел на рабочее место бабы Зои. Из кастрюли валил пар, словно вместе с хозяйкой она тоже спешила поскорее накормить гостя. На кухне по-домашнему было уютно, вкусно пахло варевом. Поневоле загляделся на бабу Зою.

— Сядь, сядь, в ногах правды нет! — приказала хозяйка и, взяв ложку, стала помешивать в кастрюле.— Сейчас свеженького чайку заварю.

— Чай — это хорошо, я вот цейлонского привез,— и, вынув из сумки пачку чая, положил на стол.

---

* Здесь и далее речь бабы Зои передана без изменений.

— Ну, зачем деньги-та тратишь,— начала отчитывать меня,— чай, не бедная, все есть, детям спасибо, не забывают. Пенсия, слава богу, неплохая, почитай, каждый месяц две тышшы получаю, правда, за картплату много берут, ну, ничаво, обижаться грех.

У бабы Зои двое сыновей и дочь. Сыновья живут с нею в одном городе, у каждого отдельная квартира, а дочь — в Сургуте Тюменской области. Мужа баба Зоя похоронила три года назад.

От природы любопытная, вот и сейчас, оставив на время кастрюлю, она подошла к столу, взяла пачку чая и, повертев в руках, произнесла:

— Похожи, чай хороший, пожалуй, его и заварю.

Положив пачку снова на стол и вернувшись к кастрюле, проворковала:

— Кажись, сварились.

Аккуратно поставив на середину стола тарелку с дымящимися пельменями и повернувшись к иконке, стоящей на полочке в красном углу, перекрестилась.

— Сама делала? — спросил я, показывая на тарелку с пельменями.

— Сама, знаю, сама, магазинные больно уж не люблю. У них вкус не крестьянский,— и, обращаясь ко мне, спросила: — С чем будешь есть, может, с уксусом?

— Нет, баба Зой, без уксуса, просто хочется ощутить вкус твоих крестьянских пельменей.

— Ну, тебе видней, а я люблю с уксусом,— и, зачерпнув половником из кастрюли жидкости, вылила в отдельную, заранее приготовленную чашку. Достала из холодильника уксус и развела по своему вкусу. Пока она разводила уксус, я вынул из сумки пол-литра водки, поставил на стол, спросил:

— Может, к пельменям по сто грамм — не возражаешь?

— Зачем же возбранять,— мудро рассудила хозяйка,— можно и выпить, по русскому обычаю за встречу полагается.

На этикетке была нарисована картинка разводного моста. Она взяла в руки бутылку, долго всматривалась в рисунок, а затем, поставив снова на стол, произнесла:

— Какая-та птица нарисована, больно уж крылья большушые.

— Это не птица, баба Зоя, а мост.

— Какой же это мост, я что же, по-твоему, за свою жизнь моста не видывала? Мост-та, чать, вона как лежит! — и для убедительности она ладошкой провела по горизонтальной поверхности стола.— А тута, глянь, птица, почитай, крыльями прямо в небушко уперласи, словно вот-вот взлететь хочет, али ты там не глянул на картинку-то, когда покупал водку,— сделала она мне внушение за мою опрометчивость.

— Баба Зоя, давай сначала выпьем, а потом поговорим о мостах.

— Тогда за твой приезд, хотя не больно-то ее, окаянную, люблю, сильно уж сердитая, а коли уж налита, надо выпить.

Продолжая морщиться, она ложкой поддела из тарелки пельмень, обмакнула в уксусный раствор, осторожно надкусила чуть остывшую сочную мякоть и, передохнув, сказала:

— Фу ты, какая горькая, как только ее татары пьют! — и, не доев пельмень, снова принялась рассматривать на бутылке рисунок.— Чего хоть там написано-то, глянь, а то последнее время я стала плохо видеть.

— А ты, баба Зоя, возьми мои очки.

— У меня чать свои гляделки есть, где-то там, в шкапу, пылятся. В них я еще хуже вижу.

Баба Зоя родилась в большой крестьянской семье, из семерых братьев и сестер была самая старшая. В молодые годы в колхозе почти не работала, дел хватало по дому. Только картофельный огород в двадцать соток за лето надо раза два прополоть и столько же раз окучивать, не считая ухода за скотиной. Кроме этого, в ее обязанность входил присмотр за младшими братьями и сестрами, за что все они любовно

называли ее нянькой. Но и от колхозных работ не увиливала: ходила на прополку озимых, доила на ферме коров, убирала урожай, заготовливала для колхозной скотины на зиму корма. В школу Зойка не ходила, какая уж там школа, когда одних только лаптей на такую ораву не напасешься. «Да и зачем девке учеба,— рассудили родители,— только лишние расходы, все равно замуж выйдет». Вот так и осталась она неграмотной, а в восемнадцать лет, выйдя замуж, уехала в город. Став домохозяйкой, всю жизнь теперь уже посвятила своим детям. Не умея читать и писать, но по возможности старалась идти в ногу со временем.

* * *

— Дек что там на бутылки-то написано?

— Санкт-Петербург!

— Это, стало быть, так водка обзывается?

— Да, баба Зоя, водку назвали в честь города.

— Выходит, ты теперь живешь в том граде?

— Живу в Санкт-Петербурге, а раньше город назывался Ленинград.

— Про Ленинград слыхивала, как не слыхивать, в войну оттудова в нашу деревню икуирынных привозили, ты, поди, не помнишь, еще мал был, а вот про Петинбург слышу впервые.

— Лучше расскажи, баба Зой, как живешь?

— Живу потихонечку, только вот здоровье стало никудышное, по квартире передвигаюсь — и слава Богу. В магазин почти уж не хожу, сил нет, разве что за хлебушком, спасибо детям — принесут продуктов, тем и питаюсь.

— К дочери в Сургут не собираешься?

— Года четыре назад была, да уж больно мужик-та у нее пьет. Поедешь — одно только расстройство.

Баба Зоя тяжело вздохнула, ладонью провела по лицу и, видимо стряхнув с себя былую пережитую душевную тяжесть, тихо произнесла:

— Когда черзвый, совсем другой человек, умные книжки читает, да, похоже, не в коня корм,— и, помолчав, озабоченно добавила: — А тут еще эта цапочка, будь она неладна.

— Какая цепочка?

— Накануне отъезда дочка повесила тогда мне на шею цапочку и говорит: «Носи, мам», а я уж больно не люблю таскать на себе всякие побрякушки, даже сережки за свою жисть ни разу не одевала. Утром, когда дочь ушла на работу, сняла с шеи эту самую цапочку и положила в карман своего пиджака. Думаю, перед отъездом ей верну. Вечером стали собираться в дорогу, а утром рано спешили в аэропорт. Лечу в самолете, и что ты думаешь: сунула руку в карман, а там эта цапочка. Меня аж жаром обкатило, ох, и шибко жы я тогда расстроилась, всю дорогу себе места не находила. Получается, что эту цапочку вроде бы у дочки украла.

— Не украла, баба Зой, а дочь тебе ее подарила.

— Но ведь она не сказала: «Дарю!» Вот ведь чего меня смутило, к тому же я намеревалась ее вернуть! Но вскоре все, слава Богу, уладилось. Только захожу с дороги домой, а дочка уже звонит: «Как, мама, добралась, все ли в порядке?»

— Какой там порядок! — говорю ей.— По нечаянности твою цапочку с собой привезла.— Она смеется: «Я же тебе, мама, ее подарила!» Тут уж я успокоилась и от сердца маненько отлегло. Хорошо еще, что она догадалась позвонить, сама-то я в чужой город звонить не умею. Это же уйма сколько надо всяких циферок набирать! А где их столько возьмешь? С тех самых пор эта цапочка как ириквия из Сургута, где-то в шкапу так и валяется. Зимой в гости обещаются приехать, тогда уж дочки ее обратно отдам, мне-то она без надобности, только место занимает, чай, я не молодая,

чтобы в золоте форсить, а так жить можно! Только вот болезни донимают, то там болит, то здесь болит, годочков-та уж прожито немало, а кому нынче в больнице старики нужны? Еще голова часто болит, порой просто спасу никакого нет.

— Да-а-а, голова, баба Зоя,— инструмент важный!

Но моя милая хозяйюшка то ли не расслышала, спрашивает:

— Что ты там про голову-та сказал?

— Говорю, что голова для человека — инструмент важный, все действия, которые мы совершаем, исходят как бы по ее приказу!

Она молча берет со стола рюмку и изрекает:

— Это что же, пить мне не хочется, а голова, стало быть, приказывает: «Пей!»?

— Выходит, так! Хотя здесь немного другая ситуация. Коли подняла рюмку, надо выпить, а иначе зачем ее поднимать!

Словно обжигая пальцы, баба Зоя, быстро поставив рюмку на стол, произнесла:

— Но коли ты говоришь, голова инструмент важный, стало быть, выпивку отправим к лешаку! — философски заметила хозяйка.— Типерича к ней буду прислушиваться,— и она пальцем дотронулась до виска.— Стопочку за встречу выпила — и будет, а то и до постели не доберуса, так что не обессудь!

— Мне, пожалуй, тоже хватит, завтра рано вставать.

— Это куды ж рано-то, неужто обратно уезжать навострился, тогда зачем из-за одной ночки в такую несусветную даль надо было ехать?!

— У тебя, баба Зоя, я еще побуду, а завтра хочу съездить в свою деревню. До Пасмурво доберусь на автобусе, который отправляется в шесть утра, а там пять километров пешочком, так что наша с тобой задача,— не проспать к утреннему автобусу.

— Да глянь в окошко, непогодь-та какая! Дожжык так и хлышыт, словно на дворе не бабье лето, а глубокая осень. Ты хоть что со мной делай, но я никуда тебя не пушу!

— Баба Зоя, непогода будет завтра и послезавтра, а времени свободного у меня, к сожалению, в обрез. Коли уж решил — поеду!

И тут она отрешенно произнесла:

— Ну, раз голова приказывает, стало быть, ехать надо, только, по моему разумению, хороший хозяин в такую погоду собаку во двор не выпустит, а ты намыливаешься на поездку. Никуды бы твоя деревня не убежала, да и убежать некуды, одни лишь воспоминания от нее остались.

«Что верно, то верно,— подумалось мне,— деревеньки давно уже нет, но, к счастью, она живет в моей памяти, и ради нее, как выразилась баба Зоя, я преодолел даль несусветную, чтобы еще раз глянуть на те места, где прошло мое босоное детство». Оставаясь наедине со своими мыслями, вслух сказал:

— Все равно поеду, баба Зоя, пусть хоть камни с неба падают, но на то, что осталось, гляну!

Так проговорили мы с ней до поздней ночи, а утром с ворчанием она проводила меня за порог, уговаривая, чтобы не ехал, а ложился в постель досматривать сны.

Поздно вечером, весь промокший, войдя в квартиру, прямо с порога кричу:

— Баба Зоя, вот сейчас не мешало бы и рюмочку пропустить!

— Знаю, знаю, мог бы и не говорить, чай, не маненькая, лучше шементом* в ванную, а после ванной не забудь надеть шерстяные носки!

Переодевшись в теплую одежду, захожу на кухню, а у бабы Зои на столе дымится картошечка, белые грузди, хлебушек и вчерашняя начатая бутылка «Санкт-Петербург». Думаю: «Ждала, милая, знала, что замерзну», и от увиденного на душе стало тепло и уютно. Выпили по рюмочке, закусили грибочками, смотрю — а она

---

* Шементом — быстро.

снова с интересом рассматривает картинку разводного моста. Чувствую, хочется ей докопаться до истины, почему у моста такие крылья.

— Баба Зой,— показываю на этикетку,— хочешь, расскажу тебе про этот разводной мост?

— Знама, хотелось бы знать, почему у него такие большушые крылья. Еще вчарась намеревалась спросить, да как-то не с руки было, подумала: «Человек с дороги, не до этого».

Не зная, как преподнести более доходчиво, чтобы бабуля поняла, и немного подумав, начал:

— Баба Зоя, ты, наверное, не раз замечала, когда очень высокий человек переступает порог дома, всегда нагибает голову, чтобы не стукнуться лбом о косяк?

— Как не замечала, не первый год на свете живу, за долгую-та жизнь чего только не насмотришься.

— Здесь,— показываю на бутылочную этикетку,— случай примерно аналогичный. Только корабль не может нагибаться, как это делает человек, а наоборот, перед ним поднимаются вверх «крылья» моста, называемые пролетными строениями. Таким образом, обычно в ночное время, на реке открываются огромные ворота, обеспечивающие проход крупногабаритных судов. Пролеты, или как ты их называешь «крылья», поднимаются вверх при помощи мощных лебедок, и такие мосты называются разводными. К утру они снова принимают горизонтальное положение — такое, как вот этот стол, за которым мы сидим, и теперь уже они предназначены только для пропуска машин и пешеходов. Понятно, баб Зой?

— Понятно-то оно понятно, только в толк никак не возьму, зачем так высоко крылья-то поднимать?

— Баба Зой, между полом и дверным косяком промежутки, называемый габаритом, для высокого человека недостаточен. Между водной поверхностью и низом пролетного строения моста габарит тоже недостаточен, чтобы под ним свободно прошел корабль, вот поэтому мост в ночные часы раскрывается так, как показано на этикетке.

После таких объяснений бабушка Зоя некоторое время сидела молча, а потом с грустинкой в голосе говорит:

— До чего только люди не додумываются, мосты уже к небушку стали подымать,— а затем, с недоверием глянув на меня, произнесла:

— Ты, поди, неправду говоришь. Как это мост можно поднять на такую верхотуру, а не лучше было бы построить его повыше над водой, а если ночью люди не успеют протить, выходит, им, бедолагам, так и придется всю ночь куковать на холоде или под дождем?

— Баба Зой, люди, которые до развода мостов не успели добраться домой, едут объездными путями на такси или на маршрутках. К тому же мосты разводятся строго в определенное время, и все жители города об этом знают.

После этого разговора, отхлебывая из блюдца чай, баба Зоя ненадолго замолчала. Не нарушая тишины, я тоже не проронил ни слова, давая ей возможность «переварить» услышанное. Поставив на стол чашку, она перекрестилась и, как бы подытоживая, произнесла:

— Сколько же в этой жизни чудес — уйма, а я, прости меня Господи, ничегошеньки не знаю, что на белом свете деется.

* * *

Время ко сну еще не подошло. Попросив хозяйку налить чашечку чая и как бы продолжая разговор, спросил:

— Баб Зой, а ты слышала про метро?

— А это еще что такое? Ну-ка, расскажи, только не шибко страшное, а то при-
снится ночью и в туалет до утра забоюсь сходить.

Чуть отодвинув на столе посуду, и почти по-чапаевски провел ладонью по столу.

— Представь, что поверхность стола — это большая река, а пол, где наши с то-
бой ноги, там глубоко под землей бегут поезда со скоростью примерно пятьдесят
километров в час, и чтобы было ей понятно, привел ей наглядный пример:

— Отсюда, где мы сейчас с тобой сидим, и до деревни, откуда я только что прие-
хал, на этом самом поезде, который, повторяю, мчится под землей, доехал бы за три-
дцать минут. Мы едем в поезде, а над нами спокойно течет река, а по ней плывут па-
роходы, наверху идет снег или дождь, в зависимости от времени года, а под землей
тепло, светло и много-много красивейших станций.

Баба Зоя провела ладонью по своей голове и, уточняя, спросила:

— Ты вроде бы едешь под землей, а над твоей головой, выходит, течет речка.

— Все именно так, только без «вроде», а на самом деле.

Встав из-за стола, она взяла чашку и молча налила себе чаю. Отхлебнув глоток
жидкости, неожиданно со всей строгостью отрубил:

— Больно уж, как я посмотрю, ты языком чесать горазд! Не люблю таких людей,
которые, не зная меры, врут! Гляжу на тебя, вроде бы мужик умный, а себя всякими
выдумками глупишь. Матри, еще кому-нибудь такое не скажи, над тобой смеяться
будут! Ладно уж мне, куда ни шло, из-за уважения к тебе я никому не проболтаюсь!
На вид-то и не подумаешь, что на такое способен! Так что врать — ври, да меру знай!

Баба Зоя разошлась не на шутку.

— Ну, пораскинь башкой-та, если, как ты говоришь, она важный инстру́мент!
Как это могут люди с того света возвращаца, да еще на поезде с такой глубины, когда
над тобой земля да речка с пароходами! Надо же немного думать, что говоришь!

Теперь, чтобы как-то перед сном успокоить свою кормилицу, произнес:

— Прости меня, баба Зой, похоже, я действительно неудачно пошутил. Ты абсо-
лютно права, такого, конечно же, быть не может, видимо, я излишне выпил, вот и
расфантажировался.

— Так-то оно лучше! Повинную голову меч не сечет.

* * *

Я действительно был не рад, что завел такой разговор.

Баба Зоя, добрая старушонка, прожила всю свою жизнь в своем привычном для
нее мире, даже телевизора нет, и зачем ей думать о каком-то прогрессе. На этом, за-
крыв наши разговорные темы, отправился спать, а хозяйюшка еще долго звенела на
кухне тарелками, попутно «переваривая» услышанное.

На другой день я встал часов в десять. Баба Зоя, как всегда, была уже на своем
рабочем месте. Умывшись и заглянув на кухню, увидел, как она фартуком вытирает
слезы.

— Это кто же, баба Зой, тебя с утра обидел?

— Вона они, — показывает на входную в квартиру дверь.

— Кто «они», ты можешь сказать яснее?

— Там в коридоре на площадке сваршк работает, а у меня в спальне труба,
идущая от батареи, протекает. Попросила заварить, а он отказалси. Теперь боюсь, как
бы не затопить соседей, а потом меня же ЖЭК и обвинит.

— Не расстраивайся раньше времени, никто тебя не обвинит. Ты за коммуналь-
ные услуги платишь аккуратно?

— А как жы, как жы, Бог с тобой, да я лучше кусок хлеба не съем, а государству
отдам все, что полагается, без утайки!

— В ЖЭК по поводу этой трубы обращалась?

— А как жы, еще в начале лета ходила, сын несколько раз ходил, но пока только обещают, а труба по-прежнему течет, правда, тряпками ее забинтовала, вроде бы чичас *тикчи* перестала.

Молча надел куртку и снова захожу на кухню:

— Баба Зоя, где находится этот ЖЭК, пойду сам с ними поговорю!

— Это ты туды, что ли, собралси? — испуганно спросила старушка.

— Туда, в ЖЭК.

— Ты уж там, матри, больно-та не ругайси, прошу тебя, а то осерчают и назло не придут.

— Успокойся, ругаться не буду. Лучше подскази, где находится их контора?

— Как это где,— удивилась она моей неосведомленности,— тут недалеко, выйдешь из подъезда и прямо-прямо иди по асфальту! Так пройдеши маненько, а потом свернешь на другой асфальт и опять пойдеш и там увидиши — в самом закутке их контора и притулилас!

— Баба Зоя, ты можеш назвать хотя бы какое-нибудь примечательное здание, за что можно было бы зацепиться?

— Да Бог с тобой, это еще зачем тебе за дома-то цепляться, ты что, пьяный? Вчереся всего-то две рюмки выпил, с этого пьяным не бываю! Будеш за дома цепляться, чего доброго, минцанеры быстро заберут, чичас этого добра у нас хватает!

— Баба Зоя, я же образно... — но, не дослушав, она продолжала:

— Я ж тебе толкую — иди прямо, и что тут тебе непонятныва!

— Ну, хорошо, там, где находится их контора, магазин какой-нибудь имеется?

— Знама есть, чай, за хлебушком туда ходим, он рядом с конторой.

— Хорошо, баба Зой, жди, я скоро приду!

Разыскав хлебный магазин, рядом, в одном из жилых домов, я увидел вывеску конторы. Захожу в первый попавшийся кабинет, до отказа набитый чиновниками, которые, восседа на стульях, с утра о чем-то весело болтали. Увидев в дверном проеме человека, все, как по команде, опустив козырьки бровей, надели на лица серьезные деловые маски.

Спрашиваю:

— Улицу Фархутдинова обслуживает ваше ведомство?

— Да, наше,— отвечает за всех дородная женщина с телефонной трубкой в руке, похоже, самая главная среди этого кабинетного сборища.

— Из такого-то дома, из такой-то квартиры,— стараюсь объяснить обладательнице телефона,— в ЖЭК в течение лета неоднократно обращалась бабушка по поводу устранения течи из отопительной трубы в ее квартире.

— Из этого дома жалоба к нам поступала? — обладательница телефона адресовала мой вопрос одной из сотрудниц.

— Нет, таких жалоб не было.

— Я пришел сюда не для выяснения, поступала к вам жалоба или нет, а хочу услышать, когда устраните аварию в квартире? Или сегодня же от имени бабушки в мэрии будет лежать письмо о вашей неудовлетворительной работе, поскольку я больше доверяю хозяйке квартиры, чем здесь присутствующим.

— Писать никуда не нужно, сейчас я позвоню мастеру,— говорит все та же женщина с трубкой в руке.— В том доме сейчас ведутся сварочные работы, обещаю, сегодня труба будет отремонтирована.

Женщина при мне позвонила мастеру, дала ему указания. Поблагодарив, я покинул контору.

Прихожу к бабе Зое, а она радостно встречает меня у порога и говорит:

— Только что из ЖЭКа приходила женщина, и такая уж обходительная, прошла прямо в спальню, посмотрела трубу, сказала: «После обеда будет сварышк». Велела не беспокоиться, grit: «Все сделаем!»

— Вот видишь, а ты из-за таких пустяков расстраивалась.

Раздеваюсь, а баба Зоя у порога мнется, чувствую: то ли сказать что-то хочет, то ли спросить.

— Что еще случилось? — спрашиваю свою дорогую хозяйшку.

— Слава Богу, ничего не случилось, вот только хочу с тобой посоветоваться: как думаешь, сваршыку рублей восемьдесят на папиросы дать, аль не надо?

— Это, баба Зоя, взятка. Ты же сама только что убедилась: сварщик к тебе не пришел бы, не будь указаний начальника.

— Так-то оно так, — неуверенно произнесла старушка, а затем, подумав и усмотрев только ей понятные последствия, проворковала: — Нет, восемьдесят рублей, пожалуй, все же дать надобно, а то обидится и в другорядь не придет. — И, видимо, вспомнив главное, озабоченно глянула на меня, спросила:

— Контору-то ты отыскал, аль как?

— Все в порядке, баба Зоя!

— Ну, тогда ладно, а то я здесь заперезживалась, думаю, как бы не заплуталси?

Труба после обеда была отремонтирована. Не велика работа — капнуть на свищ пару капель расплавленного металла. Но бабе Зое нужно было и того меньше — всего-то капельку человеческой доброты от чиновника, чтобы в этот пасмурный день на ее лице появилась улыбка.

Валерий Маслов
(г. Тула)

ОПЕРАЦИЯ «ТРУБА»

Рассказ

Наш постоянный автор.

В то мартовское туманное утро рядовой Сергей Громов, находящийся вместе с группой бойцов в укрытии, ждал приказ о реализации военной операции. Он в деталях вспоминал подробности беседы с ним в штабе группировки войск.

— Рядовой Громов! Позывной Шахтер,— торжественно обратился к нему начальник штаба — высокий статный полковник.— Вы, в составе специальной группы бойцов, привлекаетесь к выполнению совершенно секретной государственной задачи. От того, как она будет реализована, зависит очень многое в скорейшем освобождении от врага захваченной им территории. Наши люди — мирные жители, очень этого ждут!

Полковник наклонился к столу, взял лежащий перед ним лист бумаги и удовлетворенно произнес:

— Ну, что же,— поздравляю: все тесты вы прошли на отлично! Клаустрофобией не страдаете. Но, главное, — у вас очень высокий бал психологической оценки! В общих чертах о предстоящей операции вас уже проинформировали, документ о неразглашении военной тайны вы подписали. И все же, я обязан еще раз спросить: вы готовы преодолеть пятнадцать километров, находясь в трубе бывшего газопровода в стесненных условиях, часто передвигаясь ползком и в полусогнутом состоянии? В замкнутом пространстве, в полной тишине и изоляции, без телефона и света? Возможно, целую неделю?

— Так точно, товарищ полковник! Я — потомственный шахтер, работал в замкнутых подземных пространствах на километровой глубине. Батя тоже горняк, воюет на другом фронте СВО. В шахтах и у него, и у меня случались разные экстремальные ситуации, с которыми мы научились справляться. Так что готов выполнить задание.

— Молодец,— рапортуешь быстро, четко. Теперь будем следить, сынок, как справишься в броске через трубу,— уже не торжественно, как в начале разговора, а обыденно, уставшим голосом закончил разговор начальник штаба. Видимо, он сам уже давно находился в подобных экстремальных военных условиях.

Но вдруг, словно отвечая на немой вопрос бойца, четко и твердо произнес:

— Думаешь, почему с тобой проводят беседу на таком высоком уровне? Потому что вы пойдете первыми! Бойцам тех спецгрупп, которые последуют за вами, будет легче — они учтут ваш опыт. А вы, считай, первопроходцы: в Специальной военной операции, правда, был подобный случай использования заброшенных труб: бойцы под Авдеевкой трое суток без перерывов выполняли задачи по доставке боеприпасов и эвакуации раненых по четырехкилометровой подземной трубе. Но здесь случай особый — думаю, ваш пример войдет в историю военных операций мирового уровня.

Для рядового Громова эти слова прозвучали неожиданно. Но он мгновенно справился с охватившим его волнением и четко доложил:

— Товарищ полковник! Как шахтер, специалист своей профессии, я придумал несколько, как теперь говорят, «лайфхаков», которые могут пригодиться в пути. И еще решил вести дневник нашего продвижения в трубе.

— Это хорошо! — одобрил начальник штаба. — Смекалка русскому воину всегда помогала побеждать. Да и твоя «умная» тележка специалистам, готовившим операцию, понравилась. А дневник может стать настоящей сенсацией военного дела — возможно, его будут изучать в военных академиях.

Начальник штаба встал из-за стола, пожал бойцу руку и дружески похлопал по плечу.

«Я справлюсь,— про себя произнес Громов.— Обязательно справлюсь!»

А вслух спросил:

— Разрешите идти, товарищ полковник?

— Идите!

Громов, конечно, был не новичок «на передке», воевал уже третий год. Да и сам был из Донбасса: родился и вырос неподалеку от места начала военной операции. Знал местность, особенности ее коварного климата, когда прекрасный весенний день мог быстро смениться ливнями и непогодой, а утро, как сегодня, наступало с таким густым туманом, что никакой «Квадрокоптер» тебя обнаружить не мог.

«Вероятно,— подумал он,— меня еще и поэтому выбрали из многих других претендентов на выполнение такой важной государственной задачи». Как потом он услышал в средствах массовой информации — «Для реализации утвержденного замысла Генерального штаба Российской армии».

И все-таки, Сергею сейчас было не по себе. Они уже давно находились в укрытии в ожидании приказа о начале операции. Несмотря на весну, было холодно и промозгло. Где-то далеко лаяли собаки. Над головой, словно сговорившись, кружились черные вороны в большой стае и пронзительно, громко каркали, будто предвещая беду.

«А вдруг в трубе, в глухом подземном трубопроводе меня застигнет врасплох какая-нибудь неожиданность, с которой я не справлюсь и подведу товарищей? Я хоть и горняк, как все у нас в Горловке, но по призванию больше гуманитарий, чем технарь: люблю читать, пишу стихи. Пацаны не раз посмеивались, когда видели меня не уткнувшимся, как они, в экран мобильного, а с книжкой в руках. Да и в голосе полковника я уловил чуть заметные нотки сомнения в моей готовности «одолеть трубу». Но ничего: как говорил герой Твардовского Василий Теркин — «Нет, ребята, я не гордый... Я согласен на медаль!»

Подбодрив себя этой шуткой, Громов уже уверенно отогнал прочь мысли о невольном сравнении трудностей марша-броска в полном боевом снаряжении в «учебке» и предстоящем пути в полтора десятка километров в полусогнутом положении.

И тут же перед глазами мгновенно возникли картины издевательств «вэсэушников» над жителями Курской области, расстрелов ими невинных людей, зверств с завариванием дверей подвалов с находившимися там женщинами и детьми... Вспомнил и наставления отца: «Всегда говори себе — я справлюсь, я не подведу, кто еще, кроме меня!»

На душе сразу стало абсолютно спокойно, чувство тревоги и неуверенности в себе куда-то улетучилось, и Сергея одолел мгновенный сон.

— Серега,— прервал его полудрему негромкий голос командира спецгруппы:

— Ты что, заснул?

— Никак нет! — бодро ответил Громов.— Хотя, солдат спит, а служба идет!

И тут же мертвящую, тягостную тишину, которая, словно плотным одеялом, накрыла бойцов группы, прервал дружный смех. Все оживились, стали перешептываться, сильное напряжение от долгого ожидания как рукой сняло. И только командир остался недоволен:

— Вы что, ребята, обнаружить спецгруппу решили?!

— Товарищ командир! — заступился за ребят Громов.— Это я виноват!

— Да знаю я тебя, балагура и весельчака! Но о маскировке забывать тоже никак нельзя!

— Так, точно! В бой идем не ради славы — ради жизни на земле.

— Вот это по-нашему! Кстати, пришел приказ сверху о поощрении тебя за изобретение специальных тележек, с которыми технические службы готовили трубу. Не знал, что ты, оказывается, умеешь не только стишки кропать, но и технику готовить!

— Так я, товарищ командир,— шахтер! Знаю, что нужно и как поступать в глупинке: там каждая мелочь может спасти жизнь в критической ситуации.

— А ведь и правда,— подтвердил командир.— Больше половины набранного состава групп в прошлом были шахтерами. Это люди особой закалки!

На том разговор и закончился: военные — люди серьезные, долго говорить не любят. Тем более, когда в любую минуту ждешь приказа приступить к выполнению боевой задачи!

И вдруг, совершенно неожиданно, как всегда бывает, когда чего-то долго ждешь, приказ поступил: «Вперед!»

Сергей вместе с другими бойцами, сгибаясь под тяжестью заплечной ноши, помня малый объем трубы и время от времени все же забывая об этом и стучаясь каской о сталь, шаг за шагом шел вперед, приближаясь к цели. Он шел сразу за командиром и справедливо полагал, что тот, наверняка, знает о всех предстоящих трудностях.

Но, как говорится, «Человек предполагает, а Господь Бог располагает». Первое и совершенно неожиданное препятствие в пути возникло на втором километре. На штабной карте линия газовой трубы представлялась прямой линией. Более того, в ее масштабировании не учитывались и не проставлялись участки углублений — ведь для газа нахождение трубы на один-два метра ниже прямой линии препятствием не являлось. Другое дело — для человека в трубе. Она была заброшена, долгое время не проверялась и не обслуживалась, поэтому к ней получили доступ грунтовые воды. И вот в таком углублении трубы путь бойцам преградила скопившаяся вода.

— Что будем делать? — спросил Громова командир, слегка повернув голову в его сторону.— Глубина небольшая, но просить командование об откачке воды мы не можем. Это демаскирует нас, сорвет операцию в целом. Ты с подтоплениями в шахте, конечно, встречался?

Сергей стал высвобождать руку, чтобы, по русскому обычаю, почесать затылок, но ничего придумать не мог. Но тут же вспомнил о своей тележке, конструкция которой как раз и учитывала эту шахтную особенность.

— Товарищ командир,— начал радостно он.— Так мы могли бы лежать на моей тележке, по одному, и переправиться через это болото! Даже не намочились бы — она раздвигается вперед и сзади...

— Ты что, издеваешься надо мной?! — возмутился командир группы.— Вспомнил о тележке, которой у нас сейчас нет? Или у тебя уже «кукушка» поехала?

— Извините,— только и смог пробормотать Сергей в свое оправдание.

— Да... Труба плохо влияет на психику. И приказал: — Идем по воде, здесь всего несколько метров. А следом — сразу привал, там и обсушимся.

Воды на пути оказалось не так много. И группа благополучно прошла этот уча-

сток пути. Когда сделали остановку и разместились на холодном «брюхе» трубы, измазанной мазутом, командир вдруг почувствовал, что чего-то не хватает. Того, что обычно раньше скрашивало трудности стоянок. И понял: он не услышал голоса вельсачака Сергея.

— Ну, ты чего приуныл? — обратился он к бойцу Громову. — Прочитай нам что-нибудь. Может быть, свое?

— Лучше «Клятвы» Анны Ахматовой не скажешь:

*И та, что сегодня прощается с мылом, —
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!*

И это она написала в самое грозное и трудное для нашей Родины время — в июле 1941 года. Отдыхаем, ребята, — понимаю, что впереди нас ждет еще немало трудностей. Но брать пример нам есть с кого!

Бойцы приободрились, устроились поудобнее, и скоро в трубе стало тихо. А Сергей заснуть сразу не смог. Он достал блокнот и авторучку, и стал быстро в нем что-то писать — обещание вести дневник в пути он не забыл.

Но, как говорится, на Бога надейся, а сам не плошай. Беда пришла оттуда, откуда не ждали. И хотя специалисты, готовившие эту операцию, предусмотрели возможность появления остатков ядовитых газов по неэксплуатируемому магистральному трубопроводу, их концентрация в воздухе становилась все более ощутимой. Уже мало помогали и противогазы, да и находиться в них часами в движении становилось все труднее. И один из бойцов не выдержал, сорвал с головы респиратор и крикнул:

— Все — больше не могу! Помогите!

Командир, не ожидавший подобного от своих подопечных, проверенных бойцов с большим стажем, растерялся. В данной ситуации он ничем товарищу помочь не мог. И тогда Громов остановился, снял со спины рюкзак и вынул из него какой-то предмет в импортной упаковке. Затем обернулся назад и попросил бойца, следующего за ним, передать его молодому парню без противогаза:

— Это импортный СИЗОД для шахт, — пояснил он. — Один из украинских олигархов привез их для своего предприятия на Донбассе. А когда мы освобождали Горловку, их конфисковали. Эти средства индивидуальной защиты органов дыхания обладают повышенной эффективностью — в них лучше фильтры, легче дышать, да и время действия гораздо дольше. Тогда мои товарищи на них внимания не обратили — собирались воевать, а не работать в шахте. А я взял — всегда интересовался новинками. Думаю, он нашему Молодому поможет!

Боец, который попросил о помощи, с недоверием взял зарубежное устройство защиты дыхания и надел его на голову. Но уже через несколько мгновений поднял большой палец правой руки вверх, показывая, что все в порядке. Командир облегченно вздохнул, но не стал благодарить своего подчиненного, а только махнул рукой, приказывая двигаться дальше.

Но вдруг еще один боец группы с позывным Дед тоже попросил такой же аппарат для дыхания.

Громов виновато покачал головой и ответил, что в запасе у него был всего один такой СИЗОД. Но тут же стянул с головы свой и попросил передать товарищу.

— А как же ты? — стал отказываться Дед.

— А я возьму ваш. Я намного моложе, выдержу.

Дед ничего не ответил и только на следующем привале все-таки сказал Громову:

— Ты, Шахтер, меня удивил — я бы, пожалуй, такой поступок совершить не смог. Возраст, наверное, свое берет. Добрый ты человек...

— Дело не в доброте. Да, мне стало идти трудней. Но если я знаю, что смогу это

сделать, то трудности и дискомфорт в принятии решения — не главные. Я недавно понял, что счастье другому человеку — это счастье и себе. А главное — мы должны помогать друг другу, тем более на войне.

Потом, на очередной остановке для отдыха и сна в подземной магистрали, Громов, вспоминая этот эпизод, по-настоящему осознал, какую тяжелую, смертельно опасную задачу они выполняли. Ведь эти два разновозрастных бойца — Молодой и Дед — могли просто умереть от отравления газом, оставив несчастными своих любимых и близких. Даже непосредственно перед спуском в трубу он до конца не понимал, как опасно это подземное путешествие. А теперь, когда он устроился в положении полусидя в полости трубы, чтобы уснуть, почему-то вспомнил тот разговор в штабе.

«Так вот почему полковник такой упор делал на психологическую, а не физическую подготовку! Пройти пятнадцать километров, даже в полусогнутом положении, человек может. Преодолеть этот тяжелый путь без еды и воды — тоже. Но победить стресс, зная, что выход из трубы только один, что, если что-то пойдет не так, то все... Поэтому без взаимной поддержки товарищей, без веры, что о тебе знают наверху и могут прийти на помощь, преодолеть этот путь невозможно. Вот что самое главное!»

Он задремал, но долго лежать без движения в таком положении было неудобно, к тому же, даже в спальниках доставал холод, и Громов быстро проснулся. Тревожно зашевелились и остальные бойцы группы из шестнадцати человек. И Сергей вдруг, неожиданно для себя, громко произнес:

— У наших дедов была Курская дуга, а у нас — Курская труба!

Бойцы дружно засмеялись и начали подбадривать друг друга. Один рассказал подходящий случаю анекдот, другой пошутил, а Громов вдруг объявил: Константин Симонов, советский поэт, лауреат шести Сталинских премий. «Родина». И начал по памяти читать его стихи:

*Касаясь трех великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрыта сеткой меридианов,
Непобедима, широка, горда...*

— Вот за эту нашу Родину и счастье ее людей мы сейчас и сражаемся! Вот ее мы и защищаем! И никому, как говорили деды, не отдадим ни пяди нашей земли...

— Братцы! — вдруг воскликнул Сергей. — А ведь сегодня 8 марта, женский праздник, как они там сейчас без нас!? Давайте запишем наше видеопоздравление!

И тут же, глядя в видеокамеру, произнес:

— Милые дамы, примите поздравление с праздником 8 марта из трубы. Оставайтесь всегда такими же прекрасными, какие вы есть. И все у нас будет хорошо!

Эти слова буквально воодушевили солдат. Все заговорили одновременно, называя по именам своих подруг, жен и матерей. Казалось, они сейчас с ними пообщались, получили от них слова поддержки. И уже в приподнятом настроении бойцы двинулись дальше.

А впереди их ожидало еще немало трудностей, о которых они перед началом операции даже не догадывались. Когда на шестые сутки группа, наконец, достигла цели — пришла к выходу из трубы, его впереди не оказалось. Полуметровый слой земли не давал пробиться солнечному свету весеннего дня, по которому они так успели соскучиться.

Они недолго постояли возле заранее приготовленных вентиляционных отверстий, по которым в трубу проникал свежий воздух, и принялись за новую работу — откапывать выход. Все это время в подземелье бойцы намеренно не ели и не пили. И только когда откопали выход и оказались на поверхности земли, стали с изумлени-

ем осматривать друг друга. Они удивлялись и не узнавали друг друга, словно перед ними стояли другие, незнакомые им люди. Похудевшие, чумазы от копоти и мазута, голодные, они, тем не менее, радовались, как дети, обнимались и не могли надышаться свежим воздухом.

Когда прошла первая радость от осознания того, что они выполнили боевую задачу и уже находятся в глубоком тылу врага, командир, как бы подводя короткий итог, сказал:

— Мы в самых сложных условиях прошли и проползли пятнадцать километров семьсот пятьдесят метров в газовой трубе, чтобы выбить врага с нашей территории. Вся операция заняла почти неделю: два дня шли, четыре сидели в трубе — ждали и отдыхали. Теперь нам предстоит выполнить еще один, следующий этап операции «Труба». Нужно прогнать застигнутого врасплох врага, окопаться и продержаться до прихода основных сил.

И эту задачу Родины бойцы тоже выполнили. Герои не только реализовали приказ Родины, но и все остались живы.

А «Шахтера» Сергея Громова после изучения специалистами его дневника, который он вел в пути по трубе газопровода, направили учиться в армейскую академию. Там, оказывается, уже изучали его знаменитый дневник, чтобы он принес СВО наибольшую пользу.

Стал известен и сам герой спецоперации. В первые дни учебы, когда они остались после занятий в аудитории, героя спецоперации засыпали вопросами. Особенно Сергею запомнились слова двух его однокурсников. Курсант Марина, красивая девушка с длинной косой, спросила героя:

— Вот вы, рассказывая о спецоперации, обмолвились, что за время пути потеряли десять килограммов веса. Но, глядя на вас, этого не заметишь!

— Так я потом быстро, как говорится, отъелся: были бы кости, а мясо нарастет!

В аудитории раздался дружный смех. А сосед этой девушки пошутил:

— Видно, Марина положила на тебя, Серега, глаз. Придется прибавить еще пару килограммов — и к свадьбе с ней ты будешь готов.

— А если серьезно, то скажи, как на духу: ты прошел там через такие испытания, какие врагу не пожелаешь. А снова, зная о них, ты бы согласился повторить такую спецоперацию?

— Конечно. А потом, ведь не только я с бойцами своей группы участвовал в «броске через трубу». Там были разные штурмовые группы, даже «Ветераны», ВДВ, бойцы чеченского спецназа и мотострелковой дивизии — около восьмьсот человек. И я подумал, что не могу быть хуже, слабее других. Что Родина у нас одна, другой не будет, и священный долг мужиков ее защищать. Ведь недаром в песне поется: «Раньше думай о Родине, а потом — о себе!» Да и война — это всегда экстремальные условия. Пройти скрытно по заброшенной газовой трубе — это только первый этап. Он обеспечил внезапность появления наших войск в тылу украинской обороны. «Вэ-сэушники» этого не ожидали, у них появился страх, и они в панике побежали из укрытий прямо в тапочках и шортах. Так что мы победили врага на всех фронтах!

Сергей Малюков
(г. Тула)

Из книги «Реквием по Грозному»

Родился в 1951 году в городе Грозном. По образованию врач. Сотрудничает с журналом «Приокские зори». Написал и выпустил сборник военной мемуарной прозы «Реквием по Грозному» и несколько сборников рассказов и повестей по той же теме и роман «Капкан для рыси». Почетный изобретатель СССР.

ОТ ПАТЕФОНА ДО ФЛЕШКИ

Только что миновала первая половина двадцатого века. Не так давно закончилось военное лихолетье, в котором наша страна потеряла более двадцати пяти миллионов своих жителей. Разрушены были сотни городов и деревень, поселков, фабрик, заводов и жизненно важных предприятий Советского государства. После победы над Германией прошло почти шесть лет. Уже вернулись с фронтов освободители, и жизнь в Советском Союзе медленно, но верно налаживалась, хотя еще не была настолько спокойной, насколько можно ее осознать с позиции прожитых лет и накопленного опыта. Политические интриги в мире и трудности в восстановлении уничтоженной индустрии так перекликались друг с другом, что люди, населяющие нашу страну, не могли быстро построить свою самостоятельность — ни в отношении своей семьи, ни в отношении своего здоровья. Личное здоровье — это была отдельная, не афишируемая ни на каком уровне тема. Эпидемии и различные недуги как-то возникали сами по себе и не вызывали особенного страха. Поэтому смерть от гриппа, ангины, воспаления легких — было дело обычное. Народ, прошедший Великую Отечественную войну, кто на фронте, кто в тылу, кто в изгнании, кто в тюрьме, и привыкшие спокойно встречать любое из перечисленных выше лишений, мог бояться только двух вещей. Во-первых — потерять работу, и все, что связано с этой частью человеческого бытия, а во вторых — прогневать товарища Сталина. Или по навету, или по немощи своей, или по другим каким-либо причинам, перечень которых даже невозможно себе представить, — человек мог лишиться всего, что у него еще оставалось. Каждый жест при выполнении любой работы, каждое неосторожное слово, пророченное в трамвае, в бане, в пивной или во сне... могло быть истолковано как заговор против Великого Вождя. Праздника победы, как такового, вообще не было. Никаких парадов, никаких салютов на площадях не проводилось. А что праздновать? Мы же победили! Что же орать «Ура!» друг другу в лицо, отбивая ногами «Гопака» и заливая глотки крепленным вином... — уже все сказано и все отпраздновано в 1945 году! Сейчас надо не праздновать, а работать сутками. Герои сейчас те, кто умирает на работе, а болеют только тунеядцы и бездельники, усугубляющие и тормозящие процесс всеобщего развития. В стране должны быть все здоровы и от этого веселы и радостны. И чтобы никаких болезней! В поликлиники ходят только слабаки и прогульщики, а наша бесплатная медицина активно потворствует их узаконенному безделью, пьян-

ству и иждивенчеству. Стране, активно восстанавливающей свое величие, нужны веселые созидатели и здоровые граждане, а не вечно стонущие, хилые нахлебники! Поэтому стала набирать мощь компания борьбы с зажавшейся медициной. И, естественно стал просыпаться давно дремлющий отряд шарлатанов от здоровья. Теперь уже знахари и шаманы приобретали рафинированный статус «активных блюстителей здоровья советских трудящихся». Бабки-повитухи, лекари от сглаза, народные травники, «выливатели испуга» и «заговариватели хворей» были в почете. Кого только не было в народе, и все работали, не покладая рук. По «Делу врачей» еще не было конкретно массового движения заключенных, но слезки и чистки по больницам, санаториям, поликлиникам шли уже, довольно скрытно, но очень активно.

* * *

Я родился в холодном январе 1951 года в Грозном, спустя полгода после смерти моего старшего брата Жени. Мальчику был один год и три месяца, когда его организм, изнуренный температурой под сорок, расстройством кишечника, перестал работать, и он умер без медицинской помощи. И не потому, что была плоха наша медицина, а потому, что в отсутствие родителей бабушки не могли самостоятельно что-нибудь решить без главы семейства — моего деда. Он тогда возглавлял гараж заводоуправления и обязан был заниматься своими подчиненными и их семьями, чтобы работа была бесперебойной и все автомобили были на качественном ходу круглосуточно. О своей семье, о личных нуждах даже думать было преступлением. Мать — врач, постоянно пропадаящая в больнице, а по ночам — на дежурствах, отец — конструктор стратегического завода «Красный молот», работали по той же схеме... — на убой. И вот бабушки, которые были прямыми потомками столбовых дворян Веденяпиных, следовательно, тоже не могли даже подумать о самостоятельности, по причине «буржуйского происхождения», — помогали ребенку, как могли. То прибаутками, то кроплением святой водой, то чтением молитвы (тихо, чтобы не слышали соседи), то поили какими-то отварами, которые по возрасту были противопоказаны, но ребенку становилось все хуже и хуже, и в июле его не стало.

Когда я резким криком оповестил всех окружающих о своем появлении, то вся моя семья уже была более бдительна в отношении моего драгоценного здоровья. Бабушки знали, что нужно делать с новорожденным, а чего нельзя делать ни в коем случае. Правда, мать моя, Малюкова Александра Ивановна, вышла на работу (по закону) на четвертый день после родов, но ей было дозволено два раза в течении рабочего дня кормить меня грудью на рабочем месте. Мой отец, Александр Никанорович, лично сварил из толстых прутьев небольшие саночки — для доставки меня по снежным городским улицам к месту кормления.

Бабуся моя, Мария Алексеевна Малюкова, урожденная Веденяпина, со своей сестрой Ольгой Алексеевной должны были доставлять меня в этих саночках в Медицинское училище, куда моя мама к тому времени перешла на работу преподавателем. Так что после трехдневного домашнего заточения «машина» по моему откорму, гулянию, купанию начала работать. Дед, Иван Михайлович, стал более жестко следить за жизнью всей нашей семьи, потому что хозяйство, в которое я попал, было не маленькое и везде нужны были руки.

В доме с длинной верандой было шесть комнат. Во дворе стояла кухня с русской печкой и курятник, примыкающий на заднем дворе к свиному двору. Сад с фруктовыми деревьями и малинником, огород для выращивания зелени «к столу». Виноградник с закапывающимся виноградом и участок для шпалерного винограда. Между домом и садом стояли гараж, амбар и сарай — мастерская с полным набором инструментов. В том же сарае были различные машинки и приспособления для изготовления и ремонта всего деревянного и металлического наполнения нашей усадьбы. Даже автомоби-

ли ремонтировались и усовершенствовались. А машин было две: «Виллис» и «Пикап», и они, как иностранные граждане, нуждались в особом уходе. И на все это хозяйство нужны были не только умение и силы, а нужно было свободное время. А тут — я!

Бабушки своим рукоделием преумножали комфорт моего существования. Они трепали шерсть, что была куплена у скорняка на соседней улице, затем стирали и тщательно сушили ее. Потом сучили из нее пряжу, которую красили в разные цвета и, смотав в клубки, вязали из нее носочки, распашонки, шапочки, ползунки и так далее. Все хозяйство было на них, хотя общий контроль и тяжелый физический труд оставались за дедом и отцом. Бабе Оле мою транспортировку не доверяли, потому что бабушка Маня чувствовала на себе вину в трагедии с братом Женей. Она даже носила меня на руках, что считала для себя, дворянки, крайне недозволительным поощрением невоспитанности.

Прошло уже несколько месяцев после моего рождения. Все члены семьи смирились, каждый по своему, с моим беспокойным присутствием. К нам домой все чаще стала заходить детский врач, в чем была заслуга заводского комитета, где работал отец, куда обратилась мама с заявлением о помощи семье их сотрудника. Тогда все привилегии были у мужчин, глав семейств.

Меня измеряли, взвешивали, прослушивали костяной трубкой, заглядывали в уши и в рот. Ощупывали всего с ног до головы, следили за купанием и чистотой глаз, чтобы не пропустить чего-то опасного для моего здоровья. В общем, я не мог пожаловаться на недостаток внимания к себе ни со стороны медицины в лице участкового врача и патронажной медсестры, ни со стороны окружающих в лице членов моей семьи.

Вдруг к концу первого года моей жизни стало ясно, что я очень плохо набираю в весе и очень громко реагирую на любые поползновения моего кормления. Прием пищи вызывал у меня крик неодобрения. Я не хотел есть. Насильно накормить меня было невозможно. Все окружающие из-за такой раздражительности, плохого сна и беспокойства переругались друг с другом, не понимая, что происходит с ребенком. Похоронив одного сына, родители чувствовали, что в моем случае назревала такая же катастрофа. Меня уже и тормошили, и щекотали, только бы влить в мой рот ложку за ложкой манную кашу. Баба Оля рядилась цыганкой и начинала завывать, а в этот момент, пока я выкатывал глаза и открывал рот, баба Маня успевала наполнить мой рот рисовой кашей. Родители поочередно танцевали под бубен, и это пару дней вызывало мое одобрение. Уговоры «хорошо кушать», чтобы стать сильным и красивым, имели какое-то действие, но через неделю, разобравшись в том, что ничего не происходит после моего разрешения наполнить желудок такой однообразной массой, явно не соответствующей широте и исключительности моего запредельно интеллектуального происхождения, я воплями и мотанием головы категорически протестовал против любой пищи. А ничего для меня не значащие фразы — за маму, за папу, ну, пожалуйста, хоть одну ложечку, — вызывали такой крик, что у бабушек просто опускались руки.

Пил я тоже очень мало, хотя и питье-то в те годы для новорожденных было в ограниченном ассортименте. Это было либо молоко, либо вода. В нашей семье у каждого был свой круг обязанностей, кроме работы, но все были объединены одной святой обязанностью — кормлением меня. Дед, как главный кормчий, усаживал моих кормильцев и меня в свой «Пикап» и начинал возить нас по улицам, что тоже было эффективным в приеме пищи. Главное — это удивить меня чем-нибудь, но повод для удивления не должен был повторяться. Тряска в автомобиле тоже быстро мне надоела, как и запах свежего бензина в нем. Во время вот таких поездок дед стал замечать, что я странно реагирую на хриплые звуки автомобильных гудков. В те времена улицы были наполнены не столько машинами, сколько их громкими

сигналами, и по ним можно было даже составить своеобразный каталог. Разные марки машин издавали разные звуки и по ним, даже в темноте, определить марку автомобиля было не сложно.

Так вот, достаточно было раздаться любому из этих сигналов, как я мгновенно реагировал крайним удивлением, при котором на некоторое время прекращались мой крик и капризы. Этим затишьем тоже стали пользоваться мои домочадцы, насыщая мой растущий организм соответствующей снедью.

Да-а-а! Я же забыл сказать, что семья наша, где я появился, оказалась на редкость музыкальной и в доме хранились музыкальные инструменты: две скрипки, две мандолины, балалайка, домра, саксофон, две гитары, баян и даже труба, — «кларнет-А-пистон». И, конечно же, на этих инструментах играли мои родители и дядя Петя (брат мамы), а кто был прародителем этой внутренней музыкальной культуры — я не мог выяснить по причине моего младенчества.

Немного понаблюдав за мной, с исследовательской целью, дед (Иван Михайлович) решил перенести время моего кормления под тот момент, когда по радио передавали концерты и музыкальные программы. Ведь в то время по радио нескончаемым потоком звучали песни военных лет и народные песни в исполнении русских хоров. Это были замечательные коллективы: хор Пятницкого, Уральский хор, Саратовский, Пензенский, Волжский, Кубанский хоры. Звучала великая русская песенная культура, которая многовековым багажом сидела внутри каждого из нас. С ней мы рождались, с ней жили, не замечая этого богатства, как воздуха, которым дышим, и с ней умирали. Так вот, при звучании такого музыкального богатства светлая и восторженная улыбка не сходила с моего лица, а сам я превращался в самого спокойного и воспитанного ребенка на свете.

У нас в зале, на комод, стоял на подставке репродуктор — тарелка, из которого весь день неслись божественные мелодии и который выключался только тогда, когда меня клали спать. В течение дня громкие читки директив партии чередовались с музыкальными программами. Часто передавались концерты симфонической и оперной музыки, арии из опер, наиболее удачные и мелодичные фрагменты увертюр. Так вот, во время их звучания я затихал и со мной можно было делать все, что угодно. Под голоса Лемешева и Шалапина я начинал активно есть, наглядно демонстрируя озабоченность своим здоровьем. Вот так длительная исследовательская работа по подбору ключей для пользования моим организмом была завершена!

Через неделю после начала этого научного эксперимента бабушка Маня, вооружившись приобретенным опытом, повелительным жестом отправила деда на базар для покупки музыкального аппарата, называемого в те годы «Патефоном». А какие к нему пластинки были нужны — всем уже было ясно. Удивительно, но жизнь нашей семьи стала налаживаться, и покой в ней не замедлил проявиться. Дорогая вещь теперь стояла на комод, а рядом лежала стопка из дюжины угольных граммофонных пластинок с записями русских хоров и арий из опер. Баба Оля связала кружевную накидку на него. Железную коробочку с запасными иглами к патефону спрятали в ящик под замок. Этот патефон открывали только перед моим кормлением и, по осторожности обращения с дорогой вещью, трудно было определить, чем больше дорожат мои родные — синим чемоданчиком под названием «патефон» или мальчиком по имени Сережа?

Священнодействие начиналось очень торжественно, со всеми причитающимися для этого ритуалами. Все окружающее меня пространство наполнялось звенящей и зеленеющей душу тишиной. Наступало время приема пищи, или время моего купания, или укладывания меня спать... Снималась вязаная накидка с патефона и осторожным движением открывался откидной замок-застежка на корпусе, поднималась крышка, в которой на зажимах была закреплена ручка для завода механизма. Эту ручку вставляли в гнездо аппарата и, медленно вращая, заводили механизм до упора. Затем тя-

желую пластинку ставили на диск и запускали его вращение с характерным щелчком. Все это происходило в полной тишине. Я с замиранием дыхания наблюдал за процессом приготовления великого таинства — создания звуков, которые, будоража организм, впитывались в мою плоть и тут же усваивались, как божественный фимиам, дающий мне не только возможность жить, но и качество духовного возвышения. Игла опускалась на пластинку и на фоне шелеста и шипения ясно проявлялись божественные звуки гармонии. И от этой гармонии мое малюсенькое сердце так начинало радоваться, что вся капризность и агрессивное нежелание подчиняться предлагаемым обстоятельствам мгновенно успокаивались и засыпали. И пока лились эти волшебные звуки, я мог быть в доску своим в любой обстановке. Позволял себя кормить, пеленать, купать (даже если в нос попадала вода), стричь и даже лечить.

*Вот, зазвучала! Поплыла, спустившись с дивной высоты.
И два невидимых крыла, меня выносят из беды!*

Мелодическое звучание трезвучий и длинных нот разной тональности и ритма, каким-то совершенно чудесным образом проникая в мое маленькое тельце, заставляли все органы, наполняющие это тельце, теплеть, двигаться и освещать друг друга какой-то солнечной энергией лиричности. Во мне просыпалось волшебное состояние умиления и радостной истомы светоносным счастьем, несущим с собой доброту, дружелюбие и умирительное спокойствие. Все окружающее, каким бы оно не было агрессивным, превращалось в абсолютно умиротворительное доброжелание, способное только прощать, одобрять и умиляться.

*Вдруг дунет ветер ледяной! И от тоски застыну я.
Но, словно крылья за спиной, возникнет музыка моя!*

Одно только должно было быть неизменным,— пока звучит музыка, ни кто не должен был ни разговаривать, ни кашлять, ни чихать. Эти проявления крайней невоспитанности резко пресекались моим визгливым криком.

Вот так, под аккомпанемент божественных гармоний, я и рос, пытаюсь подпевать, подыгрывать мелодиям, приятным для моего слуха. И все последующие годы протекали под звуки этого патефона, именно от него ширилась и совершенствовалась моя музыкальная культура. Уже в детском саду меня выделяли из общего числа питомцев: за быструю адаптацию на музыкальных занятиях. Спасибо вам, родные мои, что я ощутил всю широту и неограниченные возможности человека, обогащенного музыкальной культурой. Позже в нашем доме стали появляться другие музыкальные устройства, соответствующие этапам совершенствующейся жизни. Я выросел, и за патефоном появилась радиола «Волга», потом магнитофон «Нота», телевизор «Знамя-58», проигрыватель «Вега-001», уже с виниловыми пластинками (коллекция которых исчезла вместе с квартирой в Грозненской войне), и каждая новая ступенька в развитии цивилизации тянула вверх и меня.

*Льется музыка, музыка, музыка, и вовек не устанет кружить
Бесконечная, вечная, мудрая, под которую хочется жить!*

Чего только в жизни у меня не было, каких только музыкальных аппаратов мне не пришлось встретить. Вот и сегодня электронная техника, находясь на очередной ступени своего развития, предлагает уже цифровые технологии накопления и передачи видео музыкального наследия человечества. Теперь все, что я слышал в течение жизни, весь мой музыкальный багаж можно поместить на маленькой «флешке» объемом 64 гигабайта, и туда же можно поместить любимые оперы в исполнении неувя-

дающих звезд мирового вокала и любимые, редкие фильмы, и все фотографии родных людей и грандиозных событий. Удивительно осознавать такой скачок технического прогресса от патефона до нее...

Флешка — это маленький кусочек черной пластмассы, величиной с ноготь указательного пальца, содержащий в себе электронный накопитель цифровой информации. Он, этот кусочек, способен сохранять в себе не только музыку, но и любой кино... и видеоматериал, любую информацию, преобразованную в цифровую форму. В далекие 60-е годы электронные вычислительные центры, весящие несколько тонн, занимали площадь четырехкомнатной квартиры, а сегодня, по объему превышающие в сотни тысяч раз, такие анализаторы имеют вид булавочной головки. И это вам не патефон... А музыка сейчас звучит из любого бытового устройства, из каждой машины, из любого телефона. И я все чаще с годами вспоминаю нашу усадьбу, в которой на комод в зале стоит синий чемоданчик, пахнущий клеенкой, на столе покрытым белой скатертью, тарелка с рисовой кашей, а рядом со мной — все мои родные, подарившие мне жизнь.

Дмитрий Тарасов
(г. Санкт-Петербург)

Родился в 1965 году. Работал инженером, экскурсоводом, журналистом, сейчас — редактором в телекомпании «Петербургское телевидение». Публиковался во многих литературных журналах. Рассказы переводились на сербский язык. Автор трех книг прозы. Член Союза писателей России.

ДОРОГОЙ

Первое, что увидел Волков, проснувшись и посмотрев вниз с верхней полки купе, было зрелище накрытого к завтраку стола, за которым сидела одетая во все белое пожилая дама. Есть такой тип женщин, отчасти комический, отчасти раздражающий нелепым поведением, когда возраст сильно расходится с желанием выглядеть молодой, что лишь подчеркивают используемые без всякой меры косметические средства.

С этими вскользь промелькнувшими мыслями Волков слез с полки и чуть хриплым со сна голосом поздоровался.

— Доброе утро, молодой человек. Меня зовут Анастасия Петровна. Не желаете присоединиться к трапезе?

Да, он не ошибся, именно так и должны говорить подобные дамы — бойким голоском и в то же время приветливо, мило.

— Спасибо, пока не хочу.

— А ваша супруга уже проснулась, — будто отвечая на незаданный вопрос, сказала Анастасия Петровна. — Проснулась и, судя по всему, пошла умываться. Весьма приятная женщина. Мы тут с нею перекинулись парой слов — знаете, как между женщинами водится? — и скажу определенно: вам повезло, очень повезло.

Волков смотрел на заправленную нижнюю полку, где спала Ольга, и явно не в такт собственным мыслям произнес:

— А меня зовут Александр.

Он развернулся и уже открывал дверь купе, когда услышал:

— Позвольте я буду обращаться к вам — Саша. Думаю, при нашей разнице в возрасте мне это позволительно.

Фраза была произнесена очень кокетливым тоном, и Волков, выйдя в коридор, ухмыльнулся. Так, с ухмылкой, и подошел к Ольге, которая стояла ближе к тамбуру — перекинутое через плечо полотенце, в руке зубная паста и щетка — стояла и задумчивым взглядом смотрела в окно.

— Доброе утро. Ты сегодня рано встала.

Чуть повернув голову, она ему кивнула и продолжила наблюдать, как, выскакивая из пелены белесого утра, промахивают мимо телеграфные столбы.

— Считаешь? — Волков улыбнулся.

Она ничего не ответила, лишь моргнула глазами, словно он действительно сбил ее со счета.

— Ты обворожила нашу соседку. Она от тебя в восторге.

— Старая калоша,— равнодушно заметила Ольга.

— Кстати, откуда она взялась?

— Села ночью на какой-то станции. Я плохо спала, слышала, как она стелилась, а еще слышала, как ты храпел.

— Я храплю в поездах, кроме того, в отелях, каютах, также люблю храпеть на пляже.

— Особенно в Коктебеле.

Он поглядел на нее внимательно, прищурясь, и только собрался отшутиться, как Ольга его опередила:

— Пойдем в купе, а то у нас вместо еды одни беседы.

Пока они разговаривали, пожилая дама покончила с завтраком и теперь, надев очки, читала газету. Впрочем, едва они зашли, она поспешным движением очки сняла и сунула их под газету, при этом на ее лице возникла смущенная улыбка.

— Интересуетесь политикой? — с порога спросил Волков.

— Что вы! Так, иногда читаю, чтобы быть в курсе. А вот мой муж,— быстро овладев собою, дама вновь заговорила своим приветливым голосом,— мой муж великолепно разбирается во всех нюансах политики. Вы, Саша, сразу нашли бы с ним общий язык и, как обычно бывает, оставили бы своих жен в одиночестве.

— Анастасия Петровна, а почему вы сейчас одна, без мужа?

— Вы знаете, Оленька, куда бы мы ни ездили, где бы ни отдыхали, мы с мужем всегда вместе. Друзья даже шутят, что стали похожи друг на друга. Я думаю, так во всех крепких семьях. Хочу вам сказать, что вы тоже производите впечатление очень любящей пары.

Волков подсел ближе к Ольге, обнял ее за плечи:

— Не только производим впечатление, мы любим по-настоящему. Разве я не прав?

Ольга повернулась к нему:

— Конечно, дорогой... Но вы не договорили, Анастасия Петровна.

«Дорогой,— мелькнуло у Волкова,— как неожиданно...». Между тем дама приподняла голову, натянув складки на шею и чуть выпятив ярко накрашенные губы.

— Мы поехали бы вместе, тем более что свадьба у племянника мужа, но в последний момент мой Володя приболел. Обыкновенная простуда, но рисковать не стали... Там было так весело и одновременно, знаете, так элегантно! Я очень люблю бывать на свадьбах, особенно когда люди понимают, какое значение имеет это событие. Нельзя жалеть денег, нельзя скупиться, все должно быть по высшему разряду — и свадебные наряды, и обстановка, и стол, разумеется. Удивительно, но я помню каждую мелочь нашей свадьбы...

— Извините,— Волков встал,— я не успел помыться.

— Конечно-конечно,— любезно произнесла Анастасия Петровна.— Я знаю,— она повернулась к Ольге,— мужчины не любят этих женских разговоров, но нам-то с вами, Оленька, хорошо известно...

Прищемив хвост фразы, Волков захлопнул дверь.

Народ в вагоне уже проснулся, так что ему пришлось встать в конец длинной очереди. Он старался ни о чем не думать, но в голове сами собою крутились слова — «свадебные наряды, все должно быть по высшему разряду...». У них с Ольгой никакого разряда не было, собственно, не было и свадьбы, просто пришли и расписались. Ольга надела обыкновенный серого цвета костюм, а он явился в джинсах и свитере. Ни ему, ни ей даже в голову не пришло устраивать пышную церемонию. После, правда, посидели на природе с друзьями, выпили вина, яблоками закусили. Вот эти яблоки — зеленые, крепкие, как говорила Ольга, с хрустом, — они-то больше всего и запомнились... Нет, он не против традиций, однако, почти всегда, соблюдая обряд,

забывают о его смысле и получается пародия, фарс... Хорошо, что Ольга разделяла его мнение, что не было плачущих родителей, всегда глупейшего тамады, не было пьяных родственников и еще каких-то людей, которых и видишь-то в первый и последний раз...

— Ваша очередь,— прогудел над его ухом чей-то бас, и Волков вошел в полуоткрытую дверь.

Тесно, сырость на полу, да и запах, к тому же сильно трясет... Отчего ему в детстве нравились поезда и даже вагонные туалеты? Забавлял кувшин с клювиком и его мелкий дребезг, забавляла педаль, нажатие на которую производило невероятный эффект — потоки воды, грохот, разверстая дыра в страшный подколесный мир. С годами все сделалось проще и обыденнее, пропало любопытство, страх исчез. Вот только на вопрос: когда было лучше — в то время или теперь? — он без раздумий бы ответил, что с радостью вернулся бы в детские годы.

Задумчивый, возвратился в купе, сел в углу возле входа. Было ощущение, что не уходил: дама продолжала вести все тот же разговор — о себе, муже, о том, как они счастливы.

Нарезая помидоры, огурцы, делая бутерброды с колбасой, Ольга слушала плохо. Лишь изредка вопросами или короткими репликами она поддерживала беседу, похоже, только из вежливости.

— Вы когда-нибудь с мужем в Крыму отдыхали? — неожиданно спросил Волков, подсев к столу и взяв бутерброд.

— О, мы не просто отдыхали, мы объездили весь Крым. Ялта, Севастополь, Евпатория, Керчь, Судак... Где мы только не были!

— А в Коктебеле?

— В Коктебеле... Один раз, давно. Мы тогда в Феодосию ехали, вот и решили свернуть по пути.

— Саша, не приставай к человеку. Дался тебе этот Коктебель.

— Оленька, не мешай, пожалуйста. А потом: Коктебель дался мне не больше, чем тебе... Мы, Анастасия Петровна, гостили там две недели у одного хорошего знакомого. Писатель Булатов, довольно известный, наверняка слышали.

— Конечно, даже что-то читала... Книга «Долги», кажется.

— Это роман Жанны Букиной.

Анастасия Петровна рассмеялась совсем по-театральному, будто выдавливая из себя — ха-ха-ха-ха,— затем пальчиками с маникюром она слегка тронула прическу и посмотрелась в несуществующее зеркало.

— Несмотря на свои годы, я очень много читаю. А может, как раз благодаря годам, — меньше забот, больше времени, как выражается моя подруга.

— Вы прекрасно выглядите,— заметила Ольга,— не сочтите мои слова за пустой комплимент.

Анастасия Петровна приосанилась, снова поправила прическу,— и внезапно воскликнула:

— Ах, как я любила комплименты! Особенно в молодости, даже пустые, глупые...

Она вдруг смолкла, словно унесенная назад воспоминаниями, которые блуждали в ее взгляде, в легкой улыбке. Ее преображение, однако, длилось недолго. Стоило поезду резко затормозить, как она, словно спохватившись, вновь надела маску пожилой дамы.

— Как отдохнули в Крыму? Надеюсь, приятно провели время?

Ольга покосилась на Волкова, но тот явно не собирался отвечать, предпочитая светской беседе салат из овощей. И тогда она сказала каким-то преувеличенно радостным голосом:

— Все было замечательно — солнце, море, чудесный воздух!

Удивленный столь бурными эмоциями обыкновенно сдержанной Ольги, Волков поднял на нее глаза и тут же догадался, что она просто решила включиться в предложенную дамой игру.

— Были, наверно, и романтические путешествия?

— Как без них, Анастасия Петровна.

— Я так это люблю — приключения, романтика. Расскажите, если, конечно, Саша не против.

— Саша не против, — без промедления откликнулся Волков. Его начинало занимать постепенное превращение купе в разновидность светского салона.

— Наши путешествия можно назвать, скорее, литературными, чем романтическими, — продолжила Ольга. — Число нежных слов было заметно меньше количества посещенных музеев. В Феодосии мы были в музее сестер Цветаевых, в музее Александра Грина, в Старом Крыму — снова Грин, а еще Паустовский. Такие маленькие дивные музейчики, и удивительные люди там, настоящие подвижники.

Волков видел, что, начав игру, Ольга увлеклась и теперь говорит от души, даже глаза поблескивают.

— И само собою — дом Волошина, где мы чуть ли не каждый день бывали.

— Каждый день? — переспросила дама.

— Так получилось, что, когда мы были в Коктебеле, там проходил литературный фестиваль, как раз на площадке Волошинского дома. По вечерам — встречи, музыка, стихи — так хорошо, что уезжать не хотелось.

— А ваш знакомый писатель...

— Булатов.

— Да-да, Булатов. Он тоже выступал?

— И с большим успехом. Он, вообще-то, прозаик, но читал стихи, они у него замечательные.

— Ты, Оленька, забыла, что он и прозу читал, — вмешался Волков, — только читал ее дома, а дом у него в пяти минутах ходьбы от Волошинского.

— Какое поразительное соседство! — дама всплеснула руками, на что Волков заметил:

— Вы знаете, Булатов полностью разделяет ваше мнение.

— Почему ты так решил? — сухим тоном осведомилась Ольга.

— Ну, как же! Он нам читал главы из своего неоконченного романа, откуда ясно, как бы он ни маскировался, что именно ему, писателю Булатову, принадлежит наследство, оставленное в Коктебеле Волошиным.

— Ты просто необъективен к нему. Кроме того...

Он прервал Ольгу:

— Мы уже все обсудили. Пойду покурить.

— Я тоже, — она встала вслед за ним.

Они курили молча, изредка поглядывая на молодую хихикающую парочку в другом конце тамбура.

— Ну что, пойдём? — сказал он, вдавив окурок в днище консервной банки, заменявшей пепельницу.

— Как скажешь, мой повелитель.

— Если ты думаешь, что...

— Я ничего не думаю. Пойдем.

Анастасия Петровна встретила их радостным восклицанием:

— Какой интересной, насыщенной жизнью вы живете! Эти путешествия, эти литературные споры, сколько событий, встреч!

— Вам тоже грех жаловаться на скучную жизнь.

Ольга стояла чуть впереди, и Волков склонился к самому ее уху: «А как же старая калоша?», — на что она ответила быстрым шепотом: «Я была не права».

Несмотря на перестук колес, вновь завязавшийся разговор шел не шатко, не валко, все больше о дороге, о том, где едем и сколько еще осталось,— пока Анастасия Петровна, замявшись, опустив глаза, не спросила о том, о чем не принято спрашивать в светской беседе:

— А вы... официально расписаны или в гражданском браке?

Она тут же извинилась, что задает столь бестактный вопрос, что, если им неприятно, то можно не отвечать, и она спрашивает лишь потому, что есть одно обстоятельство, которое ей хотелось бы прояснить. Терпеливо ее выслушав, Волков сказал:

— Мы придерживаемся традиционных взглядов. Если любишь, изволь жениться.

— Я так и думала, вы такая очаровательная пара, ни секунды не сомневалась,— зачастила она словами.

— Для пущей убедительности могу показать паспорт.

— Что вы, Саша! Я совсем о другом... Понимаете, наш младший сын, Игорь, уже лет десять живет в гражданском браке. Конечно, я понимаю, что это их дело, что времена изменились и теперь не так уж важно... Но, с другой стороны, есть правила приличия, общественное мнение. Нам с мужем нечего ответить, когда знакомые спрашивают, женился ли Игорь.

— А сын наверняка произносит сакраментальную фразу о штампе в паспорте,— то ли подвела итог, то ли спросила Ольга.

— Вот именно. Повторяет одно и то же: штамп в паспорте ничего не значит, это пережитки прошлого. Его-то я еще могу понять, не как сына, а как мужчину. Вы,— она стрельнула глазами в сторону Волкова,— всегда проще относитесь к браку. Но как *она* может быть довольна таким положением?

— Значит, может,— высказался Волков и откинул голову назад, в тень от верхней полки. «Скучно, тоскливо и пусто»,— подумал он, прикрывая веки. И сразу поплыли перед глазами залитые солнцем картинки взморья: легкие волны с качающимися на них поплавками голов; ярко-желтый круг на выжженном до белизны небе; чьи-то загорелые ноги, с хрустом мнущие гальку пляжа; бронзовый Волошин с посохом в руке и босыми ногами; продающая самсу и козинаки черноглазая торговка... К ней подходит Волошин, по-прежнему босой, и покупает самсу. Вместе с торговкой он поднимается по внешней крутой лестнице на башню собственного дома. Он уже наверху, только теперь это не Волошин, а Булатов, который смотрит на гору Карадаг и громко заывает покупателей. Давешняя торговка летит к нему с горы на дельта-плане — ближе, ближе — и вдруг исчезает среди внезапно набежавших облаков. В ту же секунду Булатов проваливается сквозь крышу дома и, оказавшись на полу, откусывает огромный кусок самсы. Жирные капли падают на его паспорт, расплываются пятнами, и он видит, что штамп в паспорте...

— ...штамп в паспорте не самоцель, а я не ретроград, чтобы предавать чрезмерное значение, как он выражается, всяким формальностям. Но все-таки, поймите меня правильно, я не могу оставаться безучастной.

Прежде чем окончательно проснуться, Волков снова, уже с силой, зажмурил глаза и тут же их распахнул, провел по лицу сразу обеими ладонями.

— Ты заснул?

Он промолчал, лишь выбрался из тени и помотал головой, то ли в знак отрицания, то ли чтобы привыкнуть к свету.

— Мы вам не мешали своей болтовней? — самым любезным тоном спросила Анастасия Петровна.

— По-моему, болтовня мне и снилась, только под крымским небом,— он встал, начал что-то искать в карманах брюк, затем в куртке, висевшей на крючке у входа.

— Может, я могу помочь?

— Никак не найду портмоне. Куда я его дел?

— Посмотри в чемодане, милый, ты туда его убирал.

Встав на ступеньку лестницы, он снял с багажной полки чемодан на колесиках, расстегнул молнию и вскоре вытащил оттуда портмоне, помахав им в воздухе:

— Оленька, ты была права.

— Я рада, дорогой.

— Пойду в ресторан, выпить хочется.

Пожилая дама не упустила возможности высказаться:

— Ох, уж эти мужчины! Чем больше у них пороков, тем они привлекательнее.

— Меня не приглашаешь? — глядя в окно, спросила Ольга.

— Думаю, тебе будет гораздо интереснее в обществе такой приятной собеседницы.

С улыбкою он слегка кивнул в сторону Анастасии Петровны, а та помахала ему пальчиками.

Он шел по коридорам поезда, которые ритмично прерывались грохотом межвагонных переходов, шел и ловил себя на мысли, что думает об этой опереточной старушке, вернее, о том, как ей удалось вовлечь их в свою игру. Дорогой, дорогая, родная, милый — они никогда так не говорили, разве что в шутку. Или, быть может, старушка тут ни при чем, а дело в них самих... Как бы то ни было, они ведут себя глупо и неестественно, совсем не так, как собирались... Хотя, есть ли рецепт поведения, проверенный опытом других, используя который можно не выглядеть глупыми, — есть ли такой чудодейственный способ?

Войдя в вагон-ресторан, уже наполненный людьми, он начал искать, куда бы ему сесть — не хотелось соседей и никакой пьяной компании поблизости. Ему помогла белокурая официантка, катившая столик с чьим-то заказом:

— Здесь свободно. Садитесь, пожалуйста.

Волков поблагодарил, осмотрелся — действительно, безопасное место: ближний от него столик пуст, а за дальним сидят средних лет женщина с дочкой-подростком. Расположившись к ним спиной, чтобы быть незаметным для большей части ресторана, он дождался уже знакомую официантку.

Ему хотелось только водки, холодной, чтобы обжигала горло и делала все внутри и вокруг не имеющим большого значения, — но под разочарованным взглядом официантки (такой представительный мужчина — и вдруг графин водки...) он добавил:

— Принесите еще салат на ваше усмотрение.

— Есть прекрасный салат с говяжьей печенью.

Он кивнул и стал смотреть в окно. Проносившееся мимо казалось ему лишь хаосом разбросанных там и сям разноцветных пятен. Только когда перед ним появились запотевший графин и тарелка с салатом, он смог оторвать взгляд от этого красочного безумия за окнами.

— Вы извините, — услышал он мягкий и слегка пьяный голос. — Я смотрю, вы один, как все интеллигентные и умные люди. А я, понимаете, тоже один...

— Как все интеллигентные и умные люди, — закончил Волков, всматриваясь в этого высокого и худощавого мужчину в очках.

— Точно-точно, — приняв шутку за приглашение, мужчина сел напротив Волкова. — Я со своим, — продолжил он, достав из кармана и ставя на стол плоскую бутылку коньяка, — четыре звездочки, Дагестан, очень способствует разговорам на интеллектуальные темы.

У мрачно наблюдавшего за ним Волкова дернулась щека, плотно сомкнулись губы, перед тем как он произнес ледяным тоном:

— Послушайте, милый, дорогой, родной, единственный, если вы сейчас же не уйдете, мне придется набить вашу интеллигентную физиономию.

Волков не ожидал, что его слова окажут столь быстрое действие: уронив стул, мужчина вскочил и боком, боком... Однако тут же вернулся, чтобы схватить со стола коньячную бутылку.

Наконец-то. Теперь можно. Волков налил целую стопку, выпил, затем вторую, третью, даже не глядя в сторону тарелки с салатом. И сразу теплой волной смыло все: пьяного в очках, хаос за окнами, официантку, поднимавшую стул, светскую даму в купе. Осталось единственное, от чего спасения не было: та безобразная сцена в доме Булатова, вечером накануне их отъезда, его друг и его жена, сцена двойного предательства. А после, под тихий шелест моря на ночном пустынном пляже Коктебеля, напротив памятника Волошину, сидя на пластиковом лежаке, он и она, два цивилизованных человека, без суеты и криков решили — все кончено, навсегда, они чужие друг другу...

Но еще нужно было вернуться в Москву, еще вынести удушливую тесноту купе, еще улыбаться фальшивой улыбкой соседке,— и Волков пил, не пьянея и лишь ухмыляясь про себя: «Дорогой, дорогая...» Какой пошлостью обернулась эта поездка, каким дешевым спектаклем!..

У него гудело в голове и слегка мотало в такт вагонной качки, когда бесконечными коридорами он возвращался назад.

Подойдя к своему купе, Волков остановился. Через приоткрытую дверь он слышал, как пожилая светская дама говорит своим салонным голосом:

— Как бы я хотела, чтобы сын познакомился с вами. Ведь сейчас так редко можно встретить идеальные отношения, и ваша семья, поверьте мне, Оленька, исключительный случай.

РЕЗЮМЕ

Жена говорила, что я потерял работу исключительно из-за происков начальства. Не знаю, подбадривала ли она меня или действительно так считала. Скорее, второе, поскольку раньше Марина сама была экскурсоводом в том музее, откуда меня попросили, и, понятное дело, знала о тамошних порядках не понаслышке.

Я отнекивался, не желая выглядеть таким ангелочком, и говорил, что сам хорош. Однако жена и слушать не хотела, продолжая напористо:

— Они еще пожалеют! Это ж надо — уволить лучшего работника!.. Ничего, найдешь себе место и по душе, и по способностям. Что, у нас в городе музеев мало?

Вопрос был, конечно, риторический. И на следующее утро, сидя рядом с женой в троллейбусе,— Марина ехала на работу, а я на ее поиски,— у меня была полная уверенность, что в этот же день я вернусь домой с радостной вестью: «Можешь поздравить — меня приняли!»

Сначала я направился в музей связи. Выбор объяснялся тем, что первое мое образование радиотехническое. Хорошее настроение подкреплялось солнечной погодой и счастливым билетом, который я купил в троллейбусе и теперь, на удачу, сжимал в кулаке.

Выслушав меня, охранник с пшеничного цвета усами куда-то позвонил, а затем сказал, что нужный мне человек сейчас подойдет. Действительно, вскоре по широким ступеням дугообразной лестницы спустилась ярчайшей наружности женщина: высокого роста, блондинка, с черными, увеличенными косметикой, глазами, одетая в облегающее платье минимальной длины, так что были хорошо обозримы ее впечатляющие ноги в сапожках на каблучке. Мое настроение само собою еще слегка приподнялось. Правда, возникли и сомнения, вызванные несоответствием между внешностью красотки и занимаемой ею должностью.

— Меня зовут Валентина Андреевна,— представилась она.

— Вы начальник отдела кадров?

— Да. А что вас смущает? — она взяла меня под руку, и мы проследовали в том направлении, откуда она только что появилась.

Разговор сразу пошел как-то не так. После рассказа о трудовом пути, на котором довелось мне быть и связистом, и музейщиком, я, конечно, был не вправе думать о

моментальном зачислении в штат, но рассчитывал хотя бы на интерес к собственной персоне. Интерес, впрочем, был. Однако особого свойства.

— Валентина Андреевна, куда мы идем — в отдел кадров? — задал я обычный вопрос путника, оказавшегося в незнакомом месте, которое вдобавок представляло собой лабиринт из лестниц, переходов и снова лестниц.

— Зовите меня просто Валя. К чему церемонии?.. Кстати, мы уже почти пришли. Вот дверь, там нам никто не помешает,— она чуть замаялась,— не мешает общаться.

Я не настолько наивен, чтобы не понимать подтекст подобных фраз. Дальнейшее лишь утвердило меня в правильности моего предположения. В кабинете не было ничего казенного, зато неказенного — цветов, хрустала, акварельных работ вдоль стен, бутылок с разноцветным алкоголем за стеклом бара — было хоть отбавляй.

— Не желаете? — показала она на одну из бутылок и, не дождавшись ответа, налила мне и себе.

Я выпил как-то машинально и посмотрел ей в глаза. Вопреки очевидному, какая-то часть внутри меня по-прежнему видела в ней начальницу отдела кадров.

— Так что же насчет работы? Я могу...

— Я знаю, что вы можете,— явно с двойным смыслом произнесла женщина Валя. Улыбнувшись мне, она стала что-то искать, открывая то одну, то другую дверцы шкафа.

— Никак не могу найти... Были же где-то...

Включив диск с каким-то душещипательным романсом и заверив, что сейчас вернется с коробкой конфет, она вышла за дверь, тогда как я, все также сидя перед маленьким столиком, лихорадочно размышлял над тем, как же выпутаться из этой истории. Почему-то простейшая мысль — воспользоваться отсутствием хозяйки кабинета и уйти — посетила меня далеко не сразу.

Пришлось немного поплутать, прежде чем за очередным поворотом мне открылась будка с давешним охранником. Между нами состоялся весьма глубокомысленный разговор.

— Уже закончили?

— Да.

— Взяли на работу?

— Почти.

По существу, стражу порядка я не соврал. Ведь стоило мне принять предложенную игру, уверен, вопрос с моим трудоустройством был бы успешно решен. Если не «начальницей отдела кадров», то каким-нибудь из высокопоставленных музейных чинов, каковых, при внешности и склонностях Валентины, уламывать бы особенно не пришлось. Однако играть по этим правилам я не собирался.

Идти под ярким солнцем, которое насквозь простреливало Почтамтскую улицу, разливаясь на Исаакиевской площади во всю ее ширь, мне было легко и весело. Не я соблазнял женщину, а меня самого наглым и бесцеремонным образом соблазняли! Что происходит в здешнем музее? Отчего слабый пол вовсе не так слаб, наоборот, необуздан в своих сексуальных желаниях? А может, у них принято, перед тем как принимать на работу, устраивать подобные тесты? И для этих целей держат специальный штат соблазнительниц...

Расстояние от музея связи до музея истории религии всего несколько сот метров. Их я преодолел в бодром темпе и, уже в музее, обратился к костюмированному амбалу:

— Извините, мне нужно в отдел кадров.

Амбал с лендой и вместе со значением (как это у них получается?) прогуливался неподалеку от гардероба. Смерив меня взглядом убийцы, временно отошедшего от дел, он спросил, умудрившись не открыть рта:

— На работу, что ли, устраиваться?

После того как я кивнул, мы двинулись вдоль длинного, с изгибами коридора. В его конце амбал передал меня следующему амбалу в точно таком же костюме. Пройдя одну за другой несколько лестниц, мы остановились перед дверью, и мой провожатый позвонил. Я уже догадывался, что меня в очередной раз передают с рук на руки, и все-таки был удивлен, когда из-за двери появился еще один представитель, по-видимому, живущего тут племени амбалов. От предыдущих этот отличался только прицепленным к пиджаку бейджем, на котором я мысленно написал — «главный амбал». Постановка дела в музее религии как будто иллюстрировала принцип отделения церкви от государства, а заодно и от всех его граждан. Гарантом отделения служила охрана, чьей бдительности могли бы позавидовать и на самом засекреченном объекте.

Ситуация изменилась, когда человек с бейджем довел меня до места. Приятные люди, улыбаются, дорогу уступают. Возможно, они такие доброжелательные как раз потому, что отделены от остального мира звероподобными охранниками?..

Милейшая начальница отдела кадров объяснила, насколько музей заинтересован в образованных и интеллигентных сотрудниках. При этом она недвусмысленно намекнула, что «образованный и интеллигентный» относится именно ко мне. Польщенный, я шел в отдел традиционных верований и обрядов народов Сибири и Дальнего Востока, куда она любезно вызвалась меня проводить.

Кабинет руководителя отдела был так мал, что я едва втиснулся между столом и книжным шкафом. Несмотря на неудобную позу, мне здесь нравилось — скромно, без показухи, видно, что люди, прежде всего, делом заняты. Предположение мое тут же подтвердилось, когда, представившись (ее звали Лидия Николаевна),— она сразу начала говорить о новой экспозиции музея.

— Казалось бы, медведь,— она посмотрела на меня внимательно и усмехнулась,— подумаешь, медведь!

Ее взгляд на мгновение сделался пренебрежительным, словно бы я был оппонентом, доказывающим ничтожность всего косолапого населения наших лесов.

— А знаете ли вы,— продолжила она в той же тональности научного спора,— что почитание медведя восходит к глубокой древности? Истоки его встречаются в палеолитических пещерных святилищах. Можно сказать, во всех регионах планеты, где когда-либо обитали медведи, они занимали совершенно особое место в религиозно-мифологических представлениях охотников.

Лидия Николаевна прервалась, чтобы задать неожиданный вопрос: «Вы Большой университет оканчивали?» Столь резкий переход от культа медведя к культу высшего образования застал меня врасплох: «Нет, я другой... я оканчивал...». Она не дослушала, проговорив скороговоркой: «Мы берем только из Большого»,— и без промедления вернулась к прежней теме:

— Для народов Сибири и Дальнего Востока медведь служит одним из важнейших персонажей, с которым связаны многочисленные обряды и верования. Часто в образе медведя людям виделся хозяин тайги. Считалось, что он дает охотникам добычу, насыщает или исцеляет болезни, наказывает за нарушение религиозных правил и запретов...

Собственно говоря, я ничего не имею против людей одержимых, более того, они мне симпатичны. Но сейчас, по существу, получив отказ в приеме на работу, было бы крайне глупо выслушивать монолог о медведях, который вполне мог продолжиться разговором о шаманах и камланиях.

— С детства люблю медведей,— бодро изрек я.— Удивительный зверь. Однако мне пора. Надеюсь, мы расстаемся друзьями?

— Конечно-конечно!

Вроде бы, она даже добавила фразу в том духе, что здесь всегда рады меня видеть. Взявшись за ручку входной двери, я заметил справа от себя чучело бурого мед-

ведя. Зная теперь, какой священный трепет вызывало у древних это животное, я просто не мог не склонить перед ним голову.

Вторая подряд неудача отнюдь не умерила моего пыла. Дело в том, что с самого начала я определил три музея, куда надо пойти, и третьим среди них был Юсуповский дворец на Мойке. По слухам, там неплохо платили и почему-то особенно неплохо администраторам. Поэтому, едва переступив музейный порог, я без обиняков сказал:

— Интересуюсь вакансией администратора. Имею опыт работы в музее. Подскажите, куда мне нужно обратиться?

Вопрос был адресован женщине с короткой стрижкой и длинными серьгами, которые, при малейшем движении, мелко позвякивали. Она сидела между желтомраморными колоннами за столиком того же цвета, а ее взгляд упирался в парадную дворцовую лестницу, что начиналась прямо от входа.

— А что вы, собственно, умеете? — препротивнейшим голосом спросила эта гримза (так, пусть банально, я сразу же ее окрестил).

Еще раз напомнив, что несколько лет работал в музее как раз администратором, я добавил:

— Мне в равной мере известно, как принимать иностранных туристов и, скажем, жителей Москвы или Владивостока. То же самое касается экскурсионных групп и работы с турфирмами.

— Английский язык знаете?

— Разговорный. В пределах того, что необходимо для общения с гостями города.

Она подняла на меня глаза, в которых не поймешь, чего больше — то ли жалости, то ли пренебрежения.

— Вообще-то,— продолжила гримза,— администраторы нам сейчас не нужны, но знающего в совершенстве английский и на среднем уровне еще два-три языка мы бы взяли обязательно.

— Зачем же вам такой полиглот?

— У нас преобладают иностранные группы,— с гордостью заявила она, и после паузы, давая понять, что я ее утомил, бросила в мою сторону: — Пишите резюме и присылайте на сайт музея.

— Резюме? — удивился я, не ожидавший услышать это словечко в разговоре.

— Как, вы разве не знаете, что это такое? — ее отношение ко мне, похоже, дошло до фазы брезгливости. Я попытался объяснить, что давно не занимался трудоустройством и поэтому, очевидно, отстал от современных тенденций.

— ...в отделе кадров,— завершил я длинную фразу, чем окончательно настроил гримзу против себя. На этот раз брезгливость сменилась гневом, и, пылая щечками, она произнесла:

— Не отдел кадров, а отдел по персоналу.

— В чем же принципиальная разница? — осведомился я.

Ответа не последовало, а я был удостоен взгляда, который должен был уничтожить, испепелить, развеять мой прах по ветру. Не удивлюсь, если гримза с огромным удовольствием внесла мое имя в музейный «черный список», коли таковой существует.

От моего хорошего настроения не осталось и следа. Мне было отказано, пусть по разным причинам, но — везде! — хотя уж на один-то музей я мог рассчитывать... Мысленно вернувшись к каждому из разговоров с музейными «кадровичками», я испытал острое чувство оскорбленного достоинства, и сильнее всего уязвили меня во дворцовых покоех.

«Еще легко отделался», — подбодрил я себя, вспомнив, как здесь в былое время принимали Григория Распутина. Утешение, правда, было слабое.

В дальнейшем моя мысль проделала довольно прихотливый путь: от Юсуповского дворца к гримзе, а от нее к этому идиотскому «резюме». Что за слово! И отчего их

так тянет ко всякой казенщине? Усядутся за столами в своих кабинетах и выстреляют оттуда — резюме, персонал... Не слова, а патроны!

Я раздумывал в движении. Гранитные плиты набережной сами собой вели меня вперед, избавляя от необходимости выбирать дорогу. Так добрался до Поцелуева моста, и, когда уже был на другом берегу Мойки, меня сзади кто-то окликнул. Их было трое или четверо, не присматривался. Спросили, не найдется ли закурить, — таким тоном, каким спрашивают ищущие не сигарет, а повод для драки. Пока они не спеша приближались, в моей голове возникло дерзкое: «Лучше спрашивайте томик Пушкина, а если не окажется, тогда бейте в морду. Будет очень полезно для русской культуры», — однако благоразумие взяло верх:

— Не курю.

Один из них выдохнул мне в лицо перегаром: «А чего так?», — другой, в пьяной ухмылке, показал желтые от табака зубы. Дело шло к задуманному в финале кровопролитию, когда я вдруг брякнул:

— Я безработный.

То ли фраза была настолько неожиданной, то ли я ненароком задел душевные струны нападавших, но они сразу сменили агрессию на сочувствие. Даже мой отказ от предложенной водки нисколько не повлиял на их симпатию ко мне. Тут же посыпались предложения по трудоустройству.

— Я здесь в магазине работаю. Можно было бы туда грузчиком.

— У нас на складе требуется сторож.

— Есть место в бригаде строителей.

Вот кому надо работать в отделе кадров, точнее, в отделе по персоналу, подумал я, обводя взглядом моих нечаянных товарищей.

Они оставили мне номера своих мобильных телефонов. Напоследок тот, который предлагал в магазин, хлопнул меня по плечу и сказал:

— Приходи хоть завтра. Нам как раз человек нужен.

Дома на вопрос жены, удачно ли прошел день, я ответил с воодушевлением:

— Весьма! Мне предложили работу в магазине, а еще на стройке и на складе. Я склоняюсь к тому, чтобы стать грузчиком.

— Ты с ума сошел! Ну какой из тебя грузчик!

Я возражал, ссылаясь на свою выносливость и крепкие мышцы. Вышел бесполезный спор, который завершился тем, что я стал поднимать гирию, считая вслух — раз, два, три...

Не помню, на какой цифре у меня заколол бок, и, упав в кресло, я был вынужден признать свое поражение.

— С тобой все в порядке? — сердобольная Марина бросилась ко мне.

— Я порядочный человек, — каламбур у меня получился так себе.

Убедившись, что ничего страшного не произошло, жена вдруг заявила:

— Физическая работа не для тебя.

— Это резюме? — я усмехнулся и рассказал, как меня приняли во дворце Юсуповых.

— Значит, нужно написать эту чертову бумажку.

Я сел к компьютеру и отщелкал текст, восхваляющий меня сверх всякой меры. В частности, там было: «Инициативен и дисциплинирован... Умею аргументировано доказывать свою точку зрения... Соблюдаю кодекс корпоративной этики... Способен творчески мыслить и налаживать контакт с туристами различных категорий...».

Из каких только закоулков мозга я вытащил подобные формулировки! Мне тут же представилось, как я, инициативный и дисциплинированный, аргументировано доказываю туристам различных категорий, зачем нужно соблюдать кодекс корпоративной этики. Да пошел он, кодекс, куда подальше!

Слава Богу, эту полную глупости и бесстыдства чушь прочитали только я, Марина и еще один человек. Кстати, тоже музейный работник.

— Резюме? — переспросил он, когда я пришел к назначенному часу.— Что ж, давайте посмотрю.

Он недолго бегал глазами по строчкам, после чего рассмеялся, положил мой листок на стол и тут же поспешил объяснить причину смеха:

— Текст вполне себе... Но, видите ли, у вас было необычное выражение лица... Знаете, какое?

Я знал. Я был смущен, когда ехал на встречу, когда входил в кабинет, а уж когда протягивал «резюме», то испытывал не смущение — стыд и еще раз стыд!

— Мне достаточно посмотреть в глаза,— продолжил он, правильно расценив мое молчание,— достаточно, чтобы понять, подходит нам человек или нет.

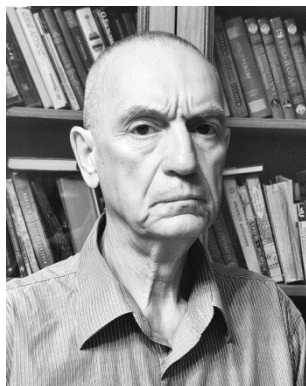
— И как? — робко поинтересовался я.

Вместо ответа он сгреб листок в руку, скомкал его и бросил в стоящую между столом и батареей урну. Но даже там бумажка с тихим, но отчетливым шелестом начала разворачиваться, по-видимому, желая принять свои прежние формы. Воображение тут же нарисовало, как листок, увеличиваясь в размерах, заполняет собой сначала кабинет, затем видневшуюся в окно улицу, накрывает соседнюю площадь — и далее весь город, превращая его из солнечного в серый, сырой, сердитый... И хотя это была всего лишь туча, которая вылезла откуда-то из-за крыш и пролилась крупным, шумливым дождем, мне стало очевидно, что к известным природным стихиям добавилась еще одна, рукотворная, но от рук явно отбившаяся.

Владимир Тарасов
(г. Ульяновск)

ПОГОРЕЛЕЦ

Первая публикация в нашем журнале.

Пожар! Что может быть хуже в деревне? Горит дом Сергея Чепурнова, живущего напротив нас, через улицу! С треском взрываются шесть баллонов с газом, стоявшие во дворе. В ночном небе образуется огромный огненный шар, вылитый Змей Горыныч, который, разбрасывая искры во все стороны, летит мимо нашего дома, едва не задевая крышу, — повезло с направлением ветра. На улице стоят три пожарные машины, полные воды, и штабной уазик. Но они ничего не тушат, а выполняют инструкцию по технике безопасности, ждут, когда из райцентра придет электрик и выключит трансформатор, тем самым обесточит дома — у рассеянных пожарных, почему-то, не оказалось с собой ножниц для перекусывания электрического провода. Электрик, действительно, появляется через сорок минут, за это время огонь успевает перекинуться на соседний дом, превратив его в факел. Человек тридцать сельчан и дачников устали ругаться, пожарные не дают им брандспойты тушить пожар:

— «Низзя!»

Гигантский костер в ночи разгорается все больше и больше — давно понятно, что тушить его уже бессмысленно. Сюрреалистичная картина. Меня не покидает ощущение, что где-то рядом стоит и вглядывается в нас — ненормальных — как в свои будущие образы, сам Иероним Босх...

Опорожнив цистерны, «пожарки» убывают в город, оттуда приезжает уличная поливальная машина и начинает заливать догорающие головешки водой, штаб тушения сворачивают. Слышу, как огнеборцы по мобильникам докладывают наверх:

— Мы справились! Деревня спасена! Распространения огня нет!

Погорелец Сергей сидит на земле, обгоревшие кисти рук ему бинтуют соседи, а он рассказывает о случившемся:

— Растапливал котел, как всегда! Сам не пойму, как получилось! Видно, от перекаленной трубы загорелся рубероид на крыше, пробовал тушить — слишком высоко...

Мы все знаем, что в последнее время Сергей, действительно, обленился, дров не заготавливал, перешел на топку своего котла отработанным автомобильным маслом, очень опасный вариант. Возможно, утерять контроль над ситуацией, так как у него периодически возникают припадки в виде отключения сознания — эпилепсия. А живет он бобылем, мать его умерла десять лет назад. Погорелица второго дома, одиноко живущая старушка Трудова, едва успевшая выбежать на улицу с пустыми руками, сидит здесь же, на лавочке, не проронив ни одной слезинки и ни говоря ни слова... Приехала «скорая» и забрала Сергея в амбулаторию. Трудову тоже увезли в соседнее село работники поселковой администрации. Улица стала пустеть, народ с грустными мыслями пошел по домам...

Через несколько дней вижу Сергея, собирающего железо на своем участке...

— Слышь-слышь! — он всегда так обращается к собеседникам — подыщи мне в городе строительный вагончик, я в общагу жить не пойду!

А действительно, куда ему идти? Из-за своего скверного характера с родней он давно и насмерть разругался, в довершение всего еще и их общий родительский дом спалил... Сельская администрация, видно, хотела дать где-то койку, да разве он поедет из деревни жить в приживальщиках, привык с детства к свободе. Тут он при должности — староста, народ его знает, каждый несет чего-то из еды. Нам, дачникам, такой оборот событий крайне выгоден, на зиму мы все уезжаем в город, кто теперь будет присматривать за нашими участками? — были два дома с постоянными жителями, так оба сгорели...

Сергей сдал металлолом со своего пепелища на 80 тысяч, я нашел ему в городе приличный строительный вагончик с печкой и электрообогревателями, дорожке, но мы, соседи, денег добавили. Вагончик перевезли на трейлере и установили рядом с фундаментом старого дома. Времени прошло всего ничего, а у него уже появилось свое жилье-временка, — сожженной же Трудовой пришлось доживать свой век в ближайшем селе, снимая угол у подруги детства. Мы, дачники, как раньше сообща покупали для Сергея на зиму три тонны угля, оплачивали мобильник, привозили лекарства и еду, так и сейчас решили все это продолжить, вместо угля платя за отопление вагончика электричеством...

Вроде все устаканилось, прошло несколько месяцев, а моя первоначальная догадка о том, что в соседском пожаре присутствует некая тайна, только усиливается и усиливается... Почему так нереально быстро разгорелось? В моих глазах стоят огненные валы, идущие один за другим прямо над крышей хозяйственного двора. Что это такое? Что с такой силой, аж с завихрениями, может гореть? Рубероид — нет, дерево — нет... И дыма не было... Похоже на бензин, но как он мог попасть на крышу? И почему хозяин твердит, что загорелось в доме от котла, а мне показалось, что пожар начался во дворе? Чертовщина какая-то!..

И все-таки я догадался... Интересно, к каким наукам можно отнести наблюдательность? За полчаса до пожара мы с женой подъезжали к нашей даче в деревне. Лишь на секунду мелькнуло лицо Сергея в щель приоткрытой двери его ворот — боковым зрением успел заметить — и по этому факту, через полгода, я додумался, отчего у него произошел пожар. Он услышал звук приближающейся машины и чуть-чуть приоткрыл дверь посмотреть, не к нему ли едут друзья, но, увидев нос нашего автомобиля, тут же дверь захлопнул. Не было бы этого события, догадаться было бы невозможно...

Много ли мы видим пожаров за свою жизнь? А уж наблюдать горение деревянного дома от начала и до конца вообще большая редкость — обычно видишь только часть трагедии. Так и в нашем случае, никто из жителей соседних домов, когда все закончилось, не сказал: «Ребята, а ведь с Сережкиным пожаром что-то не так!». Сначала небольшой дымок, как правило, хозяин пытается справиться с огнем самостоятельно, потом крики «пожар!», и все бегут с ведрами, и, бывает, огонь удаётся потушить. А если нет, то когда разгорится грандиозный пожарище, с крыши начинают разлетаться куски шифера. Тут шифер с крыши хозяйственного двора полетел сразу, и через несколько секунд валы пламени объяли весь дом. Откуда они взялись? И почему Сергей вдруг закрыл ворота и спрятался? Обычно утром он открывал их нараспашку — весь двор просматривался, как на ладони, — а поздним вечером, когда стемнеет, закрывал. Здесь же, засветло, решил закрыться, он явно не хотел, чтобы кто-то видел, что он делает на дворе. Ведь если он в доме растапливал котел, как показал на следующий день следователю, и искра попала на рубероид под крышей, то зачем было перед пожаром прятаться? Что Сережка топил котел отработкой и растапливает бензином, все знают. Пусть переливал бензин во дворе и полыхнуло, тоже скрываться не надо, бензин его собственность. А что на дворе

было не его, а наше? Газовые баллоны! Он подворовывал чужой газ! Тут все сразу встало на свои места.

Обычно машина с баллонами, по графику, привозила газ к его дому, так как он староста деревни. Деревенские и дачники предварительно отдавали ему деньги, по шестьсот рублей, а потом, со временем, а кто и совсем по весне, забирали свои баллоны. И такая схема работала не год и не два, а несколько десятилетий. Зимой в деревне делать нечего, никого нет, вот он, наверное, и додумался до воровства. Хотя каждый баллон опломбирован, снять и вернуть назад такую пломбу никакого труда не составляет. Его мать когда-то, продавая молоко от своей коровы, все время «бодяжила» — разбавляла молоко некипяченой водой, и сын пошел тем же путем. Видно, с каждого баллона он сливал по несколько килограммов газа, баллон весит пятьдесят килограммов, ну кто проверит его вес? Где взять в деревне такие весы? Помню, как Сережкина соседка Трудова, жаловалась ему:

— Безобразие, сынок! Раньше баллона хватало на месяц, а теперча только на три недели!

А он отвечал:

— Это на заправочной станции недоливают...

И действительно, вся округа считала, что заправщики не доливают газ. А потом пошли в продажу баллоны весом не по пятьдесят килограммов, а по сорок, что окончательно всех запутало.

Это каким «умным» надо быть, переливая в собственном дворе, под крышей, газ, ежесекундно играя со смертью?! Люди для такой опасной операции выходят в чистое поле — ведь если произойдет взрыв, то хотя бы огненный шар улетит в небо. За много лет воровства глаз у Сергея, видно, «замылвился», он потерял чувство опасности, да и алчность застила глаза. Наверняка, шланг со штуцера сорвало, ведь переливают газ без понижающего редуктора, оба баллона открыты. Если сорвет шланг, то закрыть два огнедышащих баллона сразу нереально, отсюда и обгоревшие кисти рук — он пытался это сделать. Газ собрался под потолком, искра — и он сдетонировал, поэтому сразу полетел шифер, Сергей стал гореть и выбежал на улицу, а два баллона, как огнеметы, продолжили палить все вокруг — вот они, огненные валы, что я видел над крышей! Через несколько минут взорвались и оставшиеся четыре баллона. Дом был обречен. Если бы полыхнул бензин, то это жидкость, она все равно вниз, на землю. Можно накрыть, закидать, а как накрыть газ под потолком? Никак! Поэтому Сергей всячески скрывает причину пожара и ужасно боится, что кто-то догадается о ней. Несмыслимый позор — по крохоборству спалил свой семейный дом, спалил соседку, с которой бок о бок прожил с детства, лишил 85-летнюю старушку своего угла. Попрут из старост, могут завести уголовное дело, причиненный ущерб позволяет, а он привык к безделью и чувствовать себя хоть маленьким, но «царьком». Но, похоже, на всю деревню догадался я один. Из-за нескольких килограммов газа Сергей обрек себя на бездомность. Вот она, жадность, — смертный грех, ближних обкрадывал, а ведь соседи и так деньги ему дают, как больному и одинокому! Видно, потребность в воровстве неистребимо сидит в каждом из нас, русских, и не все находят в себе силы ее обуздать... А сколько в нас намешано хитрости и скрытности? Я догадался о причинах пожара, и что толку? Все равно не могу об этом никому рассказать, разразится скандал, и зла в округе станет в несколько раз больше... А Сережка? Пожар был в октябре, а весной, в мае, он пришел ко мне на участок и так ненавязчиво стал выпрашивать, что я думаю о причинах его пожара:

— Слышь-слышь, на твой взгляд, почему рубероид на крыше так быстро разгорелся? Может, он бракованный был?

Но у него не было под листами шифера никакого рубероида! Вообще-то, я ждал его прихода, понимал, что-то такое обязательно должно произойти, я единственный человек в округе, кто видел пожар от начала и до конца, значит, представляю для него потенциальную опасность, могу догадаться. Придется врать:

— Думаю, что причина возгорания не в перекаленной трубе дымохода. Ты пролил бензин при растопке котла и не смог его затушить! — он качает головой, ничего не говорит, и уходит от меня довольный...

А ведь он тоже представляет для меня опасность! Кто знает, что у него в голове, что он дальше выкинет? Спалил два дома, на этом может не остановиться... Придется молчать... Отбилась наш погорелец и от пожарников, и от судов, и от приставов-исполнителей, соседний дом был застрахован, а что с него взять?.. А перед старушкой Трудовой за сожженный дом он так и не повинился, сказал только:

— Я тут ни при чем! Искра! Случайность!

И ведь он всю жизнь позиционирует себя верующим... Висящие иконки, ревностно следит за всей округой, ходит, предупреждает: «Смотрите! Завтра работать нельзя! Церковный праздник!» Сам-то он работать и после праздника не будет, зато прочтет лекцию любому о том, чем «деревенские» отличаются от «городских», даст массу полезных советов по облегчению тяжелого физического труда, до чего, по его мнению, не могут додуматься «городские». У человека, незнакомого с Сергеем, наверняка сложится впечатление, что уж у такого рачительного и знающего хозяина идеальный порядок и в доме, и на огороде, хотя в действительности все с точностью до наоборот. поприветствовав зашедшего «на огонек» своим обычным «слышь-слышь!» и произнеся что-то, по его мнению, веселое, он сам первым начинает над этим смеяться радостным залихватским смехом. О его слабостях — болтливости и нелюбви трудиться — все знают. За глаза, конечно, осуждают, так как в округе хозяйствуют одни трудоголики, но, несмотря на это, продолжают подкармливать Сергея, так как он считается добрым. Вообще-то, он местная достопримечательность, ну где еще можно встретить 45-летнего безработного сельского мужика весом 200 килограммов? Причем, непьющего и неженатого, спалившего свой дом, живущего, как Диоген, в вагончике, и от такой жизни нисколько не унывающего.

Когда-то он подрабатывал — своим мотоблоком пахал участки дачникам. Даже мотоцикл и «уазик» у него были, пока сельские милиционеры не провели с ним беседу и не запретили ездить по деревне, так как он с регулярной периодичностью на несколько секунд теряет сознание, — может кого-то задавить. Работать он прекратил, забросил свой участок и стал жить на продуктовые подачки сердобольных соседей и дачников, развелся до гигантских размеров, ходит с трудом. Но гонора и спеси не потерял. После начала украинских событий у него появилась такая «фишка». Чтобы показать собственную значимость собеседнику, принесшему ему в очередной раз еду, он может спросить:

— Вот ты мне скажи, ты за Украину или за Россию? Я никому не сообщу! Мне самому хочется в тебе разобраться! И чей Крым? Я, например, всегда голосую за Верховного!

И что должен ответить такому патриоту ошарашенный дачник? Как это похоже на логику «Шарикова», можно даже сказать, что произошла реинкарнация «Шарикова» в современность. И должность при этом имеется, не «очистка», конечно, но тоже звучит — «староста». В нашей деревне на трех прописанных старух он единственный мужик, поэтому его выбирают 25 лет подряд старостой, больше некого. Он еще боится, что кто-то может скovyрнуть его и лишиться зарплаты в 1200 рублей в месяц! Уговаривает народ, чтобы голосовали именно за него.

Себя Сергей считает крестьянином. Иногда я спорю с ним по этому поводу, но так, чтобы немного его позадорить:

— Ну какой ты крестьянин? После восьмилетки нигде не работал, даже в совхозе, скотину не держишь, картошку перестал сажать 10 лет назад. Если следовать науке, то ты скорее люмпен-пролетарий!

Сопит, очень недоволен, но тут же находится:

— Ты ничего не понимаешь, вы там в городе все малахольные! Если не крестья-

нин, то сельский житель, а мы, сельские, лучше вас, городских, приспособлены к жизни! — вот сейчас он доволен, вроде как последнее слово осталось за ним.

Совсем недавно у него появилось еще одно увлечение — сидеть безвылазно в своем вагончике, есть и смотреть по телевизору сериалы. Теперь он каждому зашедшему, ведь дверь на улицу всегда нараспашку, начинает пересказывать во всех подробностях недавно увиденное. Вынести такое нормальному человеку и пяти минут невозможно, но если проходящий странник даст слабину и не сбежит, то будет обречен слушать рассказчика пожизненно.

По отношению соседей к Сережке вижу, что у народа существует потребность помогать людям, достаток которых значительно ниже их собственного, лишь бы они не привередничали. Ведь тогда непринятое надо нести назад и пристраивать куда-то или выкидывать, а сознание уже решило, что ты сделал благое дело и не хочет от этого состояния отказываться, — это я и по себе чувствую. Сережке что-то несут незнакомые люди аж с дальних садоводческих обществ, что за деревней, многие привозят отходы из города и кормят его собак и кошек. Сердобольные люди наносят столько еды, что он не может все это съесть, она портится, и он тайком выкидывает ее за участок. Но, с деревенской хитростью, против подношений он не протестует: считает себя обездоленным и неспособным к крестьянскому труду из-за болезни ног, развившейся вследствие чрезмерного веса — разъелся. Обычно прием принесенного происходит у него по строго отлаженной схеме: принятия дара — «Положи туда-то!», обоюдного разговора «за жисть», где он сначала заговорит тебя до потери пульса, а потом обязательно отругает, прицепившись к чему-либо; и выражения благодарности за презент — пару слов тебе во след, когда ты уже бегом бежишь восвояси, лишь бы отделаться от его пустой болтовни. Как-то в начале июня я собрал в теплице несколько первых помидоров, один решил отнести Сережке. Зашел к нему в вагончик, а он спит, и это в 12 часов дня! Трудяга, умаялся ничего не делать, отдыхает, лежит на кровати и храпит, как паровоз. Сюрприз не удался, положил помидор на стол и стал уже уходить, тут он очнулся, открыл глаза, бросил орлиный взгляд на помидор и прохрипел:

— Че по одному носишь? — перевернулся на другой бок и захрапел дальше...

Но ведь бездельничать скучно, делать что-то все равно надо, а ходить для него даже к автобусной остановке, в автолавку, стало трудно, поэтому он сосредоточился на работе в нескольких шагах от вагончика: стал сортировать и сдавать металлолом. Дачники, а вокруг несколько тысяч садоводческих участков, с радостью везут к нему старые холодильники, стиральные машинки, ненужные приборы, инструмент — он все это разбирает, что можно починить — чинит, а что нет, сдает заезжим приемщикам лома. Территория вокруг вагончика стала напоминать филиал Вторчермета. Попутно все мотоблоки и бензокосы с округи тоже свозят к нему на ремонт, он в этом деле хорошо разбирается, народ доволен — и хоть немного, но платит.

Много у Сережки разнообразных качеств... Ласковый — при разговоре может так вскипеть, что «нежные» слова льются из него неудержимым потоком. Внимательный — зайдешь, сразу поинтересуется, оплатили ли мы его долги за электроэнергию. Гостеприимный — всегда берет подношения, которые люди ему приносят, никогда им в этом не отказывает. Трудяга — ведь такой вес попробуй прокорми, надо постоянно трудиться, готовить еду. Но если характеризовать его одним словом и без обиняков, то это добряк, и люди это чувствуют, их не обманешь. Вся округа ругает его на чем свет стоит за безделье, и она же его изо всех сил подкармливает и снабжает деньгами. Он никогда ничего для себя не просит, обратишься — поможет советом, или обыщет все залежи старого барахла вокруг своего вагончика, но нужную тебе детальюху обязательно найдет. Попросишь, придет со сваркой или с бензокосой. Ковыляющую мимо его вагончика старуху может просто так подвезти до дачи в тележке своего мотоблока, да еще и баклажку воды с собой нальет. Трезвенник, что нечас-

то сегодня встретишь. Смотрю, второй день косит траву на участке у майора, что год назад ушел воевать под Херсон. Дети — главный индикатор добра в этом мире. Кого любят дети, того любит Бог! Сережку они любят! Мне кажется, что он им напоминает слона — такой же огромный, неторопливый и добродушный, малышня подолгу стоит и просто наблюдает за ним, задрав головы. Вообще, попадающие на нашу улицу даже подростки никогда Сережкиного вагончика не минуют, ведь там всегда вьется огромное количество подкармливаемых им кошек и собак. Даже соседские гуси предпочитают находиться не на собственном дворе, а у его вагончика. Странно, собаки с кошками вроде мирно не живут, а тут уживаются, причем, это не находящиеся рядом с рождения животные, а опять-таки нанесенные дачниками. Многие домой на зиму живность не забирают, а оставляют Сережке до лета на передержку, периодически приезжая и привозя для них еду. И он эту ораву как-то кормит. На кровати с ним спит, как правило, несколько котят, причем, по их поведению складывается впечатление, что это котята пустили человека на свою кровать, разрешив ему прилечь с края...

Сережка — сельская простота, но с хитрецей! Наверное, на таких людях пока еще держится исчезающая русская деревня. И чего в них больше: гордыни, обжорства, лени или доброты, смирения, терпения?..

Очень интересно, а есть ли где-то нации упрямее, чем мы? Досадно, я ни разу за границей не был, не могу наших людей с иностранцами сравнивать... То, что жизнь Сережки держится на волоске, вся округа давно уже поняла. Его жалко!

— Сергей, в мире нет ни одного человека, который при весе 200 килограммов пережил бы возраст 50 лет! Ни одного! Возьмись за ум, поголодай, сбрось вес, врачи этого требуют! Перестань жрать хлеб и сахар, пухнешь, как на дрожжах! Хватит безволия, найди в себе силы!

— Ты ничего не понимаешь, такой же, как все твои врачи! Они недавно в реанимации продержали меня без толку два дня! Объясняешь им, объясняешь, как надо лечить — дохлый номер, не хотят слушать!

То, что у Сергея на всякую проблему в любой области знания есть свой взгляд — общеизвестно. Думаю, что он своим упрямством смог бы Зигмунда Фрейда в ступор ввести...

— Похудеть можно, ты же видишь, что я со своих 105 килограмм до 68 похудел, и хожу с этим весом уже 10 лет?

— Ты больной, а я здоровый! Только у меня истощение!

— И в каком месте ты истощился?

— У меня не внешнее истощение, а внутреннее! Мне энергии не хватает! У меня руки и ноги мерзнут, сил нет, приходится сахар есть ложками, чтобы энергию восполнить!

Как убедить человека в том, что не врачи, а только он сам может себя спасти? Ведь в областной больнице пытались его шунтировать, но оказалось, что все сосуды забиты жиром, катетер не проходит, смогли лишь жидкость из легких откачать. Знакомый начальник кардиологии машет рукой:

— Ничего сделать нельзя! Посылать в федеральный центр по квоте бессмысленно! Чудо, если два месяца проживет!

Я везу Сережку на машине из сельской амбулатории домой в деревню, до его смерти остается полдня, он прекрасно знает, что дни его сочтены, но переживает не за себя, а за недавно погибшего нашего соседа Сашку, которому мотоблоком оторвало ногу:

— Эх, меня рядом не было! Я бы сумел его спасти!

По закрепившемся у Сергея в сознании многолетнему ритуалу он обычно с середины разговора начинает ругать собеседника:

— Почему ты не догадался вместо короткого кровоостанавливающего жгута от-

резать провод от электрического чайника или взять удлинитель? У тебя что, мозги отключились?

А ведь и правда! Уж о чем, о чем, а о проводах я тогда совсем не думал, некогда было, непослушными руками жгут на бедре травмированного изо всех сил на узел затягивал...

Мы доехали до Серезкиного вагончика и молча прощаемся, как оказалось уже навсегда...

Что остается от нас? Только память... Он, нигде никогда после школы не учившийся, из своей деревни никуда не уезжавший. И я, много чего закончивший, видевший, как «ревет и стонет Тихий океан», как на Камчатке и Курилах извергаются вулканы... У него нет детей, у меня нет внуков, тут мы квиты. Мы оба осколки вымирающего народа. Кто-то должен переключить в нас, русских, тот невидимый переключатель, который обратит исчезновение нации вспять!

Поставив точку в написанном, подумал «Чего-то не хватает!» Забыл про погорелицу Трудову! А вдруг Серезка тайно извинился перед ней за пожар? Раздобыл телефон и позвонил. Ей уже девяносто, живет в райцентре одна, племянница пустила на квартиру, со всем справляется — и с уборкой, и с готовкой:

— Ой, сыночек, зрение и слух стали подводить, а так ничего! А Серезку как жалко! Такой хороший человек был! У них вся семья поумирала!

Все ясно! Русская, истинно верующая — никакого ожесточения к обидевшему...

Но ведь и у Трудовой тоже все поумирали. И муж, и дети, и внучка с зятем, и даже единственная правнучка. И я, совершенно случайно, открываю для себя эмпирический закон долгой жизни: «У кого умерло больше, тот и живет дольше!» — ведь надо кому-то нести память об ушедших...

Екатерина Лунева
(г. Тула)

Наш постоянный автор.

КАК МАМА

Мама умерла, когда мне было семнадцать. Накануне мы планировали купить сапоги...

Прошло пять лет. Я защищаю диплом в университете. Сдала. Меня зовут в аудиторию. Звали долго — я плакала в туалете. У меня был всего один вопрос: как я об этом скажу маме?

Десять лет с тех пор, как... Мне снится сон: глубокое, ночное небо, и я знаю, что где-то там — моя мама. Просыпаюсь от своих слов: я не хочу жить, я хочу к маме.

Опять слезы. Смотрю на сына: а как же он? А вдруг ему будет тяжелее, чем мне?

Мама была сильной. Еще девчонкой она упала с горы, на коньках. Дальше — ночь, которую могла не пережить, врачи Москвы, врачи Германии и... умирание... постепенное...

Мама стала блистательным преподавателем игры на фортепиано, вышла замуж за прекрасного человека, родила двоих детей. В периоды прогрессирования последствий падения она брала в руку палочку и каждый раз училась ходить заново. Врачи не верили, что сможет пойти, мысли о рождении детей могли показаться злой насмешкой, но мама все сделала наоборот. Я с восхищением думала, сколько в ней солнечности, любви к людям, любви к жизни, и о том, что мне, маленькой, наивной девочке, закрытой от проблем мамиными советами, заботой и любовью, не удастся в жизненных сложностях быть стойким оловянным солдатиком.

Четырнадцать долгих лет... Живу. Закрываю советами, заботой и любовью своего сына.

Мама, теперь я — сильная! Как ты!

ДО СТАРОСТИ

Когда в двадцать лет у меня появились первые мимические морщинки, была внутренняя паника. Что дальше? Как буду выглядеть в старости, особенно в глазах тех, кто знает меня молодой и красивой? Неважно, что и они станут другими, главное, какая я. А может хорошо, когда люди «уходят» не старыми и остаются в памяти в своей прекрасной поре?

Спустя годы, я поднималась по широкой лестнице в Риме — архитектурному проекту Микеланджело, у основания которой расположились два мраморных льва, а завершали подъем величественные статуи. Из жилых кварталов ступеньки вели на Капитолийский холм. Пройдя вдоль римской монументальности мимо дворца Сенаторов и дворца Консерваторов, я попала к руинам форума. Грандиозно!

Соприкосновение природы, культуры и религии! Особенно если вы уже переместились в Ватикан. В галерее географических карт приходится поломать голову над тем, как люди, жившие веками раньше, создали точнейшие карты Италии, представленные «видами сверху». Может у них были крылья?

После того, как перед глазами проплыло множество картин, скульптур, ваз и других сокровищ, я удивлялась галерее гобеленов. При движении слева направо с одного из гобеленов на меня смотрел Иисус, он полностью был обращен ко мне. Пройдя дальше, я оглянулась. Иисус опять смотрел на меня и был полностью обращен в мою сторону. Какие секреты знали в шестнадцатом веке по «оживлению» нитей?

Венеция, Флоренция, Равенна. На каждом шагу мое сознание издавало «ах», казалось, что лучше уже быть не может. И с каждым следующим шагом, оказывалось, что может — еще лучше. Вдоль магазинчиков и кафе на узких улицах были припаркованы велосипеды — машины здесь просто не помещались. Навстречу ехали все те же велосипеды, управляемые дедушками в кашемировых пальто и бабушками в туфлях на каблуках. Когда я сидела на лавке в полумраке маленькой пустой церкви и слушала органную музыку, Биатриче с портрета напротив намекала мне, что это я жила во времена Данте и ходила по мощеным улицам, подметая их подолом синего платья. Это я жила в замке на горе и имела возможность слушать шлепанье весел в унисон скольжению гондолы.

Гуляя по площади Сан Марко, моя душа стала совершенно девчачьей. Солнце светило так, что воздух казался золотым, а сотни голубей махали крыльями, пока я не стала счастливо улыбаться всему миру и не забыла обо всем на свете, кроме того, что очень хочу жить!

Я уже не вспоминаю, что такое морщинки — сегодня меня притягивает Париж. Элегантные бабушки наслаждаются прогулками по Люксембургскому саду, на лицах — приятные мысли, сверху — аккуратные стрижечки с нескрываемой сединой. Я попробовала изысканный луковый суп, нереальные морепродукты с волшебным соусом и обязательное во время обеденной трапезы красное сухое вино, и это никак не связано с тем, что после не было, просто не было никаких моральных сил прервать свидание с Эйфелевой башней. Здесь красота не кричит, но восприятие млеет от каждого завиточка на крыше, от каждой веточки на балконе, от столиков вдоль дороги, от художественных витрин. Здесь вселяется гармония и не хочется разглашать накопленные впечатления. Все «ах» остались в Италии, а там, где меня принимали за француженку, осталась часть моей души, хотя точнее будет сказать, что моя душа возвратилась с частью Парижа. Он — вечный, его на всех хватит.

Гуляю по родному городу, с аккуратненькой стрижечкой, на лице — не годы, а приятные мысли. Пересмотрела фильм «Амели» — подседа на французский шарм. Италия, Франция, шедевры, утонченность, непостижимость...

Человек — многогранник. Я доживу до старости... из любопытства!

ЛЕНЬКА

Когда я была маленькая, мой прадедушка, который был так статен и красив, что не был похож даже на дедушку, сажал меня на шею и становился моей лошадкой. Я радостно визжала, держа его за уши. «Лошадка» был настолько добрым и шустрым, что дедушка Леня, как я его называла, когда была еще меньше, называть стало уже неудобно, потому что, несмотря на то, что я подросла на годик, дедушка Леня стал моложе и резвее лет на десять. Поэтому из дедушки Лени он логично омолодился в Леньку, а еще через несколько игр лошадка приобрела имя Ленька-Понька. Я очень любила своего Ленечку, наверное, так же, как он меня, хотя бабушка — дочка моего Ленечки, утверждала, что он меня не просто любит, а «души во мне не чаёт», к тому же избаловал ужасно. Избаловал или нет, но в раннем детстве друга, игрушки и радости больше, чем Ленька, я не помню.

Когда я с улицы прибежала домой, Леня помогал мне выдумывать новые игры. Мы даже наливали таз воды, полоскали кукольное белье и крепили прищепками на

веревку, растянутую по всей квартире, отчего бабушка — дочка бабушки Лени, приходила в ужас, хватала тряпку, чтоб вытереть наши лужи и отчитывала бабушку за слишком холодную воду.

Однажды наша соседка скупил полмагазина белых пирожных. Это были воздушные кольца с кремовой розочкой и назывались «бизе». До этого в магазин привозили только кукурузные палочки и песочные прямоугольники с глазурью. Выяснив в магазине, что «сокровища» уже закончились, Ленечка почти плакал. Я успела сказать бабушке, что у меня нет мыслей съесть это нечто белое и красивое, но он уже бежал к соседке с маленьким красным кошелечком с набивным якорем. Его любовь не знала границ.

В шесть лет меня отправили в санаторий, и разлука с Ленечкой оказалась тяжелым испытанием. Я постоянно карапала домой письма, причем так часто, что одно письмо пришло по назначению без номера дома и квартиры.

Бабушка, конечно, приехал. Мы общались через окно, потому что в санатории объявили карантин. Я плакала и ночью не могла уснуть, бегала к окну и говорила, что небо слишком черное. Соседка по комнате заметила, что нельзя называть небо черным, иначе кто-то умрет. Я перебрала в голове всех родственников и облегченно вздохнула оттого, что в нашей семье для этого все очень молоды.

Вскоре меня встречали дома за накрытым столом, безмерно радующим ребенка. Не было только Леньки, но я догадывалась, что он задерживается в бане или на рынке — другого быть не могло. Ленечка не пришел — он умер, когда было черным.

Мы сидели на полу с большой «ходячей» куклой, и я молча рассказывала ей о бабушке, стройном, высоком, которого в школе ставили на горох и секли за непослушание, которому осколок войны выбил глаз и нарядил в черную повязку, который чистил мои туфельки и ходил с совершенно ровной спиной, который иногда одевал гимнастерку и носил имя Алексей Дмитриевич.

Ленечка продолжал улыбаться мне одним серым, удивительным глазом и вторым — черным, наглаженным. Я тяжело посмотрела в серые удивительные глаза куклы и удалила один. Я точно знала: она будет такой же красивой, как Ленечка.

МОЙ СЛОНИК

В начальной школе я была очень прилежна — во всем. Если требовалось нарисовать еловую ветку, я брала линейку, проводила две параллельные линии — получался ствол. Затем располагала линейку по диагонали и, перемещая мелкими шажками, рисовала иголки. Выходило безупречно. Так же получался цвет — ровно-ровнотно-зеленый.

Еловую ветку надо было показать учительнице. Я ждала, что она оценит идеальность рисунка и мое усердие, но мудрая женщина под села ко мне и от руки изобразила свою ветку, совершенно корявую, с включенными иголками и ужасно неоднородного цвета. Я была возмущена этим безобразием и не понимала, как учитель может рисовать настолько небрежно.

Вечер дома прошел за изучением полученного в дар рисунка. Я пыталась разгадать, что натворила учительница и почему меня это притягивает. Когда мои глаза вернулись к ветке в сто двадцать первый раз и не увидели, кроме нее, уже ничего, меня поразила мысль — эта небрежно созданная ветка была живая.

Прошло много лет. Мы с сыном возвращались из яслей. Кирилл всю дорогу обеспечивал меня информацией: погода сегодня поганая, улитка — это та, которая улит, корову на этикетке зовут «Чудо-йогурт», а бананы делают из специальной жирной массы, да, именно жирной — он точно знает.

Погода действительно была поганая, и мы, никуда не сворачивая, направлялись прямоком домой. По пути мне пришлось ответить еще на несколько вопросов из серии: мам, мы дома баловаться будем?

Оказалось, что «баловаться» — значит есть хрустящие хлопья. Обычно, когда Кирилл садился за стол, ему объясняли, что сначала нужно съесть основную еду, а потом — «баловство».

За приятной беседой мы незаметно поднялись на пятый этаж, поели, «побаловались», и Кирилл сел рисовать. Рисовал он очень старательно. Выводил четкие линии, переживал, что не получается, брал следующий лист и начинал заново.

Тут я вспомнила историю про «живую» ветку и с большим удовольствием, с искренностью нахлынувших чувств, поведала ее сыну. Я взяла карандаш и наглядно показала, как рисуют «живые» вещи. Кирилл все выслушал, посмотрел, как надо делать, и с новыми силами принялся творить. Когда рисунок был закончен, сын позвал меня и произнес: мам, это я... слоником получился...

ПИСЬМО МИХАИЛУ БОЯРСКОМУ

Живет в нашем городе маленькаямышленная девочка. Не простомышленная... очень целеустремленная, любознательная. Не просто в городе, совсем рядом... в одном доме, в одной квартире... Ей пять лет, у нее красивое имя, Полиночка. Это моя доченька.

Полина играет на фортепиано, любит петь, красиво интонирует, ставит моноспектакли, многим интересуется. У нее свой взгляд на мир, свое суждение, зачастую оригинальное и очень глубокое. Трудно угадать, на чем она остановит свой выбор, что надолго проникнет в ее сердечко.

Было летнее воскресное утро, когда хотелось подольше задержаться в кровати, и, неспешно потягиваясь, любоваться мягким светом нового дня. Хотелось... Приятную тишину разрезал звук телевизора. Изображение лихорадочно прыгало с фиксиков на Лунтика, с Ляпика на Барбоскиных. Дочку ничего не устраивало...

Аромат кофе приятно сглаживал хаотичное шелканье кнопочек пульта, приготовление завтрака незаметно погрузило в творческий процесс, в завершение которого я уловила красивые ностальгические ноты.

В другой комнате пели про Гасконь, ребенок «залип» на фильме «Три мушкетера»... Маленький человечек погрузился в исторический сюжет с непонятными титулами, любовными и коварными интригами. Полина сосредоточенно смотрела до конца, ее не смогли отвлечь даже обожаемые сырники. Этот фильм вошел в нашу жизнь...

Следующий день начался с просьбы включить «Трех мушкетеров» снова. Дочка смотрела заворуженно и на наши головы посыпались бесконечные вопросы: «А Миледи действительно такая злая? Как ее казнили? Жива ли актриса, сыгравшая Констанцию? Что она выпила из бокала на самом деле?» Но самые главные и подробные вопросы были адресованы другому герою... не экранному образу, а человеку, Михаилу Боярскому: «Есть ли у него семья? Кто его жена, как зовут, чем занимается?» Далее последовало более полное изучение: возраст, имена и деятельность детей, место жительства, где любит отдыхать и летает ли в Турцию... После вопросов возникли мечты и предложения: «Давай пригласим его в гости. Я хочу с ним поговорить, я мечтаю сняться в одном фильме. Если бы я была взрослой, он точно выбрал Констанцией меня».

Поля продолжала углубляться в творчество любимшегося актера. Она посмотрела другие фильмы с его участием. Мюзикл «Мама» был выучен дословно. Далее произошло знакомство с песенным репертуаром. Доченька узнала все шлягеры в исполнении Михаила Сергеевича, начались собственные выступления. Вечером те же песни становились колыбельными, включая такие подвижные ритмы, как «Рыжий конь», «Сяду в скорый поезд» и «В пасмурной Гренландии».

Прошло три месяца. Ну, как прошло... пролетело, пробежало незаметно, практи-

чески с новым членом семьи, с его голосом, образами, творчеством. Мы вместе ели, делились важным, вели незримые диалоги, рождались новые вокальные дуэты...

Наступила осень, время размышлений и творческого роста. Маленькая личность выросла до того, что, взяв альбомный лист, села, подумала и... написала свое первое письмо. Нет, не Деду Морозу, а замечательному человеку.

Свое имя и фамилию Полина писала уже давно, теперь пришло время показать буквы, которые сложились в два заветных слова «Михаил Боярский». Доченька нарисовала коня, на нем — объект своей влюбленности, создала сюжет, красиво оформила, подписала и... попросила конверт. Мы с мужем были не готовы к такому серьезному шагу и, покопавшись в тумбочках, вручили конверт в виде открытки для денежных подарков. Письмо было запечатано и доверено нам к отправлению. Считая историю законченной, письмо спрятали, решив оставить на память, чтоб позже с умилением возвращаться в этот этап интересов и жизни ребенка.

Жизнь распорядилась иначе... Полина письмо нашла и потребовала отправить снова. Мы снова убрали с вида конвертик из открытки, и... через некоторое время в очередной раз получили выговор, т.к. письмо не хотело храниться в темной тумбочке на память. Оно попадало в руки к дочери раз за разом и вырывалось на свободу, явно намериваясь отправиться к адресату.

В очередной день обнаруженного Полиночкой конверта я озадаченная пришла на работу и поделилась ситуацией с коллегами. Помощь пришла неожиданно. Оптимистичный коллега Александр тут же, не задумываясь, подытожил ситуацию: «А в чем вопрос? Давай я завтра отправлю!»

Не понимая, как, куда, зачем, я выяснила, что Александр завтра отправляется в Санкт-Петербург и готов взять на себя ответственность доставить письмо непосредственно до квартиры Михаила Сергеевича, так как имеет представление о местонахождении дома на набережной реки Мойки.

Вот это да, если так сошлись звезды, надо действовать! Побежала за настоящим конвертом, дома «перезапечатали» письмо, и на завтра оно полетело в нужном направлении.

Взрослый, умудренный жизнью, талантливый человек обязательно должен знать, что в него влюблена маленькая девочка, которая каждый день накрывает на стол в ожидании в гости своего героя. Маленькая девочка, которая в сердцах может воскликнуть: «Мне уже пять лет, а я еще ни разу не снялась в кино!». Девочка, которая верит в чудо и знает, что на ее письмо однозначно придет ответ.

Прошла неделя. Наша семья ужинала под песню «Остров детства, детства моего». В это время зазвонил телефон, знакомый голос произнес: «Здравствуйте, это Михаил Боярский, пригласите, пожалуйста, Полину».

О чем они говорили... да обо всем, и о творчестве, и о фильмах...

Счастливая Полина услышала от любимого актера: «Ты мне очень понравилась, понравился твой рисунок, ты умная. Когда вырастешь, прославишь свой город!»

На заветную мечту дочки его увидеть, ответил: «Ну, приезжай в Санкт-Петербург».

Похоже, это будет следующим этапом нашей жизни...

Сегодня у нас снова звучит «Остров детства», звучит по-новому... остров чуда... чуда моего...

Анастасия Сизова
(г. Тула)

ПРОВОДНИК

Балакина Анастасия Сергеевна родилась в г. Туле. Публикуется под фамилией Сизова. Работает в жанрах поэзии, детской литературы и литературной критики. Член Союза писателей России.

— Мам, Инжир гулять хочет! Пойдем? Потом уроки доделаю,— восьмилетнему Паше поскорее хотелось выйти на улицу.

— Что из уроков осталось? — уточнила его мама, Ангелина.

— Математика.

— Ладно. Ее ты быстро сделаешь. Она и нравится тебе, и легко дается.

— Да-да, все сделаю,— затараторил мальчик в поисках поводка,— Пап, пойдем с нами?

Саша, папа Паши, потянулся в кресле за рабочим столом.

— Надо-надо! А то я уже прирос к этому месту.

На улице семью встретила приятная вечерняя октябрьская прохлада. Сумерки постепенно обволакивали город. Инжир больше всего радовался прогулке. Он бежал вперед. Поводок натягивался, как струна, не от нетерпения, а от восторга!

— Смотрите! Чувствуете?! — будто бы говорил каждый рывок.— Какое забавное пятно на мокром асфальте! А запах печеных каштанов из киоска!

Витрины теплели тыквами, гирляндами сушеных стручков перца и огненными гроздьями рябины. И собаке, с ноздрями, полными этого пряного духа, с глазами, отражающими летящие листья-бабочки, хотелось тянуть и тянуть хозяев вперед! Вперед — к парку, где ветер играет золотыми веерами. Вперед — к новому повороту, где обязательно ждет еще один вздох восхищения: фонтан, усыпанный пламенеющими листьями, или старый дом, утонувший в плюще цвета гранатового сока.

Город зовет, переливается красками, шуршит, благоухает — и собака просто не может идти медленно. Она — проводник в этот праздник осени, этот хрустящий, прохладный, невероятно красивый миг, который нужно успеть вдохнуть полной грудью, пока золото не улеглось под снегом, а воздух не стал колючим от мороза. Вперед! Там, за углом, ждет еще одно октябрьское чудо.

Инжир рванул так резво, что Паша едва удержал поводок.

— Эй, Инжир, куда?! — засмеялся мальчик. Собака подвела их к старому дубу, чей ствол был обвит тем самым плющом цвета гранатового сока. У его подножия, на ковре из рыжих листьев, лежал... идеально круглый, румяный каштан, будто только что упавший с неба. Инжир ткнулся в него носом, а потом радостно посмотрел на Пашу: «Вот! Чудо!»

Уже слышно, как стучат колеса. Движение! Это ли не счастье? Движение! Это ли не чудо?

— Красиво здесь,— заметила Ангелина.

— Ага,— коротко добавил Саша, не отрывая взгляда от телефона и продолжая работать.

Макушки деревьев таинственно подсвечивались огнями фонарей.

— О, поезд! — воскликнул Паша, увидев, как тот показался на горизонте,— вы-расту — стану проводником! Буду много путешествовать, помогать людям в дороге.

— Я в детстве тоже проводником хотела стать,— Ангелина убрала в карманы холодные руки.

Саша отвлекся от переписок. Что-то в тоне Ангелины — теплом, смешанном с легкой грустью, зацепило его. Он опустил телефон, вдохнул полной грудью. Воздух ударил в ноздри: влажность, сладковатая гниль листьев и острый шлейф... печеных каштанов? Он никогда не замечал, как звонко шуршат листья под ногами, как золотом горят фонари в макушках кленов.

— А почему передумала?

— Не передумала — направление сменила. Сейчас я тоже проводник, только в здоровые жизни. Помогаю людям найти верную дорогу к хорошему самочувствию, обойти больные развилки. И без проводников тяжело, и без хирургов, к сожалению, тоже никак. Каждый идет своим маршрутом, но все мы — в пути.

— Хм, может, мне тоже хирургом стать... — задумался Паша.

Инжир потянул его вперед.

— Гав! И чего вы такие медленные! Конечно, вашим лапам, наверное, не так холодно и сыро, как моим.

В этот момент из-за угла киоска с каштанами вышел... не то уличный музыкант с аккордеоном, не то продавец. На нем был длинный шарф цвета спелой хурмы, а в руках — бумажный кулек, дымящийся сладким паром. Он ловко подбросил Инжиру что-то маленькое и хрустящее — собачье печенье в форме листика.

— Быстрых ног и теплых луж! — улыбнулся он Паше, и его глаза блеснули добрым огоньком.

Паша моргнул — и незнакомца уже не было. Но аромат каштанов и хруст печенья в пасти Инжира были самыми настоящими.

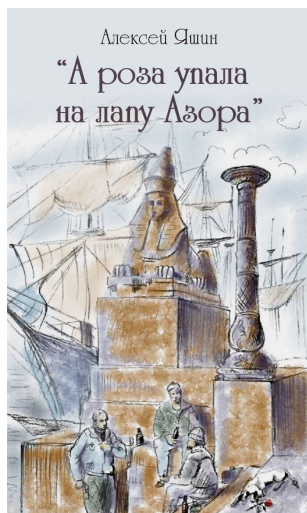
Саша обнял Ангелину крепче, чувствуя под пальцами шершавую ткань ее куртки и холодок октября.

— Странно: столько лет вместе, а про то, что моя жена проводником хотела стать, я и не знал. Может, потому что я слишком часто смотрел не на дорогу, а под ноги? Надо, видимо, почаще время с семьей проводить, — подумал Саша. И почему-то ему очень захотелось завтра утром, до работы, купить у того киоска пакет горячих каштанов.

Алексей Яшин
(г. Тула)

ТРИОЛЕТЫ В ПРОЗЕ ИЗ ЦИКЛА «А РОЗА УПАЛА НА ЛАПУ АЗОРА»

Триолет воспоминаний о неблагодарностях

ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН

♦ Профессор Скородумов к адмиральскому обеденному часу повеселел: ровно без четверти двенадцать оторвался от бумажного листа с проставленным в верхнем правом углу номером страницы 285, отложил паркер, уже под два десятка лет не подводивший его, и глубоко, удовлетворенно вздохнул. Было отчего: дописана предпоследняя глава новой монографии, пока что с рабочим названием «Директивная цифровизация мышления человека как патология». Усмехнулся: пора к окончанию книги откорректировать ее название, в частности, нелепое словечко «цифровизация» заменить авторским термином «цифрофрения» — от словосочетания: *цифра* + (шизо)френия. Очень Игорь Васильевич гордился своим нововведением в великий и могучий русский язык — это как Достоевский, возможно рисуясь, говорил что изобретенное им слово «стусевался» для него значительнее чем написанные романы... повести и рассказы тем более.

Для разминки встал с креслица, сделал пару упражнений с размахом рук, памятным по школьным и студенческим физкультурным урокам, зашагал по диагонали скромного своего кабинета. Задев при развороте правым плечом угол книжного шкафа, произвольно вспомнил, что студентки-индианки их факультета, особенно первокурсницы, не привыкшие еще к новой жизни, при встрече профессора в узком коридоре учебного корпуса все норовят обогнуть его с правого плеча. Оно и понятно: у них перенятое с бывшей метрополии левостороннее движение. Но вот почему в телесериалах (супруга смотрит по вечерам, потому и ему на глаза порой кадры их попадают) все персонажи, от бывших братков до нынешних ангелоподобных «владельцев заводов, газет и пароходов», явно санкционированно от режиссеров пишут левой рукой? Прямо какой-то левый уклон в мозгах...

Опять же патология, так нынешняя европейская онлайнкин сексопатология! Тьфу, хватит лохматить! — к терапевту! как в своем студенческом кругу в далекие молодые годы говорили. А сейчас чем хуже, тем лучше... кому надо, кукловодам.

«Чего-то и меня налево повело», — самоизвиняюще подумал Игорь Васильевич, действительно взяв левый курс на шкафчик с хозяйственной полкой. А здесь и минутная стрелка на настенных часах побраталась с часовой: адмиральский час свершился, так что профессору пришлось его спешно догонять обеденной стопкой доб-

ротного пятизвездочного армянского — не из тех, что гонят в бывших подмосковных колхозах, но гарантированного изготовления на Ереванском коньячном заводе.

Однако самый сладостный момент, когда душистый продукт дружественной по СНГ страны докатился до желудка, а вкусовые рецепторы ротовой полости восторженно оповестили по нейронной сети весь организм о наступлении адмиральского часа, испортила... ну кто кроме женщины может напакостить? словом, в дверь вежливо постучала, а затем на недовольное «входите» на пороге объявилась ихней кафедрой старшая лаборантка, почтенная Анна Кирилловна:

— Игорь Васильевич! Вы давеча насчет папочек пластиковых спрашивали, так сегодня с утра Тоня за канцтоварами в главный корпус ходила. Вот пяток возьмите.

Поблагодарив лаборантку-хозяйку, профессор сделал вид, что не замечает ее демонстративно принохивающийся нос. Бабы они и есть бабы... Впрочем полиэтиленовые папочки ему, как эстету в части письменных принадлежностей, понравились: благородного сине-стального цвета. В такие приятно вставлять свеженарисованные главы новой книги... как сегодняшнюю. И хотя благодушное настроение частично вернулось, но в голове завертелись настороженные слова латинской первоизданной мудрости. Даже замурлыкал на мотив гимна советской пионерии: «Тимео данаос...», то есть бойся данайцев, дары приносящих.

♦ Инженер-конструктор первой категории, то есть высшего нена начальственного чина, Игорь Скородумов, трудившийся в НПО «Меткость», задумал на середине четвертого десятка лет своей еще условно молодой жизни стать кандидатом наук: для престижа, роста в должности, а главное для удовлетворения своей склонности к исследовательской работе. Среди прочих околодиссертационных забот теперь «числился» за ним реферат по философии — для сдачи кандидатского экзамена по одноименной дисциплине.

Конечно, он бы и сам за несколько послерабочих вечеров, прихватив и субботний день, в охотку написал эти рекомендуемые двадцать-двадцать пять страниц, тем более, что институтский курс этой науки из головы не выветрился — и уважал он дисциплину мудрости человечества. Будучи же начинающим библиофилом, регулярно приобретал в самом большом в городе книжном магазине на улице Первого Мая тома также недавно начавшей выходить серии «Философское наследие». В основном откладывал серьезное чтение «на потом», но каждую вновь купленную книгу с интересом пролистывал, а иногда за чтением заинтересовавшихся мест и вовсе весь вечер проводил... особенно если после трудового дня заходил с друзьями-коллегам в пивную «Лабиринт», что в Центральном парке.

Тем более, что тему реферата выбрал близкую к роду своих занятий: о диалектике творческого процесса в современной исследовательской деятельности. Перо же Игорь имел легкое и быстрое, философскую терминологию понимал без толковых словарей; что уж здесь говорить о научно-технической? Смущало его требование сдавать реферат в отпечатанном на машинке виде. Впрочем и здесь без особых хлопот можно обойтись: на то и машбюро в «Меткости», где его жаловала за хорошо читаемый почерк и шоколадку к Восьмому марта и на Новый год машинописная дама Алевтина Сергеевна, которой — одной из десятка трудившихся в большой комнате, со стенами и потолком выложенными пенопластовыми плитками-звукогасителями — Игорь обычно сдавал для исполнения заявки на изобретения и статьи для открытых журналов (для закрытых ведомственных в соседней комнате располагалось секретное машбюро). Поскольку он прекрасно знал, со слов той же разговорчивой Алевтины Сергеевны, с которой ездил на одном служебном автобусе «в лес», что профессиональные машинистки печатают «на автомате», то есть натюкала слово, перевела глаза на следующее, а предыдущее напрочь из памяти изгнала, значит смело можно рукопись реферата отдать ей, назвав статью для журнала.

...Все-то хорошо складывается, кабы черт не попутал, в смысле — данная челове-

ку от природы охранительная лень. Лень — это не порок, а умеренное качество экономии ресурсов энергии организма. Что-то в подобном роде прочел он некогда в книжке «Опытов» Мишеля Монтеня дореволюционного издания, купленной «с зарплаты» в городской «Букнижке». Десять лет как закончились студенческие годы, но настроение и антураж этих веселых времен не хотят отпускать его: друзья-приятели почти все оттуда, словечки и дурашливые присказки — словно и сейчас из корпуса после лекций вышел. И также по-студенчески в воскресенье с утрачка сам-трое по пивку, далее «в стекляшке» по портвешку. А если зарплата накануне, то ближе к вечеру и в «седьмой учебный корпус» института, то есть в ресторан «Юность», что соседствует с уже настоящими учебными корпусами. Конечно же, сохранилось и самое сакраментальное: студент полагает день потерянным напрочь, если хоть в мелочи не «наколет» (обманет — это слишком грубо, неэстетично...) кого-либо из преподавателей. Это во всем мире еще от средневековых буршей идет.

Проще говоря: все эти рефераты, как и сами кандидатские экзамены, сушая профанация, все одно что «пиво на вино» пить в известной присказке, а вот «вино на пиво — это диво». А раз пошла такая пьянка, то сам бог велел подsunуть уже готовый вариант на схожую тему, коль скоро подвернется такой, конечно в напечатанном виде. Тем более — не имей сто рублей, а имей сто друзей. А такого и искать долго не придется.

◆ Еще на третьем курсе его дружок и однокашник, только из другой группы их потока и специальности, Серега Степанушкин познакомил его со своей бывшей одноклассницей Наташей, теперь трудившейся в пединституте лаборанткой на кафедре философии и заочно учившейся на филфаке же МГУ. Почему заочно при совсем недурственной голове и полковнике отце, заместителе начальника среднеспециального пограничного училища, имевшего тогда место быть в их городе? — сама Наталья объяснила в первое же знакомство. А оно состоялось по причине купленной Игорем с Серегой бутылки ноль-семь диковинного португальского портвейна, в тот год наводнившего все винные магазины страны — явно в оплату за поставку советской нефти.

Распить «порто экс Оппорто»* в каком-либо дворе на лавочке Сереге, как интеллигенту во втором поколении, сыну главного агронома области, воспитание не позволяло. Он и предложил зайти, тем более со столь изысканным напитком, к давней школьной знакомой, живущей в пяти минутах ходьбы от места, где они задумались.

За смакованием импортного портвешка хозяйка, явно со слов отца, большого книгогоя, собравшего солидную домашнюю библиотеку, и объяснила свою «заочку» в МГУ: «Медицину, технику, математику и все остальные серьезные знания, конечно же, надо постигать очной учебой. Философия же не терпит столичной суеты и многолюдства. К тому же у меня зрительная память намного лучше слуховой. Потому и учусь на заочном».

...За прошедшие с того знакомства годы Наташа закончила университет, должность лаборантки поменяла на ассистента, затем защитила в *alma mater* диссертацию, а сейчас Наталья Андреевна солидная доцентша. Не менялось только одно — место работы, все та же кафедра философии пединститута. И традиция раз-другой в год заходить с Серегой — заодно и с ним увидаться, коль скоро инженерную службу они несли на разных предприятиях и в разных районах города — к Наталье. Только прихватываемая с собой бутылка раз от раза менялась — каков очередной завоз в страну импортных напитков в расчетах за нефть и газ; случался редкий даже для Европы, знаменитый датский вишневым ликер «Черри-кери», шотландское виски «Клуб-99», под Новый год раз «выбросили» розовое венгерское шампанское «Мадам Помпадур». По принципиальной установке партии и правительства все эти изыски продавались

---

* Оппорто (*Opportio*) — самоназвание Португалии.— Прим. авт.

народу по себестоимости, то есть самую чуточку побольше чем за отечественный продукт.

Книголюб Игорь после каждого такого визита уносил для прочтения — с обязательным, конечно, возвратом — что-либо редкостное из роскошной домашней библиотеки хозяйки; обычно дореволюционного издания тома Шопенгауэра, Ницше, брошюрные издания Фрейда двадцатых годов. А затем и вовсе облагодетельствовала, дав переписать библиотечные карточки на несколько десятков старых изданий авторов, которых еще на заре советской власти достославная комиссия Луначарского — Крупской сочла ненужными для ознакомления строителям социализма, затем и коммунизма... Пояснила, что в солидных библиотеках, навряд ли их областной, все эти книги имеются, никто их официально «не запрещал», но просто они не включены в общедоступные библиотечные каталоги. Однако если посетитель предъявлял карточку с названием и каталожным шифром такой книги, то заказ «спускали» в подвальное книгохранилище, а дежурная библиотекарша равнодушно выдавала затребованное, но с условием пользования им в читальном зале, в котором Игорь и «прописался», отрывая половину субботнего дня от более веселых занятий и докучливых домашних дел.

А с некоторых пор Наталья зачастила в МГУ, явно намереваясь со временем поднять свой статус обретением докторской степени. В один из традиционных визитов к ней сам-трое с Сергеем и пузатенькой бутылочкой коньяка «Плиска» (западный импорт на сей раз подвел: стояло жаркое лето в Европе, сезонный спад заказов на нефть и газ!) Наталья, посмеиваясь, поведала, что аспиранты-философы в МГУ открыли свой «свечной заводик». Устроившись для подработки ночными сторожами в издательскую службу университета, скоренько наладили тиражирование редкостных старых или современных западных, на русском языке, книг, имевшихся «не для всех» в университетской и кафедральных библиотеках. Как раз отдел оперативной печати приобрел полдюжину высокопроизводительных английских ксероксов-ризографов. И обновил полуавтоматическую микролинию изготовления твердых переплетов.

Ночная смена выдавала на горá до полусотни томиков в синем ледериновом переплете и с золотым тиснением имени автора на обложке и ее торце. От госиздатовской не отличишь! По цене «угла» (как говорил Собакевич в «Мертвых душах»), то есть четвертного, книги разлетались по столице и ее окрестностям как горячие пирожки у торговки на вокзальной площади...

Так в скромной пока домашней библиотечке Игоря, ошутимо срезав семейный бюджет, появились такие самопальные тома Фрейда, Льва Шестова, «Так говорил Заратустра» Ницше. Дороговато, зато *свои!*

♦ У кого же готовый реферат задарма заполучить, если не у Натальи? У них на кафедре их прудом пруди, небось под ежегодное списание макулатуры не один десяток килограмм набирается! Вечером позвонил, объяснил доuku. Собеседница парутройку секунд промолчала, затем как-то врасстяжку ответила утвердительно: «Да-да, Игорек, подыщу по твоей теме. Давай позвони через пару дней». Дар с самого начала смахивал на данайский: Наталья с неожиданной педагогической лаконичностью просила непременно реферат возвратить: «Он отпечатанный, я за него умной студентке отлично поставила. Может на какой-нибудь конкурс пригодится».

Глупее положения не придумаешь! И не воспользоваться хорошо написанным рефератом, прямо в точку по теме, глупо. Но еще глупее попросить Алевтину Сергеевну напечатать с уже напечатанного. Нет, здесь никакие объяснения насчет статьи в журнал не подойдут. Вот так сами и попадают в ими же расставленные сети, когда даже в мелочах корысть ищут... Не только скупой платит дважды, но Наталья-то хороша! — пусти бабу в рай, она и корову за собой приведет; дескать, доцентша и надо даже почти приятелю показать этакую деловую значимость!

Пришлось идти по самому нетореному пути: расспросил своих отдельных жен-

щин из числа все знающих, даже то, что им никогда в жизни не пригодится, узнал о существовании при быткоминате, что на Васнецовской улице, бюро добрых, платных то есть, услуг, принимающих заказы на машинописные работы, и отправился туда со злосчастным данайским рефератом. Стоимость услуги ошеломила, но если назвался груздем... На душе немного полегчало, когда через месяц отдал реферат по месту сдачи экзамена. Кстати, реферат оценили на балл меньше, чем Наталья. Сколько людей, столько и мнений... Черт с ними, с деньгами: попал впросак, но ведь выпутался? Тьфу-тьфу, из сердца вон и более не вспоминать о конфузе.

Осенью сдал экзамен и теперь уж навсегда забыл об истории с рефератом. Даже Серега как-то при очередной встрече в «стекляшке с подачей» под девственным названием «Ромашка» посочувствовал: «Да-а, Васильич, люди с годами меняются, особенно когда видишься с ними раз-другой в год. Вот и Натаха слегка задурчила...».

◆ Все бы ничего, кабы ничего не было, но на всякое ау аукнется. Сдав по осени все кандидатские экзамены (экзаменатору по специальности — в кафешке под бутылек-другой), Игорь, в расчете на скорую защиту диссера, загодя начал набирать преподавательский стаж, чтобы через несколько лет добавить к кандидатскому диплому и звание доцента. Сходил на родную кафедру и подрядился ассистентом-четвертьставочником: по вечерам в сессионные месяцы вести практические и лабораторные занятия с заочниками. Все потекло размеренно. Но вот с утра предновогоднего тридцать первого декабря аукнулось-таки.

В самом начале условно-рабочего предпраздничного дня начальник отдела выкрикнул с противоположного конца конструкторского зала: «Скородумов! Игорь! Тебя здесь к телефону требует какая-то взволнованная барышня. Не жена, ха-ха-ха! официально по имени-отчеству называет!»

Действительно, на другом конце линии голос Натальи взывал к неотложной помощи: «Телевизор, как специально, сломался: включаться включается, даже звук есть, а на экране какая-то пурга. Прошу: найди знающего человека, а то как в новогодний вечер без телевизора остаться!» По ее голосу Игорь обреченно понял: никакие отказы и уловки не принимаются. Единственно, что о реферате не намекнула... Но тут же и повеселел, тотчас вспомнив про своего студента-заочника с чеховской фамилией Фирс. Деловой парень, уже после первого занятия подошел к преподавателю, представился мастером-телевизионщиком, настойчиво попросил записать номера его рабочего и домашнего телефонов и обращаться в случае необходимости без церемоний...

Уже через пару минут, под хозяйски заинтересованным лицом начальника отдела, договорился с Фирсом, продиктовав адрес Натальи. «Что, Игорь, еще одного круглого отличника готовишь из своих заочников? Архиполезное знакомство. Одобряю... и буду иметь в виду. Начальнику отказывать не принято. А с меня всегда бутылек!»

Пунктуальный и обязательный Фирс оправдывал свою фамилию. Еще отдельные женщины не успели до конца сервировать предпраздничный стол, а начальник, доставший из сейфа литровую банку с казенным спиртом, с помощью адьютанта Егора Коновницына разбавить его по рецепту Менделеева 40 % C_2H_5OH — 60 % H_2O и разлить по двум казенным же графинам, как зазвонил телефон: Фирс доложил о починке Натальина телевизора и поздравил с наступающим праздником своего преподавателя.

На четвертый день наступившего високосного года вечером, на домашний телефон, позвонила и Наталья. С достоинством принятой ответной услуги кратко поблагодарила, особо отметив, что присланный телемастер отказался от оплаты, сославшись на просьбу уважаемого человека, которому *он обязан*.

...Игорь Васильевич после краткого экскурса в далекое былое с некоторым сомнением посмотрел на принесенные лаборанткой полиэтиленовые папочки: ох, не к

добру все это. Опять же женщины — это совершенно иной биологический вид, в отличие от нас, мужиков, в эволюционном ряду Дарвина... нет, скорее всего Ламарка, ибо именно последний особо напирал на качество приспособляемости. Нет, без второй стопки здесь не разберешься, не придешь к правильному выводу. На этой спасительной нотке дверь вновь, но уже без стука, растворилась: «Ой, Игорь Васильевич, совсем забыла: мы всей кафедрой скидываемся...». Не дослушав, профессор достал из кармана пиджака «пятихатку» и протянул старшей лаборантке.

ЗАВЕТНЫЙ ЮБИЛЕЙНЫЙ РУБЛЬ

◆ — А знаешь, Васильич,— заметил писатель Бурцев, когда Игорь Васильевич Скородумов, профессор биофака, поделился с друзьями во время очередного, традиционного пятничного посещения заведения «Наливай-ка!» своими соображениями о женской алчности в ситуации «долг платежом красен»,— порой мужики еще почище перехитрить могут.

— Оно понятно, мужики-то слишком разнятся друг от друга, а вот женщины, особенно сейчас, когда все сплошь в распушенных патлах без причесок, стопроцентно на одно лицо! — повысил градус философствования доцент-ракетчик Николай Андреянович и внимательно посмотрел поочередно на лица собеседников, ожидая реакции на свои слова.

— Все одно, Андреяныч, наш брат по нахальству бабенку не перещеголяет. Особенно если она юна или простонародна. Вот живой пример, как говорится, на себя примеренный, извиняюсь за тавтологию. И чуть было дважды за эту неделю не попался. Спасла только привычка... не носить с собою денег; не потому что жаден, а натура, сами понимаете, такая: сколько с утра, выходя из дома, не положишь в карман, так все одно за день на всякую ерунду потратишь! Только в пятницу, под наш междусобойчик в «Наливай-ке!», особливо кредитку зачисляю во внутреннем пиджачном кармане, что на пуговке петелькой предохраняется. Это уже табу на всякие мелочные траты.

— Так в чем, Васильич, суть твоего живого примера,— заторопил Бурцев.

— А в том, что в понедельник уборщица Надька, даже не с нашего этажа обслуга, лет тридцати, хамоватая в поведении, заглянула в мой кабинетик и прямо с порога попросила в долг тыщонку, зная меня только в лицо. Я-то, дурак, даже извинился, что не при деньгах. А она этак вразяжку: «А я думала, что у вас е-есть». С тем и затворила за собою дверь. В среду и вовсе решил, что луна обратной стороной все-таки решила к нам оборотиться: в растворившейся двери возникла студентка-второкурсница, известная всему факультету своей дурковатостью по уму и неряшеству по одежде. Это надо же? — студентка просит у заслуженного профессора, тем более не имеющего к ней преподавательского отношения, «тысячу рублей до стипендии»! Сдержал праведный гнев, вежливо сослался на недопустимость правилами вузовской этики каких-либо денежных отношений между преподавателями и студентами. А ведь будь в кармане эта самая кредитка с видами города Ярославля, так с дуру и дал бы! Вчера же как-то непроизвольно, что называется на автопилоте, отметил: и развязной Надьки, приписанной к первому этажу, обычно весь день вертящейся там и пристающей с разговорами к вахтерше и комендантше корпуса, не видно, а на нашем этаже не слышно дурашливого визга студентки-просительницы. Но когда поинтересовался у матерого потомственного доцента Александра Никифоровича, четыре десятка лет прослужившего преподавателем, о странном некомильфо уборщицы и студентки-второкурсницы, тот расхохотался: «Так ведь уборщица уволилась, а студентку эту отчислили за неуспеваемость. Вот они в последний день своего пребывания и обегают всех и тыщонки якобы в долг клячат. Причем, Евины дочки, такую сумму просят оптимальную, чтобы и в кармане своем ощущалась, и искать бы их не стали. Ха-

ха-ха, еще и инфляцию учитывают! — пару лет назад пятисотенную просили. А ты что, Игорь Васильевич, не знал про такие женские повадки? Ну да, ты же профессор заслуженный, в эмпириях научных витаешь, ха-ха-ха!»

— Да-а, Васильич, далек ты от народа, как декабристы в известном высказывании Ленина, — усмехнулся Бурцев, — ты только подтвердил своими скорбными примерами с уборщицей и студенткой только что сказанное мною, а именно: женщины на удивление однообразны в таких щекотливых по части морали и нравственности делах. Где же пресловутая женская изощренная хитрость? Да, она существует, но обладательницы ее экономно тратят, по мелочам не размениваясь. А сорвать с простодушного мужичонки тыщонку — по нынешней ее покупной стоимости — это сущая мелочь и есть. Но вот когда дело серьезное представится, например, того же мужика окрутить, здесь, конечно, даже близко что-либо подобное женской изощренности трудно представить. Это тебе не на тыщонку профессора выставить!

— Хм-м, — слегка обидчивым голосом отозвался Скородумов на инвективу приятеля, — но меня-то ведь не выставили!

— Дело случая, дело случая, — помотал головой Бурцев, — но все же: вот балуемся мы по малой водочкой и не хуже тех трех в лодке, не считая собаки, рассуждаем о врожденной женской мелочной корысти по типу «долг платежом красен», а ведь налицо принципиальное отличие этой самой корысти у нашего пола и противоположного. У мужика это скорее спортивный азарт. И вообще, неча на зеркало пенять! Как замечательно Лермонтов в «Сашке» сказал: «Они [мужчины] большие эгоисты — Все жен винят, как будто сами чисты». Давайте-ка и я по части личного примера выскажусь.

— Во-во, ближе к делу, давай, Матвейч, — одобрил Николай Андреевич.

♦ Из моей развеселой литинститутской жизни: два раза в год по одному месяцу мы, заочники, проводили в рассаднике отечественной словесности имени Алексея Максимовича Горького, деля сутки на две неравные по времени части. С утра и где-то до трех-четырёх пополудни в Доме Герцена на *Твербуле* — *двадцать пять* лекции знаменитостей высшего разряда слушаем, мудрость литературно-филологическую в себя впитываем, на творческих семинарах под руководством своего наставника, лауреата Сталинской премии, учимся сочинять разумное, доброе, вечное... ну-у, конечно же, потеем на зачетах и экзаменах. Освободившись, с часок проводим в подвальной пивной «Серебряная ладья», что через улицу Горького, ныне возрожденная Тверская, все рядом — из нее к кинотеатру «Россия», мимо снисходительно смотрящего на современную жизнь Пушкина, чей памятник освятил знаменитой речью Достоевский, на третий номер троллейбуса и — в родное общежитие, тоже высокого класса. Ну-у, обо всем этом не раз вам рассказывал, может и надоест успел.

Вот с пивной-то, что между Моссоветом с памятником Юрию Долгорукому во дворе и новым тогда зданием Генпрокуратуры СССР уместилась, и начиналась вторая, основная по времени и жизненным впечатлениям, часть суток. Сказать, что в общежитии мы проводили время от раннего вечера до достаточно позднего утра, значит ничего не сказать. Вроде как перманентно длежащая, с неохотным перерывом на легкой освежающий сон, распивание самого дешевого портвейна из соседнего гастронома и бесперывного заваривания чая, тоже грузинского, второй сорт — и все под легкую закуску: что бог не всегда по средствам пошлет. Спасали запасливые белорусы, что привозили на сессии полупудовые оковалки превосходно засоленного сала, а армяне с грузинами прихватывали весомые круги твердого сыра с приправами — из числа тех, что в обычной продаже даже в Москве не встретишь. Хохлы же, или как там правильно именовать веселых и долговязых ребят из Харькова, Днепрпетровска и далее в сторону Одессы? — норовили на дармовщину присоединиться к компании...

— Ближе к делу, сочинитель! Вроде как на устный роман замахнулся?

— Торопливость, Андряныч, сбивает аппетит во всяком деле. А я слегка издали к сути и подвожу. Вот такой Жора из поэтического семинара вроде как Старшинова, а сам из Змиева, что рядом с Харьковым, кстати, во время нашей учебы Змиев в Готвальдов — после кончины чехословацкого генсека — переименовали; а сейчас, конечно, к прежнему названию вернулись... так вот, этот Жора за время сессии все комнаты нашего курса обходил: прямо по графику, сегодня в одной до полуночи задерживался, завтра — в другой. А чтобы со счета не сбиться, так придерживался последовательной нумерации: ...305, 306, 307...

Все уже с первого курса знали его фокус, но тем не менее ему же и подавались. Вот выпал на сегодня Жорику номер нашей комнаты. И появляется он на пороге тотчас — чутье волчье! — после нашего приезда с Твербуля через «Серебряную ладью»... понятно дело, с заходом в соседний гастроном. «Здорово, имбиряки! А я сегодня в институт не ездил, зато пару стихотворений записал. Хотите прочту?» Ну как после этого не усадить профессионального халявщика за стол. А имбиряками нас, то есть меня, Санька́ из белорусского Молодечно, осанистого Виталия из Днепропетровска и прапорщика Миколу из Ивано-Франковска, хотя и западэнца, но милейшего человека, весь курс, похохатывая, звал по той причине, что вместо традиционного портवेशка мы потребляли — по моей наводке — только горькую настойку «Имбирная». Как я высчитал, она являлась самой выигрышной по критерию $\frac{[\text{грамм}] \times [\text{градус}]}{[\text{копейка}]}$ ...

Слово за слово, а у Жоры язык по-малороссийски (фамилия его Юрьев) подвешен на хорошо смазанных шарнирах, засиделся он у нас до последней «имбирной» бутылки, показавшей свое печальное доньшко. А до закрытия гастронома и вообще винно-водочной торговли чуть поболее четверти часа. И Жора исполняет свой коронный трюк. У него, как у тебя, Васильич, пиджачный карман с застежкой на пуговку, тоже на брюках имелся этакий маленький карманчик спереди, под ремнем: тогда штаны шили еще по традиционному фасону, то есть с таким карманчиком под часы на цепочке — навроде «Павла Буре — поставщика двора Его Величества»...

Четко, почти что выработанным инстинктом, уловив это критическое время, Жора поднимался со стула, делал глубокий вздох и со словами: «Эх, чего не сделаешь ради такой приятной компании? — Истинно, Москва — город соблазнов для провинциала. Потратился, домой телеграмму послал, перевода со дня на день жду, а сам уже третий день чаем и черняшкой обхожусь. Даже в институт не езжу — мелочевки на троллейбус и той нет. Что осталось на самый крайний случай — рублевик, была не была, кладу на общее дело! — и отработанным жестом доставал из часового карманчика юбилейный рубль с профилем Владимира Ильича, что размером и весом поболее обычного, и с размаху громко хлопает им по столешнице. У кого после этого хватит совести, или бессовести? чтобы не потянуться к своему карману. Еще через двадцать минут посланец Санек выставил на стол пару бутылок «имбирной», под которую прапорщик Микола, кстати почти не пьющий, уже нарезал привезенное им сало с мясной прослойкой. До полуночи длятся разговоры на литературные темы по преимуществу...

Николай Андрянович усмехнулся: ничто не ново под луной.

♦ Инженер второго года работы молодым специалистом по распределению Николай, которому еще немислимо далеко было до именованья с прибавлением отчества Андрянович, после женитьбы примакром проживал в центре города. Но, как почтительный сын, в каждый пятничный, уикэндовский день приезжал в родительский дом на косолученской окраине, сплошь застроенной такими же частными домами. А все обширное по территории Косолучье с тридцатых годов ширилось и прирастало улицами как поселок, а затем городской район при новопоставленном в сталинские пятилетки большом металлургическом заводе.

Заезжал же родителей и младших братьев проведать и свежую почту получить, поскольку не торопился переводить ее на новый адрес.

Вот и в эту пятницу его ждали два письма: одно от школьного еще, другое от институтского приятелей — и занесенная почтальоншей же, их соседкой Верой Ильиничной (чтобы соседу Николаю самому на почту с ее очередями не ходить), бандероль с заказанным в «Книге — почтой» томиком Марка Аврелия из серии «Литературные памятники» — библиофильская страсть все более затягивала Николая. Как и всю страну в те годы.

Со всегдашним аппетитом съев целую горку материных блинов с домашним крыжовниковым вареньем (при доме участок с садом-огородом), Николай распрощался и взял курс на близкую автобусную остановку. Но теплый августовский ранний вечер, когда до темноты еще целых три часа, а главное — еще не початый червонец на карманные расходы (вчера был день выдачи зарплаты), навевали вольнолюбивые мысли. Тем более прямо напротив остановки, через дорогу, кафешка, а проще говоря распивочная «с подачей», обслуживавшая тружеников градообразующего металлургического завода, проживающих в соседних пятиэтажках... в отделенном от них дорогой частном секторе предпочитали самодельную или купленную в ближнем магазине: летом, да в беседке своего садика, да под редиску-лучок с грядки — это вам не теснота и кабацкий гам окраинной распивочной! Да и обычно дисциплинированный третий номер автобуса не торопился подкатывать к остановке... Словом, Николай пересек дорогу и уверенно вступил в растворенную по летней погоде дверь заведения.

♦ «Где родился, там и пригодился», — с деревенской архангельской мудростью говорила мать Николаю, когда тот в очередной раз попадал в какую-то мелкую неприятность. А отец, доморощенный — от долгой флотской службы на Севере — философ, пространно объяснял, когда примет стопку-другую-третью, что хоть двадцать, тридцать и более лет проживи ты, Николка, в этом городе, все одно будешь впросак попадать. Ибо вырос ты во флотском Заполярье, привык к людям совершенно иным, нежели здешние хитроватые и нагловатые «казюки», потомки мастеровых и сами работяги. Они родились такими и это их образ жизни. Иного они не понимают и не приемлют. Как и ты в душе порой артачишься, не приемлешь какую-то мелочь, что отличает тебя от них... или их от тебя?

Все это Николай здравым умом понимал, но — именно здравым, спокойно рассуждая. Но как только дело доходило до очередного конфуза, то все эти соображения забывались; опять, в очередной раз, подводила врожденно-воспитанная доверчивость. «Всечеловечность», как он вычитал у Достоевского. Если он не в этом городе со старинными традициями легкого шельмовства родился, то и пригодился стать объектом его проявления. Так можно переиначить материну пословицу... или присказку? Не очень уверенно Николай чувствовал себя по филологической части.

Загодя решив быть осторожным, взяв у буфетчицы Маши, дородной бабенки под сорок годков, тем не менее стрельнувшей глазами на знакомого посетителя, дескать, давно не заходил, молодой человек, стакан аргеевской мадеры* и конфетку, оглядел пяток имевшихся столиков. Опять-таки сработал эффект пятницы: металлурги дневной смены, свято чтя традиции последнего рабочего дня недели, только заскочили наскоро принять стакан-другой мадеры или портвейна, а далее отправились по домам, захватив по пути в магазине бутылку «Московской» — к ужину и домашнему уюту. Так что в распивочной Маши в это час уже пустовало.

Засидевшиеся по-двое, по-трое, занимали первые два от буфетной стойки стола.

---

* Для забывших или вовсе не знающих реалии тех давних лет: «Молдвинпром» в 70—80-е годы не уставал радовать народ 1/6 части суши Земли килотоннами все новых дешевых крепленых, почти натуральных виноградных вин. Знаменитая же мадера производилась в совхозе Аргеевский, а мадерный вкус придавался вроде как пережаренными панировочными сухарями...— Прим. авт.

За угловым, чуть подалее, о чем-то бессмысленно спорили два запенсионных мужика. Еще за одним скучно угрюмил над ополовиненным стаканом некто неопределенного возраста, одетый с дешевой претензией, что обычно именуют интеллигентными пьяницами. Николай сел за свободный столик, рассчитывая уложиться в несколько минут, в два приема выпив мадеру, с перекуром между ними, особенно не торопясь, чтобы аргеевская в горле комом не стояла, а приятственно растеклась по желудку. Обычная после первых ста грамм молдавского напитка, давняя мыслишка всплыла в голове: а может и вправду тамошние виноделы, как и румыны, прямые потомки римлян, заселивших крепости Траянова вала, мадерные бактерии* в бродящий виноградный сок добавляют? После второй сотки здравый смысл опровергал эту оптимистическую мысль: цена рупь-семьдесят три за огнетушитель ноль-семь и заваленные прилавки всей страны явно не свидетельствовали в пользу тонкого мадерного брожения... Здесь дегустационные размышления Николая прервал парень его возраста, ранее сидевший за соседним столиком, только что распрощавшийся с двумя уходящими собеседниками и пару раз зорко стрельнувший глазами в сторону ново-прибывшего посетителя.

Подойдя к Николаю, он поприветствовал его рукопожатием, изображая какими-то ловкими словами, не называя его имени, радость от встречи с давно не виданным знакомцем, хотя бы и шапочным.

— А мои ребята ушли, футбол сегодня по телику. Хорошо тебя встретил, будет с кем поговорить,— весело затараторил парень, подсаживаясь к недоумевающему Николаю,— да, чуть не забыл: думаешь, давно не встречались, так и должок свой заначил? Ха-ха-ха! Нет, шалишь, Петруха не из крохоборов, с металлом дело имею!

С этими горделивыми словами, новознакомец Петруха, изогнув символом американского доллара правую руку, достал что-то из брючного часового карманчика и металлически грохотнул ладонью по столешнице перед Николаем. Когда он убрал руку, то Николай узрел юбилейный рублевик — к 100-летию Вождя революции.

Как Николай не отнекивался, мол, он уже полтора года как не в Косолаучье живет, как не убеждал честного парня в его ошибке, тот только понимающе кивал головой, ласково улыбался и утверждал, что никакой ошибки здесь нет, просто ты, Колян (они уже представились друг другу), запомнил, ибо несколько — ну и что? человек имеет право после трудового дня выпить — извини, друг, нетрезв ты был... В итоге уже Николаю стало неудобно: человек всей душой к нему, а он все дистанцируется. Даже решил замять ситуацию, дескать, не составишь компанию?

— Ну-у, не знаю. Главное, что долг вернул и на душе спокойно стало. Даже выпить захотелось за это святое дело! Жаль не при деньгах сегодня, вчера по случаю двухкассетник японский купил.

На радостях, что вывернулся из неловкой ситуации, Николай взял у Маши целиковую бутылку за троак — с буфетной наценкой — и тарелочку с бутербродами.

...За полтора часа до закрытия заведения, пока от червонца осталась лишь мелочь на автобус и далее с пересадкой на троллейбус вверх по проспекту, приятно захмелевший Николай слушал ладную, льющуюся как вода в фонтане речь рабочего парня Петрухи про дядьку, заместителя начальника цеха; тегку — супругу другого дядьки, милицейского подполковника,— что заведует заводской лабораторией, и про всех остальных родичей, что тесно обсели металлзавод на среднеответственных должностях.

— ...Эту неделю лили серый чугун для Турции, так дядька обещал меня с партией чушек в Стамбул отправить. В деньгах, слава богу, не нуждаюсь, прикуплю там

---

* В отличие от всех других вин, бродильные бактерии которых погибают, сами себя отравив, при крепости 10,5...11,5 винных градусов; мадерные и хересовые грибы забраживают виноградный сок до 16...17 градусов. А крепленные винным спиртом эти напитки имеют 24 градуса...— Прим. авт.

чего душа пожелает. И вообще, хочу в следующем году машину взять*: пока новую модель «жигулей», а со временем — связи-то имеются! — на что-нибудь европейское взойду.

Всю следующую неделю Николай вместо столичной «явы» смолил моршанскую «приму» и почти забыл вкус пива и чего покрепче.

А ЕСТЬ МЕСТА, ГДЕ ЖИВУТ БЕЗ ДОЛГОВ

- ◆ *Стукну по карману — не звенит,
Стукну по другому — не слышать.
Если только буду знаменит,
То поеду в Ялту отдыхать...*

— прямо на этом стихотворении, как нарочно, раскрыл второкурсник-зочник Литинститута Андрей Бурцев только что купленную книжку Рубцова «Подорожники». Понятно, только что и вышедшую в «Молодой гвардии»; такие книги, тем более в столице, на прилавках не залеживаются... больше пары часов после их выкладки. И тем более «в квадрате», коль скоро, прибыв на весеннюю сессию и получив в канцелярии института на Твербуле направление на заселение, доехав на третьем номере троллейбуса до остановки на углу родной общаги, все же не утерпел и заскочил в книжный магазин через дорогу. «Квадрат» — разумеется от соседства с литературным общежитием. Особенно в первые дни после заезда заочников, когда еще можно уверенно постучать по карману...

«Мд-а-а, добрый знак нам свыше дан»,— кого-то из классиков мысленно процитировал Андрей, на ходу захлопывая толстенный, карманного формата томик любимого поэта на траверсе входной в общежитие двери. В поместительном предбаннике, не то что в стандартных пятиэтажных общагах институтов его родного города: педа, где сам учился на истфаке, и политеха, толпились, распределяясь по комнатам, прибывшие на сессию второкурсники, четверокурсники и выпускные шестикурсники — «команда чэ», четных номеров. Нечетные же курсы за день до этого разъехались по своим городам и весям. Все в разной степени знакомства друг с другом.

Андрей не торопился: по уже выработанной договоренности, первый из прибывших «имбиряков», то есть его самого, приучившего их компанию к «Имбирной», горькой настойке, здорово ударяющей по ногам и голове, Санька из Молодечно, Виталия из Днепропетровска и Микола из Ивано-Франковска, фрахтовал для сложившейся компании комнату. Встал поодаль от толкучки у стола комендантши, распределявшей прибывших «по номерам», здороваясь с уже отоваренными, прислонившись к стене. А вот и посыльный Санек, кубастый фигурой, скатился с лестницы, попутно обнялся с Андреем, дескать, не торчи здесь столбом, регистрируйся и в триста девятнадцатый дуй; Виталька уже сало режет, меня за «Имбирной» послал, Микола-прапорщик как обычно запаздывает. Хлопнул Андрея по плечу и выскочил в наружную дверь.

Дело серьезное, горькая настойка может и остыть, а порезанное белорусское сало молодеченского посла может и затухнуть в ожидании. А то еще Жора со своим неразменным юбилейным рублем начнет обход с их комнаты! Хоть и не татарин, но все одно не вовремя гость. Наоборот, Шариф из Набережных Челнов заходит в гости — он в одном семинаре с Виталием — всегда с бутылкой. И даже не с «Имбирной», к которой испытывает подозрение, но с водочной. «У нас в Челнах работяги и инженерá только сорокаградусную употребляют, а настойки всякие и плододовыгодную

---

* По тогдашней терминологии, если речь шла о покупке или продаже автомашины, то это в разговорной речи звучало как «взять» и «сдать». — Прим. авт.

бормотуху петеушники и старшие школьники во дворах из горла кируют!» — пояснил он с рассудительностью фрезеровщика солидного пятого разряда.

Микола в мундире прапорщика («к людям в форме подвыпившие попутчики в поезде меньше пристают») был-стал в половине восьмого вечера, когда Санек в третий раз собирался отрядиться «за добавкой». «Отставить», — скомандовал Микола, раскрывая дорожную сумку и доставая уже ставшую традиционной бутылочку огнедышащей пятидесятишестиградусной «водки з'пирцем» тернопольского производства, а к ней щедрую закуску, приготовленную хозяйственной прапорщицей (Микола был старшим из обитателей комнаты). Еще «западэнец» вручил каждому по экземпляру только что изданной книжки его стихов. Понятно дело, на мове.

К счастью, в день общего сбора халявщик Жора начал обход с другого конца коридора. «Не смейся, друг, над жертвою страстей», — как подражал Байрону Михаил Юрьевич.

♦ — Вот теперь все в сборе, «имбирная» сессия открыта. Много сегодня тостов озвучено, но вот появился Микола, наш боевой, в прямом и переносном смысле, товарищ: прапорщик по службе и настоящий лирический поэт по своим жизненным устремлениям. И первый из нас издавший книгу. Вот потому и серьезный литературный тост: за Миколу и его книгу с символическим названием «Ноша» — читается одинаково по-русски и по-украински. Лиха беда начало, надеемся, что к окончанию сего славного института не один Микола будет надписывать на форзаце свежезданной книжки свои посвящения друзьям, которых объединила Москва и славная наша Школа Горького. Бум здравы!

— Хорошо, душевно сказал, Виталька, — отдышавшись после стопки перцовки с немислимым градусом, похвалил Санек, — сразу чувствуется основательность мысли помощника машиниста тепловоза...

— А я вот обратил внимание, — невежливо встрял Андрей, которому пятидесятишестиградусная чувствительно ударила в голову, снизив уровень благовоспитанности, — что всех случайно или по-соседски знакомых мне железнодорожных машинистов, правда людей в возрасте, объединяет одно, м-м, не совсем популярное в советском нашем отечестве качество: все они люди верующие, а мой сосед и вовсе в выходные для него — график железнодорожный скользящий — дни с утра, как на некую вторую работу, идет в церковь на службу. Отчего такое, почти профессиональное?

— Я, ребята, член *нашей* партии, — правильно понял вопрос в свою сторону Виталий, — причем не из нынешних карьеристов, но к нашей же православной церкви, точнее православной вере, отношусь с уважением и пониманием. Что же касается приверженности именно машинистов к вере в бога, причем совсем необязательно с воцерковлением, то это от характера работы: слишком велика ответственность! Ведь за спиной у тебя не одна сотня живых душ, которые доверились вовсе неизвестному ими человеку. Даже если тащишь за собой товарняк — все одно напряга в душе и голове ни на секунду не снимаемая. И при этом полнейшая трезвость, так что к главному успокоению души и головы путь отрезан должностной инструкцией и проверкой «остаточного» перед рейсом. Вот и остается одна надежда — на бога. А молитва — это мантра, снимающая ту самую напрягу. Главное же, на бога надейся, а сам не плошай. Так все и начинается: сначала «имя божье всеу поминаемое», затем привычка: и господь с тобой ответственность несет, а после, с возрастом и набегом сотен тысяч километров проезженного пути по рельсам, и сам бог поселяется — не могу сказать: в душе или в голове — в тебе. И высшее спокойствие уже приходит во время церковной службы. Как-то вот так, други мои околелитературные — кроме Миколы, он уже в литературе, чего и нам всем пожелаю.

— Интересно девки пляшут! — восхитился Санек, — словно роман психологический в десяток строк машинописного текста уложил. Когда я учился в физкультур-

ном техникуме, была у нас пожилая преподавательница анатомии и физиологии, понятно дело со спортивным уклоном, так она уважала порассуждать на схожую тему: о выработке у профессиональных спортсменов такой же тяги призывать в помощь силы небесные, особенно на старте и в нескольких секундах или метрах — у кого какой вид спорта — до финиша. А у вас, Микола, как?

— У нас люди простые: офицеры все больше пьют и матерятся, солдатики помалкивают, а промеж них наш брат, ротные старшины и прапоры, за порядком следит. Не до всевышнего. У меня вот одна прямолинейная мечта-желание: дотянуть-таки до военной своей пенсии, с дипломом Литинститута устроиться редактором в газету или издательство, а все остальное время, исключая, конечно, домашние обязанности, полностью отдавать стихотворчеству. Как ни крути, но литература — единственный род занятий, где ты никому ничего не должен, равно как и тебе. За наше правое дело, имбиряки!

◆ После тоста и его материализации обычно молчаливый, по-западэнски все более внимательно слушающий, Микола разохотился на философские рассуждения, преимущественно сводя их к бескорыстию истинных творцов художественного слова, особенно поэтов... тут же вспомнил, что три его собеседника и застольщика сугубые прозаики, ловко вывернулся:

— ...Как носителей стихийно всплывающих в голове образов и троп поэзии. А вот писатели-прозаики эти тропы и образы тщательно обдумывают, наполняя их фактами отображения реальности бытия. Понятно, что в таком долгом и сосредоточенном мыслительном процессе им вовсе не до меркантильности и расчетливости.

— Ну, Никола,— восхитился Санек, косивший нарочито под полудеревенского простака,— ловко ты всем сестрам по серьгам раздал! Все-таки учеба в нашем литликбезе, третьем после пушкинского лицея и университета Шанявского в начале этого века, на пользу всем нам идет: кроме малоумеренной дегустации дешевой кирки, тех же имбирной и чорнил, как у нас в Молодечно называют все что ниже двадцати по градусности, уверенно начинаем и о высоких материях рассуждать...

— А вот Шукшин, которого у нас срезали на вступительных, сам до них дошел. Сомневаюсь, что во ВГИК'е этим вещам большое значение придадут: кинофабрика она и есть фабрика!

— Здравая, Виталь, мысль,— ободрил Андрей. Хотел было дружелюбно подел-дыкнуть каким-либо локомотивно-паровозным сравнением, но благо разумно загасил это желание; Виталка мужик добродушный, но по-пролетарски здоровенный. А пятидесятишестиградусная тернопольская здорово по извилинам шибает! Коль скоро Шукшина упомянули, то к случаю вкратце напомнил еще прошлогодний рассказ почтенной Екатерины Федоровны, чуть ли не со времен постройки общежития трудившихся в нем на разных должностях obsługi. Когда-то и комендантшей состояла, теперь же, на пенсионном положении, числилась подменной вахтершей, но и доверенным лицом нынешней начальницы учреждения, то есть имела ключи от кладовой со всякой нужной мелочью.

Именно в ее дежурство первокурсник Андрей был послан уже сдружившимися имбиряками за стоваттной лампочкой — взамен сгоревшей в потолочном плафоне, что по центру квадратной комнаты располагался над столом. Уже заметно стемнело за единственным окном, поэтому без электрического освещения заниматься за столом, особенно нарезать сало тонкими ломтиками, чтобы таяли во рту, было крайне неудобно.

Екатерина Федоровна сидела за вахтерским своим барьером, но была не одна: пара студентов-очников, вчерашних школьников, и сторонняя девица, явно пришедшая к ним в гости, потому компания и задержалась на входе с уговорами пропустить... «да-да, Екатерина Федоровна! а как же, конечно до одиннадцати часов, порядки знаем!». Как человек воспитанный, Андрей стал чуток поодаль, понимая слож-

ность решаемого вопроса. Тем более, спускаясь со своего третьего этажа, встретил явно подружку этой девицы, как-то сумевшей проскользнуть...

Но и очники, даром что молокососы, уже знали подход к старинной стражнице общежитейского порядка и блюстительницы нравственности. «А правда, Екатерина Федоровна, что вы хорошо знали Николая Рубцова во время его учебы у нас»? Вахтерша добро заулыбалась, поудобнее устроилась на своем высоком стуле, для мягкости долгого сидения дополненного войлочным кругом в холстинковой обшивке, начала неторопливо разматывать клубок воспоминаний. И ребята, изображая неподдельный интерес, сомкнулись плечами, тесно придвинулись к барьерчику, почти наклонившись головами над рассказчицей. А та и очки сняла — явно для удобства повествования. Ведь хорошая сказительница всегда сопровождает свою драматургически срежиссированную речь самой разнообразной жестикуляцией — не хуже мировой известности экспрессивных дирижеров: Герберта фон Караяна и Фурхтвенглера. Резкие же всплескивания сухоньких рученок могли задеть очки. А поди новые-то справы? В аптеках только круглые роговые оправы, что в сталинские времена носили энкавэдэшные майоры...

Андрей с детективным интересом наблюдал, как одни из парней, заведя руку за спину, толкнул девицу в бочок, а та, как всякая Евина дочь, сообразительная когда надо, медленно, спиной вперед начала отступать к лестнице. А тут из коридора, справа вышла от кастаньянши тройка парней, неся на вытянутых руках стопки постельного белья, и свернули на лестницу. Девица ловко встряла между ними и была такова.

Еще с пяток минут пройдошливые ребята, а вместе с ними и Андрей, слушали общежитскую вестовщицу, затем как-то ловко, без обиды, откланялись и двинулись в сторону лестницы. На запоздалый же вопрос Екатерины Федоровны о их подружке ответили небрежно в том смысле, что обиделась на всех и ушла восвояси. Андрей же получил затребованную лампочку, а вернувшись к себе, пересказал услышанное от словоохотливой вахтерши, добавив кой-какие моменты от себя.

♦ Среди многих былей, легенд и маловероятных вымыслов о Николае Рубцове времен его учебы в Литинституте и проживания в общежитии, история с эфиопским князем самая занимательная и характеризующая «последнего выдающегося поэта советской эпохи» с различных сторон... впрочем, сливающихся в одну главенствующую, что и составляла сущность этого истинного русского поэта, своего рода «вологодского Есенина».

Как отметил Андрей уже после первой, установочной месячной сессии — сразу после сдачи вступительных экзаменов и поступления в Литинститут, эфиопы, народ семитского племени, так сказать, «двоюродные братья» арабам и ветхозаветным иудеям, как-то особенно выделялись на фоне многих других иностранных студентов Литинститута, учившихся, понятно дело, на очном отделении: болгар, гдээрзовских немцев, поляков, афганцев, монголов. Даже латиноамериканцы и африканцы, которые настоящие негры, встречались.

...На этом моменте воспоминаний Андрей Матвеевич усмехнулся: из этих иностранцев, учившихся в Литинституте в его время, двое стали президентами: один монгольским, другой вроде как африканским. И снова обратился в мыслях к тем давним, славным годам.

Если иностранцы, как правило, единично представляли свою страну, то эфиопы имелись на всех курсах и даже в аспирантуре. Понятно дело, Эфиопия являлась исторически дружественной России страной, опять же древнехристианская, хотя, подобно армянской и египетской коптской церквам, монофизитская, то есть отвергающая Св. Троицу; един, мол, бог во всех ипостасях. И сколько себя помнил Андрей, ихний бесменный негус, то есть император Хайле Селассие Первый, прямой потомок древней царицы Савской, регулярно делает визиты в Москву. Надо полагать, за дружескими деньгами и оружием.

Опять же литинститутские эфиопы утверждают, что в ихней столице Аддис-Абебе стоит памятник Пушкину с надписью: «Великий эфиопский поэт». Однако как-то путались: один собеседник Андрея говорил именно о памятнике с постаментом, другой же о бюсте. Аспирант же охотно пояснял, почему он без малого десять лет обитает в институте и его общежитии: дескать, как только получают от братской советской страны деньги и оружие, так тотчас начинают воевать, обычно с Сомали. А может просто в Эфиопии, с ее древней христианской историей и культурой, идущей от древнеегипетских и элладо-римских корней, очень уважают мастеров художественного слова?

Как-то Андрей с Саньком освежились утром в соседней с общежитием пивной, открывавшейся с семи часов — для опохмеления работяг окрестных предприятий, в том числе огромного Останкинского мясокомбината, что виден, наряду с Останкинской телебашней, из окон их житейской альма матер. Когда дружные массы пролетариев уходили на свои трудовни, столики пивной облепляли студенты Литинститута и обитатели соседней общаги института железнодорожных инженеров. Увидев знакомые лица, Андрей с Саньком, взяв по паре «Рижского» в пепсикольных 0,33-бутылочках, пристроились к столику, за которым поправляли здоровье второкурсник Амделис и на два года учебы постарше его соотечественник, который, ввиду сложности произношения имени, рекомендовался Мишей, поскольку крестили его в день Михаила Архистратига. Конечно по эфиопскому календарю. Много чего рассказали за свежим пивком, а как попали в Школу Горького, объяснили: Миша «по партийным связям», правда, наименование партии не уточнил. «Я-то вот из бедноты, а Амделис из князьков эритрейских будет, полуэфиоп-полуараб».

Собеседники пояснили: вчера хор-ро-шо! отметили день рождения негуса-императора.

◆ Надо полагать, эфиопские литераторы — традиционные воспитанники горьковского института. Поэтому неудивительно, что во времена учебы Рубцова имелся у него в приятелях эфиопский поэт-князь. Причем не окраинный эритрейский, но настоящая «ваша светлость» с предками с дохристианских карфагенских, что по соседству с Абиссинией, времен. И в Твербуль-25 он не на троллейбусе третьего номера ездил, даже не на такси, а на немислимо редком в тогдашней Москве «мерине», что выделило ему родное посольство. От персонального шофера князь Кассалук отказался — сам уважал баранку вволю покрутить. Стоянку для «мерседеса» организовали — по взаимопользительной договоренности с комендантшей — в условном дворе общежития.

Князь почти без акцента говорил по-русски: учился в Аддис-Абебе в советской посольской школе. Когда желания Коли Рубцова и князя Кассалука посетить альма матер совпадали, то спереди, на правом сиденье располагался приятель князя, а заднее плотно забивали попутчики и попутчицы. Но возвращались друзья порознь: князю за рулем полагалось быть хрустально трезвым, хотя бы гаишники даже в мыслях не делали попыток покуситься на машину с дипломатическим номером и темнокожим водилой. Николай же с коллективом своего семинара закрепляли полученные знания в ближних к институту «точках».

Как истинный христианин, хотя бы и монофизитский, а они на каком-то Вселенском соборе в Константинополе были отнесены к еретикам, князь горячительным не пренебрегал, но пил не от души неправославной, вроде как по обязанности — все же княжеское воспитание! Николай же свято чтит национальную традицию: от души и протяженно. Поэтому в общежитии их маршруты не совпадали. Впрочем, когда Рубцов выходил из комнаты, усаживался на ступени лестницы между первым и вторым этажом, растягивая меха своей гармошки, Кассалук находил приятеля на слух, усаживался рядом и подтягивал русские народные песни — в унисон Николаю.

Рубцов набирал свою славу в литинститутском окружении, а князь что по-эфи-

опски, что по-русски как-то все неловко рифмовал, в чем и сам горестно порой сознавался в дружеском кругу. Но однажды, когда Рубцов уже который день злоупотреблял: приехал в столицу по своим писательским делам его земляк, привез, как радельный гость, трехлитровую банку самогона,— чем-то раздосадовал его случившийся рядом князь. Не сдержался и выпалил: мол, я-то стану знаменитым поэтом, «мне поставят памятник, в городе или на селе; буду я и каменный навеселе», а ты хоть и князь, но дело твое на мерсе кататься, а не стихи кропать... Что-то в этом роде обидное спьяну несдержанно сказал.

Вспылил Кассалук, выскочил на улицу, вывел машину со двора и нарочито врезал ее в угол общаги. Хорошо сам даже царапин не получил — на малой скорости. Посольство затем оплатило небольшой ремонт здания. «Мерседес» починили и вернули в посольский гараж, а князь с Рубцовым помирились. Как правильно сказал Лермонтов:

*Находишь корень мук в себе самом,
И небо обвинить нельзя ни в чем.*

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Владимир Хохлев
(г. Санкт-Петербург)

Владимир Хохлев родом из Ленинграда. Образование: Высшая школа режиссеров и сценаристов (при киностудии «Ленфильм»), Институт живописи, скульптуры и архитектуры им И. Е. Репина Академии Художеств (архитектурный факультет), Северо-Западная Академия государственной службы. Член Союза писателей России. Главный редактор журнала «Невечерний свет». Лауреат многих премий в области литературы и искусства. Автор книг стихов, прозы и публицистики, большого числа публикаций в российских и зарубежных СМИ.

ДЕТСТВО

Иду по улице, держу за руку маму,
со мною рядом папа... держит брата.
Сдвигаю набекрень свою панаму,
брат морщится на зарево заката.

Идем домой, с реки, под сенью лип,
жужжит оса, тарашится собака...
Слух снова режет одинокий всхлип —
разбил коленку брат у буерака.

Кровь не течет, спасает подорожник...
Исходит мама длинным монологом.
Я мир воспринимаю, как художник...
и размышляю сам в себе о многом.

Зачем приходит день на смену ночи?
Где люди пребывают до рождений?
Когда опять поедem в город Сочи?
Нужны ли рифмы для стихотворений?

Что означает слово «управдом»?
Куда ведет дорога через поле?
Возможно ли весь день идти пешком?
Зачем висят горшки на частоколе?

Бежит пацан за бабочкой, смеясь...
мычит безрадостно уставшая корова.
Какая между всем в природе связь?
Зачем над дверью старая подкова?

Мы подошли... калитка заперта.
я вырываюсь... с криком открываю.
Мелькает хвост соседского кота...
я петуху по-дружески киваю.

ТЕМНАЯ НОЧЬ

Ты... Я... Темная ночь...
Светятся сотни звезд.
Быстро взрослеют сын и дочь.
Радости хрупкий мост —

небо над нами тихо спит,
снится ему земля.
Смысл бытия от людей скрыт...
Дышат весной поля,

сосны неслышно говорят...
Печь отдает тепло.
Мысли сердечные веселят —
с ними в душе светло.

Скоро рассвет... и новый день...
и новое счастье жить.
Медленно движется лунная тень...
Хочется всех любить.

РАССТАВАНИЕ

Как этот жесткий миг преодолеть?
Как ускользнувший смысл теперь найти?
Ты загнала мой пылкий разум в клеть,
и жестко пресекла к себе пути.

Ты нежно рассказала про другого...
отрезала: останемся друзьями!
Я молча замер, не сходя с порога:
как может быть... такое... между нами?

И что теперь? Мы станем жить раздельно?
И вовсе не смотреть в глаза друг другу?

Ты поразила сердце так прицельно,
что я готов кричать на всю округу.

И вот стою, как истукан незрячий...
и звуков мира, кажется, не слышу.
Люблю тебя... и не могу иначе.
Миг твоего признанья ненавижу!

За столько лет в тебя пророс корнями,
ты рубишь их с какой-то нервной страстью.
Что делать мне теперь с пустыми днями?
Ты ночи навсегда лишила счастья...

Конечно, отойду... чтоб не тревожить
тебя ничем и никогда... ты это знаешь.
Я перестану думать о тебе... и множить
скорбь о любви... Ты головой качаешь.

Мы никогда с тобой не будем вместе,
и встретившись пройдем друг друга мимо.
Тебе желаю, как чужой невесте:
будь счастлива и — тем, другим, — любима.

Юлия Зимина-Кондакова
(г. Тула)

Наш постоянный автор.

ДОЛЕТЕЛ ДО БЕРЛИНА

*Памяти военного летчика, брата моей
бабушки, Текова Александра Ивановича*

В детстве был он любимцем девчонок —
Их горячих сердец фаворит,
Его небо манило с пеленок,
Он хотел в нем, как птица, парить...

В двадцать лет уже смело «летал» он —
Так мечта его детства сбылась,
Но вдруг страшное время настало —
В жизнь неожиданно война ворвалась...

Александр бомбил фрицев умело,
Ведь рука на штурвале всегда
Была твердой: он знал свое дело
В те свои молодые года!

И сумел «долететь» до Берлина,
И увидеть рейхстаг с высоты,
На войне, там, где смерть дышит в спину,
Свою лепту в Победу внести!

Каждый год он на майских парадах
Шел в колонне, красавец-майор,
Статный, гордый, и грудь вся в наградах...
Помню я эти дни до сих пор!

Хоть давно его нет уже с нами,
Он в колонне Победы всегда...
Не уходят герои с годами,
Ими Родина наша горда!

НАШ ОРУЖЕЙНИК

*Памяти дедушки, Фролова Александра Михайловича,
который был среди тех, кто эвакуировал Тульский
оружейный завод во время Великой Отечественной войны*

Про тебя рассказывали часто,
Хоть увидеть мне не довелось.

Сколько принесла война несчастий,
Сколько испытать тебе пришлось!

Человек душевный, добрый очень,
Инженер, стихи легко писал...
Был ты среди тех, кто дни и ночи
Оружейный* от врагов спасал.

На платформы вы станки грузили,
Чтоб им в час тревожный уцелеть,
Ведь фашисты к Туле подходили —
Нужно было вовремя успеть!

Ближе враг, усилились обстрелы,
И, рискуя жизнью каждый миг,
Вы трудились преданно и смело —
Будни те не легче боевых...

Слышались воздушные тревоги,
Звук сирен пронзал вас, словно ток...
Но успели: повела дорога
Поезд с ценным грузом на восток...

Довезли станки и все, что нужно,
Чтобы заработали цеха,
Медногорск стал кузницей оружия!
Сутками никто не отдыхал...

Вы трудились, каждую минуту
Ожидая с фронта новостей,
Мучил голод, холод стоял лютей,
Промерзали руки до костей...

Ты был там и внес свой вклад в Победу,
Что совсем нелегкою была...
Я горжусь тобой, далеким дедом,
Хоть увидеть в жизни не смогла...

НАШ КАПИТАН

Памяти дедушки, Панкова Петра Николаевича,
восстанавливавшего в составе мостопоезда
разрушенные фашистами мосты во время Великой
Отечественной войны

Скучать я по тебе не перестану,
Улыбку помню милую твою,
Мне, маленькой, ты пел про капитана,
Отважного, что не робел в бою...

---

* Оружейный — имеется в виду Тульский оружейный завод.

Ты, как и он, находчивым был, смелым
И от невзгод, проблем не унывал,
Толково строил, плотничал умело,
Трудиться никогда не уставал...

Работал с юных лет на Желдормаше,
Ценили, уважали там тебя.
Семейным капитаном был ты нашим,
Жил, всех людей в душе своей любя...

Когда фашисты Тулу взять пытались,
Хотел встать на защиту, быть в строю,
Но миссия другая вдруг досталась,
Которая не легче, чем в бою...

Узнал мосты все от Москвы до Курска,
И каждый становился, как родной,
Ведь ты их восстанавливал искусно,
Разрушенные горестной войной...

Работал день и ночь в любую стужу
И не жалел для Родины себя...
Награды за твой труд огромный, нужный
Храним... и вспоминаем все тебя...

Не с нами ты, десятки лет промчались,
Но сад, тобой посаженный, цветет...
Его взлелеять с бабушкой старались,
Теперь он нас под кров уютный ждет...

Остановить бег времени не властны,
На жизненном гостим мы корабле...
Но важно след оставить дел прекрасных,
Как ты его оставил на Земле...

Евгений Трещев

(г. Щекино Тульской области)

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ТАКОВА ЖИЗНЬ

Награды. Похвалы.
Почет. Уваженье...
Все временно, призрачно,
Хрупко. Неверно.

За пьяным застольем
В любви Вам клянутся.
Ненастье наступит —
От Вас отвернутся.

Вчера Вас хвалили.
Сегодня ругают.
Вчера обнимали.
Сегодня — пинают.

Какие слова Вам
Вчера говорили!
Сегодня не помнят.
Сегодня — забыли.

Не верьте в слова,
Когда слава в зените.
Налейте фужер и
В ответ промолчите.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

В комнате таинственные тени.
Прячутся за мебелью, в углах.
Холодно. Но согревает тело
Легкая накидка на плечах.

Я сижу недвижно на диване.
Думаю и грежу в тишине:
Что прошло — теперь уж не воротись.
Только мысли возвращаются к тебе.

Где-то в глубине всплывают звуки
В нежных переливах серебра.
Задевают и ласкают душу
Ласковым порывом ветерка.

Проплывают разные виденья:
Детство, юность, сказочный пейзаж,
Страсть, тоска, что разрывают сердце,
Поцелуй горячий на губах.

Музыка тонка, светла, печальна.
В ней любовь, надежда, доброта.
Камертоном сердце застучало.
Встрепенулась удивленная душа.

НА ПЕРЕПУТЬЕ

Перепуталось все кругом:
Зло в обнимку сидит с Добром.
Вот Уродство и Красота,
Перемешанные слегка.
Ложь и Правда — как две сестры,
Рядом дружно по жизни шли.
Вместе Ненависть и Любовь.
Трусость с Храбростью делит кров.
Мсть с Пощадою песни поют.
Подлость с Совестью водку пьют.
Ласку с Грубостью не разлить.
Кому верить?
Как дальше жить?
И услышал ответ вдали:
Стойким будь. Своей жизнью живи.
Правде верь и дружи с Добротой,
Наслаждайся земной Красотой.
Даже если слабый ты,
Храбро стань на защиту страны.
Ласки милой своей дари,
Преклоняйся святой Любви!

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Ветер рыщет, завывая и свистя.
Вместе с ним приходят злые холода.
Ветки голые колышутся в саду.
Ждут морозов и трепещут на ветру.
Было лето, была радость. Но ушли.
Осень правит, и зима уже в пути.
Вот и молодость уходит в пустоту,
Оглянувшись, усмехнулась старику.
Я вскочил, кричу: «Постой, не уходи!
Подожди, побудь со мною. Не спеши!»
- Нет, старик, прости, расходятся пути:
С летом я, ты к осени иди...
Дождь стучится беспрерывно по стеклу,
Навевает с серым небом грусть-тоску.

Яков Шафран
(г. Тула)

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ЖИЗНИ МАРАФОН

Мороз до костей донимает жестокий,
От ветра слезятся глаза.
Не видно конца занесенной дороги.
Вокруг же лесная краса.

Остаться бы тут — нет желанней удела,
Бродить и вбирать благодать.
Но он, напрягая себя до предела,
Опять продолжает бежать.

Усы, как сосульки, доспехом ветровка,
Веригами тяжесть в ногах.
Но даром ли были часы тренировки? —
Поэтому воля в руках.

Бежит марафонец сквозь ветер и стужу,
Лишь голову вниз наклоня,
Все силы вложив в этот бег, даже душу,
И дух нерушим, как броня.

Он знает, что справиться должен и выстоять,
Беды чтоб не струсить любой.
А ляжет дорога кривая*, но чистая,
То путь выбирать трудовой.

* * *

*Роману Филиппову, майору, летчику,
сбитому врагом и, чтобы не сдаться в плен,
подорвавшему себя и врагов гранатой*

Парни простые, обычные парни,
Как много вас гибнет в священном бою.
Звери нацистские злы и коварны,
Ведь знают они то, что лучшее бьют.

Парни себя не жалеют в атаке,
В решительной схватке один на один,
Делают то, что способен не всякий,
Средь крови и боли, ранений, кончин.

Там, среди них, мое место, я знаю,—
Не здесь, средь веселых и праздных людей,—
Там, где Филиппов чеку вырывает,
Гранатой взорвать чтоб себя и зверей.

Хочется вырвать его из осады,
Другой самолет для него подогнать...
Только секунды не знают пощады
И не повернуть тока времени вспять.

Я не диванный совсем наблюдатель,
Поэтому с силой враждебной борюсь
Словом своим как поэт и писатель!..
Вот только о павших щемящая грусть.

Парни простые, обычные парни,
Всегда на войне, как на деле святом.
Вот потому-то мы им благодарны,
И знаем — победа вернется в наш дом!

* * *

Учила нас жизнь —
                  не остаться в сторонке,
Когда брошен клич:
                  «Друзья, наших бьют!».
Остаться бесстрастным —
                  быть, значит, подонком,
Поставив превыше свой личный уют.
А также глядеть малодушно, трусливо,
Как бьют безнаказанно наших людей,
И только лишь корчить гримасы брезгливо,
Услышав —
                  насилуют наших детей.

Враги так довольны,
                  когда видят это,
И вновь намечают «нах остен» маршрут,
Мерещится им над Россией победа,
И вслед начинается прибылы зуд.

Народ наш силен лишь тогда,
                  когда вместе,
Когда воедино,
                  как сжатый кулак,
Когда, при одной
                  «Наших бьют!» только вести,
Он вверх поднимает Отечества флаг.

Поэтому нет и не будет приятья
Для тех, кто спокоен,
                  когда наших бьют.
Сплотимся теснее для Родины, братья,
Ведь враг наш силен, и коварен, и лют!

* * *

Ты прошла по моей судьбе
Необычною незнакомкой.
Я писал тебе письма и комкал.
Замирали слова в мольбе.

Но к тебе доходили они,
Доходили каким-то чудом.
И в глазах проходящего люда
Я читал твой ответ: «Извини...»

Часто в мыслях с тобою вдвоем
Я у речки закатной порою.
И сливалось уж солнце с водою,
Но все речи твои ни о чем.

О тебе я поэмы слагал,
Собирая букеты стихами
По привольям полей и лугами,
Возложить чтоб к твоим ногам.

Но смеялась лишь ты надо мной,
Не желая идти навстречу.
И проходит за вечером вечер —
А ты все остаешься мечтой.

Вот уж минуло множество лет,
Но я вижу тебя пред собою
Постоянно, глаза лишь закрою,
И пишу за куплетом куплет
Тебе песню, хотя уже сед...

* * *

Поселковою улицей мы мальчишками шли.
И друзьями мы были, и просто приятели.
Мимо плыли раскидистых лип корабли,
Впереди горизонт открывался мечтателям.

И не думалось нам о плохом.

Вспоминаться мне будет минувший тот день,
И являться мне будут родные ребята.
И не сможет накрыть то в душе моей тень
Неурядиц, несчастий, сомнений когда-то.

Но тогда я не думал о том.

Я тогда просто жил, просто богом я был,
Проходя по поселку и дальше лугами.
И ребятам моим мир бескрайний был мил.
И действительно мы тогда были богами.

Только каждый об этом не знал.

Морю зелени я с этажа поклонюсь.
Вровень окнам моим ныне ласточек стая.
Я еще очень многому в жизни учусь,
Говорить же с землей научился тогда я.

Только в зелени крон желтизна.

* * *

В ясную ночь видно в небе далеко,
Каждая звездочка как предо мной.
Вижу три новые, вспыхнув высоко,
Ярко горят, непрерывно и стойко,
Спор свой ведя, но теперь неземной.

Гибнут герои в боях за Россию.
Души их — звезды — горят в небесах.
Чтоб не бывать над страной насилью,
Чтоб не бывать среди нас слабосилью,
Стоек герой и в небесных местах.

Стоп! Но вот падает, гаснет в полете
Чья-то звезда, прочертив небосвод.
Может предатель в смертельном излете,
Трус или враг на небесном погосте
Свой не нашел тут конечный исход?

Звезд же горящих поболее угасших.
В этом небесной Победы залог.
Будет Победа и в жизни у наших,
Нас ведь значительно больше ненаших.
Значит и с Родиной нашей Сам Бог!

* * *

Я у жизни прошу — хоть немного
Пусть спокойнее будет дорога,
Хоть в течение этого дня.

Но тАк птицы поют у порога,
Мне покоя совсем не суля.

И опять от рассвета к закату
Мое сердце небесному такту
Норовит отвечать в унисон.

А судьба все готовит контакты,
И звонит разбитной телефон.

Но душа, видно сроки настали,
Устремляясь в небесные дали,
Жаждет творческой лишь тишины,
Чтоб вернуть себе смыслов начало
И творящей достичь глубины.

Николай Тимохин
(Казахстан, г. Семипалатинск)

**ПОЭТИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ
ИЗ ЦИКЛА «ПОЭЗИЯ СЕМЬИ БРОНТЕ»**

«СТИХИ ЭМИЛИ БРОНТЕ»

Наш постоянный автор.

Эмили Бронте (Emily Jane Brontë) (1818—1848) — английская писательница и поэтесса, средняя из трех сестер Бронте. Автор романа «Грозовой перевал», а также ряда стихотворений.

ВОКРУГ МЕНЯ ГУСТАЯ НОЧЬ...

Вокруг меня густая ночь,
Ветра — дороги не найти.
Не выбраться отсюда прочь.
Нет силы у меня уйти.

Деревья гнутся вековые,
В снегу — как взаперти.
Дороги снежные такие,
Нет силы у меня уйти.

И облака над головою,
Внизу пустыня. Нет пути.
И состояние плохое,
Нет силы у меня уйти.

СОЛНЦЕ СЕЛО...

Солнце село, и теперь трава
На ветру играет, как живая,
Птица с камня улетит сперва,
Место отыщу себе тогда я.

Все вокруг пустынно, тишина.
Мало света, звуков не слышать.
Только ветер далеко сполна
Гладь морскую создает опять.

СТАРЫЙ СТОИК

К богатству не стремлюсь совсем,
Люблю смеяться я над ним.
Не удержать Успех ничем,
Растает утром он как дым.

Молитву повторяя снова,
Твержу знакомые слова:
«Душа моя просить готова,
Свободу чувств, без волшебства!»

Как пуля к цели, дни летят
И умоляю время я:
«Пусть не вернуть ничто назад,
Хочу я жизнь начать с нуля».

СОЧУВСТВИЕ

Печаль свою вы прогоните прочь
Пока Вам звезды дарят яркий свет.
Давно уж вечер превратился в ночь,
Торопится на смену ей рассвет.
Печалиться не надо, слезы лить,
Они себе проложат путь рекой.
Протянут в душу тоненькую нить,
Наступит ли тогда души покой?

Когда ты плачешь, это жизни бег,
Шумят ветра — вдыхаешь воздух ты.
Зима упрячет горе в рыхлый снег,
Там, где лежат осенние листья.
Но все вернется на свои места
И это предначертано судьбой.
Ведь снова мир спасает красота.
А в сердце возвращается покой !

НАДЕЖДА

Надежда мне — как робкий друг,
Сидящий тихо в стороне.
Не защитит от бурь и вьюг.
Удачу вижу лишь во сне.

Ее спугнуть легко, как птицу.
В окно вспорхнет и в новый день
Своей дорогою умчится,
Не оставляя даже тень!

Вокруг один сплошной обман,
Но жизнь устроена иначе.

Надежда — словно талисман,
И для меня так много значит.

Была фальшивою она,
Когда мне радости хотелось.
Тогда с тоскою шла война,
И проявлял один я смелость.

Могу лишь на себя теперь
Надеется всегда во всем.
Надежда вылетела в дверь,
Влетая в небо ясным днем!

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова

ГОРОД СЧАСТЬЯ

Посмотри — этот город огромный
Нам объятья свои распахнул.
Ряд домов в тихих улочках ровный
И больших — звонкий будничный шум.

Крыш парящих незримые тайны
И ладони ночных площадей.
Этот город само мирозданье
Создавало для добрых людей.

Здесь раскинулись парки и скверы,
И колонны огромных мостов,
Ярких праздников тут атмосфера,
Уносящих в мечтательность снов,

Уносящих в бескрайние дали
Нас под купол высоких небес.
Мы с тобою крылатыми стали,
Ощущая рождение чудес.

Но все это совсем не приснилось,
И в реальности нового дня
С нами счастье однажды случилось
Теплым светом большого огня.

Теплым светом, прекрасным, манящим
И искрящимся звездной росой.
Ярким, радостным и настоящим,
Словно наша любовь с тобой.

НА СТАРТЕ НОВОЙ ЭРЫ

На границе снега и тумана,
И полночных сумеречных трасс,
В нужный час, не поздно и не рано,
Ожидает будущее нас.

Мы живем на стыке двух столетий,
Литосферных плит материков.
Мы чисты душою, словно дети,
Верящие в искренность стихов.

Мы идем своей судьбе навстречу
Смелым шагом, бурям вопреки,
Ощущая трепетно беспечность,
Радостны, восторженны, легки.

Мы стоим на старте Новой Эры.
Светят ярко взлетные огни.
И от этой несказанной веры
Мы в полет грядущий влюблены...

СЛОВА

Прозрачен сон холодною зимой,
Палитрой разноцветных красок ярк.
И в тишине мелодией простой
Звучат слова — святых небес подарок.

Звучат, даруя сказочный полет,
Звучат как шепот древних тайн манящих.
И свежий ветер нежно их поет
Над крышами домов, спокойно спящих.

А утром, наводнив собой эфир,
Прольются на холодный лист бумажный.
Они родятся снова в этот мир,
Торжественною истиною важной.

* * *

До неба — рукой подать.
Какая здесь благодать!
Какая здесь красота,
Духовная чистота!

Стоим, затаивши вздох,
И в каждом мгновении Бог
Дарует нам эту высь
И счастье, длинную в жизнь...

Елена Колесникова
(г. Воронеж)

Елена Николаевна Колесникова родилась в Кузнецке Пензенской обл. По профессии учитель музыки. Член Союза писателей России. Публиковалась в «Литературной газете», во многих российских литературных журналах и альманахах. Автор двух сборников стихов. Победитель литературных конкурсов.

ЛИЛИИ

Уставших пчел рассеянный роек
Над оросевшим вьется пестроцветьем,
Еще вокруг все говорит о лете,
И так горяч и пышен этот слог.
Еще в лугах — под маревый закат —
Цветочное бушует сладострастье,
Но все искусней бусины краснят
У веточек рябиновых запястья.
Сильна еще соборность сорных трав,
И лилии в мерцающем виссоне
Опять невольню, не прядя, не ткав,
Затмили одеянье Соломона...

МОТЫЛЕК

Легкомыслица красок медовых
Седину запятнала травы —
Сонно-розовый, томно-лиловый
И чуть-чуть — синевы.
Золотая теперь серединка —
День ни тепел стоит, ни горяч,
Не заметишь — промчит по тропинке
Мелкий дождичек вплачь.
И все чаще по сердцу печально,
Не задев, пропорхнет мотылек —
Райских красок образчик нетканый —
Дуновенный, как будто случайный,
Расписной лоскуток.

ВОСПОМИНАНИЕ

В театре летнем тень играла с тенью,
Под занавес полууснувший зал
Листвой невнятно что-то лепетал
Измученно, борясь со знойной ленью.
Пылала кромка темных облаков,
Меня очертанья декораций,
И в зарослях узорчатых акаций
Висело солнце в паутине снов.
Совсем как заигравшиеся дети,
В пещерке мрачной из густой листвы
На мягко-прелом ворохе травы
Резвились блики в изумрудном свете.
И вдруг, сквозно мелькнув среди ветвей,
Стремглав пронесся кто-то светлый рядом,
И страшно было для души моей
С его зеленым повстречаться взглядом.
Мой тихий, нелюдимый городок
Раскинувшись, в волнах прохлады дремлет,
И свежим дуновеньем ветерок
У яблочек щечки розовые треплет.
И снова — эти странные глаза —
Невероятным вспыхнули прозреньем,
Незамутненно-детским удивлением...
Пора б вернуться, близится гроза.

Кристина Колобаева
(г. Рязань)

Колобаева Кристина родилась в Рязанской области. Окончила экономический факультет Московского политехнического университета. Студентка Литературного института им. А. М. Горького. Участница всероссийских литературных форумов и фестивалей для молодых писателей. Публиковалась в литературной периодике.

* * *

Мелкими искрами светится двор,
ветви сплелись в набеленную вязь,
небо роняет снежинки с тех пор,
как за окном моим серпик погас.
Я полюбила вас...

Скромная песня долгой зимы,
тянутся ленты сонных домов.
Если прислушаться, город хрипит,
будто озяб он и нездоров.
Хватит мне пустяков...

Дымное небо, бледный январь
дразнит нескорым приходом тепла,
греет квартиры теплоцентраля:
столбик термометра ниже нуля.
Я вас на чай ждала...

Как за окном моим серпик погас,
я полюбила вас...

* * *

По ночам мне часто снится море,
древний запах волн, камней прибрежных,
легкий ветер, в волосах — небрежность
и надежда в опустевшем взоре.

Как горят на солнце ярко скалы,
как их окропляют воды плачем,
как своей обиды слезы прячу —
и они ни всхлипа не издали.

Кровь закатная струится с небосвода,
растекается, потоки красит...
Я стою в пылающем атласе,
жду того, кто так и не приходит.

* * *

Гора — приют седым ветрам,
Лугам альпийским одичалым,
Закатам розовым и алым
И подуставшим облакам,
Что спать приходят по ночам.

А мне приюта не найти:
Бетон, оклеенный в цветочек,
В графе «мечта» поставлю прочерк,
Остывший чай, значок «в сети»
И сон, застрявший на пути.

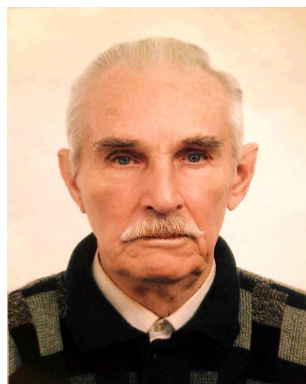
Поля для коз, коров, овец,
А я смотрю ковра орнамент,
Как телефон рекламой спамит.
Овца — телец, овца — близнец...
И сон стучится наконец.

Михаил Турбин
(г. Орел)

«ОБРАЗ ТВОЙ ВСПЛЫВАЕТ ОТОВСЮДУ...»
(Подборка стихотворений на тему любви)

Наш постоянный автор.

НЕЖДАННАЯ СВЕЧА

Без тебя я беззвучно вою,
Забросив все свои дела.
Любовь, придуманная мною,
В игре серьезность обрела.

И, словно видя твои очи,
Вой изливаю свой до дна.
Порой хочу завывать по-волчьи,
Но ты не ночь и не Луна.

Не говорю: «Разбила сердце»,
Скорей во тьму внесла свечу.
Куда теперь с тоскою деться?
Ответа знать я не хочу.

Все ближе нечто грозное,
Но ярче свет горит во мгле.
И где теперь искать покоя?
Он без тебя не нужен мне.

* * *

Удивительный запах, как дым
От жасмина тянулся в июне.
Я проснулся, и мир стал другим,
Не таким, каким был накануне.

В синем небе плыла белизна
Облаков, что пышнее подушки...
А вчера гром гремел допоздна
И деревья качались макушки.

Мир вчерашний, устав от затей,
Не смотрелся надменно и гордо,—
Робкой трелью в саду соловей
Разминал свое нежное горло.

И ловил слух жужжанье шмеля
Над жасмином, зацветшим в июне.

Я проснулся, чтоб видеть тебя,
Вновь такой, что была накануне.

* * *

Где ты, мое ясноглазое чудо?
Мир без тебя нынче пуст.
Холодно в нем и на сердце худо,
Сохну, как выданный куст.

В памяти нежится счастье земное,
Чувствую майскую дрожь.
Я о себе знаю лишь основное,
А о тебе — ни на грош.

Где ты сейчас, для меня непонятно.
Жизнь словно сон наяву.
Письма мои возвращают обратно...
В ключья их яростно рву!

Падает снег ослепительно синий,
Бьется в окно как живой.
Вижу я в каждом сплетении линий
Образ немеркнувший твой.

Я ЛЮБЛЮ

Я люблю! Ото всех это чувство скрываю —
Радость светлая, чистая, ярче, чем боль.
Я как звездное небо тебя почитаю,
Почитаю как воздух, как воду и соль.

Восторгаюсь тобой, и моя голова замудрила:
Удивляюсь, как смог я тебя разглядеть?
Лучезарный твой взгляд — животворная сила,
В моем сердце поет колокольная медь.

Она тайну любви на просторы выводит,
И умеет грустить мягче, чем серебром.
Ты светлее всех звезд на моем небосводе,
Я слежу за тобой, как следит астроном:

Что ни день, о тебе мои лучшие мысли,
Что ни сон — за тобою иду по пятам...
Если вдруг потеряю за облачной высью,
Мне твой облик — маяк на пути к небесам.

Перед чувством моим все иное мелькает.
Свою чашу судьбы надо выпить до дна.
Столько лет я тебя встретить радостно чаял,
Счастлив я, что теперь у меня ты одна.

Людмила Авдеева
(г. Москва)

**ВЛАДИМИР ЖИРИНОВСКИЙ,
С ЮБИЛЕЕМ!**

Авдеева Людмила Евгеньевна — член СПР, Международной федерации журналистов, Российского Союза ветеранов Афганистана, автор более 40 книг. Наш постоянный автор.

Дождáлись 25 апреля!
Весенний день дарует солнца свет.
Владимир Жириновский! С юбилеем!
Исполнилось Вам 80 лет.

Столы накрыты празднично. В бокалы
Налито красное, как наша кровь, вино.
Ваш юбилей отметит вся Держава,
ТВ и радио, Малахов и кино,

Где собраны все кадры Вашей жизни.
Здесь детство среди братьев и сестер
И юность — время бурных смелых мыслей,
Когда взгляд дерзок, а язык остер.

И время зрелости и сбора урожая.
20-ый, следом 21-ый век.
ЛДПР отцом Вас называет,
Учителем — всяк умный человек,

Чье сердце жаждет истины и мира,
Кто прочитал страницы Ваших книг,
Кому среди чумы не надо пира,
Кто видит, что Америка в тупик

Зашла, не может скрыть печаль свою сегодня.
...Жаль, с нами нет Вас в юбилейный год,
Вы оказались волею Господней
На небесах у Божеских ворот.

Неугомонный, дерзкий, жизнь любили
И, как никто, умели рисковать.
Все Ваши споры — схватка за Россию.
Любить страну умели, словно мать.

Вы жить хотели сочно, ярко, долго,
Отметить 80—90 лет.
Вы отыскать смогли б в стогу иголку
И стали самой яркой из планет.

И мы Вас ощущаем нынче рядом:
Плечом к плечу, пожатие руки,
И смотрите пронзительным Вы взглядом
Как крепнут партии ЛДПР ряды.

И 25-ое нам дорого апреля.
Приходит настоящая весна.
Владимир Жириновский, с юбилеем!
Ваш день рожденья — праздник навсегда.

Рашид Закиров
(г. Красноярск)

Родился в Норильске в 1956 г. Окончил юридический факультет Красноярского госуниверситета. Публиковался в сибирских и дальневосточных литературных журналах. Издал две книги стихов и рассказов.

ВОЛЬНЫЙ ГОРОД

Заходят в гавань корабли
Послушно воле капитана,
И мне покажутся вдали
Петродворцовые фонтаны.
И словно сказочный мираж
Открылся взору город вольный:
Собор Казанский, Эрмитаж,
Нева, «Аврора», Зимний, Смольный.
Увижу гений Фальконе,
Что называют Медный всадник,
А также Клодтовских коней,
В Фонтанку кину свой двадцатник,
Чтоб возвратиться в этот град
Теперь уж во главе семейства,
И показать им Летний сад,
Гостиный двор, Адмиралтейство...
Отчальят с пристани суда,
Быть может, ждет меня Голгофа.
И не увижу никогда
Дворцы, фонтаны Петергофа.

РОДНОЕ СЕЛО

Мечтаю как-то на рассвете
(Ведь столько лет уже прошло!)
Сложить в багажник лодку, сети,
И, позабыв про все на свете,
Родное посетить село.
Мне вспоминать еще не треба
Как в небе тают облака,
Как пахнет мед у деда Глеба,
Куда макал я корку хлеба,

И вкус парного молока.
Давно увидеть мне хотелось
Хотя бы край того села,
Что на горе, за речкой Белой,
Среди кустов рябины спелой,
Где моя бабушка жила.
Услышать вновь в глубинах сада
Мечтаю я давным-давно
Ночное пение цикады,
Как старый тополь за оградой
Ветвями мне стучит в окно.
Как дождик капает по крыше,
Готов я слушать просто так,
Как за стеной скребутся мыши,
И ветер бузину колышет,
Крик петухов и лай собак.
И сердцу станет вновь отрадой
Коров мычанье на заре –
Пастух Игнат с колхозным стадом,
И в сельском клубе звук эстрады,
И скрип калитки во дворе.

Дмитрий Ермолаев
(г. Мурманск)

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Дмитрий Анатольевич Ермолаев родился в 1969 году в г. Донском Тульской области. Окончил историко-филологический факультет Мурманского госпединститута. Работал на Мурманском областном радио. С 2008 г. — сотрудник Государственного архива Мурманской области. Автор трех поэтических сборников. Публикуется в литературной периодике. Член СПР.

Я их ел по штуке, целиком,
Запивал кефиром из бутылки —
Пряниками тульскими битком
Набивала бабушка посылки.

С мятыми газетами на дне,
Крышки заколочены гвоздями —
Были адресованы не мне
Ящики фанерные, а маме.

Нетерпением радостным томим,
Я, когда откроют, в одночасье
Не лицом — душой склонялся к ним
И вдыхал знакомый запах счастья.

Вкусные брусочки, как магнит,
Мой восторг притягивали сами,
Мне казалось, сделаны они
Бабиными добрыми руками.

Новый год, иное торжество, —
Дар почтовый знал я без запинки.
Сладкий пряник детства моего —
Завитки узорные, начинка...

В магазинах вижу их и вот —
Ни одной в душе не дрогнет жилки,
И не ем, с тех пор, как в Новый год
Перестали приходить посылки.

* * *

Зимой деревня неживая,
А летом — дачи, детский ор.
Попутку в город поджидаю,
Скучая, захожу во двор.

Дом с покосившеюся крышей,
Крапива, мусора гора,
И вдруг старик-хозяин вышел
И на гармони заиграл.

Он вовсе не был чародеем,
Но — вздох мехов, движенье рук
И все вокруг помолодело,
Переменилось все вокруг.

Не развалюха, а усадьба,
Не дряхлый дед — красавец! Ах,
Как он наяривал на свадьбах
Или, по-местному, «свадьбах».

Как бередил сердца печалью,
Какой мотив для счастья знал —
Глаза горели, губы звали.
И на гуляньях дотемна

С полов под ноль сдирали краску
И не щадили каблуков,
И пыль на улице от пляски
Вздымалась выше облаков.

Ходила ходуном деревня,
Дрожали звезд ночных огни.
Был первый он, теперь — последний
На всю округу гармонист.

Вот оборвались звуки разом,
Иссяк заветных нот родник,
И вновь — упадок явный глазу,
Халупа ветхая, старик.

Слеза бежит, торит дорожку,
Вниз по щеке его спеша,
И знает Бог, что с той гармошкой
Не песня смолкла, а душа.

* * *

Мне бы юность вернуть да силенки,
Да задор, чтоб в дорогу вело,
Да махнуть по росе в Говоренки —
Есть на свете такое село.

Там журчит, разливается Ватца,
Там о воздух шуршат облака,
Ночью звезды готовы сорваться
С высоты, как слова с языка.

Ропщут избы, бездетно старея,
Воскликает по-птичьи заря,
И трава, и цветы, и деревья
О заветном своем говорят.

Перепачкав землю ботинки,
С каждым шагом светлея лицом,
Я пройду от шоссе по тропинке,
Не спеша поднимусь на крыльцо.

Постучу потихоньку, и сразу
На знакомый откликнувшись зов,
Отворит дядя Коля Рассказов,
А точнее сказать — Рассказов.

По-медвежьи облапит с порога,
Всмятку сплющив мои потроха,
Отстранится, прищурится строго,
И сурово уронит: «Па-х-хать!»

Но, как доктор рентгеновский снимок
Или цензор сомнительный том,
Власть изучит, и снова обнимет
И с улыбкой добавит: «Потом».

В полусмехе зайдясь, полустоне,
Не скрывая непрошенных слез,
Расцелует меня тетя Тоня,
Причитая: «Окреп-то! Подрос!»

Заскрипит под ногой половица,
Кислым духом пахнет от печи
И душа вознесется, как птица,
И в груди веселей застучит.

За столом — разморенный, усталый
Я воссяду, как царь или князь,
Гвоздь программы — яичница с салом,
Огурцы малосольные, квас.

Все домашнее — не покупное,
А со мной уж беседу ведут:
— Отощал, что Кашей над казною,
Тяжело, знать, тебе в городе.

Как житье?
— Да нормально.

— И только?
А у нас — новостей огород:
Помнишь Витькю? А Каткья... А Толькья...
И покатится так, и пойдет.

До предела и сыт, и доволен,
Я дождусь, разговорами пьян,
Той минуты, когда дядя Коля
Развернет свой любимый баян.

Подмигнет, мол, не любо — не слушай,
Заиграет, подначив: «Слабо?»,
Так, что звуки польются не в уши,
А туда, где и радость, и боль,

И минувшее с будущим вместе,
Растворяясь в горниле одном,
Обращаются дивною песней,
Зажигающей сердце огнем.

И внезапно пойму я — до дрожи,
Что куда бы пути ни вели,
Нет на свете родней и дороже
Этой скромной, неяркой земли,

От которой и радость, и правда,
Для которой и голос, и речь,
И в которую — с дедами рядом
Дай нам Боже когда-нибудь лечь.

Хмурый город в беспамятстве тонет,
Равнодушные тучи — стеной,
На погосте лежит тетья Тоня,
Дядя Коля болеет давно.

Не с его ль огневого баяна
И доньне я сердцем горю,
Каждой новой строкой, непрестанно,
О заветном своем говорю.

Да укроет родную сторонку
Светлый ангел от всякого зла!
Говоренки мои, Говоренки, —
Нет на свете прекрасней села.

Виктория Ткач
(г. Тула)

Наш давний и постоянный автор. Заведующая Домом-музеем В. В. Вересаева в Туле. Член СПР.

ПОМИНАЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Этот день, как хлеб поминальный,
Разделите со мною, птицы!
Колокольный, тягучий, дальний
Голос деда мне снится, снится...

И уже — он ведет за руку,
И опять — обнимает крепко.
Через боль временной излучки
Мы идем в неразрывной сцепке.

Души — корни, что смерти глубже,
Прорастают со дна печали,
Чтоб сады от житейской стужи
Укрывали. И пеленали...

И, качаясь в небесной зыбке,
Вспоминаю напев сакральный.
Голос рода — многоязыко —
Говорит во мне изначально

И баюкает, и спасает,
Причащает живой водицей...
И Всевышний об этом знает.
Потому — прилетают
птицы.

ПОСЛЕВОЕННОЕ

Вспомнила — любила мандарины
И размытый осенью закат.
С фотографий выцветших старинных
Женщины счастливые глядят.

Нет войны. А значит, будет лучше.
Пусть не жить, а только выживать.
Как они, я полюбила слушать
То, что невозможно рассказать.

Полюбила долгое молчанье —
Не во всем есть нужные слова —
Иногда, теряя осознанье
Для чего пока еще жива.

Полюбила верить, забывая,
И дарить, как самый светлый дар,
Яблоки, в которых есть от рая
Теплый неизведанный нектар.

Вспомнила! И лица узнавая,
Вижу в них предчувствие семьи.
С фотографий взглядом обнимают
Будущие бабушки мои.

СТАРОЕ ФОТО

Время для звуков.
Время уметь рисовать
Дом и себя в платье по-летнему легком.
...Снова смотрю — взгляд не могу оторвать —
Фотоальбом,
Напоминающий, сколько

Было эпох —
Весен, предчувствий и зим,
Чтобы расти, чтобы менять оперенье.
Время идти,
Время
остаться
живым...

Как торопливо детство в своем нетерпенье!
Миг и — прощай! —
Платья утратили суть.
Бабушки нет, что пришивала оборки.
Время хранить,
Зная — уже не вернуть...

Фото — осталось.
Старое фото
Ребенка.

ТРИЕДИНСТВО

Плачет ребенок, плачет.
В небо открыто окно.

Ангел родился, и значит
Много ему суждено.

Голос баюкает женский,
В сон превращая ночь.
Пауза в жизни вселенской...
Здесь — пеленают дочь.

Словно молитву читает,
Днем охраняя покой:
«Баюшки-баю-баю», —
Слышится голос мужской.

Так и сплетаются судьбы
В дом,
В триединый мир.
Вьют свои гнезда люди
В кронах сердец
И квартир.

ИЮНЬ

Начало лета — запах травяной.
На Троицу — березовые косы.
Живется вдосталь!
Мир — как дом родной,
И воздух пьется землянично-росный.

Ромашково и клеверно. Покой.
Покой бескрайний, родниково-чистый!
Так только в детстве...

В небе, надо мной,
Святейший Лик, безоблачный, лучистый,
С улыбкой смотрит:
Малое дитя,
В венке из белокипельных ромашек.
..А я смеюсь.
И вертится земля.
И ничего мне в будущем не страшно...

Анна Клентак
(г. Самара)

Закончила Самарский государственный аэрокосмический университет им. С. П. Королева. Доктор технических наук. Всегда нравилось творчество М. Ю. Лермонтова. Пробовала писать стихи с детского возраста. Всегда сильно вдохновляло море, где и родилось это стихотворение.

* * *

Средь тысяч стран и миллион людей
Найти того, кто понимает с полуслова,
Чей взгляд дороже веры в Бога,—
Пройти с ним путь от сердца учащённого биения
До чувства близости сердец.

Сам путь бывал божественно счастливый,
Бывал труднее всех дорог,
Но неизменным в нем всегда была любовь.
Она дарила защищённость, безмятежность...
Но и бывало так, что постучится боль.

Душа звенит холодной пустотой.
Ты рядом, но я будто далеко.
И в этот миг у каждого свой путь...
Иль это снова поворот?
И, главное, жива ль ещё любовь?

Екатерина Лунева
(г. Тула)

Наш постоянный автор.

ЛУНА НЕЯРКАЯ БЫЛА

Луна неяркая была
И сильный дождь — сначала,
Но за окном сирень цвела
И облака качала.

И пела песню я сама,
Она во мне звучала.
Ты приходил ко мне вчера,
А я тебя встречала...

С тобой мы встретили рассвет,
Я на плече молчала,
Дождя как будто больше нет,
И ты — начало...

ЩЕБЕЧЕТ НЕЖНО ВОРОБЕЙ

Щебечет нежно воробей
В плену заката.
Ты провожаешь до дверей,
Где звук — легато.
    Щебечет снова «чик-чирик»,
    И где-то скрипка
    Поет, прокалывая миг,
    Хрустально-зыбкий.

Щебечет нежно воробей
На ветке вешней.
С тобой мы сделались родней,
И нет нас прежних...
    Щебечет нежно воробей,
    И, согревая,
    Идем уже из тех дверей
    До Рая...

Щебечет снова «чик-чирик»,
И где-то скрипка
Поет, прокалывая миг,
Хрустально-зыбкий.
    Щебечет нежно воробей...

* * *

Мой любимый, добрый человек,
Рядом ты, и сердце бьется сладко.
Мы с тобою начали свой век,
Каждый путь наш выстилая гладко.
Я хочу с тобою быть везде,

Для тебя готовить вкусный ужин,
Потому, что очень дорог мне,
Потому, что очень в жизни нужен.
Я всегда могу тебя обнять,
Целовать, пусть даже будем в ссоре.
И тогда мы сможем все понять,
Разобраться в мирном разговоре.
А еще, чудесный человек,
Я люблю твои глаза, смешинки.
Потому, что в Богом данный век
В них порхают листья и снежинки.
Жизнь с тобою стала мне милее,
Ты со мной в любые времена.
А в кроватке сонно дочка млеет,
В эту жизнь, как мама, влюблена.

ДОЧЕНЬКЕ

Полиночка... Поля... Доченька...
Родная моя кровиночка,
Мои беспокойные ноченьки,
Хранимая Богом травиночка.
Пришла долгожданная девочка,
У сильных икон испросимая,
Бутончиком тоненькой вербочки,
Священной свечой негасимую,
Былинкой с волшебной опушечки,
Лучиком солнца рассветного,
С запахом вкусной макушечки,
Любовью моей беззаветною...

ЕСТЬ ТЫ

Стираю мелочность, суету —
Есть ты. И ты больше...
Быстрая радость. Знала не ту —
С тобой она дольше.
Эдельвейсы у сердца держу —
Море... твоей души.
Я покоем тебя ворожу —
Дыханьем... Вороши...

* * *

Свет — на душе, по телу — тепло,
Мы бесконечны друг в друге.
Взгляды до сердца. Время текло,
Сердца, замыкая на круге.
Что-то свершилось, что-то придет,
Что-то зима убаюкает.
Греюсь в тебе, засыпая вперед,
И просыпаюсь, мяукая.

Владислав Звягин
(г. Липецк)

Владислав Станиславович Звягин — член Союза писателей России. Лауреат многих литературных конкурсов.

СНЕЖНОЕ

Лес затихал в объятьях сна,
Сливаясь с чуткой тишиною.
Влеклась замерзшая сосна
Симфонией зимы, игрою.

Снежинки, мягкие, как пух,
Ложились дымкой на иголки,
Лаская взор и нежный слух,
Скрывая старые проселки.

Кристаллы света, как роса,
На ветках искрами горели,
И бирюзовые глаза
Небес на этот мир смотрели.

Подлеска тонкий силуэт
Очерчен кистью серебристой,
И льется призрачный рассвет
Над этой сказкою лучистой.

Деревьям снится звон ручья,
Весны дыхание живое,
Где шумных галок толчея,
Цветов рожденье полевое.

Им снится: тает рыхлый снег,
Бежит вода по дну долины,
И ускоряет время бег,
Смывая зимние картины.

Уйдут туманы в облака,
Прольются радужным изгоем
И жизнь, что нынче далека,
Весной живительной напоет.

Пока же лес хранит тепло
Под шапкой белой и пушистой.
Вокруг торжественно, светло
В той дымке, нежной и лучистой.

Крупинки льда блестят в тиши,
В них видно солнца отраженье,
И в глубине лесной души
Родится чудное волненье.

Как будто это не пурга,
А вишен цвет летит из сада,
И пробуждается сама
Природа, жизни вечной рада.

Не снег летит с небес седых,
А лепестки цветов весенних,
В просторах чистых, голубых,
В своих полетах вдохновенных.

Здесь сердце верит в чудеса,
В дыханье скрытое природы.
Глядят безмолвно небеса
На снежных вихрей хороводы.

Плывет над чащей пелена,
Январь играет на свирели.
Земля пока в объятьях сна,
И кружат вьюги-карусели.

ВЕСНА, ПРОШЕДШАЯ НЕЗРИМО

О, странное паломничество года,
Когда весна прошла, как пилигрим!
Не ощутил я вешнего прихода —
За долгой поступью заокостенелых зим.

Какой печальный случай, друг мой милый,
Что я весны приход не ощутил.
Ее дыханья, трепета и силы,
Как будто сон меня глубокий уморил.

Те дни, когда малиновки запели,
Когда цветы раскрылись на полях,
Леса зеленые восторженно шумели
Листвой, купаясь в солнечных лучах,

Где были очи, что не разглядели
Жизнелюбивый хор лазоревых цветов?
И почему душе моей не пели
Весенние напевы соловьев?

Я, кто с надеждой ждал весны рожденье,
Я — первый из расцветших ее роз,
Утратил дар весеннего прозренья,
Не ощутил ни радости, ни грез.

В те дни, что васильки цвели на склонах,
Где были глаз моих живые зеркала,
Когда весна в раздавшихся бутонах,
Так щедро и так рьяно расцвела?..

Я так мечтал о новой встрече с маем!
Я ждал его, как первую любовь.
Но потерял, не видя, не внимая,
И не заметил пробужденья вновь.

Из всех времен я обожаю радость,
Не упустил бы ни один из дней.
Но, видно, грусть — моей юдоли слабость,
Держала чувства в сумраке ночей.

О, как же мог я, не заметив, мимо
Пройти красы, что дарит нам весна?
Увы, мой друг! Я ли ослеп незримо,
Иль все, что вижу — сон и пелена?

И вот, когда очнусь от летаргии,
Узрю я лес в убранстве золотом
И нивы, что уже совсем пустые,
И осень, с увядающим листом.

Блаженства жажда душу окрыляет,
Но рок влечет к страданию меня,
И сердце лишь в печали оживает,
Как будто в ней есть искорка огня.

Вот почему не слышал соловьев я,
Цветов не видел, хотя их искал.
Весна прошла волною от прибоя.
Хоть ждал ее, но всю не осознал.

«СРАЖАЮЩЕЕСЯ СЛОВО»*

Валентина Белевская
(г. Тула)

ВОЗВРАЩАЙСЯ, СЫНОК

Возвращайся, сынок,
Возвращайся в родительский дом:
Без тебя он пустой,
Даже солнце восходит не так.
Пусть хранит тебя Бог —
Ты, с родным расставаясь гнездом,
И по вере святой
Дал обет, что разбит будет враг.

Возвращайся, сынок,
Сколько можно родным твоим ждать?
Возвращайся скорей —
Тяжелы ожидания дни.
Хоть короткий звонок —
Он утешит уставшую мать.
Ненадолго согрей —
Пара слов — но домой позвони.

Иль явись невзначай,
Иль явись на коротенький срок.
Ты еще не прошел
Проклятушую эту войну.
Пусть визит, как на чай,
Пусть визит, как тактичный намек,
Но зато хорошо
Он зацепит любую струну.

Выйдет мать на порог
И зальется в горячих слезах,
И прижмется к груди
Как к спасительному островку...
Возвращайся, сынок,
Даже в горнице на образах,
Распознай-разгляди
Материнскую эту тоску.

---

* По материалам страницы в Интернете «Акция «Сражающееся Слово», ведущий — Алешин В. С.)
<https://vk.com/alyoshin46>

Галина Гребецкая

(г. Ефремов Тульской области)

***

Я не знаю, как описать
То, что в сердце моем теснится:
Есть желание все отдать
И на благо страны трудиться.

Я пожертвовать всем смогу.
Это нашу Победу приблизит.
Это явно покажет врагу:
Россиян всех опасность сблизит.

Не одна я. Нас много таких:
Старых, малых, мужчин и женщин,
Что стремятся приблизить миг —
Миг Победы, что нам завещан.

Да. Нам сложно. Война — не рай,
Не картинки с экрана, а горе.
Но за нами — Россия. Знай,
Что ее мы спасаем с тобою.

Не посмеет коснуться враг,
То, что любим мы больше жизни!
И молитва звучит на устах
О победе нашей Отчизны.

Егор Козлов

(г. Тула)

ПОЧТИ ЧЕТЫРЕ ГОДА

С восхода до восхода
В окопе не до сна:
Почти четыре года
В опасности страна...
Уже четыре лета
Пылает горький зной...
Недобрая примета —
Когда в душе покой
И лезвие утраты
Засело крепко в нас,
И с ним в наш мир крылатый
Врывается фугас...
Атаки Украины
Без отдыха — ни дня...
Авдеевки руины

На линии огня.
И бой... несправедливый:
Ты снова жив и цел,
Вот только друг служивый
Добраться... не успел.
Ты врач, солдат и плотник
С собой наедине,
И новый беспилотник
На подступах к Москве...
И будто в сорок первом...
Пронатовский «рейхстаг».
Крепки стальные нервы:
«И там поднимем флаг!»
И завтра ждет свобода.
Вот-вот, уже видна...
Почти четыре года,
Но снова — не до сна.

Елена Коврежникова
(Тульская область)

ЖЕНАМ ОПОЛЧЕНЦЕВ

Ты ждешь его который год с войны —
Без ропота, упреков и сомнения.
Такая доля у любой жены,
Чей муж ушел однажды в ополчение.
Плывут в высоком небе облака,
Кольшет теплый ветер занавески,
А ты живешь от SMS до звонка,
И снова: от звонка до SMS-ки.
Пусть в ней одно короткое: «Люблю!»
И знаешь, что не скоро он домой,
После ранения опять в строю...
Но все же улыбаешься: «Живой!»
И засыпаешь, Господа моля,
Чтоб невредим с войны вернулся этой!
И втайне знаешь, что любовь твоя
Хранит его верней бронезилета...

МАТЕРЯМ

Сидит она, на фото глядя,
На детскую улыбку на губах.
В который раз так хочется заплакать
По том, кто там уже, на Небесах.

И вновь и вновь письмо его читает —
В нем снова здесь он несколько минут.
Нет, наши сыновья не умирают,
А просто рядом быть перестают...

Елена Скоропупова
(г. Узловая Тульской области)

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

На поле брани, где земля святая,
Где ковыли — как память о былом,
Где мы теперь гуляем, отдыхая,
Стою я под осянным крестом.

Тут каждый камень помнит про Маю,
Про выбор, что поставил князь на кон...
Храм Сергия теперь здесь встал, внимая
Потомкам, что приходят на поклон.

Молюсь, а пред глазами — в поле битва.
И слышу клич: «Навеки Русь одна!»
Летит по храму Сергия молитва,
А на холме стоит сам «сатана».
И миг настал! Сразились силы света
И тьмы в широком поле на Дону...

Но честь России снова на кону
И в Храме Поля славы вновь молю:
Дай, Сергей, сил бойцам!
Дай нам Победу!

Ирина Медникова (Усманова)
(п. Бегичевский Богородицкого района
Тульской области)

ЛЕНА

Мне осколком задело ногу,
И «шальная» попала в грудь,
Под обстрелами всю дорогу
Медсестра прикрывала путь.

Голубые глаза большие,
Две косички — два «колоска»,
И простое красивое имя —
Лена, словно в Сибири река.

Боевая моя подруга —
Сумка с крестиком, мы ползем:
— Может, станешь моей супругой,
Если выживем, заживем!?

— Потерпи, потерпи братишка,—
Шепчет ласково голосок.

— Ой, сестренка, я крупный слишком...
Взрыв! земля, кирпичи, песок...

— Синеглазая, жить не буду,
Ты, пожалуйста, брось меня...
— Эй, солдатик, поверишь в чудо,
Дотащу, не боюсь огня!..

Дотащила, спасла девчонка,
И хирург мне заштопал грудь,
Лишь в ушах голосок тот звонкий
Все звенит: обещал, не забудь!

— Обещал ты на мне жениться,
Если выживем — заживем...
Только вот воронье кружится,
Да во сне лишь с тобой ползем...

Жаль закрылись глаза большие,
Две косички — два «колоска»...
Лена — помню девчонки имя.
Как в Сибири большая река.

Любовь Самойленко
(г. Тула)

ОСУЖДАЯ ФАШИЗМ...

Донецк и Луганск, Запорожская область
И прильнувшая к ним Херсонская,
Оттолкнув от себя и «бандеру», и власть,
Дружно выбрали Русь — Московскую.
День весенний и солнцем окрашено все,
И России приподняты флаги...
Вновь летит в небеса вдохновенье мое
Устраняя в полете преграды.

И ликует народ, и ликует Страна,
Победивши фашистскую смуту.
Будто вышли из страшного, страшного сна,
Приподняв ввысь червонную руту.
Как случилось? Не знаю! Народ ведь один!
Прогоняли фашистов мы вместе...
Сорок первый мы помним и ужас годин,
И Берггольц ленинградские вести.

Мой отец воевал и носил на груди
За заслуги военные Орден.
Если б жив был, я знаю, фашизм осудил,
И бандеровцу б двинул по морде,—
Нет лица у него, лишь фашистский оскал.

Ах, какую страну он угробил...
И не верю я в то, что последствий не знал.
Пусть накажут за все его Боги.

Николай Жуков
(г. Тула)

**ПЕСНЬ В ПОДДЕРЖКУ
ВОИНОВ СВО**

1-й куплет:

Нам выпала доля с другими на равных
Теплом обогреть и заботой своей
В любимом Отечестве воинов славных
И вдов безутешных, отцов, матерей.

Припев:

Мы рядом с сынами и вместе со всеми
Поддержим страну и за Родину встанем,
С российским народом, где дружные семьи,
И лозунг один: мы своих не бросаем!

2-й куплет:

На родине малой в любви и согласье
Родные с победой своих ждут ребят.
Мы молимся Богу и здесь, и в Донбассе
Во славу России, за жизни солдат.

Припев:

Мы рядом с сынами и вместе со всеми
Поддержим страну и за Родину встанем,
С российским народом, где дружные семьи,
И лозунг один: мы своих не бросаем!

3-й куплет:

Мы воинов слышим победное слово,
Герои роняют скупую слезу,
И подвиги павших, как жизни основы,
Потомкам грядущим проложат стезю.

Припев:

Мы рядом с сынами и вместе со всеми
Поддержим страну и за Родину встанем,
С российским народом, где дружные семьи,
И лозунг один: мы своих не бросаем!

Олег Пантюхин

(г. Щекино Тульской области)

БЛАГОСЛОВЕННОМУ ВОИНСТВУ

Мы идем, прорываясь сквозь адский огонь,
Рвутся вены и рвутся снаряды.
Сердцем война чувствуем каждого боль
Боевого товарища рядом.

Нам к утру через ночь очень нужно успеть,
И плечами к плечу командиры.
С неба падает комьями черная твердь
И осколки предательской мины.

Мы прибудем на точку в назначенный срок.
Наше воинство благословили
Правдой высшею — силой, которую Бог
С Богородицей нам подарили.

Верой, честью и совестью души полны.
Смерти нет! И Архангелы с нами!
Мы мечом и молитвой приблизили дни
Мира, посланного небесами.

Олеся Маматкулова

(г. Алексин Тульской области)

* * *

Дни потеряли счет,
Ночи воруют время...
Это война идет.
Боль души не измерить.

Скоро четвертый год —
И ни конца, ни края...
Это война идет,
Траурный марш играет.

Кровь запеклась и пот...
Ветер гудит натужно —
Это война идет...
Все ей живое чуждо.

Жизнь — череда дорог.
Вновь под прицелом смерти...
Скоро придет ей срок?
Кто на вопрос ответит...

Дни, как тяжелые сны,
Ночи — лихое время.
Вот бы не знать войны...
В чудо святое верить.

Светлана Пашковская

(г. Узловая Тульской области)

В БЕДЕ ОБЪЕДИНЯЕТСЯ СТРАНА!

Жизнь матери разделена на «До» и «После».
Что было «до», уже так далеко.
Ушли за Родину сражаться два сыночка,
Им там, поверьте, очень нелегко!

Когда то деды здесь фашистов били,
И гнали их с родной своей земли.
Сегодня внуки гонят прочь нацистов,
Что дедов наших истины сожгли.

Усталые глаза сквозь прорезь Балаклавы,
Суровый прищур и морщинка меж бровей.
Простой, без пафоса и без бравады.
Такой сегодня образ наших сыновей.

А души, как обычно, нараспашку.
Таким запомнится российский наш солдат.
Открытым, добрым и бесстрашным.
Народ гордиться каждым из ребят.

На Украине бьются наши парни,
Не с украинцами, а с НАТОвской ордой,
И нас пугать не надо «Томагавками» —
Мы отвоюем Родине покой!

Нас на пути ничто не остановит.
Мы вновь очистим землю от врага.
А им судьбу история готовит,
И будет она праведно строга.

В беде объединяется Страна.
В России по-другому не бывает.
Защитники — родные все для нас,
И это навсегда объединяет.

Нам нужно было бы давно понять,
Что там, на поле боя, гибнут братья...
Пора в тылу нам щит и меч принять.
Сражающим пером атаковать их ратью!

Юлия Зимина-Кондакова
(г. Тула)

НОВЫЙ ГОД НА ПЕРЕДОВОЙ

Наступит Новый год на всей Земле,
Придет к ребятам на передовую,
Хоть встретят в блиндажах, а не в тепле,
Затянут тихо песню боевую...

Они поставят елки (как без них!),
Неважно, что порой из автоматов,
Что нет гирлянд, снежинок кружевных,
И будут вместо шариков гранаты...

Поднимут за погибших первый тост,
Товарищей, что были с ними рядом...
Как выдержать? Вопрос совсем не прост...
Но выдержать ребятам очень надо!

Побывать у елки несколько минут
Получится, быть может, или снова
Гул дронов вдруг нарушит тишину?
«За ленточкой» и в праздники сурово...

Почувствуйте, ребята, Новый год
Хоть в краткий перерыв между боями...
Мы верим все сильнее: МИР придет!
Родимые! Мы всей страной с вами...

НОВОГОДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ

Новый год... Ожидание счастья
В нашей жизни, где много тревог...
Сердце бьется взволнованно-часто,
Волшебство входит к нам на порог...

И под звон полуночных бокалов
Загадаем желание вмиг,
Чтоб надежда нам душу ласкала,
Чтоб быстрее звук орудий затих:

Наступил у нас мир долгожданный
И вернулись с победой домой
Все бойцы, в семьях дети рождались
И сады расцветали весной,

Не пронзали чтоб воздух сирены,
Было рядом спокойно, светло,
Чтоб пришли в нашу жизнь перемены,
От которых на сердце тепло...

Над судьбой мы, конечно, не властны,
Но наш праздник все встретим с мечтой:
Принесет пусть любовь и согласие
Год две тысячи двадцать шестой!

ALTER EGO: РАССКАЗЫ ЛЮДЕЙ УВЛЕЧЕННЫХ

Настоящим материалом мы открываем новую рубрику нашего журнала и надеемся, что она привлечет внимание как авторов-рассказчиков из числа тех самых увлеченных, так и в особенности читателей «Приокских зорь». А в первом абзаце публикуемого очерка содержится и емкое обоснование актуальности сегодняшнего интереса к alter ego (второе Я,— лат.) людей увлеченных: от традиционных коллекционеров — филателистов, нумизматов, фалеристов и др. — до самостоятельных астрономов, создателей новых научных теорий «как мне представляется» и домашних огородников-селекционеров. Даже пресловутые «изобретатели велосипедов» и тщащиеся доказать Великую теорему Ферма должны вызывать уважение: все одно умопользным делом люди заняты, а не бессмысленным отупляющим вождением пальчиком по экрану «смартфонистого гэджика» — дьявольского инструмента выхолащивания и расчеловечивания высшего создания эволюции. За нами вперед, дорогие авторы и читатели!

Алексей Третьяков
(г. Тула)

РАДИОЛЮБИТЕЛЬСКАЯ ПОЧТА: ДВОЙНОЙ АРТЕФАКТ ПРОШЕДШЕЙ ЭПОХИ

♦ Узнав из очередного номера «Московского Парнаса» о выходе книги Евгения Марковича Скоблова «Филателистические истории»*, неподдельно обрадовался: оказывается, филателия еще не вычеркнута из современного, сплошь оцифрованного бытия... так и захотелось выкрикнуть девиз: «Жив курилка!» главного персонажа «Колы Брюньона» — повести Ромена Роллана. Действительно, жизнь современного человека эпохи глобализации до предела однообразна, безэмоциональна, словом, в суконно-цинковых тонах, поэтому даже малейшие радости заставляют его приятно взволноваться. А радости-то все из прошлого — доглобалистского, а у соотечественников — и вовсе советского, особенно с его «серебряными» 60-и и «золотыми» 70-и годами!

Для нынешних старших поколений это были годы детства — отрочества — юности, когда чудище интернета, правильное — *уманета*, и в страшном сне не могло привидеться, а значит не отвлекало школьников-подростков от их увлечений, как

---

* Евгений Скоблов. Филателистические истории.— М.: «Белый ветер», 2023.— 142 с. (см. «Московский Парнас», № 4, 2023.— С. 170).

говорится, на свою и общественную пользу. Увлечения же массового характера разделялись укрупненно на два рода: коллекционирование и техническое творчество, обычно совмещаемое с каким-либо видом технического спорта. Наиболее же часто эти два рода увлечений безконфликтно уживались в одной голове и в одной паре рук... или ног, если сопутствующий вид спорта требовал того, как, например, радиолюбительская «охота на лис» (см. одноименный художественный фильм позднесоветской эпохи...). Причем как коллекционеры, так и технические умельцы-спортсмены не на пустом месте росли, но их устремленная самодеятельность умело опекалась во всесоюзном масштабе различными общественными и государственными координирующими организациями. Так по моим школьным родам увлечений, коллекционированием почтовых марок и радиоспортом, полезные эти дела курировались Всесоюзным обществом филателистов и Центральным радиоклубом (ЦРК) СССР, соответственно.

Коллекционирование марок, возникшее в XIX веке одновременно с появлением таковых в обиходе и созданием Всемирного почтового союза с «пропиской» во Франции (отсюда и французский язык как официальный в почтовом деле), в СССР продолжило уже закрепившуюся в Российской империи традицию. Соответственно, она перешла от гимназистов к советским школьникам, в среде которых всплеск интереса 1930-х годов продолжился настоящим бумом коллекционирования марок в 60—70-е годы. Главное, это поощрялось как школой, так и родителями. Те и другие вполне справедливо видели в таком собирательстве серьезный стимул к развитию у подростков предметного интереса к истории и географии первоочередно... и ко всему остальному из сфер человеческой деятельности, что запечатлено на почтовых марках. ...Чем и ваш покорный слуга в полной мере им обязан.

А о том, что зачастую такое школьное собирательство перерастает в серьезное занятие уже взрослого человека, уже тогда знал на примере Виссариона Попова, отца друга еще со времен войны — отец всю ее провел в составе Северного флота СССР все в тех же *наших* местах: на выходе из Кольского залива в Баренцево море. Виссарион же Попов, известный на кольском Севере в 1950—60-е годы строитель маяков, что имели двойное подчинение Гидроотделу Северного флота и бессменно возглавляемому И. Д. Папаниным Главсевморпути. Серьезный коллекционер, Попов позже издаст высоко ценимую в кругах филателистов книгу о марках, посвященных освоению Севера... Было у кого учиться серьезному отношению к коллекционированию. Главное, все на пользу пошло. Пресловутая «коммерция» в любительском коллекционировании тогда не приветствовалась...

♦ В те же 60—70-е годы у советских школьников, начиная с пятого-шестого классов, не уступало собранию марок, по массовости увлечения, радиолюбительство: личное домашнее, кружковое и совмещенное с различными видами радиоспорта — под эгидой ДОСААФ, Федерации радиоспорта СССР и уже упомянутого ЦРК СССР. Сам я в шестом классе собрал-спаял свой первый «карманный» радиоприемник на только что вошедших в обиход полупроводниковых транзисторах и диодах. С ферритовой антенной тож.

Но с девятого класса это собиранье-паянье наложилось на очень серьезное занятие радиоспортом, причем сугубо международным и «элитным»: радиосвязь на коротких волнах телеграфной азбукой. «Морзист на ключе», — так это в своем кругу именовалось. Здесь не обойтись без необходимого пояснения: каким-таким образом в Полярном, городе подводников, а с начала тридцатых годов, всю войну и позднее до начала пятидесятых являвшегося «столицей», то есть главной военно-морской базой Северного флота СССР, городе совершенно закрытом (специальная отметка в паспорте), который и сейчас официально именуется *ЗАТО Полярный* (Закрытое административное территориальное образование Полярный), вдруг ни с того, ни с сего в Полярной средней школе № 1 (а иных в городе и не было) объявилась в самый разгар

«холодной войны» любительская радиостанция с позывным *UAIKUZ*, которая связывается на коротких волнах, что огибают весь земной шар, со всеми радиолюбителями мира?

Как это не покажется удивительным, но опосредованной причиной появления нашей *UAIKUZ* в северном городе подводников (ныне Городе воинской славы) явился... тот достославный круизный (на теплоходе) визит Никиты Сергеевича Хрущева в США, из которых он привез в наши пенаты кукурузу, продажные автоматы — от газировки до одекOLONных брызгов, — сосиски «пальчики» и... 11-летнее обучение в школах (нынешняя 11-летка оттуда же родом). Поскольку к исторически устоявшемуся десятилетнему обучению теперь волонтаризмом (и пробелелизмом) Никиты Сергеевича добавлялся лишний год, который следовало хоть чем-то занять, то — вообще-то не без пользы для ребят — и было введено производственное обучение в школах, то есть в 9—11-х классах два из шести учебных дней в неделю школьники приобретали настоящую, с разрядами, рабочую профессию. Но в городе с военно-морской инфраструктурой выбор профессий невелик. Наставники наши поступили просто и мудро: кто после школы не планирует продолжать учебу — идите на единственное в Полярном серьезное предприятие, на Судоремонтный завод № 6 ВМФ СССР; для тех же, кто имел намерение поступать в институты, университеты и в военные училища, в школе была организована подготовка радиотелеграфистов (это как радистка Кэт из знаменитого сериала о Штирлице...), работающих по азбуке Морзе. С выдачей удостоверений о профессиональном разряде.

...Благо нашелся энтузиаст такого дела — матерый мичман Алексей Васильевич Калинин, и внешне очень напоминающий боцмана из советских исторических фильмов. Он же, благо почти что с военных времен служивший в Полярном по флотской радиосвязи, человек не последней в этой службе, мигом организовал в школе учебный радиокласс и любительскую радиостанцию... помнится, как мы с уханьем и топаньем переносили с грузовика полутонного веса радиопередатчик, списанный с крейсера... Необходимость же радиоклуба, да еще в закрытом городе, Алексей Васильевич высокопедагогично мотивировал необходимостью практики работы в эфире для осваивающих профессию радиотелеграфиста. «Да они же и на флот к нам придут служить!» — убеждал он флотских особистов. Вроде как на адмиральском уровне дело сдвинулось и решилось.

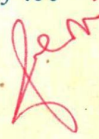
Заметим, что наши одиннадцатые классы завершали «волонтаризм» Хрущева. Страна возвращалась к проверенной десятилетке. И мы оканчивали школу уже вместе с десятиклассниками, которые без производственного обучения. Двойной школьный выпуск того года все вернул на круги своя. У меня же от тех лет — второй спортивный разряд по радиоспорту и удостоверение профессионального радиотелеграфиста — тоже второго разряда.

♦ Каждый участник нашего школьного радиоклуба имел и личный позывной *радиолюбителя-наблюдателя*; у меня *UAI-74527*, а полное наименование: *UAI-74527 ex UAIKUZ*, то есть радиолюбитель такой-то на коллективной радиостанции <тоже> такой-то. Переехав в Тулу, первым делом отыскал областное Управление инспекции электросвязи, где веселый начальник ее, отставной полковник радиотехнических войск Авзурагов (осетин), вручил мне документ на личный позывной *UA3PV*, а чуть позже стал начальником коллективной радиостанции Тульского политехнического института, где учился на радиотехническом факультете — с позывным *UW3KKA*. Тогда же опубликовал* в журнале «Филателия СССР», издаваемом с 1965 года Министерством связи СССР и Всесоюзным обществом филателистов, материал по радиолюбительской почте...

Да-да, существовала и такая, «параллельная» почте обычной, причем со всеми

* Яшин А.А. Радиолюбительская почта // Филателия СССР. — 1969. — № 12. — С. 39–40.

схожими атрибутами: почтовые карточки, только именуемые на радиолюбительском (международном) коде QSL-карточками (QSL в международном же Q-коде, в переводе с английского и в аббревиатуре означает: «Можете ли вы подтвердить прием?»), и марки. То и другое по форме взяты из традиционной почты. Из помещенных здесь карточек первая принадлежит венгерскому «морзисту на ключе» — с фото его и аппаратуры, а вторая — коллективной радиостанции из Волгограда, которую возглавил... не кто иной, как все тот же наш бывший наставник Алексей Васильевич, вышедший в отставку и вернувшийся на свою родину. Земля-то круглая!

HUNGARY		HA2MU		QTH TATABÁNYA	
To radio		Cfm ur QSO on		Mc/s	
UA1-74527		15		12	
LOWE		RSTM		GMT	
1965		1630			
		Tx: 100 w.		Rx: super	
		Ant: Dipol, Gp.		LW	
PSE		QSL		Tnx fer fb	
TKS		—		QSO vy 73's	
via: CRC				from	
Budapest 5.					
P.O. Box 214					

QSL-карточка радиолюбителя из Венгерской Народной Республики, город Татабанья, позывной HA2MU; отправлена 15.12.1965 советскому радиолюбителю-наблюдателю с позывным UA1-74527 (А. А. Яшин)

RADIO				
EFIR			UK4AAI	
CLUB			THE HOUSE OF YOUNG TECHNICIANS ZONE 16 REGION 158 QTH VOLGOGRAD	
HM 10862 7237-20000 ВФД				

QSL-карточка (графы с рукописным заполнением на обороте) советской коллективной радиостанции, позывной UK4AAI, из Волгограда, Дом юных техников; начальник (руководитель) радиостанции — Алексей Васильевич Калинин (с 1966 года)

Как видно из карточки-«кюэсэлки» венгра Ференша, результаты проведенного радиообмена записываются в соответствующих графах: частота работы, дата работы, время и пр. Все, конечно, в терминах Q-кода и радиолобительского кода. В СССР «кюэсэлки» по стране и за рубеж посылались через ЦПК СССР бесплатно. Так же как и в соцстранах. Поэтому марки оплаты (см. на фото для некоторых стран) использовались в капстранах, где их печатают, а почту обслуживают частные компании. Обычно марки не гасились штемпелями, но были и исключения — см. чилийские марки.

Послать свою «кюэсэлку» коллеге-радиолобителю, с которым провел сеанс связи — дело высокочтимой чести. В описываемые годы радиолобительская почта охватывала полторы сотни стран, включая Арктику и Антарктиду, а объем корреспонденции до сотни миллионов QSL-карточек в год. Даже без названия стран на марках, их принадлежность сразу определяется по названиям радиолобительских организаций страны: *REF* — Франция; *JAPL* — Япония, *VERON* — Голландия и пр. (см. фото марок). Но номиналы оплаты на марках не ставили.

Знаки почтовой оплаты (марки) радиолобительской почты различных стран (слева направо): верхний ряд: Франция, Нидерланды (Роттердам), Чили; нижний ряд: Япония, Швеция, Южно-Африканская Республика (Кейптаун), Австралия — штат Виктория (Мельбурн)

По числу любительских радиостанций в СССР в 70—80-е годы — до пятидесяти тысяч, можно судить и об общем их числе в мире! Редкий случай, когда «элитный» вид спорта столь массовый...

Спорт и азарт неразделимы. Так и в нашей школе, в полярную ночь круглосуточно светились окна радиоклуба — значит идут суточные, самые престижные международные соревнования *WDX*, а мы сквозь зимнюю заполярную пургу спешим на свои часы вахты... Тот же азарт и в проведении связей с наиболее знаковыми любительскими станциями мира, среди которых, в первую очередь, «морзисты» с Антарктиды, с советских станций Арктики, единичные радиолобители с экзотических океанских островов, стран Африки, Океании, Азии. Очень ценились радиосвязи — и, тем более, карточки с автографами — известных людей; например, радиолобителем являлся король Иордании Хусейн, а также американский сенатор Барри Голдуотер... этого яркого антисоветчика в нашей прессе иначе как «бешенным Барри» не именовали, а он шлет тебе свою «кюэсэлку», на которой напишет *73 from Barry* — «Наилучшие пожелания от Барри». Как во всяком спорте и здесь иное общение в своем кругу.

...И весь радиолобительский мир «замотал» один американец из Сан-Франциско, казалось, круглосуточно отстукивающий на ключе. А все дело в том, что мистер этот то ли украл много, или налоги не заплатил, поэтому уже который год проживает на

своей яхте, что дрейфует вдоль берега Калифорнии. По тамошним законам его нельзя «арестовать на море». Чем заняться?

Тур Хейердал тоже долгое время не сходил на берег, плывя на своей папирусной «Ра» через Атлантику, но все радиолюбители мира сутками напролет «шарили» по эфиру в надежде «поймать» его позывной *LI-2-B...*

Очень демократичный вид спорта. Для советских радиолюбителей действовали всего лишь два запрета: на связи со станциями Израиля и ЮАР (марки ЮАР на фото выше — более поздних времен); тогда сионизм (не путать с алией — репатриацией!) и расизм (с подачи очень авторитетного тогда СССР) были осуждены ООН... Как нам было жалко Мишу из Натаньи, что на севере Израиля, который не «слезал» с волны нашей *UAIKUZ*, прямым текстом «морзянил»: ребята, да ответьте мне, своему бывшему земляку из Мурманска!

...Как и «классические» филателисты, серьезные радиолюбители имели кляссы для радиолюбительских марок, а иные и фотоальбомы для наиболее значимых «кю-эсэлек».

♦ Наш краткий очерк «о делах минувших» оказался бы неполным, если бы мы не вспомнили об Эрнесте Теодоровиче Кренкеле, бессменном председателе ЦРК СССР в 60—70-е годы, энергией которого советское радиолюбительство вышло в мировые лидеры, а в самой советской стране миллионы ребят, увлекшись радиоконструированием и радиоспортом, раз и навсегда выбрали себе радиотехнику профессией. Автор этих строк и его одноклассники в том числе.

...Опять историческая ремарка. Когда в День Радио, ежегодно 7 мая прикрепляю к лацкану пиджака знак Почетного радиста России (это уже не спортивная награда, но высшая по ведомству министерства связи, как оно раньше называлось...), то вспоминаю известную быль, вполне возможно и близкую к правде. Когда героическая четверка папанинцев*, то есть сам Папанин, Федоров, Ширшов и Кренколь, по завершении дрейфа на льдине с триумфом возвратились в Москву, то на них обрушился поток наград и всенародного признания. Поскольку же экспедиция имела статус научно-исследовательской, то было решено («мы тут, в Политбюро, посоветовались и предложили...») отметить героев-полярников и научными отличиями. Проще было с Папаниным, метеорологом Федоровым и гидрологом Ширшовым, имевшими высшее, или приравненное к нему, образование. И в одночасье они стали докторами географических наук (без защиты диссертаций).

Но вот с чисто техническим участником дрейфа на льдине, радистом Кренкелем со средним образованием возник вопрос: как его не обидеть и в то же время не профанировать докторское ученое звание? Вопрос щекотливый, да и время такое... только что закончилась «ежовщина», самого Николая Ивановича расстреляли. Словом, Соломоново решение принял сам Сталин, дескать, учеными степенями не будем разбрасываться, но и заслуги Эрнеста Теодоровича высоко оценим: введем звание Почетного радиста СССР и удостоверение за номером один вручим Кренкелю! Так молва гласит...

...Действительно, знак Почетного радиста России полностью, исключая замену названия страны, сохранил облик наград тридцатых годов: удлиненный ромб с изображением Шуховской башни и земного шара с «молниями» радиосигналов.

Именно благодаря активной деятельности Кренкеля в возглавляемом им ЦРК СССР, его неумной энергии, в стране не только была создана обширная сеть радиоклубов — областных обязательно, а также многих районных, организационно обеспечивавших слаженную, скоординированную работу десятков тысяч (см. выше) лю-

---

* Почему-то малоизвестно, но был и пятый участник героического дрейфа СП-1: лайка с кличкой Север. По возвращению со льдины папанинцы первую остановку на земле сделали в Полярном, где и подарили Севера морякам «столицы» Северного флота. Мой отец, Афанасий Андреевич, служивший тогда в Полярном, трепал Севера по загрывку.

бительских радиостанций «морзистов на ключе». Но ведь была еще не меньшая сеть радиолюбителей, работавших в УКВ*-диапазоне! А коротковолновики, проводящие сеансы связи «голосом» (так называемая работа в *SSB* — на одной боковой частоте)? Вместе с «охотниками на лис» — это была уже армия технических специалистов и спортсменов. И всей этой, распределенной по 1/6 части земной суши многочисленной ратью умело руководил бывший радист дрейфующей на льдине станции «Северный Полюс — 1», что была 21 мая 1937 года высажена близ самого этого полюса с самолетов Водопьянова, Молокова, Алексеева и Мазурука, взлетавших с острова Рудольфа архипелага Земли Франца-Иосифа...

История близкая и далекая, как и радиолюбительская почта в «ведомстве Кренделя», а за пределами страны — по всему заселенному людьми земному шару.

...Нынешний век не набрал еще своей четверти, но Великий глобализатор, внук Великого инквизитора Ф. М. Достоевского («Братья Карамазовы»), уже полностью опутал мир своей цифровизацией (правильнее — *цифрофренией*), практически лишив людей «материальной» почты. Тем более радиолюбительской, оставив ее в нашей памяти «двойным артефактом прошедшей эпохи»...

---

* То есть ультракороткие волны, на которых сейчас работают местные, городские и областные, широкоэмитательные радиостанции. Но в СМИ их именуют ФМ-станциями: с 90-х годов так собезьянничали с американского *FM*, то есть *frequency modulation*, в переводе: частотная модуляция...

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Владислава Васильева
(г. Узловая)

ГДЕ ВЫ, МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ? Обзор тульской прозы 2024—2025 г.г.

Наш постоянный автор.

Имеется статья Максима Горького: «С кем вы, мастера культуры?». Статья была опубликована 22 марта 1932 года в советских газетах «Правда» и «Известия». И вскоре фраза «С кем вы, мастера культуры?» стала крылатой. Она используется, когда речь идет об определении политической или нравственной позиции деятеля культуры.

То есть Горький не сомневался, что мастера культуры *есть*, осталось только выяснить, с кем они, чьи интересы транслируют. С тех пор прошло почти столетие и сейчас нам приходится говорить: «Где вы, мастера культуры?» Пишущие люди есть, разумеется. Но не самопровозглашенные ли они мастера? Или их все-таки можно назвать профессионалами. Разобраться довольно сложно, а потому начнем с прозы. Спойлер* — в поэзии все еще более запутанно.

Приступая к обзору тульской прозы, надо прежде всего определиться с критериями.

Во-первых, период. Сильно углубляться не будем. В конце концов, нас интересует положение в прозе сейчас, а потому 2024—2025 годов будет достаточно для выяснения, есть ли у нас работающие авторы. Чтобы мы могли с вами обсудить прозу, кто-то, как минимум, должен ее написать и опубликовать.

Во-вторых, персоналии. Чью прозу мы будем обзирать в данной статье? Здесь нам надо забыть о том, что в Тульской области, где мы с вами проживаем, все друг друга немножечко знают. Или знакомы заочно. Или что-то слышали друг о друге. Забудем. Представим, что это обзор прозы Нижегородской области, или Новосибирской, да мало ли... С чего же тогда начался бы поиск авторов для обзора? Разумеется, я не звонила бы в Нижний Новгород и не спрашивала: кто у вас там пишет. Не пыталась бы просматривать фотографии уютных посиделок нижегородских литобъединений. Нет, никаких «тайных» имен гениев. Только публикации, только списки премий, шорт и лонг листов. И это справедливо. Даже во вновь принятом профессиональном стандарте профессии «Писатель» закреплено, что писатель не только «разрабатывает замысел», в его трудовые действия входит «Подготовка текста оригинального литературного произведения для передачи в издательство» и «Подготовка журнального

---

* От редакций «ПЗ»: это неизвестное нам слово, похоже, из современного «американо-нижегородского» диалекта русского языка? Следует давать переводы на «великий и могучий»...

варианта оригинального литературного произведения для передачи в редакцию периодического издания» (пп.3.1.1 раздел III Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 10 ноября 2025 г. № 633н «Об утверждении профессионального стандарта «Писатель»).

И это означает, что писатель не тот, кто «балует» в стол, а тот, кто пишет, выдвигается на конкурсы и премии, рассылает свои произведения для публикаций в журналы и издательства, не боясь отказов. Не боясь отказов! Потому что поражения наравне с успехами — это и есть профессиональная история. Пробовать новое, участвовать в конкурентной борьбе, отдавать свое произведение на профессиональный суд редакторов и жюри — это и есть профессия писателя.

Недавно в «Литературной газете» (02.01.2026 года) была опубликована интересная статья о вхождении в профессиональное сообщество. Автор статьи Александр Мелихов — писатель, литературный критик, публицист, заместитель главного редактора журнала «Нева». Статья называется «Кто формирует литературные репутации?». Приведу цитату из статьи:

«По первому и последнему образованию я математик, и первое признание мне пришлось завоевывать там. Как это происходит? Сначала тебя знают и уважают (если уважают) только твои однокурсники. Потом ты начинаешь (если начинаешь) печататься в академических журналах. С этой минуты ты попадаешь в относительно respectable общество. Но окончательное посвящение в научную элиту происходит на авторитетном научном семинаре, попасть на который уже успех, — чтобы тебя согласились выслушать, тебя уже за что-то должны уважать. И вот ты приезжаешь в Москву, и тебя съезжается слушать «вся Москва» — девять человек. И эти девять человек полностью определяют твою судьбу. Если они тебя признают, ты входишь в научную элиту на своем научном пятачке. Если не признают — тебе не поможет ничего».

Здесь перед нами ступени любого профессионального признания: учеба, публикации в журналах, авторитетное профессиональное жюри. Другими словами, автор говорит о легитимизации в профессии. Объявление самого себя лучшим математиком (читай — писателем) всех времен и народов не поможет.

От себя добавлю, что также не поможет отрицание достижений: дипломов премий и конкурсов, а также публикаций. Приходится, увы, проговаривать и такие, казалось бы, очевидные вещи. В последнее время появилась тенденция заходить в отрицание экспертной оценки, а вместо нее выдвигать странное: «я работал, я писал», или «творческий вечер».

Бывает, выдвигают еще критерий: издание книги. Тысячу раз «да», если решение об издании книги приняло экспертное жюри, будь то редакцией или наградой победителю конкурса. Но! Если это самиздат в любом его виде: на свои, на спонсорские, на грант любого из союзов... здесь мы не можем говорить о достижении, разве что о финансовом. Сам пишешь, сам издаешь, сам продаешь, сам объявляешь новым словом в литературе Тульской области.

Кроме того, нам придется ввести еще один важный критерий — место проживания автора. Да, есть тульские и впоследствии уехавшие Александр Терехов и Роман Шмарков с их «Большой книгой», есть Геннадий Калашников, Андрей Коровин, Александр Евсюков, Мария Косовская, но мы будем говорить о тульских реалиях. О возможности войти в литературный процесс с наших географических позиций. Не будем лукавить, это очень и очень весомый фактор.

Еще важно упомянуть один критерий, которого в нашем разборе как раз и не будет. Тираж.

Во-первых, реалии литературного процесса в наше время таковы, что о тиражах говорить странно, если не смешно. Тут вопрос скорее денег, а мы обсуждаем не деньги.

Во-вторых, будем честными, никто из ныне пишущих тульских писателей не сможет повторить успеха писателя Валерия Маслова с его полуторамиллионными тиражами. Его читала без преувеличения вся страна, и вся страна смотрела сериал, снятый по книгам серии «Мафия бессмертная» со звездным Дмитрием Певцовым в главной роли. Валерию Маслову удалось то, о чем мечтает каждый писатель, ибо это и есть ключ к успеху — отразить свое время. Не далекое прошлое, не ностальгическое время юности, а настоящее.

Итак, книги:

В 2025 году была издана трилогия тульского писателя Олега Хафизова о Федоре Толстом: «Дикий американец», «Дуэлист» и «Картежный вор». Издательство «Вече», Москва, серия «Всемирная история в романах». Изначально это было дилогией, но вторую, объемную, книгу издательство разделило на два тома под разными названиями. Главный герой книги реальное историческое лицо — дворянин, картежник, дуэлянт и друг Пушкина. Читатель с интересом наблюдает за его судьбой на обоих полушариях земного шара. Уникальная личность и уникальная судьба. Книги написаны в жанре приключенческого исторического романа.

В 2024 году в издательстве «Городец», Москва, был издан дополнительный тираж романа «Офелия» тульской писательницы Анны Семироль. Действие романа происходит в Англии середины 20 века. Поскольку роман написан в жанре «городское фэнтези», в этой Англии живут не только люди, но и... русалки. Они опасны для людей, но мальчик Питер Палмер находит способ подружиться. Для Анны Семироль это не первая изданная книга, ранее в издательстве «Эксмо» уже выходили две первые книги из трилогии: «Азиль», «Одержимость», в 2026 году возможен выход третий книги «Ками». Азильский цикл написан в жанре постапокалипсиса, альтернативной истории, социальной фантастики. Также в 2026 году ожидается повторное издание романа «Игрушки рода Баллантайн»

В 2025 году в издательстве АСТ вышел роман Елены Ершовой «Медвежье молоко», серия «Славянская мистика». Роман — смесь детективной истории поиска пропавшей девочки и страшного фольклора Русского Севера.

В 2024 году в издательстве МИФ (Манин, Иванов и Фербер) состоялся перевыпуск книги тульского писателя Александра Кузнецова-Тулянина — романа «Язычник», в жанре этнографического романа. Книга о Курилах и его жителей.

В нескольких сборниках рассказов издательского дома «Перископ-Волга» (Волгоград) были опубликованы рассказы Александра Романова (сборники «На распутье сказочных дорог», «Происхождение мрака», «Фамильяр бесконечности»), а также рассказы этого автора вошли в сборник Специальный выпуск (приложение) к журналу «Краснодар литературный» — СловоДар № 2.

И это, собственно, все художественные книги, за которые авторы получили от издательства гонорар, либо были напечатаны не за счет автора.* Остальные книги были изданы на средства автора, откуда бы эти средства ни поступили.

Журналы:

Больше других прозаиков художественную прозу в 2024—2025 годах печатал Олег Эсгатович Хафизов. В крупном литературном журнале «Урал», одном из старейших в России,** в 2024 году опубликован роман «Государева стража», в «Новом

---

* От редакции «ПЗ»: странный критерий — издание книги в сугубо коммерческих издательствах (вспомните, что они тиражировали в 1990—2000-х г.г.!), есть автоматическое признание таковых «высокой литературой». И стилистически: первое и второе предложения данного абзаца противоречат друг другу...

** От редакции «ПЗ»: в таких же старейших в СССР-России журналах «Подъем», «Север», «Дон», «Дальний Восток», «Западная Двина» регулярно, не первый десяток лет, печатаются Яков Шафран и Алексей Яшин...

мире» ироничные исторические миниатюры «Купеческие сказки», в 2025 году в «Новом мире» выходит повесть «Епифания», а в «Роман-газете» двумя отдельными номерами — роман «Государева стража». Все произведения на историческую тему, действие происходит на территории Тульской области.

В 2024 году выходит специальный номер журнала «Роман-газета», посвященный прозаикам Тульской области. В него вошли повести Владимира Милова и Ильи Луданова, авторские сказки Олега Хафизова, рассказы Андрея Коровина, Александра Евсюкова, Виктории Ткач, Александра Романова, Юрия Кириленко, Сергея Овчинникова, Надежды Григорьевой, Марии Косовской, Владиславы Васильевой и Елизаветы Волинской. Для многих это стало первой публикацией в столичном журнале с давней и славной историей.

Тульская областная научная библиотека не только поддержала публикацию этого номера, но и организовала несколько презентаций — как в Туле, так и в районах Тульской области. Бесценная возможность для пишущих людей — поговорить с главным редактором и выпускающим редактором знаменитой «Роман-газеты». Кстати, главный редактор Юрий Вильямович Козлов возглавил жюри литературной премии «Слово» — самой крупной литературной премии России.

Тульский критик Игорь Манцов опубликовал обзор номера «Романа-газеты» с произведениями тульских авторов в электронном журнале «Конвалют» на сайте Тульской областной научной библиотеки.

Валерий Яковлевич Маслов в 2024—2025 годах три раза публиковался в Общеписательской литературной газете (учредителем газеты является Международное сообщество писательских союзов (правопреемник Союза писателей СССР)). Был опубликован рассказ «Звонок с того света» и два очерка о Льве Толстом, Иване Бунине, а также об известных поэтах XIX века, связанных с Тульской землей.

Разумеется, многие тульские авторы публиковались в «Приокских зорях». А как иначе? Это наш, тульский, «толстяк». В нем, можно сказать, публиковались многие тульские авторы. А потому для чистоты исследования нам придется эти публикации отложить в сторону.* Ведь предметом нашего исследования является присутствие тульских авторов в литературном процессе страны.

Также придется отложить в сторону публикации в альманахах. Ведь если подвести общую черту, то вполне можно заявить: в альманахах публиковались все. Вообще все. Разумеется, уровень альманахов разный. Альманах альманаху рознь. Один публикуют вкладчину, рублей по пятьсот за страницу текста, другой издается на средства гранта, третий содержит в себе имена шорт и лонг листов солидной премии. Объяснять профессиональную литературную разницу между такими изданиями, думаю, не нужно. А также становится понятно, что обзор опубликованного в альманахе должен быть темой отдельного исследования.

Премии:

Говоря о премиях, также приходится определяться с критериями. В литературной премии «Ясная Поляна», в премии «Большая книга» и новой престижнейшей премии «Слово» тульские авторы в 2024—2025 не засветились. Надеемся, что все у нас впереди. Но хочется избежать и тенденции последних лет, когда авторы хвастаются дипломами номинантов различных премий. А кто такой номинант? Номинант — это тот, кто выдвигался, но не выиграл. Как память о мероприятии такой диплом — приятная вещь. Особенно если автора выдвигал не он сам. Может быть, это даже можно

---

* От редакции «ПЗ»: несколько неосмотрительно автор причисляет наш журнал к разряду «домашних». Он выходит под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, то есть входит в разряд всероссийских. Публикации в журнале засчитываются при перерегистрации и приеме в СПР. Требования к публикациям в «ПЗ» достаточно жесткие, поэтому далеко «не многие» туляки в нем печатались...

приравнять к некоему лонг-лонг листу. Но сейчас речь пойдет о более крупных достижениях:

Областная литературная премия им. Л. Н. Толстого создана в Тульской области в 1999 году, в целях поддержки создания и представления обществу произведений литературы, развития отечественной традиции искусства книги. Жюри премии всегда многочисленно, в него входят эксперты всех уровней — члены правительства Тульской области, в том числе министр (заместитель министра) культуры и туризма Тульской области, директор ФГУК «Государственный мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», председатель Тульского регионального отделения общероссийской общественной организации Союза писателей России, генеральный директор ГУК ТО «Региональный библиотечно-информационный комплекс», заведующая филиала ГУК ТО «Тульское музейное объединение» Дом-музей В. В. Вересаева. Сомневаться в профессиональном уровне и компетентности такого жюри не приходится.

В 2024 году премию в номинации «Проза» получил Валерий Яковлевич Маслов, за роман «Любовь не имеет названия», а в 2025-ом – Алексей Афанасьевич Яшин в номинации «Проза» за роман «Пир в Валгалле: Семейная хроника 21-го столетия».*

В 2025 году писателю, заслуженному работнику культуры Валерию Яковлевичу Маслову вручена благодарность Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина «За заслуги в развитии отечественной культуры»

Всероссийская Арктическая литературная премия имени Виталия Семеновича Маслова учреждена постановлением Губернатора Мурманской области от 20.04.2021. В 2024 году повесть «Страна холода» Алексея Афанасьевича Яшина сначала вошла в короткий список премии, а затем и заняла второе место. Конкурсная экспертная комиссия работала под председательством писателя, члена Союза писателей России, главного редактора литературного журнала «Роман-газета» Юрия Козлова. Напомним, что Юрий Вильямович также входил в состав жюри крупнейшей в стране литературной премии «Слово». А также напомним, что именно он был среди тех, кто отбирал произведения тульских авторов для «тульского» номера «Роман-газеты».

На Международном литературном фестивале «Славянская лира» победителем литературного конкурса в номинации «Малая проза» стала тульская писательница Надежда Васильевна Давыдова.

Очень активную жизненную и литературную позицию занимает Александр Александрович Романов. В 2024—2025 годах у него такой ряд достижений: Специальный диплом открытого фестиваля-конкурса «Родословие», организованного Клубом молодых литераторов Кубани КРО СП России (2024 г.), лонг-лист Первого Международного литературного конкурса им. Владимира Маканина «Голоса» (2024 г.), победитель в номинации «Магическая проза для детей» VI-ой Международной премии в области литературного творчества для детей «Алиса-2024», шорт-лист международного литературного конкурса «Петроглиф» (2024), диплом лауреата I степени по прозе во Всероссийском литературном конкурсе «Слова и тропы» (2024 г.), шорт-лист премии «Человек слова — 2024» в номинации «Волшебный мир детства» (издательство «Четыре»), диплом I степени в номинации «Проза» литературной премии X-го Всероссийского фестиваля русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба» (Борисоглебск, 2025 г.), лонг-лист Литературной премии им. Юрия Левитанского (длинный список III сезона, 2025 г.), полуфиналист конкурса в третий сборник редакторской серии Алексея Небыкова «Время прозы, «Сны» (2025 г.)

Отдельно хочется проговорить достижения драматурга Рагима Гашамовича Му-

---

* От редакции «ПЗ»: добавим, что Валерий Маслов и Алексей Яшин получили премии Л. Н. Толстого в третий раз. Кстати, в 2025 году Алексей Яшин был удостоен высшей награды СПР — Почетного знака «За заслуги в литературе».

саева — лауреата международных и российских литературных конкурсов, постоянного участника международных и российских театральных фестивалей. Рагим Гашамович живет и работает в г. Туле. Драматург, член Союза театральных деятелей России, Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», член Гильдии драматургов России, член Национальной ассоциации драматургов России, в его арсенале более 100 постановок в театрах России, Беларуси, Украины, Казахстана, ДНР, ЛНР.

Вот список наград, которые получили его пьесы в 2024—2025 годах:

Пьеса «Свадебное платье для аксолотля» — победитель Международного конкурса современной драматургии «Время драмы, 2023, зима», Международного конкурса историко-патриотических пьес «С любовью к Отчизне» Гильдии драматургов России (2024) и в конкурсе исторических пьес «Герой» проекта «Творческая среда «МОНОЛИТ» Национальной ассоциации драматургов России (2024).

Пьеса «Жуковский: призраки счастья» — победитель Международного литературного конкурса им. А. К. Толстого (2024).

Пьеса «Мосин: трехлинейный роман» — победитель Драматургического конкурса исторических пьес «Крупницы истории» (2025).

За пьесу о брянских партизанах «Кто не спрятался, я не виноват» в 2025 году награжден Благодарностью Министерства обороны Российской Федерации.

31 мая 2025 года Мусаев Р. Г. награжден Почетной грамотой Международного литературного фестиваля «Славянская лира — 2025» за весомый вклад в развитие литературных процессов в Республике Беларусь и укрепление международных творческих связей.

12 июня 2025 года за большой вклад в сохранение социально-культурных традиций Мусаев Р. Г. награжден Благодарностью Губернатора Тульской области.

Из всего вышеперечисленного читатели статьи вполне самостоятельно могут сделать вывод о работающих авторах в области художественной прозы и драматургии. Так же, как можно сделать вывод о том, какие именно темы являются востребованными в современной литературе. Хочется, чтобы туляки занимали в ней гораздо больше место. Больше участвовали в конкурсах, чаще публиковались.

Вероятно, я назвала не всех. Писатели — народ интровертный, возможно, есть еще и публикации, и лауреаты премий, о которых мы еще можем узнать. Вернее, сможем, — если эти авторы пришлют нам сведения о своих достижениях. В следующей статье, посвященной обзору поэзии туляков за 2024—2025 год, я вернусь к этому вопросу и сообщу о тех авторах, сведения о которых удастся получить дополнительно.

***От редакции «Приокских зорь».** Редакция журнала признательна члену редколлегии Владиславе Васильевой за подготовленный — по нашему поручению — обзор тульской прозы 2024—2025 г.г. Не со всем редакция согласна, объективности ради говоря (см. выше наши подстрочные примечания). Слишком «прямолинейный» подход к оценке творчества писателей: не по содержанию их произведений, но по внешним знакам — премии, издательства, награды и пр. Таковых сейчас в избытке, гораздо больше, чем истинных художников слова. Есть такие и на тульской земле, но не все они попали в орбиту внимания автора обзора. Надеемся, что в заказанном редколлегией обзоре тульской поэзии за 2024—2025 г.г. уважаемая Владислава Васильева будет более объективной. Тем более, что поэты — народ эмоциональный и болезненно реагирует на невнимание к ним...*

«ЗВЕЗДНОЕ ИНТЕРВЬЮ»

Михаил Шабров. Не считаю себя поэтом

*На вопросы Николая Тимохина согласился ответить многократный лауреат всесоюзных и всероссийских конкурсов и фестивалей эстрадной песни, лауреат премии Пермского края в сфере культуры и искусства, член правления Международного союза деятелей эстрадного искусства, поэт-песенник, песни на стихи которого есть в репертуаре звезд эстрады: Иосифа Кобзона, Льва Лещенко, Вячеслава Добрынина, Софии Ротару, Ирины Понаровской, Сосо Павлиашвили, Михаила Боярского, Николая Караченцова, ВИА «Самоцветы», «Веселые ребята», «Пламя», группы «На-На» и многих других **Михаил Зеликович Шабров.***

ТИМОХИН. Здравствуйте, Михаил Зеликович! Названием этого интервью послужили ваши слова: «Я не считаю себя поэтом, потому что всегда пишу от имени исполнителей», и ссылались при этом на ваше творческое взаимодействие с Софией Ротару. И все же, если вы не поэт, тогда кто же? И кого вы можете выделить из современных поэтов в России? И вообще, есть ли таковые?

ШАБРОВ. Я — поэт-песенник. И, по моему, единственный из тех, кто пишет стихи для песен, и который так себя называет.

Выдающийся мастер песни Леонид Дербенев, например, терпеть не мог, когда о нем говорили как о поэте-песеннике. Меня же это несколько не смущает.

Чтобы было понятно... Работая с Софией Ротару, мы с композитором Владимиром Матецким искали темы для песен, которые бы совпадали с личностью певицы, ее сценическим образом. Естественно, стихи писались от ее имени. В этих песнях ее души и чувств гораздо больше, чем моей. Достаточно вспомнить «Хуторянку» или «Диких лебедей». Кроме того, почти все стихотворные тексты для Ротару, включая «Лаванду», «Луна, луна», «Было, но прошло», были написаны на уже готовую мелодию, и — внимание! — в этом ключ к пониманию того, что отличает Поэта от Поэта-песенника.

Настоящего поэта можно узнать по интонации. Он «пишет, как дышит», поэту-песеннику, особенно в тех случаях, когда он пишет стихи на уже готовую музыку, это «дыхание», эта интонация предоставляется готовой. Кроме того, поэт-песенник должен использовать в работе над песней лексику, речевые обороты, которые находятся в полном соответствии с личностью исполнителя.

Далее, песенные стихи воспринимаются, в первую очередь, на слух, поэтому они должны запоминаться чуть ли не сразу. В обейме песенного текста должны быть обязательно одна-две фразы, которые в сознании слушателя запечатлевались, как следы на снегу.

Стихи для песни создаются обязательно по закону драматического произведения, т.е. в них должна быть экспозиция, завязка и развязка. Именно благодаря этим особенностям песенного жанра, я и стал драматургом. Я написал либретто 19 музыкальных спектаклей для детей и одного мюзикла «Сизимок и Бабинук», за который и получил лауреата Пермского края.

И последнее. У поэта, пишущего стихи, нет необходимости практически каждый раз загонять себя в куплетно-припевную форму и также каждый раз укладывать со-

держание стихотворение в 3—4 четверостишия. Поэт абсолютно волен в своем творчестве.

К сожалению, не могу не сказать об этом, последние четверть века ввиду полного отсутствия художественной цензуры, уничтожения института редакторов, и не только поэтому, наметилась четкая тенденция графоманизации эстрадной песни. Впрочем, об этом совершенно замечательно написал Валентин Гафт в стихотворении, посвященном Юрию Визбору. Там есть такие строки:

*Попса дробит шрапнелью наши души.
Ее за это не привлечь к суду.
Часть поколенья выросла на чуши
И новое рождается в бреду.
Слова — ничто! Есть вопли вырожденья...*

И так далее. Думаю, что и этого достаточно. ...Настоящих поэтов в России всегда хватало. И, как мне кажется, интерес к подлинной поэзии начинает возрастать. В конце прошлого года я познакомился в Доме кино с 15-летним поэтом Олегом Печерниковым. Стихи он пишет с 7 лет. У него уже вышло, если я не ошибаюсь, три сборника стихов (слава Богу, что мир не без добрых людей.) Вот у него уже есть своя интонация. И он не представляет своей жизни без поэзии. У Олега трудная и драматичная судьба, и во многом благодаря увлечению поэзией, он сегодня живет полноценной жизнью. Как подметил известный канадский композитор, музыкант, певец Леонард Коэн: «Поэзия — это доказательство жизни. Если твоя жизнь пылает, поэзия — ее пепел». Жизнь Олега сегодня пылает. Как он сам написал в одном из стихотворений, когда ему было 12 лет, «я не могу жить без стихов своих! Все мои мысли — это вдох, а выдох — стих».

Те, кто захотят познакомиться с творчеством Олега, легко найдут его стихи в интернете.

ТИМОХИН. Вы филолог по образованию. Хотелось ли вам когда-либо работать в школе? Как вы оцениваете современную систему образования? И как обучить народ грамоте?

ШАБРОВ. Последний вопрос явно не ко мне, потому что никогда не был специалистом в области организации учебного процесса. К тому же считаю, что начальной грамоте народ обучен. Другое дело, как я оцениваю современную систему образования в России?

Лично мне она не нравится. Я считаю, что мы напрасно отказались от академического метода преподавания, принятого в советской школе, — одной из самых лучших в мире. И это уже не только мое мнение.

Мне не нравится ЕГЭ. Мне не нравится (просто в ужасе!), что сокращаются часы на изучение русского языка и литературы. Школьники не умеют писать сочинения. Это значит, что они не умеют думать, анализировать, делать выводы. Это значит, что из него никогда не получится высокого класса специалист, да и просто специалист. Становится не смешно, а грустно, когда читаешь ответ школьника на традиционный после каникул вопрос: «Как я провел лето?», — «Интернет, еда. Все». И это тоже издержки современного образования.

...Для того, чтобы работать в школе, нужно иметь педагогический талант и терпение. Ни того, ни другого у меня нет. Я это понял давно, поэтому счастлив тем, что на моей совести нет ни одной искалеченной детской души.

ТИМОХИН. Вы участник многих памятных телевизионных фестивалей «Песня года» еще в советские времена. Это фестиваль и сейчас продолжает свою традицию, только сильно отличается от предыдущих.

Как вы относитесь к нынешним лауреатам этого фестиваля? Не хочется ли вам в

душе покритиковать их песни? Или, быть может, вы считаете это новым веянием в музыке?

ШАБРОВ. В ответ могу лишь только продолжить цитировать Валентина Гафта.

*Слова — ничто! Есть вопли вырожденья,
Тот значит, кто больше не здоров,
Кто выйдет петь без всякого стесненья,
Без совести, без страха, без штанов.
Где песня, чтобы спеть ее хотелось,
Слова где, чтоб вовеки не забыть?
Ну, что горланить про кусочек тела,
Кто, с кем когда-то хочет жить!
С телеэкрана, как из ресторана,
Для пущей важности прибавив хрипотцы,
Они пудами сыпят соль на рану,
Как на капусту или огурцы.*

Мне кажется, что с помощью Валентина Гафта я дал исчерпывающий ответ на ваш вопрос. Единственное, что я могу уточнить, а не добавить, телевизионный фестиваль «Песня года» напрочь ушел от традиций, которые в нем существовали. Он перестал быть фестивалем авторов песен (композиторов и поэтов), как это было в советское время, он перестал быть фестивалем, представляющим песню во всем ее жанровом разнообразии, но стал фестивалем узкого круга исполнителей и отчасти авторов, приближенных к руководству художественного вещания федеральных каналов. По большому счету, почти все музыкальные телевизионные программы — это один большой корпоратив, где нет и не может быть, в силу отсутствия конкуренции, никаких новых веяний, тем более в музыке, где после того, как мы «похоронили» то, что называлось «советской песней» с ее яркой неповторимой мелодичностью и лиричностью, тихо плетемся в хвосте западного шоу-бизнеса.

ТИМОХИН. Как известно, новое — это хорошо забытое старое. Ваши песни «Было, но прошло», «Хуторянка», «Луна, луна» будут слушать еще на протяжении долгого времени. А как творцам современных хитов надо так забыть старое, чтобы у них появилось непревзойденное новое?

ШАБРОВ. Старое забывать не надо. «Народ, который забыл свое прошлое, не имеет будущего». Сказано о глобальном, но и к музыке, и к песне имеет непосредственное отношение. Если я и достиг каких-то высоких творческих результатов, то это благодаря тому, что учился песенной поэзии у таких мастеров, как Леонид Дербенев, Игорь Шаферан, Михаил Пляцковский, Михаил Танич, Анатолий Поперечный. Мне повезло, я еще имел счастье общаться с ними. Без преувеличения — это и были мои песенные университеты.

Хуже ничего нет, чем Иваны, не помнящие родства. И творцам, как вы говорите, современных хитов нельзя забывать об этом.

Не знаю, но, с моей точки зрения, ни один из молодых или среднего возраста композиторов не дорос еще до уровня Оскара Фельцмана, Марка Фрадкина, Эдуарда Колмановского, Матвея Блантера, Арно Бабаджаняна и, слава Богу, ныне здравствующих Александры Пахмутовой, Давида Тухманова, Максима Дунаевского и тех же Юрия Антонова и Вячеслава Добрынина.

ТИМОХИН. Михаил Зеликович, с кем из звезд советский эстрады, для которых вы писали свои хиты, продолжаете общаться?

ШАБРОВ. Я получаю удовольствие от общения со своей семьей, близкими друзьями, среди которых артисты, врачи, архитекторы, юристы...

Из представителей звезд советской, а теперь и российской эстрады исключение составляет Вячеслав Добрынин, с которым нас связывают узы многолетней дружбы,

в том числе и творческой. В 2002 году я даже книгу о нем написал «Вячеслав Добрынин — Доктор Шлягер».

ТИМОХИН. Читатели нашего журнала мне не простят, если я у вас не спрошу про Софию Ротару. Вы так много и тесно сотрудничали с ней. Что вам особенно запомнилось в вашей совместной работе? Какие в ней были наиболее интересные моменты?

ШАБРОВ. Мы понимали друг друга с полуслова. Мы — это Соня, ее муж и музыкальный продюсер Анатолий Евдокименко, я и Володя Матецкий. Мы работали в удовольствие, а потому с азартом. Иначе ничего бы не получилось.

Ротару — великая певица. Помимо красивой внешности и богатого по силе и тембру голоса, она, как и все большие артисты, обладает экстрасенсорными качествами, умеет подчинить своей воле многотысячный зал.

Мне запомнился один из концертов Ротару в Казани, во Дворце спорта. Он был второй по счету в этом зале, который вмещал более пяти тысяч человек. Про аншлаг говорить не надо. Это само собой разумеется на концертах Ротару. Я стоял за кулисами, но близко к сцене. Мне сразу не понравилась атмосфера в зале. В ней чувствовалось напряжение, и я бы даже сказал какое-то противостояние с артистом, который должен был выйти на сцену.

Предчувствие не обмануло. Прозвучали первая, вторая песни... Обычно зал сразу заводился, а тут довольно скромные аплодисменты. «В воздухе пахло грозой». Во время проигрыша, звучащего в третьей песне, в котором на первое место вышли солисты балета «Тодес», выступавшими вместе с Ротару, Соня подошла к кулисам. В ее глазах я увидел молнии. Она смахнула капельки пота со лба и, почти не разжимая рта, сказала, обращаясь ко мне:

— Смотри, как я сейчас их «сделаю»!

Энергетический поток, шедший от певицы, сначала вдавил зрителей в кресла, а потом заставил взорваться радостными эмоциями, разом покончившими с противостоянием. Зрители сдались на милость победителя. Каждая следующая песня сопровождалась овацией. Концерт окончился, но зрители еще долго не хотели отпускать певицу со сцены.

...Дойдя до гримерки, она почти в полуобморочном состоянии рухнула на диван.

Думаю, за этот концерт она потеряла в весе несколько килограммов. Про здоровье я уже и не говорю. Триумф всегда стоит дорого.

ТИМОХИН. Михаил Зеликович, находите ли вы время на чтение? Что предпочитаете читать? И что порекомендуете молодежи?

ШАБРОВ. Конечно, нахожу. Отдаю предпочтение классике. Не так давно перечитал «Воскресение» Льва Толстого, «Мертвые души» Николая Гоголя.

Для меня почти настольной стала книга французского писателя Мишеля Уэльбека «Возможность острова». Я ее периодически перечитываю. Очень глубокая и умная книга, заставляющая задуматься о завтрашнем дне человечества. Контуры этого дня видны уже сегодня.

Из самых последних книг, которые я прочитал, перечитал — это «Лирика» Саши Черного, «Русские, или Из дворян в интеллигенты» Станислава Рассадина, «Окаянные дни» Ивана Бунина и «Записки городского невротика» моего любимого режиссера и актера Вуди Аллена.

А что касается рекомендаций, тем более молодежи, то я не гуру, чтобы их давать. Знаю только одно: если человек не читает книги, то он в своем развитии недалеко ушел от обезьяны.

ТИМОХИН. При упоминании Беларуси мне представляются Беловежская пушта, белорусские партизаны и ВИА «Песняры». Михаил Зеликович, а что для вас Беларусь и чем она особенна?

ШАБРОВ. Я родился и вырос в Москве. Правда, вот уже шесть лет живу в де-

ревне под Москвой. В общем, россиянин. Но... Чем может быть для меня Беларусь, если там родились, выросли и познакомились мои родители, если там родились и выросли мои родные дяди и тети, если там во время войны фашисты расстреляли моего деда? И наша с женой невестка из Пинска. Я на генетическом уровне повязан с Беларусью. Об этом еще свидетельствует и то, что моими любимыми с детства блюдами является картошка в мундире и, конечно, драники со сметаной.

ТИМОХИН. Михаил Зеликович, наша с вами беседа стала настоящим сюрпризом не только для меня, но и для читателей нашего журнала.

Что вы нам всем можете пожелать?

ШАБРОВ. Как можно больше и чаще приятных сюрпризов в жизни. И, конечно, удачи. Без нее трудно.

*Николай Тимохин,
г. Семипалатинск, Казахстан*

Иван Плешаков
(09.10.1935 — 25.11.2020)

Иван Давыдович Плешаков родился в Станице Луганской Луганской области. Окончил в 1956 году Сумское артиллерийское училище. Более 30 лет отдал службе в Вооруженных Силах. Награжден орденом «За службу в Вооруженных Силах СССР» III степени и многочисленными медалями. Воинское звание — полковник. Похоронен в Туле.

300 ЛЕТ СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ (Героизм и трагедия казачьей династии)

Истории семей, родов всегда вызывали у меня глубокий интерес. В исследовании своей родословной я сумел углубиться до 1700 года, то есть за последние триста лет. Все эти триста лет мои предки были на страже нашей родины, так как они принадлежали к казачьему сословию и по приказу Отечества шли на ратный подвиг, отстаивая его интересы.

Мои предки по отцовской линии — Плешаковы, а по материнской — Зенцевы, происходили из донских казаков станицы Луганской Войска Донского. Первые упоминания об их существовании и деятельности найдены мною в архивах и относятся к 1705 году. Это дата рождения донского казака Якова Плешакова из станицы Луганской, а сама станица Луганская имеет дату возникновения 1677 год. Именно с этого года здесь на постоянной основе проживали и несли сторожевую службу донские казаки. Но еще и значительно раньше целая цепь казачьих острогов и острожков была на среднем течении Северского Донца, за которым начинались татарские кочевья.

Казак Яков Плешаков и его сын Емельян (1735—1770) несли охранную службу на пограничной оборонительной линии. Казаки Зенцевы упоминаются начиная с 1750 года. Это год рождения Тимофея Зенцева.

В последующем отдельные станицы объединяются в казачьи полки и несут ратную службу в регулярных войсках Государя Московского. Так, уже сыновья Тимофея Зенцева — Петр, Иван, Трофим, Федор и его внук Максим участвовали в Отечественной войне 1812 года в составе Донского ополчения. Всего в Войске Донском было образовано 20 полков ополчения, которые приняли активное участие в разгроме неприятеля.

Всем известны героические действия войск под руководством атамана Платова, в состав которых были включены многие Плешаковы и Зенцевы, а казак Леон Плешаков за участие в конвое Платова награжден в 1814 году Георгиевским крестом.

Многочисленность Донского ополчения (20 полков) объясняется тем, что вся повседневная жизнь казачества в те времена с младых лет была подчинена подготовке их к защите Отечества. С 18 лет казаки зачислялись в пригготовительный разряд и состояли в нем три года. За это время они проходили первичную военную подготовку

при своих станицах, а также готовили необходимое обмундирование и снаряжение. На третьем году проводились общие месячные сборы, на которых они показывали свои достижения в боевой выучке. Проходили эти экзамены в виде войсковых состязаний и лучшие награждались призами за успехи в отдельных видах боевой подготовки. Так, на майских сборах 1894 года казак Плешаков Андрей Титович (1875 г.р.) «За стрельбу 3-го разряда» награжден португеей с темляком и поясным ремнем, а Плешаков Севостьян Акимович и Зенцев Дмитрий Константинович «За стрельбу с лошади на скаку» награждены португеей с темляком.

Достигнув 21 года, казаки переводились в строевой разряд и призывались на действительную военную службу. Служба в полках и батареях первой очереди длилась 4 года, а потом зачислялись в списки полков 2-й очереди еще на четыре года, при этом они оставались при своих станицах и хуторах, но ежегодно проводились два контрольных и один трехдневный учебные сборы. Далее казаки зачислялись в полки 3-й очереди еще на четыре года и только после этого переводились в запасной разряд на 5 лет для мобилизации в военное время.

В войсковом ополчении состояли все казаки, способные носить оружие.

Тяжелым бременем для казаков была длительная эпопея по завоеванию Кавказа и усмирению непокорных горцев в 1817—1864 годах. Всем знакомы личные воспоминания А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова об этих ожесточенных боях и участии в них казачьих полков. В этих боевых действиях участвовали многие мои предки. Плешаков Иван Иванович (1810 г. р.) с мая 1839 года по октябрь 1843 года участвовал в боях на Кавказе в составе 43 Донского казачьего полка, а с мая 1847 года там же в составе 39 полка.

С мая 1837 года по март 184-го Зенцевы Калина, Гавриил и Яков находились на Кавказе в составе 33-го Донского казачьего полка. Зенцев Лука участвовал в боях на Кавказской линии с 25 мая 1843 года в составе 1-го Донского казачьего полка. В этом же полку служил и Зенцев Корней.

В мае 1850 года с Дона командирован в полном составе 6-й Донской казачий полк на боевую службу на Кавказ, в его составе находились Зенцев Борис, Зенцев Никифор и Плешаков Никифор.

В Крымской войне (1853—1856) участвовали несколько Донских казачьих полков и конно-артиллерийских батарей, как на Кавказском, так и на Крымском фронтах. В их составе находились и мои предки. Зенцев Василий в 11-м Донском казачьем полку, Зенцев Никита — умер от ран в военном госпитале № 53. В 25-м Донском казачьем полку воевали Зенцев Парфен, Зенцев Тихон и Плешаков Никифор. В 61-м Донском казачьем полку участвовали в боях Зенцевы Владимир, Еремей, Игнат, Максим и Михаил, а также Плешаков Андрей.

В 1877—1878 годах в Русско-турецкой войне участвовали Лейб-гвардии казачий полк, 6-я Лейб-гвардии батарея, 2-й, 8-й, 30-й и 32-й Донские казачьи полки, 1-й, 15-й и 17-й Донские конно-артиллерийские батареи. Они штурмовали Шипку, Ловчу, дважды переходили через Балканы, при Караджиларе с боя захватили у турок 50 орудий.

За героизм, проявленный в этих боях, старший урядник Зенцев Яков награжден Георгиевским крестом 4-й степени. Этой же награды удостоены Зенцев Кузьма и Плешаков Даниил, при этом Зенцев Кузьма был ранен при штурме горы Бербек и находился на излечении в госпитале г. Тырново, а Зенцев Павел (30-й Донской Казачий полк) был убит 13 июля 1877 года в бою при г. Ловча.

В 1914 году началась Первая мировая война. С объявлением всеобщей мобилизации казаки станицы Луганской, в том числе и мои предки, ушли в полки, к которым они были приписаны. 10-й и 13-й Донские казачьи полки выступили к австрийской границе, которая находилась всего в 25 км от места их дислокации. Вскоре они уже вступили в бой.

10-й Донской казачий полк комплектовался призывниками из станицы Луганской. О героических делах этого полка в первые месяцы войны говорит тот факт, что уже 17 октября 1914 года командующий дивизией вручил казакам полка первые 58 Георгиевских крестов, пожалованных командованием. В числе награжденных были и Зенцев Антон Иванович, Зенцев Дмитрий Константинович, Зенцев Семен Иванович, удостоенные Георгиевских крестов 4-й степени. А Зенцев Дмитрий Константинович вскоре получил и Георгия 3-й степени. Плешаков Иван Титович за время войны получил Георгиевские кресты 4-й, 3-й и 2-й степеней.

Как известно, Первая мировая война привела к революции 1917 года и вскоре переросла в Гражданскую войну: пошли сын на отца, брат на брата. Многие казаки-фронтовики были настроены революционно. Но большинство населения казачьих станиц склонялось к нейтралитету — они представляли весь ужас братоубийственной войны.

Но к началу 1918 года столица Дона Новочеркасск уже стала центром сосредоточения офицерских сил со всей России, которые стали формировать Добровольческую армию против большевиков. В этих условиях Донской окружной атаман своим приказом объявил мобилизацию сначала трех возрастов, а потом стали мобилизовывать всех поголовно. Никто ни у кого не спрашивал их личного мнения, их идейных предпочтений — всех поставили под ружье.

В станице Луганской был сформирован 48-й Луганский пеший полк, в который были включены многие из моих родственников — как Плешаковы, так и Зенцевы.

Тяжелейшие испытания выпали на долю и тех, кто сражался на различных фронтах войны, и тех, кто остался дома при своих семьях. Мой дед Плешаков Афанасий Емельянович не был мобилизован на фронт, так как в его семье было десять детей, да и возраст его был уже за 50 лет. Но судьба не была к нему благосклонна: в 1919 году он был изрублен шашками головорезами одной из многочисленных банд только за то, что пытался отстоять своих двух лошадок, на которых возвращался с поля домой. Моему отцу Давыду Афанасьевичу в то время исполнилось только 7 лет. А через три года во время голода 1921—1922 годов ушла из жизни и его мать Елена Алексеевна, и пошли их дети, еще совсем малолетние, по миру.

В это время на фронтах Гражданской войны погибли в боях Плешаков Иван Титович — Георгиевский кавалер трех степеней, Плешаков Анисим Федорович, Зенцев Тихон Матвеевич, Зенцев Иван Иоакимович; умер от ран Плешаков Федор Федорович и многие другие.

Как известно, Гражданская война окончилась изгнанием белой армии из Крыма и эвакуацией ее в Турцию, где ее ждали нелегкие испытания — Лагерь Чилингер, остров Лемнос, а это овчарни-бараки, землянки, в которых располагались войска, в том числе и Донские казачьи полки численностью 8267 человек. Из этого ада они рассеялись потом по всему белу свету.

В этом плане характерна судьба Зенцева Дмитрия Константиновича (1887 г. р.). Начал он службу казаком с 1 января 1907 года на майских лагерных сборах 1908 года и «За стрельбу с лошади на скаку» награжден портупеей с темляком. 17 сентября 1910 года ему присвоено звание «младший урядник» 10-го Донского казачьего полка. С первых дней войны (1914—1918) он героически сражается в составе своего полка и одним из первых получает Георгиевский крест 4-й степени, а потом и 3-й степени. К концу войны он уже есаул. В годы Гражданской войны участвовал в боях в составе 4 Луганского казачьего полка. 16 апреля 1920 года ему присваивается чин войскового старшины и он назначается командиром 5-й сотни Гундаровского Георгиевского полка. С этим полком он эвакуируется на остров Лемнос, там был уже в чине полковника. Осенью 1925 года Гундаровский полк перемещается в Болгарию, где окончательно расформируется, а весь личный состав пополняет армию эмигрантов Западной Европы.

Вместе с тем, некоторые казаки, поверив обещаниям Советской власти, объявившей им амнистию в 1921—1926 годах, стали возвращаться в свои родные станицы. Но надежды на спокойную жизнь не оправдались. В 1920—1930 годы их ждало раскулачивание, репрессии, лагеря.

Так, Зенцев Андрей Ефимович 19 апреля 1938 года Тройкой НКВД по Донецкой области был приговорен к ВМН — расстрелу. Реабилитирован в 1989 году.

Зенцев Савелий Петрович 17 марта 1942 года Войсковым трибуналом войск НКВД Луганской области осужден на 7 лет лишения свободы. Реабилитирован в 1964 году.

Зенцев Николай Алексеевич 27 января 1931 года Тройкой при коллегии ГПУ УССР приговорен к ВМН — расстрелу. Реабилитирован в 1989 году.

Мой родной дедушка Зенцев Матвей Никодимович 28 февраля 1931 г. Тройкой при коллегии ГПУ УССР осужден на 3 года лишения свободы условно только лишь за то, что высказал сомнение в необходимости вступить в колхоз. Реабилитирован в 1990 году...

Этот перечень можно было бы продолжить, главный вывод из этого, что жизнь многих казаков постоянно была под угрозой, а практика расказачивания, проводившаяся Советской властью, продолжалась еще долго.

Наступили новые грозные времена — Великая Отечественная война 1941—1945 годов. Все силы страны мобилизованы для борьбы с фашизмом. В первые же дни войны на фронт ушли многие мои родственники — трое из четверых моих родных дядей: Зенцев Алексей Матвеевич — героически сражался в десантных войсках, Зенцев Яков Матвеевич — воевал в пехоте, был дважды ранен. Зенцев Иван Матвеевич — сапер, погиб на реке Северский Донец 28 августа 1943 года.

Плешаков Василий Иванович — гвардии капитан, умер от ран 2 февраля 1945 года, похоронен в Германии. Погибли на фронте мои двоюродные братья — рядовой Плешаков Михаил Иванович в марте 1943 года и рядовой Плешаков Стефан Иванович в апреле 1943 года. Рядовой Плешаков Иван Григорьевич погиб в бою 22 февраля 1943 года, похоронен в селе Котовка Курской области.

Вот далеко не полный список моих родственников — жертв этой жестокой войны.

В послевоенный период Плешаковы и Зенцевы продолжали служить Родине в качестве рядовых и сержантов на действительной военной службе, принимали участие в многочисленных вооруженных конфликтах. Так, гвардеец-десантник, сержант Плешаков Иван Николаевич — внук Георгиевского кавалера трех степеней Ивана Титовича, участвовал в десанте наших войск в Чехословакию и получил боевую медаль «За отвагу».

Я, Плешаков Иван Давыдович, в 1953 году после окончания средней школы решил связать свою жизнь с армией и поступил в артиллерийское училище. После его окончания 35 лет служил в артиллерии и ракетных войсках, осваивал и вводил в строй новые ракетные комплексы, принимал участие в формировании ракетных частей и обучении личного состава современной боевой технике. После окончания военной академии продолжил службу в войсках, а потом и в Тульском высшем артиллерийском инженерном училище, передавая свой богатый войсковой опыт будущим офицерам. За образцовую и безупречную службу в Вооруженных Силах награжден орденом «За службу Родине» 3 степени и многими медалями. Уволился в звании полковника.

Такова история 300-летнего служения Отечеству членов нашего рода Плешаковых и Зенцевых.

Публикацию подготовила:

Кусая Елена Ивановна, дочь Плешакова И. Д.

Ирина Лесная-Иванова
(г. Москва)

**ФИЛОСОФИЯ В ДИАЛОГАХ:
ОТЗЫВ НА КНИГУ И. ОТЧИКА
«БЕСЕДЫ ШАЛОПАЕВ, ИЛИ ЗОЛОТЫЕ
СЕМИДЕСЯТЫЕ»***

И. С. Иванова, член Союза писателей России, поэтесса, прозаик, драматург, литературный критик, кандидат философских наук, доцент, член Союза журналистов Подмосковья.

Что есть истина?

Понтий Пилат

Это необычная книга. Оригинален ее стиль, необычно содержание, уникален герой, непредсказуем финал.

Роман Игоря Отчика «Беседы шалопаев, или Золотые семидесятые» — художественно-философское произведение, в котором занимательный сюжет сочетается с элементами нон-фикшн. Не зря книга вышла в научно-популярном издательстве «Прогресс-Традиция». Герои романа, два молодых человека, беседуя и споря друг с другом, пытаются осмыслить различные аспекты окружающего мира и место человека в нем. Еще Сократ начал применять форму диалога для постижения философских истин, и автор возродил традиции античного ученого в своем произведении. Все мы помним нашу юность и бесконечные разговоры с друзьями, горячие споры до хрипоты. О чем же мы так увлеченно болтали, когда были молоды? О любимой музыке и кино, о прочитанных книгах, об интересных людях, о друзьях и подругах, о любви и дружбе и многом другом, что, так или иначе, затрагивает молодых людей. Людям старшего поколения, погруженным в будничные заботы, эти разговоры кажутся незначительными, а для молодежи они очень важны, поскольку являются способом познания жизни.

Молодости свойствен поиск новизны, дух противоречия, пересмотра сложившихся взглядов и ценностей. Поэтому в юности мы инстинктивно тянемся к ярким, нетривиальным личностям, имеющим обо всем свое особое мнение. Вот и в романе Игоря Отчика встреча такого интересного, оригинально мыслящего сверстника — событие для лирического героя, от лица которого ведется повествование. «Он появился неожиданно, подобно комете, прилетевшей из неведомых далей Вселенной. И так же внезапно исчез. Словно яркая вспышка озарила мою жизнь, оставив в ней неизгладимый след», — вспоминает автор. Его собеседник Сергей, с которым судьба свела нашего героя в общежитии для молодых специалистов, — высокий атлетичный блондин с внешностью Есенина, остроумный рассказчик, певец и гитарист, душа любой компании. Такие личности вызывают неизменный женский интерес и скрытую зависть сверстников. Обычно такие красавчики, провинциальные мачо, короли вечеринок, вроде героев Фитцджеральда, люди недалекие, и с возрастом они превра-

* Игорь Отчик. «Беседы шалопаев, или Золотые семидесятые». М. «Прогресс-Традиция», 2019.

щаются в обывателей. Однако, главный герой романа Игоря Отчика не так прост. За броской внешностью Сергея, балагура и гуляки, скрывается эрудит и глубоко мыслящий человек. В сюжете романа отношения героев выливаются в дружбу-соперничество, выражающуюся в постоянных спорах. Долгими зимними вечерами в рабочих общежитиях скучно, и друзья проводят их в беседах на самые разные и весьма нетривиальные темы. Об устройстве Вселенной, о сущности времени, об источниках жизни и энергии в природе, о педагогике, литературе, поэзии... И, конечно, о смысле жизни. Каждый из героев старается доказать свою правоту, а читатель может поддержать одного из них или сформулировать свою точку зрения. «Я мыслю, следовательно, я существую», — говорил Декарт, и книга Игоря Отчика подтверждает это.

В принципе книгу можно читать вне сюжета, выбрав диалог с заинтересовавшей темой. Если же пропустить споры самоуверенных юнцов, останется история дружбы двух молодых людей в антураже семидесятых годов двадцатого века. Друзья встречаются с двумя столь же нетривиальными девушками, парашютистками, которые втягивают героев в занятия этим опасным видом спорта, а заодно и в личные отношения. Молодые люди, как и положено, влюбляются, причем, в одну и ту же девушку, что вносит напряжение в их отношения и краски жизни в книгу. Автор трогательно описывает свою тайную влюбленность в красавицу Марину, подругу Сергея: «Любое воспоминание о ней освещало мир яркой вспышкой счастья, превращая его из черно-белого в цветной». «В лучах заходящего солнца Марина была невероятно хороша. Пожалуй, ни до, ни после я не видел ее такой красивой. Переливы закатных лучей на лице и нежной коже открытых рук, вспышка золота в пронизанных солнцем волосах, которыми она встряхивала, оборачиваясь ко мне, изумрудная зелень глаз и вся ее легкая, стройная фигура просто завораживали». А вторая героиня романа, Мария, считающаяся подругой автора, безнадежно влюблена в Сергея. В любовном четырехугольнике складываются непростые отношения.

Но не любовный сюжет, а интеллектуальные споры друзей-соперников, в которые автор стремится вовлечь читателя, являются главным содержанием книги. Объективно говоря, в романе не так уж много событий, его суть и энергетика — в движении мысли. Это однозначно не развлекательное чтение для нетребовательной публики, а пища для ума мыслящих людей, способных концентрироваться на серьезных вопросах. Порою это непросто, поскольку требует от читателя начальных знаний в естественных науках. Хотя Игорь Отчик стремится максимально упростить и оживить текст юмором и шутками, некоторые диалоги кажутся утомительными. Иногда теряется контроль за тем, кто из героев высказывает ту или иную мысль. В этом смысле читателю помогают итоговые размышления автора после очередного спора, в которых он формулирует для себя главные темы и выводы из прошедшей беседы.

Широте взглядов и эрудиции дискутирующих шалопаев могут позавидовать выпускники современных университетов. В частности, Сергей высказывает свою концепцию устройства Вселенной. Он пытается преодолеть парадокс бесконечности, утверждая, что Вселенная конечна, но для нас беспредельна, поскольку замкнута через недоступное людям четвертое измерение. Так же самоуверенно этот персонаж расправляется с понятием времени, отвергая привычные нам субъективные представления. Он доказывает, что само время имеет чисто физическую природу и возникает из-за материальности нашего мира, в котором даже мельчайшее событие (излучение фотона) имеет длительность и не может произойти мгновенно — просто из-за того, что ограничено скоростью света. То есть, с физической точки зрения время порождается длительностью любых событий. А цепочки событий определяют все изменения в природе и причинно-следственные связи в окружающем нас мире и в нас самих. Разумеется, суждения героев являются их личным мнением и не могут быть научно обоснованным источником знаний. Фактически, это игры ума на основе отрывочных сведений из различных источников. Как говорит главный герой, каждый мужчина в

своей жизни должен посадить дерево, построить дом, вырастить сына и придумать модель устройства Вселенной.

Автор отмечает образованность интеллигенции советских времен, вспоминает, что в те годы люди много читали. И это подтверждает текст романа, в котором герои доказывают свою правоту, подкрепляя ее высказываниями знаменитых людей. Например, в разговоре о жизненных успехах цитируют Мишеля де Монтеня: «Судьба осыпает своими дарами отнюдь не самых достойных». В беседе о призвании приводят приписываемую А. Эйнштейну фразу о его зависти к профессии смотрителя маяка, потому что тому никто не мешает думать. В прениях спорящих сторон присутствуют не только сильные аргументы, но и диалектика. Так, на вопрос, чье мышление лучше — мужское или женское, один из героев отвечает: «Смотря для чего. Для ремонта карбюратора — мужское, а для семейной жизни — женское». Также заметно, что герои знакомы с основами философии. Отголоски идеи Г. В. Ф. Гегеля о том, что прекрасное есть совершенное в своем роде, звучат в пересказе легенды о горбуне. Однажды к священнику обратился ужасного вида горбун: «Святой отец, в проповедях Вы говорите, что все созданное Богом прекрасно. А что Вы скажете обо мне?» Священник ответил: «Как горбун ты само совершенство».

Во второй части названия книги стоят слова «золотые семидесятые» и, действительно, эти годы являются еще одним героем романа. Рассказывая о жизни и отношениях шалобаев, автор приводит множество деталей быта тех лет и, фактически, дает портрет времени своей молодости. У читателей, живших в те годы, несомненно, вызовут приступ ностальгии названия фильмов, журналов, книг, радио- и телепередач, имена артистов, певцов, ансамблей и песен — всей той культурной среды, в которой живут герои. «Как молоды мы были, как искренне любили...». Но, объективно говоря, время было далеко не идиллическим: «В те годы можно было только шутить на тему дальних странствий», поэтому герои лишь мечтают о путешествиях по странам и континентам. Мы безропотно посещали собрания и политинформации, «изучали» материалы съездов КПСС, отправлялись на субботники и овощные базы, выезжали на «картошку». Кто-то этих ограничений не замечал, радуясь дешевой колбасе и водке, а кому-то они казались невыносимыми. Извечный вопрос: когда было лучше — раньше или теперь? Даже между людьми, жившими в то время, нет единого ответа на него. Пожалуй, самый правильный ответ: было иначе.

Стремясь ввести читателя в атмосферу тех лет, Игорь Отчик предлагает свою оценку идеологической и общественной обстановки в СССР во второй половине XX века. Но почему он называет золотыми именно 70-е годы? Потому что, по мнению автора, это были годы наибольшего расцвета той общественной формации, которая называлась социализмом. В предыдущие, послевоенные годы страна поднималась из руин, бедствовала, мучительно восстанавливалась. Потом, в шестидесятые, разворачивала огромные стройки, развивала космонавтику, промышленность, энергетику, науку, образование, медицину, культуру, но жила по-прежнему очень бедно. Восьмидесятые годы — это уже время окончательного застоя и развала системы. А вот семидесятые в СССР действительно были периодом стабильности и относительного благополучия. Конечно, в той жизни тоже было немало недостатков — от всеобщего господства коммунистической идеологии и принудительного труда (вспомним биографию Иосифа Бродского) до постоянного дефицита на товары и продукты. Автор характеризует это время в шуточной форме: «Трудящимся страны советов идейно близок стоицизм с его презрением к временным трудностям и непримиримой борьбой с отдельными недостатками». К сожалению, идеологический догматизм старого партийного руководства, планово-командная экономика, уравниловка подавляли деловую активность людей и потенциальные возможности общества, тормозили развитие страны. Эта застойная политика привела Советский Союз, ослабленный гонкой вооружений, в тупик, из которого его попыталось вывести новое руководство страны

во главе с Горбачевым. Однако, в ходе перестройки прежней системы не удалось, по различным причинам, сохранить потенциал СССР и его социальные достижения, соединив их с частной инициативой и материальной заинтересованностью населения. А вот наши южные соседи сумели провести реформы без трагических потрясений и обойти нас в развитии, выведя отсталый Китай из нищеты на ведущие позиции в мировой экономике. Впрочем, в семидесятых никто и представить не мог этих драматических событий, а сами они были временем стабильности, интереснейших явлений в общественной жизни, в театре, кино, спорте, эпохой расцвета туризма и бардовского движения, эстрады и рок-музыки. Те, кто жил в те годы, вспоминают их как самые светлые в своей жизни.

Хочется особенно рассмотреть основные положения спора героев о смысле жизни, поскольку действия человека телеологичны и зависят от той шкалы ценностей, которую он избрал, и его представлений о высшем благе, определяющих ряд поступков индивида и даже всю линию его жизни. Автор напоминает, что герой романа Л. Н. Толстого пришел к мысли, что «...жить надо не для брюха, а для правды Бога...», но «...принять это можно только душой, а не умом...». Он раскрывает противоречие между земной и божественной реальностью, подчеркивая, что на Земле животным началом человека правит разум, который «открыл борьбу за существование и закон, требующий души всех, кто мешает нашим желаниям. Тот самый закон естественного отбора, по которому выживает сильнейший». Здесь, с позиций И. Канта, правильной было бы употребить слово «рассудок», ибо данный философ считал, что разум связан с божественными целями и иногда вступает в противоречие с велениями рассудка. Например, выжить на земле, подчиняясь ему, иногда означает потерять бессмертную душу, и там, где рассудок говорит, что надо выживать, нарушая божественные законы бытия, разум сообщает: «Если будешь выживать такой ценой, умрешь для хорошей загробной жизни, ибо погубишь душу и не обретишь вечной жизни в раю, а если умрешь с честью, то воскреснешь там для нее».

А вот Сергей, своим протестным мышлением напоминающий Е. Базарова, утверждает, что никакого особого смысла в жизни обычного человека нет. Так же, как у зайца и любого другого живого существа. Миллиарды людей на планете бездумно проживают, подчиняясь инстинктам, подаренную родителями жизнь: добывают пищу для себя и семьи, спариваются и воспитывают потомство, чем-то развлекаются в свободное время — искусством, рыбалкой, телевизором с футболом и сериалами... И большинству населения этого достаточно. То есть, «жизнь любого существа имеет биологический смысл независимо от его личных целей». «Выжил и размножился — молодец!» Этот банальный, животный смысл жизни Сергей называет обязательной программой, как в фигурном катании. Но у людей, в отличие от животных, есть еще и произвольная программа: полная реализация своих природных дарований. Эта сверхзадача удается не всем. Иногда просто потому, что в человеке не были выявлены и развиты таланты. Как сказал мудрый таксист в фильме «Бриллиантовая рука», каждый способен на многое, но не каждый знает, на что он способен. В любом случае, «...смысл жизни у всех людей один — самореализация, независимо от сферы деятельности». И счастлив тот, кто, покидая этот мир, может сказать: сделал все, что мог. Или, как Владимир Высоцкий: «Мне есть что спеть, представ перед Всевышним, мне есть чем оправдаться перед Ним».

Но и это не все! Дерзкий шалопаи пытается сформулировать смысл и цель существования человечества. Дескать, природа с помощью порожденного ею разума стремится познать саму себя. В этом, якобы, и состоит сверхзадача нашей цивилизации. И в этом месте читатель вправе вступить в резкую полемику с зарвавшимся дарвинистом, доказывая, что смысл жизни человека совсем в другом: в любви, вере в Бога, служении Отечеству и так далее. Кроме того, верующий может поспорить с утверждением героя, что высшая форма материи — это человек, как мыслящее и со-

зидующее животное, который, в конце концов, передаст эстафету развития искусственному интеллекту и роботам, более совершенным, чем люди.

И все же идея Сергея о самореализации — очень гуманная и утешительная мысль. Верующие бы здесь сказали, что человек выполняет свое божественное предназначение, приходит в мир с особой миссией. Важно ее найти, узнать и не предать, отозвавшись на многочисленные пустые и сатанинские соблазны. Для этого ему дана способность размышлять, которая отделяет представителя *homo sapiens* от животного. Игорь Отчик создает гипотетическую ситуацию, представляя философствующего зайца, который, отклонившись от своих инстинктов и рефлексов, сразу попал бы в зубы волку. Действительно, если при виде хищника он начнет рассуждать — правильно ли устроен тот мир, в котором волки едят зайцев, нельзя ли преобразить волчью природу, а не бежать, спасая свою жизнь, то конец зверька будет печален. А вот человеку удалось частично и волчью природу преобразить, превратив часть волков в собак, и от дилеммы «я либо палач, либо жертва» уйти на биологическом уровне через вегетарианство, а на политическом и управленческих уровнях — через мудрое руководство обществом. Хотя, нужно признать, задача эта до сих пор еще не вполне решена.

Следует заметить, что высказывания шалопаев настолько резки и спорны, что могут вызвать раздражение образованного и опытного читателя. Порою кажется, что автор умышленно его провоцирует. Так, в дискуссиях героев на литературные темы допускаются непочтительные взгляды на творчество классиков, да и на саму поэзию. Опошляя таинство стихотворного процесса, шалопаи пытаются поверить гармонию алгеброй и выдумывают формулы для оценки поэтичности стихов. Кроме того, один из них утверждает, что произведение М. Булгакова «Мастер и Маргарита» — роман не столько о любви и великих событиях двухтысячелетней давности, сколько о воздаянии и праведной мести, и убедительно доказывает свое мнение. Устами героя Игорь Отчик делает неожиданный вывод: «В лице Пилата Булгаков выносит приговор струсившей большевистской гвардии», вынужденной в условиях красного террора предавать бывших соратников. Сталинисты, сохранившиеся в России и сегодня, могут, конечно, поспорить с автором относительно данной оценки периода правления Иосифа Виссарионовича Джугашвили. Но главное состоит в том, что книга Игоря Отчика дает читателю возможность задуматься над прочитанным и сформулировать собственную точку зрения.

Разумеется, молодые шалопаи не могли не затронуть тему любви. Но как? Ничего святого, ничего возвышенного! Сплошной цинизм и дарвинизм. Ловелас Сергей делится с приятелем своим богатым опытом обольщения. По его мнению, в основе отношений между мужчиной и женщиной лежит телесное влечение, а любовь — всего лишь культурная форма инстинкта размножения. Да и сами женщины это прекрасно понимают, стараясь привлечь внимание мужчин внешней красотой. А в подтверждение приводит многочисленные цитаты из «Крейцеровой сонаты» Л. Н. Толстого. Его оппонент робко возражает, что духовная составляющая должна быть в отношениях, иначе такой союз не будет долговечным. И даже рисует график, доказывающий, что со временем сексуальность угасает, а от любви остается только духовная, личностная близость. А если ее нет, то и любви тоже нет, а брак завершается разводом или тягостным сосуществованием с чужим человеком. Шалопаи и в эту нежную тему пытаются внести математику, предлагая вычислять коэффициенты духовности и физиологичности любви. Вообще говоря, эта книга больше рассчитана на мужскую аудиторию, но читательницам поможет не только расширить кругозор, но и заглянуть в круг интересов и внутренний мир мужчин.

Пересказать в рецензии все обсуждаемые в книге темы нереально. Все они по-своему интересны. Например, в беседе об энергии утверждается, что парусники плывут в море за счет энергии Солнца. А кто с этим не согласен, пусть читает книгу. Там

же выясняется, что все мы двигаемся, мыслим, существуем только благодаря энергии, которую получаем с пищей, которая, в свою очередь, формируется в результате фотосинтеза, аккумулирующего солнечное излучение. И все клетки наших тел сгенерированы по пищевым цепочкам из тех же биомолекул. То есть, все мы — дети Солнца.

Иногда шалопаи, отбросив серьезные темы, начинают дурачиться, придумывая какие-то фантастические истории вроде приключений «робинзонов» на тропическом острове или борьбы человечества с захватившим власть на Земле искусственным интеллектом. Из этих точечных сюжетов вполне мог бы развиваться фантастический роман или кинофильм. Некоторые фрагменты текста выглядят как самостоятельные юмористические рассказы — как, например, вечер французской поэзии после плотного ужина или несчастная судьба владельца пальто из драпа в эпоху дефицита. Сами герои постоянно подтрунивают друг над другом и состязаются в остроумии, в их речи много анекдотов, шуток и каламбуров: «Посадить дерево я успею. Если самого не посадят». Некоторые каламбуры основаны на паронимах («подающий надежды молодой человек, привет тебе от поддающего»), на антитезах («особенностью его внешности была полная заурядность»).

Стиль автора разнообразен. В зависимости от объекта изображения он то намеренно логичен, то полон чувств и образов. В лирических отступлениях, вызванных картинками природы и чувствами героев, встречаются метафоры («ватные подушки облаков», «обжигающая красота», «невидимое силовое поле любви», «музыкальные экзекуции» ...) и эпитеты («хрустальное исполнение», «оскароносная музыка»...). В этих фрагментах Игорь Отчик применяет апострофы и персонификации: «Ах, время, как ты безжалостно! Ты течешь незаметно, унося нас все дальше и дальше от истоков нашей юности к совсем нерадостным берегам». В романе встречаются стихотворения в прозе и яркие тропы. Есть сравнения, несущие дыхание истории и колорит местности («холм, словно древний языческий вождь, хмурится шкурою леса укрытый», «воздух должен быть сухим и горящим — как удар ковбойского кнута, как шорох метко брошенного лассо, как стук копыт диких мустангов, бешено несущихся над выгоревшей травой...»).

А еще автора отличает тонкое чувство языка, обыгрывание связи значения слова с его формой: «...книжек я вообще не читаю. Я читаю книги...». Он творчески подходит к языку, играет с фразеологизмами: «Нет, он не был белой вороной. Он был золотой вороной», использует олицетворения («зябкий ветер одиноко бродил по опустевшим улицам города»). Также авторский стиль отличается многочисленными парафразами: («страна восходящего солнца» о Японии), («таким был один день Владимира Алексеевича, простого советского писателя (вспомним название романа А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»)), «...не раба, а скота должен выдавливать из себя человек» (вспомним афоризм А. Чехова), «глаза бояться, а мозги шеvelются» (изначально известная пословица), «я инглиш бы выучил только за то, что им разговаривал Леннон» (вспомним В. Маяковского), «самые легкие дорогие дорожки ведут не в Рим, а на помойку жизни» (вспомним известную поговорку), «я от девушки ушел, я от бабушки ушел» (изначально сказка), «в муже должно быть все прекрасно — и тело, и мозги, и характер, и зарплата» (вспомним А. Чехова), «книга как источник знаний — это хорошо. Еще лучше — книга как источник мысли» (изначально известная пословица).

В тексте также имеются характерные для стиля автора риторические восклицания и вопросы, часто идущие один за другим, образующие некий каскад, фонтан, водопад размышлений: «А что такое вообще школа в жизни человека? Символ детства, неприятный опыт или фундамент судьбы? Заканчивается ли она с последним звонком или вся человеческая жизнь — это вечная учеба?» Продолжая эту часть стиля автора, хочется спросить: «А что такое книга в жизни человека? Заканчива-

ется ли она с последним прочитанным листом? Кто такой автор произведения в жизни читателя? Уходят ли поэт и писатель из жизни реципиента с прочитанной им книгой?»

Конечно, нет! Любимые книги и авторы всегда с нами. Хочется пожелать книге Игоря Отчика «Беседы шалопаев, или Золотые семидесятые» понимающих и умных читателей, прежде всего, молодых, для которых она будет не только увлекательным чтением и источником знаний, но и побудительным импульсом к осмыслению окружающего мира и своего места в нем.

Книга опровергает известную пословицу, а также мысль Дэйла Карнеги о том, что в спорах не рождается истина, а приобретаются враги. Здесь в каждом споре оппоненты и читатели получают радость познания и удовлетворение от дополнения картины мира новыми красками. А для проверки своей мужской дружбы, подвергающейся испытаниям в отношениях с подругами, герои решают совершить двойной парашютный прыжок, во время которого один прыгает без парашюта, а другой с двумя, чтобы передать его другу в воздухе. Само описание этого прыжка держит читателя в сильнейшем напряжении до последней минуты: успеет ли Сергей принять парашют и раскрыть его. Надо заметить, что любое человеческое творчество отчасти напоминает такой прыжок. Публикуя книгу, автор фактически прыгает в бездну пространства и времени без парашюта — в надежде, что парашют ему передаст читатель, решая вопрос: быть или не быть книге в большой литературе? Я считаю, что этот прыжок Игорю Отчику удался, и его книга способна выдержать испытание временем, оставаясь интересным собеседником для любознательных и мыслящих читателей.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издается на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Редакция этими вопросами не занимается.

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принята ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редакция журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к ним;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в двух номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие издания:

1. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2025.— № 1—4.
2. *Северо-Муйские огни*: Авторский литературный журнал.— 2025.— № 1—6 (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
3. *Московский Парнас*: Вестник Академии российской литературы.— 2026.— № 1. (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
4. *Север*.— 2026.— № 1—2. (Опубликованы материалы Алексея Яшина).
5. *Дым Отечества. В поисках утраченного*: Альманах. Вып. 18 и 19.— Тула: ТППО, 2025. (Опубликованы материалы многих авторов «Приокских зорь»).
6. *Танго с гусиными перьями* (юмор и сатира).— Омск: б/и.— 2025.— 412 с.
7. *Яшин А. А.* Феноменология ноосферы: Глобальное расчеловечивание.— СПб: Изд-во «ЦСЛК на Васильевском», 2025.— 301 с.
8. *Олеся Янгол*. Подарок с неба.— СПб: ООО «Онлайн типография», 2026.— 60 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Бесперстных А. П.* Словарь языка Алексея Яшина.— СПб: «Центр современной литературы и книги на Васильевском», 2024.— 245 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *Алексей Яшин*. Пир в Валгалле: Семейная хроника 21-го столетия.— СПб: «Центр современной литературы и книги на Васильевском», 2024.— 401 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Бесперстных А. П.* Словарь языка Алексея Яшина (вып. 2).— СПб: «Центр современной литературы и книги на Васильевском», 2024.— 225 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
4. *Алексей Яшин*. «А роза упала на лапу Азора»: Триолеты в прозе (новая книга рассказов Николая Андреяновича): Академия российской литературы.— СПб: Изд-во «ЦСЛК на Васильевском», 2025.— 351 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся два автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза;
- поэзия.

Звания лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также ли-

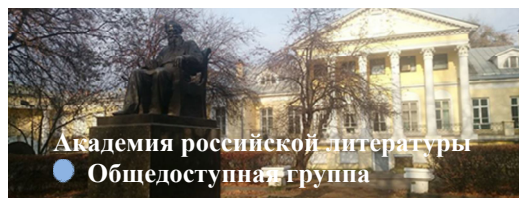
тераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место (и страна) проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений читателей журнала. Читатели «Приокских зорь» приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания. Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним, а также подарочное номерованное издание «Левши» Н. С. Лескова. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявлен конкурс на 2026-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

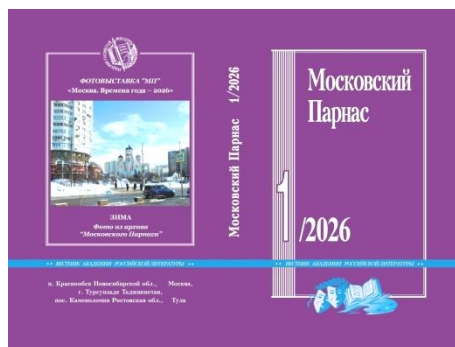
В добрый путь!

НОВОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

* * *

Уважаемые друзья, коллеги, авторы литературного альманаха «Московский Парнас»!

Предлагаем вашему вниманию электронную версию 1-го номера (2026 г.) Вестника Академии Российской литературы — Международного литературного альманаха «МОСКОВСКИЙ ПАРНАС» Всем доброго здоровья и успехов!

* * *

Дорогие друзья, уважаемые коллеги!

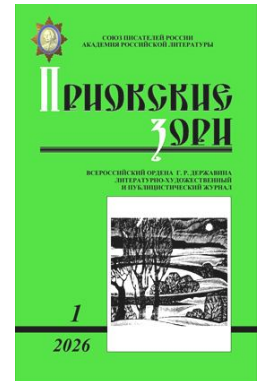

17 марта 2026 года. Дом культуры «ГАЙДАРОВЕЦ». Общее собрание членов АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Ведущий — Председатель Правления Академии российской литературы, главный редактор альманаха «Московский Парнас» Евгений Скоблов. В рамках собрания состоялась презентация свежего номера альманаха «Московский Парнас» — Вестника Академии российской литературы (№ 1 (145), 2026).

В альманахе опубликована рецензия писателя Кирилла Усанина на книгу стихов и сказок «Воздушный мир» (Московская городская организация Союза писателей России, НП «Литературная Республика», 2022). Название рецензии — «Над воздушным миром».

* * *

Дорогие друзья! Вышел в свет № 1, 2026 всероссийского литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». Вы можете познакомиться с его содержанием по ссылке: http://www.pz.tula.ru/2026/pz_1_2026.pdf

К сожалению, усложнение процедур оплаты и заказов на продукцию бюджетных организаций не позволяет Издательству ТулГУ, которое печатает на коммерческой основе наш журнал, выполнять индивидуальные заказы (сложные по форме и объему затраты времени) без заключения соглашений с каждым автором. Опять же и почта России принимает к отправке только заказные бандероли 1-го класса, что удорожает стоимость заказа в полтора раза. Словом, ситуация — «овчинка выделки не стоит», хотя бы наша «овчинка» и является высококлассным литературным журналом.

Но есть выход, которым воспользовались некоторые авторы нашего журнала. По Вашей просьбе мы высылаем Вам (бесплатно) оригинал-макет вышедшего номера (в PDF), а Вы печатаете нужное Вам количество экз. в местной (они есть сейчас во всех городах, включая райцентры!) типографии оперативной (электронной) печати от 1-го экз. Тем самым заодно сэкономите на отсутствии пересылки.

А вот жители Тулы могут заказать печать в Издательстве ТулГУ.

Извините, но таковы обстоятельства. По установившейся традиции прилагаем

материал «Колонки главного редактора» к данному номеру журнала (редакции литературных журналов могут опубликовать его без согласования с нами).

С уважением, редакция «Приокских зорь»

* * *

Правление и коллектив Академии сердечно поздравляют с днем рождения члена Союза писателей России, Правления Академии РЛ известного российского прозаика, поэта и публициста **Ольгу Карагодину**, желают доброго здоровья, больших творческих свершений и благополучия! Ольга Геннадьевна как активный член Правления Академии, проводит большую работу по популяризации и продвижению творчества современных авторов в ГИС Интернет и печатных изданиях, в том числе в вестнике Академии — Международном литературном альманахе «Московский Парнас». Является администратором интернет-ресурсов Академии, осуществляет фото- и видеосопровождение творческих мероприятий, принимает самое активное участие в решении множества организационно-технических вопросов. Автор более двух десятков книг и более 150 публикаций в литературно-художественной периодике, лауреат отечественных и международных литературных конкурсов. Отмечена многими литературными наградами.

Коллектив Академии и коллеги из других творческих объединений выражают Ольге Геннадьевне сердечную признательность за ее отзывчивость и готовность оказать помощь в решении вопросов (порой непростых), связанных с творчеством.

* * *

В Москве прошло расширенное заседание Секретариата Правления Союза писателей России. В работе приняли участие В. Р. Мединский, Н. Ф. Иванов, В. В. Дуда, а также представители органов власти, руководители литературных организаций и известные писатели — члены СПР.

Заседание стало продолжением серии рабочих встреч. Ключевые вопросы обсуждались в том числе и на расширенном Секретариате СПР 30 января с участием М. Ю. Барщевского, А. С. Салуцкого, С. Ю. Рыбаса и других.

В течение последних месяцев шла активная работа по выработке новых организационных решений для развития Союза.

Главным итогом заседания стало утверждение критериев приема в Союз писателей России и правил перерегистрации членов СПР: sprf.ru/news/prinyu...

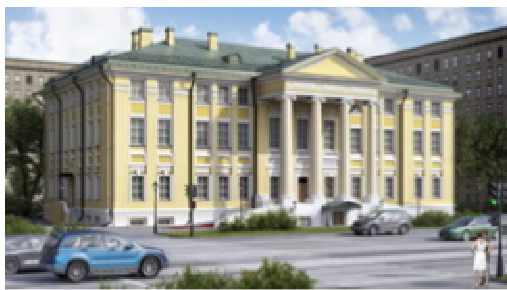
Решение было принято единогласно.

Принятые изменения направлены на совершенствование работы Союза, формирование прозрачных правил вступления и дальнейшее укрепление профессионального литературного сообщества страны.

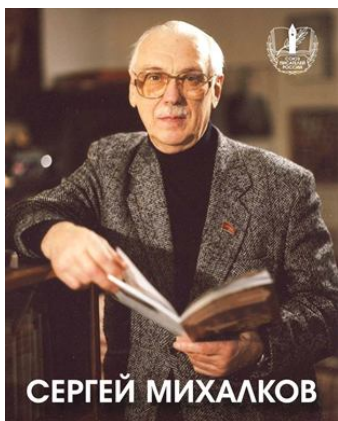

Информационная группа Академии российской литературы

НОВОСТИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Сегодня, 13 марта, день рождения Сергея Владимировича Михалкова — выдающегося русского поэта, классика детской литературы и автора текстов Государственного гимна СССР и России.

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

«Я взял сборник и начал читать, и вдруг понял: что ни стихотворение, то шедевр. Причем, дело не в том, что это хорошие стихи, а дело в том, что ты абсолютно точно понимаешь, что только человек с очень детским, чистым сердцем мог писать такие стихи, которые как бы написаны самим ребенком. Поэтому, конечно же, лицом к лицу — лица не увидать, большое видится на расстоянии, и я думаю, что вот такого рода поэзия, когда человек пишет от имени ребенка и с душой ребенка, — она вечная. Дети, так или иначе, ну, может быть через какое-то время, будут сидеть в гаджетах и у них будет искусственный интеллект, — тогда не понадобится Михалков. Но вот до тех пор он будет нужен, и я очень хочу, чтобы его читали», —

член Правления СПР, режиссер Никита Михалков об отце, Сергее Михалкове.

Его стихи знают наизусть несколько поколений читателей. «Дядя Степа», «А что у вас?», «Праздник непослушания» — эти книги стали частью детства миллионов людей. Но вклад Михалкова в культуру страны гораздо шире: он был одним из тех писателей, чье слово стало символом эпохи и национальной памяти.

Сергей Михалков многие годы был связан с писательским сообществом страны и внес огромный вклад в развитие Союза писателей и отечественной литературы.

Скоро в здании Союза писателей России на Комсомольском проспекте, 13 откроется мемориальный кабинет Сергея Михалкова. Это важный шаг в сохранении памяти о писателе, чьи книги и сегодня продолжают воспитывать новые поколения читателей.

«Каждая хорошая детская книга — это праздник для тысяч юных граждан планеты Земля».

И книги Сергея Михалкова действительно стали таким праздником.

* * *

15 марта 1924 года родился Юрий Васильевич Бондарев — выдающийся русский писатель, фронтовик, один из крупнейших представителей «лейтенантской прозы».

«О таких, как Юрий Бондарев, ломались стрелы на фашистских картах. О таких, как писатель Юрий Бондарев, тупились перья графоманов и лжеисториков, потому что достичь литературных и нравственных высот им не получалось. И не могло по-

лучиться. Потому что Бондарев был командиром артиллерийской батареи переднего края, прямого выстрела по врагу, а его идеологические противники и антиподы — командирами всего лишь батарей шумовых, располагавшихся далеко от линии фронта». — Николай Иванов, ответственный секретарь Правления СПР о Юрии Бондареве.

Участник Великой Отечественной войны, командир артиллерийской батареи, он прошел через Сталинград, форсирование Днепра, освобождение Киева.

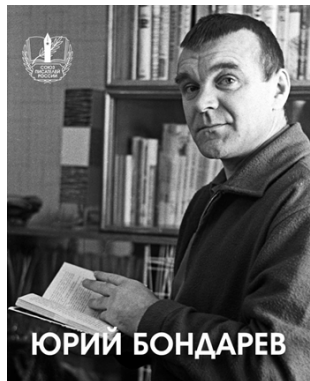
За мужество был награжден боевыми наградами, в том числе медалью «За отвагу». Опыт фронтовой жизни стал основой его литературы — честной, суровой и глубоко патриотичной.

Бондарев — автор произведений, ставших классикой русской военной прозы: «Батальоны просят огня», «Горячий снег», «Тишина», «Берег». Его книги — не только о войне, но и о нравственном выборе человека, ответственности перед Родиной и историей.

Особое место он занимает и в истории Союза писателей России. В тяжелые для страны годы, с 1990 по 1994-й, Юрий Бондарев возглавлял СПР, оставаясь для писательского сообщества моральным ориентиром и защитником патриотической традиции русской литературы.

Как вспоминал ответственный секретарь СПР Николай Иванов, Бондарев был человеком переднего края — и на фронте, и в литературе. Он считал, что литература не должна обороняться — она должна наступать, защищая правду, память и честь страны.

Сегодня его имя остается символом служения Отечеству, высокой нравственности и силы русского слова. Писатель-фронтовик, который до конца оставался на своем духовном рубеже.

Александр Палладин (верный друг и постоянный автор «Приокских зорь»):

На всю жизнь запомнил его выступление в 1988 году на партконференции, когда уже вовсю шла «катастрофка» и он первым осмелился поставить под сомнение «мудрую» политику Горбачева и его камарильи. В своем выступлении Бондарев сравнил тогдашнего кремлевского правителя с командиром экипажа авиалайнера, поднявшим джамбо-джет в воздух, но не знавшим, куда лететь и где приземлиться. Как тогда на Юрия Васильевича накинута свора горбачевских лизоблюдов и прихлебателей! «Товарищ не понимает... Ату его!» — и согнали с трибуны под улюлюканье. А ведь Бондарев оказался прав...

* * *

Сегодня, 17 марта, день рождения Бориса Николаевича Полевого — выдающегося русского писателя, военного корреспондента и общественного деятеля, чья книга «Повесть о настоящем человеке» стала одной из самых известных книг о мужестве и силе человеческого духа.

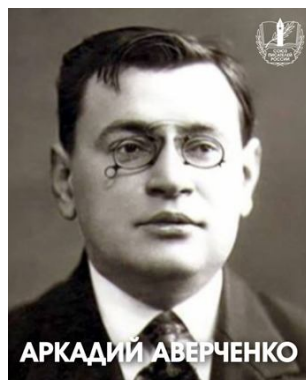
«С таким народом войны не проиграешь!» (Борис Полевой, «Повесть о настоящем человеке»).

* * *

Сегодня 145 лет со дня рождения Аркадия Аверченко. Один из самых точных и остроумных русских сатириков родился 27 марта 1881 года.

И если вам кажется, что хороший юмор в литературе — редкость, то достаточно открыть Аверченко, чтобы убедиться в обратном.

Он умел писать смешно, не упрощая человека, и иронично, не теряя сочувствия к нему. Именно поэтому его проза не устарела: в ней по-прежнему узнаются характеры, интонации, нелепости, слабости и правда простого человека, без которой не бывает настоящей литературы.

* * *

В Туле прошла книжная ярмарка «Тула читает!»

С 23 по 25 апреля атриум Тульского кремля стал точкой притяжения для всех ценителей литературы: на его площадке состоялась книжная ярмарка «Тула читает!». Масштабное событие провел Союз писателей России в рамках проекта «Центр культурного притяжения — Россия» при поддержке Президентского фонда культурных инициатив.

Ярмарка нового формата «Тула читает!» — часть всероссийского проекта, охватившего десять городов. Атриум Тульского кремля превратился в место силы для всех, кто живет литературой: издатели представили свои лучшие книги, авторы нашли новых читателей, а туляки смогли задать вопросы писателям и поэтам.

Выбор площадки для ярмарки не случаен. Кремль — символ защиты и опоры, олицетворяющий продолжительную историю города оружейников. Его атриум — современное и удобное пространство для встреч и открытий. В этом единстве истории и наших дней — ключевая идея ярмарки «Тула читает!»: здесь классика встретила с новыми именами, а традиции русской литературы обрели свежее звучание.

В течение трех дней туляков и гостей города ждала программа такая же многогранная, как и литература в целом. Центральным событием стала большая книжная ярмарка с участием ведущих российских издательств, таких как «МИФ», «АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР», «Детская литература», «Проспект», «АЛЬМА МАТЕР» и другие. Они привезли в Тулу свои самые яркие новинки и издания, уже завоевавшие интерес

читателей. Особый акцент в книжном ассортименте был сделан на изданиях по истории Отечества и культуре народов России. Например, издательство «Grafo» представило новую серию для детей «Тысячи городов — миллион историй», в которой уже вышли издания об Уфе, Казани, Рязани, Москве, Санкт-Петербурге и готовится книга о Туле. Государственный исторический музей, Государственная публичная историческая библиотека России, Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле» и Тульский историко-архитектурный музей вместе с тульскими издательствами приняли участие в книжной ярмарке.

Были запланированы творческие встречи с современными российскими авторами. Почетными гостями ярмарки стали: публицист, поэт и участник СВО Алексей Шорохов, писатель, секретарь Правления Союза писателей России Николай Иванов, публицисты, члены СПР Ольга и Наталья Артемовы, поэт и переводчик Александра Матрусова, прозаик, член СПР Сергей Бережной, писатель и иллюстратор Татьяна Рик, поэт Елизавета Хапланова. Прошли презентации новых книг, открытые дискуссии о прошлом и будущем литературы, книжные выставки. Не обошли стороной и любителей кино: в дни ярмарки состоялся показ документального фильма «Гомеры Русской весны».

Программа ярмарки выстроена так, чтобы интересно было каждому гостю — от мала до велика. Для детей и их родителей подготовлены встречи с писателями Татьяной Рик, Ольгой и Натальей Артемовыми, Александрой Матрусовой, чтецкий конкурс «Моя Россия», серия творческих мастер-классов, сказочный лототрон для самых маленьких «Богатырские истории».

Для аудитории всех возрастов была предусмотрена первая встреча книжных клубов Тулы. Это возможность для любителей чтения познакомиться друг с другом, рассказать о принципах выбора книг, обсудить любимые издания.

Патриотическое направление программы объединили мероприятия, посвященные истории Великой Отечественной войны и специальной военной операции. Также успешно прошла серия мероприятий от Тульского отделения Союза писателей России, адресованная профессиональному литературному сообществу.

* * *

КРИТЕРИИ НАЦЕЛЕНЫ НА КАЧЕСТВО

В рамках Книжного фестиваля «Тула читает» прошло общее собрание Тульского регионального отделения СП России.

Вопросы, которые были предложены для включения в повестку дня, касались буквально всех сторон жизни общества — от сохранения исторической памяти и чистоты русского языка до ответственности писателя за качество создаваемых произведений и борьбы с русофобией.

Была и еще одна тема, которая в итоге стала главенствующей на собрании, — творческая переаттестации писателей.

На эти вопросы в большей степени отвечали участники Книжной ярмарки — Ответственный секретарь Правления Н. Иванов и заместитель Ответственного секретаря Правления по региональной политике и творческим вопросам Е. Хапланова.

Как отметил Н. Иванов, больше всего выражают недовольство установленными критериями те, кто вообще не состоит в Союзе писателей, и те, кто «вдруг» обнаружил, что за годы пребывания в Организации не написал, по сути, ни одной книги, творческая активность (не путать с активностью общественной) на нуле, связь с коллективом практически утеряна и т.д.

— Остальным волноваться нечего, наша общая задача — не потерять ни одного талантливого литератора, воздать должное тем, кто все эти годы сохранял наш Со-

юз,— подчеркнул Н. Иванов.— Регламент проведения перееаттестации во многом разработан с учетом мнения региональных руководителей, поэтому продолжаем работать спокойно и выверенно.

На собрании присутствовало большинство членов организации, что дает основание надеяться, что состоявшийся разговор будет донесен до каждого члена СП России. В целом коллектив региональной организации продемонстрировал сплоченность, понимание поставленных временем задач и готовность их решать.

ТУЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Председателю Правления ТРО СПР **Николаю Жукову** вручили Благодарственное письмо от Министра внутренней политики и развития местного самоуправления Д.О. Ярцева Тульскому региональному отделению «Союз писателей России» за высокую социальную ответственность, эфективную работу, высокий профессионализм и большой вклад в развитие гражданского общества Тульской области.

СЛОВО ПРАВДЫ ПРОТИВ РУСОФОБСКОЙ ЛЖИ

Тульское региональное отделение «Союз писателей России» в рамках проекта «Слово правды против русофобской лжи» при финансовой поддержке Министерства внутренней политики и развития местного самоуправления в Тульской области и Фонда президентских грантов в лице Председателя Правления и руководителя проекта Жукова Николая Алексеевича провело знаковое и значимое для студентов мероприятие в ГПОУ ТО «Богородицкий политехнический колледж» г. Богородицка (директор Абинякина Т. Н.) «Слово правды против русофобской лжи».

Прозвучали авторские стихи руководителя проекта, с яркой демонстрацией авторских видеороликов на экране по главным направлениям борьбы за правду против оголтелой западной русофобской лжи:

Русский мир — правда и ложь;
Русский язык — правда и ложь;
Культура и искусство — правда и ложь;
ВОВ И СВО — правда и ложь.

Присутствующие стоя прослушали песню, посвященную участникам СВО, — «МЫ СВОИХ НЕ БРОСАЕМ» (автор Н. Жуков) и бурными аплодисментами поблагодарили руководителя проекта Николая Алексеевича Жукова за неординарное и столь важное мероприятие.

* * *

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ЖУРНАЛИСТ

Сегодня Тула простилась с **Борисом Анатольевичем Играевым** — легендарным журналистом, который стал целой эпохой этой профессии в Тульском регионе. Когда он руководил молодежной газетой «Молодой коммунар», она стала кузницей кадров новой России, в которой мы теперь живем. Затем он возглавил отделение Союза журналистов России, создал первую в регионе кафедру журналистики при Тульском государственном университете. И все, что делал этот уникальный человек, совмещается со словом «первый», — выпустил первую энциклопедию тульской журналистики, создал первый Музей журналистики с уникальными экспонатами...

И главное, он всегда оставался Человеком с большой буквы — никого не предавал и не обманывал, всем помогал и обо всех заботился. И потому в нашей памяти он навсегда останется не только легендарной журналистикой, но и добрым, мудрым, порядочным человеком!

Валерий Маслов,
член Союза журналистов СССР с 1976 года

* * *

За верность традициям отечественного образования

Член Тульского регионального отделения Союза писателей России **Владимир Сапожников** по решению Международной ассоциации ученых, преподавателей и специалистов (Академия Естествознания) награжден медалью «За верность традициям отечественного образования»

* * *

18 марта 2026 года состоялась рабоче-творческая встреча директора Тульской областной филармонии **Елены Рудневой** и писателя **Николая Макарова**.

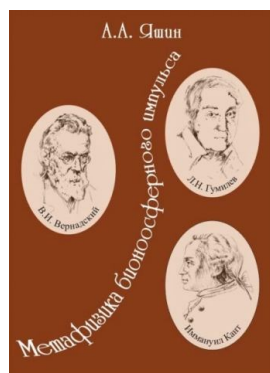

В ходе встречи Н. Макаров рассказал о своей службе в Воздушно-десантных войсках, о своем творчестве, также обсуждались вопросы дальнейшего сотрудничества. По окончании Е. Руднева приняла в дар с автографами книги писателя «Композиторы, дирижеры, музыканты, артисты оперы и балета СССР» (А. Труба, Н. Макаров) и «Детство и отрочество военного врача».

* * *

Вышла в свет новая книга А. А. Яшина

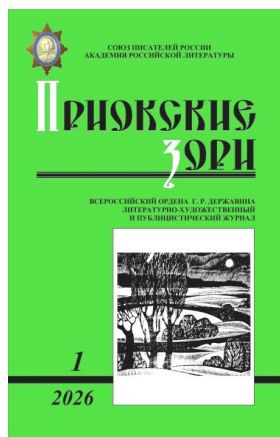
Памяти великого русского и советского ученого, создателя учения о ноосфере Владимира Ивановича Вернадского (1863—1945) посвящена книга А. А. Яшина «Феноменология ноосферы: Метафизика бионоосферного импульса». Монография из серии «Живая материя и феноменология ноосферы», Том 22 (2026, СПб: Изд-во «ЦСЛК на Васильевском»).

«ТВОРЧЕСТВО В ТУЛЕ»

Новое тульское сетевое сообщество в Интернете

Сообщество «Творчество в Туле» создано в ВКонтakte 21 декабря 2025 г., объединяет творческих людей города Тулы и области и рассказывает о разнообразном искусстве. Адрес в Интернете: <https://vk.com/club234767664>

Дорогие друзья!

В литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори» (№ 1, 2026) опубликована статья «О сообществе «Творчество в Туле», в которой главный редактор Юлия Зимина-Кондакова рассказывает об основной цели сообщества, его редакторах... Статья носит ознакомительный характер. Хочется, чтобы о нашей интересной и разнообразной группе узнало как можно больше читателей, а талантливые люди делились своим творчеством, радуя других!

Дорогие читатели «Творчества в Туле», продолжаем знакомство с известным российским писателем Алексеем Яшиным (Тула) и предлагаем вам новеллу из его книги «А роза упала на лапу Азора».

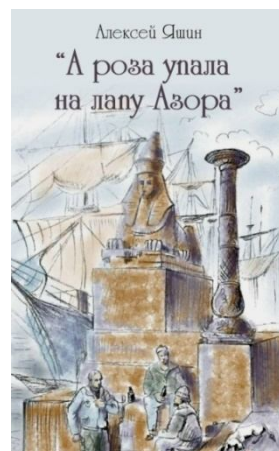
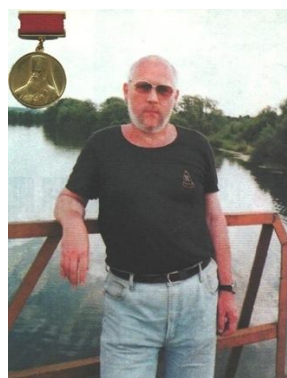
С информацией об Алексее Афанасьевиче Яшине вы можете познакомиться по адресу:

https://vk.com/club234767664?w=wall-234767664_1199

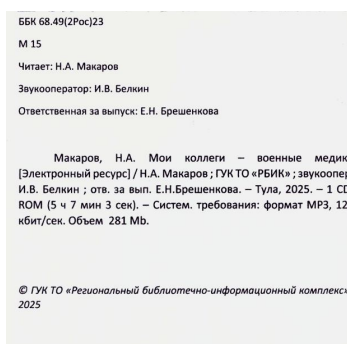
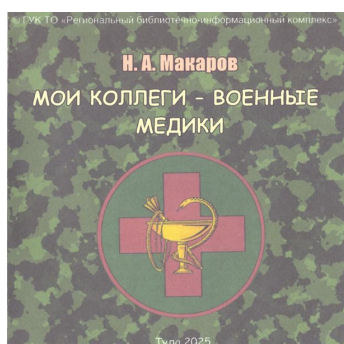
Алексей Яшин в Интернете:
www.pz.tula.ru/pzVgr.html

Как министр за яснополян-ского мудреца заступился

(Далее следует текст новеллы...)

НОВОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

В декабре 2025 года Тульской областной специальной библиотекой для слепых выпущен аудиодиск книги в авторском исполнении **Николая Макарова** «Мои коллеги — военные медики» (5 ч. 7 мин. звучания).

* * *

25 февраля 2026 года в Тульском государственном музее оружия состоялась презентация книги А. С. Трубы и Н. А. Макарова «Казачи и кавалеристы СССР и РФ», посвященной 85-й годовщине героической обороны Тулы, проводимой в рамках Года единства народов России.

Презентацию открыла заведующая Библиотечно-информационным центром «Оружие. Память. Патриотизм» Елена Кусая, подчеркнув, что данная книга является уникальным изданием справочной литературы, как и остальные девять книг этих авторов, подаренных библиотеке за четыре года.

С видеообращением и приветственным словом обратилась директор Новочеркасского музея истории Донского казачества, заслуженный работник культуры РФ Сединко Светлана Алексеевна.

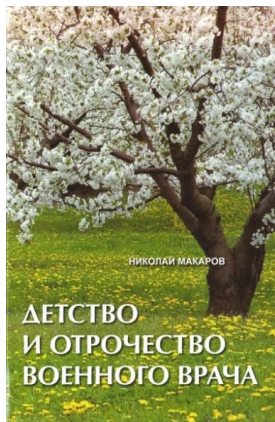
Среди выступающих — Тульский городской атаман Жучкин Валерий Валерьевич; заведующая Центральным музеем российского казачества (Москва) Повх Ирина Вячеславовна; заведующий филиалом «Станично-Луганский краеведческий музей», имеющий второе название «Станично-Луганский музей Донского казачества» Соколов Вячеслав Борисович; главный тренер Тульского отделения по рубке шашкой Всероссийской федерации «Казарла» Чепурнов Олег Владиславович; научный сотрудник МБУК «Одоев — город музеев» Корочкин Дмитрий Иванович; заведующая научно-фондовым отделом Музея Ивлева Ольга Борисовна и др.

Участников презентации приятно порадовало выступление детского творческого коллектива казачьей песни и пляски «Казачок».

По окончании мероприятия авторы книги Анатолий Труба и Николай Макаров подарили книги со своими автографами.

От Союза писателей России в мероприятии принимал участие Владимир Деев.

* * *

В Туле вышла в свет книга Николая Макарова «Детство и отрочество военного врача» с предисловием члена Правления Союза писателей России Анатолия Трубы.

(Тула: Изд-во «Аквариус», 2026.— 220 с.— Тираж — 300 экз.)

Редакция и редколлегия Всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» с глубоким прискорбием сообщает, что 13 апреля 2026 года на 71-м году жизни скончался постоянный автор нашего журнала, публицист, генеолог, краевед, биограф фабриканта и промышленника Ричарда Ричардовича Гилля, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ветеран МВД России, полковник милиции в отставке Валентин Михайлович Огнев.

Валентин Михайлович родился в 1956 г. в д. Вишневая Становлянского района Липецкой области в семье сельских тружеников. По окончании средней школы он уехал в г. Щекино, где окончил профессионально-техническое училище, затем был призван в ряды Советской Армии, служил в авиации. После демобилизации вернулся в Щекино и был приглашен на службу в милицию. Окончил Высшую школу милиции МВД СССР. Прошел служебный путь от младшего инспектора уголовного розыска до начальника милиции общественной безопасности, от рядового до полковника, награжден правительственными и ведомственными наградами. Оставаясь сотрудником правоохранительных органов, будучи патриотом своей Родины, в том числе и малой Родины, он в душе всегда был краеведом, историком, мыслителем. Выйдя в отставку, Валентин Михайлович целиком посвятил себя изучению истории своей малой Родины, своей родословной. Краеведческими книгами, публицистическими материалами в СМИ и социальных сетях, написанными на основе глубокого изучения архивных документов и огромного жизненного опыта, Валентин Михайлович обогатил историческими знаниями общественность Ефремовского и Щекинского районов, внес огромный вклад в краеведческую отечественную литературу. Продолжая заниматься архивными исследованиями, он неизменно вел активную общественную деятельность: встречался с учащимися и студентами в школах, училищах, художественно-краеведческих музеях Щекино и Ефремова, приглашался на областное радио.

Своими краеведческими изысканиями В. М. Огнев формировал у людей чувство сопричастности к историческому, настоящему и будущему своего города, своего края и старался сохранить историческую память и самоидентичность. Он оставил огромное культурное и историческое наследие, сохранить которое — обязанность нынешнего и будущего поколений.

Меня с Валентином Михайловичем связывало большее, нежели журнальная деятельность. В прошлом он мой непосредственный начальник, коллега по краеведческому и творческому пути, хороший и добрый старинный товарищ.

Валентин Михайлович ушел в праздничные, Пасхальные дни. Существует поверье, что в эти Священные дни Врата Господа для всех ушедших открыты. Царствия ему Небесного и Вечная Память!

*Руководитель творческого совета журнала «ПЗ»
Геннадий Маркин.*

Редакция и редколлегия Всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» выражают глубокое соболезнование родным и близким скончавшегося Валентина Михайловича Огнева.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ СТИХОТВОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) поля файла обычные;
- 2) фотографию автора размером 4×5 см поместить справа;
- 3) имя и фамилию автора (шрифт, размер 14,— полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);
- 4) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт общего названия: размер 16 — полужирный.
- 5) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — одинарный;
- 6) текст стихотворений выравнивать по левому краю с отступом 3...4 см (в зависимости от длины строк), шрифт — обычный. Заголовки (названия) стихотворений размещать по центру стихотворения, шрифт — полужирный;
- 7) стихотворения не присылать «на выбор», общий объем представленного материала — не более 5—7 стихотворений (шрифт Times New Roman, размер 14, междустрочный интервал — единичный). Для поэз объем материала может быть увеличен.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.
2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ ПРОЗАИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле с фотографией. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) фотографию автора — поместить справа (размер фотографии — 4×5 см);
- 2) имя и фамилию автора (шрифт: размер 14, полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);
- 3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже, левее фотографии, выравнивание по левому краю (шрифт: размер 16, полужирный, регистр — все прописные);
- 4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — 1,5;
- 5) общий объем одного представленного материала — не более 10—12 стандартных страниц формата А4 (шрифт: размер 14, Times New Roman, междустрочный интервал — 1,5). Если фактический объем превосходит 10—12 стр., то следует его сократить до необходимого объема с сохранением сущности или самой идеи повествования. При этом делается ссылка: «печатается с сокращениями». В противном случае авторскую правку придется выполнять редакции.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.
2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: astashkin_55@mail.ru — зав. отделом прозы Евгению Ивановичу Асташкину; поэзию — по адресу: timohin63@yandex.kz — зав. отделом поэзии Николаю Николаевичу Тимохину.

С уважением,
редакция журнала «Приокские зори»

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Всероссийский
литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: А. А. Яшин, Я. Н. Шафран, Е. И. Асташкин
Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 30.06.2026
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ № 061к

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20